

ДУША АРМИИ

*Русская военная эмиграция
о морально-психологических основах
российской вооруженной силы*

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Российский военный сборник
Выпуск 13

ДУША АРМИИ

*Русская военная эмиграция
о морально-психологических основах
российской вооруженной силы*

МОСКВА
ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НЕЗАВИСИМЫЙ ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«ОТЕЧЕСТВО И ВОИН»
РУССКИЙ ПУТЬ

1999

Выпуск подготовлен в Военном университете по заказу и при поддержке Независимого военно-научного центра «Отечество и воин».

Председатель Совета Ю.Ю. Попов
Генеральный директор Г.Г. Тупикин

Составитель: И.В. Домнин

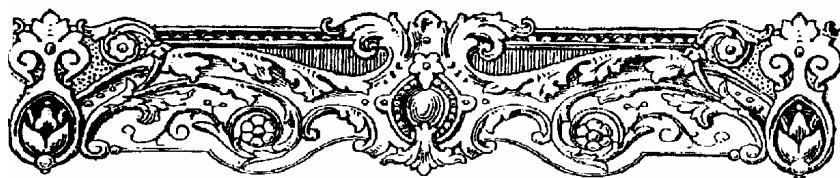
При участии: А.К. Быкова, А.Б. Григорьева, Ю.Т. Белова

Редактор тринадцатого выпуска
«Российского военного сборника» А.Е. Савинкин
Ответственный за выпуск И.В. Домнин

Очередной выпуск «Российского военного сборника» обращается к духовному возрождению армии, без которого невозможно реформирование и эволюционное совершенствование военной системы России. Проблема «души армии» является ключевой не только для развития российской военной мощи, но и для понимания причин ее упадка, путей и факторов восстановления. Теоретические положения и выводы, содержащиеся в богатом духовном наследии русской военной эмиграции, не только подтверждаются всей военной историей России. Они — потенциал укрепления духа и традиций российской армии. Усвоить этот бесценный капитал — долг и прямая обязанность всех военных руководителей, генералов и офицеров.

Генерал-майор запаса Ю. Попов

- © Российский военный сборник, 1997
- © Независимый военно-научный центр «Отечество и воин», 1997
- © Домнин И.В. Составление, введение, Заключение, сведения об авторах, 1997

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ. ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ..... 8

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ДУША РОССИИ. И. ШМЕЛЕВ 10

Н. ГОЛОВИН. ОБШИРНОЕ ПОЛЕ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ.. 13

П.Краснов как ревнитель военной психологии. - Будущая Российская Армия должна опираться на духовный капитал предшественников. - Индивидуальная и коллективная военная психология. - Морализующая роль религии на войне. - Война как своего рода социальный невроз. - О психологии толпы. - Изменения в психической структуре войны.

П. КРАСНОВ. Д У Ш А А Р М И И..... 35

Необходимость изучения военной психологии. - Страх как чувство, царящее на войне. - Гамма психических явлений. - Храбрость и ее разновидности. - Ужасы войны. - “Молись Богу: от него победа”. - Механические средства воздействия на душу человека. - Толпа, мода как нравственная зараза. - Войско как психологическая толпа. - Паника. - Ответственное мнение как фактор боеспособности армии. Русское общество в 1812-м и 1914-1917 г.г. - Настроения армии накануне и в ходе 1-ой Мировой войны. - Значение морального воспитания народа. - Армия - школа патриотизма. - Гипноз и сила приказа. - Знамя “существует для того, чтобы поднять нашу душу...” - Сомкнутый строй, полковой мундир и их воспитательное значение. - Яд атеизма. - Воспитание и военно-государственная миссия офицера.

***Н. КРАИНСКИЙ. ВОЕННЫЙ ЭКСТАЗ И ПРОСТРАЦИЯ КАК
ФАКТОРЫ БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ..... 151***

Боевой дух армии есть военная сила. - Прострация - фактор, предопределяющий поражение. - Экстаз - двигатель победы, но кратковременный и надо уметь им пользоваться.

А. ПОПОВ. ФИЛОСОФИЯ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ 156

“Дисциплина - душа армии”. - Определение и содержание дисциплины. - Воинская дисциплина есть воинская нравственность. - Эволюционный характер нравственности общегражданской и относительно неизменный - нравственности военной. - Возвышенность требований военной ”практической морали”. - Воинское воспитание как средство создания нравственных навыков. - Духовная крепость офицерского корпуса.

А. КЕРСНОВСКИЙ. КАЧЕСТВА ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА..... 191

Категории воинских добродетелей. - Основные воинские добродетели: дисциплина, призвание, прямотушие. - Специальные качества: инициатива, честолюбие, храбрость. - Военная этика и воинская этика. - Ум и воля.

В. ДОМАНЕВСКИЙ. СУЩНОСТЬ КОМАНДОВАНИЯ 208

Командовать значит уметь повиноваться и заставить повиноваться. - Командовать значит согласовывать требования с нравственным уровнем подчиненных. - Прививать вкус к ответственности. - Моральная подготовка с учетом национального характера - залог успешного командования и победы.

Е. НОВИЦКИЙ. НЕИЗРЕЧЕННАЯ КРАСОТА ПОДВИГА..... 218

Что такое подвиг? Несообразность Георгиевского статута с современным боем. - Истинные признаки подвига. - В неотмеченных, негромких, но подлинных подвигах искрятся все цвета Божьей радуги.

***А. БАИОВ. ВОСПИТАНИЕ АРМИИ И ИДЕИ ГРАФА Л.Н.
ТОЛСТОГО 223***

Внимание руководителей армии к нравственному элементу.
- Антигосударственная деятельность революционеров и

либеральной интеллигенции накануне войны с Японией. - Разлагающее воздействие на армию и народ антивоенных брошюр Л.Н.Толстого. - Поход великого писателя против патриотизма. - Урок для будущего строительства российской вооруженной силы.

***Н. КОЛЕСНИКОВ. О СТРАТЕГИИ ДУХА И ПРЕЖНИХ ОШИБКАХ* 232**

Недооценка человечеством требований современной войны в идеологической сфере. - Агитация и пропаганда как средство вооруженной борьбы. - Зачаточное состояние науки, имя которой "Стратегия Духа". - Военные неудачи России в XIX и начале XX в.в. - Нежелание говорить честно об ошибках. - Неискренность "белых" вождей. - Нелепости воинского воспитания в дореволюционной России. - Результативность политпросвещения в Красной Армии.

***Е. ШЕЛЛЬ. ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ АРМИИ* 242**

Идеи как элемент управления. - Армия есть концентрированная нация, военно-политический центр. - Духовный военный потенциал. - О положении армии в будущей России. - Политическим обеспечением должен заниматься особый кадр офицеров. - Сотрудничество армии с гражданской школой. - Церковь и армия. - Духовный руководитель части.

***Е. МЕССНЕР. ДУХ ОФИЦЕРА В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ* 257**

Офицерская духовная наследственность и военно-духовное сознание. - Гражданский дух в офицере. Офицер - особенный вид гражданина. - Этическая база офицерского духа. - "Быть рыцарем не нося знаков рыцарского достоинства".

***ПРИЛОЖЕНИЕ* 267**

П.Краснов. Накануне войны. - *П.Краснов.* По поводу рассказа А.И.Куприна "Последние рыцари".

***ЗАКЛЮЧЕНИЕ. "ДУША АРМИИ". ВЗГЛЯДЫ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ. И. ДОМНИН* 284**

О понятии "Душа армии". - Морально-психологические основы российской вооруженной силы. - Выводы.

ХРАНИТЕЛИ ДУШИ РУССКОЙ АРМИИ..... 334

Сведения о военных писателях эмиграции, авторах работ, представленных в сборнике. Сост. И.Домнин

* * *

**ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА
ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ. А. САВИНКИН 354**

Петровская традиция. - Значение морального фактора. -
Духовное измерение военной реформы.- Исторический дух
предстоящей военной реформы.

**ДУХОВНЫЕ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА.
СЛОВАРЬ..... 387**

В оформлении обложки использован фотофрагмент (шашка) из издания:
Дуров В.А. Ордена России. - М.: Воскресение, 1993.

Тексты печатаются с сокращениями, за исключением работы П.Краснова
“Душа Армии”. Отдельные мысли (фразы, слова) выделены: в тексте
работы П.Краснова “Душа Армии” - автором; в остальных случаях - со-
ставителем. Стилистика, пунктуация, ссылки в первоисточниках сохране-
ны, как правило, в соответствии с авторскими оригиналами.

Духовный смысл русской военной эмиграции

300 лет назад Петр I приступил к созданию регулярной вооруженной силы. Ее двухвековым самоотверженным ратным трудом крепло и ширилось государство российское, утверждаясь в ранге мировой державы. Но после небывалого взлета русского военного искусства екатерининских времен начался его постепенный упадок. Профессиональное войско превращалось в “вооруженный народ”, лишенный боевого духа, более угрожавший своей стране, нежели противнику...

Минуло 80 лет с того рокового для России 1917 года, когда ее Императорская армия, истекавшая кровью на фронтах мировой войны, разложенная революционной анархией и пропагандой, фактически перестала существовать. Но дух русской армии с удивительной силой вспыхнул в сердцах офицеров, не желавших мириться с нашествием большевизма и ставших под знамена белой борьбы. “Если бы в этот трагический момент нашей истории, - писал впоследствии А.Деникин, - не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступлений советской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину, - это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей Старого Континента... К счастью, мы принадлежим к замученному, но Великому Русскому Народу.” Кадровое офицерство в массе своей встало в вооруженные ряды противников Октября: свыше семидесяти процентов состава Генерального штаба не признали новой власти, по существу возглавив российскую контрреволюцию. Тем самым костяк Императорской армии закономерно явил должный державный консерватизм, ту охранительно-государственную силу, которые непременно отличают армию как “центральную цитадель нации”.

По внешним признакам Гражданская война белыми была проиграна, но победу их духа возглашали крупные русские умы - И.Бунин, П.Струве, И.Ильин, И.Шмелев и другие. Не погибла душа Русской армии. "Подпольно" жила она и в рядах красноармейцев, но главным ее хранителем стало воинство эмиграции. Там, на чужбине, в многочисленных союзах, полковых объединениях, обществах и кружках, на высших военно-научных и военно-училищных курсах шла напряженная интеллектуальная работа. "Кипела инициатива" по осмыслению всего случившегося с Россией, извлечению уроков, сбережению родной военной истории, изучению современного военного дела, созданию теоретических основ для "будущей российской вооруженной силы". **В этом труде являли себя самобытная русская военная культура, неумиряющее творческое начало Русской Армии.**

В своем творчестве военная эмиграция особое внимание уделяла фактору духа: воспитанию, морально-психологическому состоянию, нравственному и политическому здоровью армии. Их, изгнанников, Слово - ничто иное, как **отеческое назидание нам от последнего поколения Российской Императорской армии** о ее духовном опыте, о ее душе, мост преемственности из нашего "вчера" в наше "завтра".

Важнейшее в их наследии - вывод о преобладании духа над материей. Духу - первая забота, духовному развитию армии - главное внимание. Прежде чем оснащать войска мощной техникой, следует думать об их нравственной и умственной силе. Безопасность стране обеспечена лишь тогда, когда оружие находится в руках высокоорганизованного, обученного, воспитанного личного состава. Никаких военных преобразований невозможно провести всерьез и успешно, пока армия и флот не воспрянут духовно, по-настоящему не почувствуют государственной мудрости и бескорыстия реформаторов, духовно-нравственного импульса, исходящего от авторитетных высших руководителей.

И. Домнин

ДУША РОССИИ

Надо ли говорить еще о подвиге Белой Армии, о значении “белого движения”, спасшего честь России! Об этом теперь не спорят: это уже история. Придет день, когда блистающее имя - Белый воин и сумеречное - галлиполиец* - станут для всей России священными именами русского мученика-борца и русского героя. Это придет, и Россия встретит лучших сынов своих высокой и гордой честью: священное имя - Белый Воин - явится знаком *высокого духовного отбора - новой русской аристократии.*

Воины Белой Армии, к какому бы слою они ни принадлежали, - аристократы ли по рождению, крестьяне, казаки, дворяне, горожане, - истинные сыны России, аристократы духом, *Ея душа.* И Россия признает это и закрепит почетно: впишет славные имена в великую Золотую Книгу - Российской Чести...

Три года борьбы - исторический перелом, лучше сказать - *пролом* русской истории. Пролом, в котором Россия как-бы найдет себя! Да, Россия найдет себя на крестном пути героического “белого движения”.

Скажут: на пути поражения?! Скажут ненавистники и слепцы. Скажут те, кто не понимает Скрытого Лица судеб народа. Или не знаем случаев, когда внешнее поражение обращалось в великую победу?! Мы, христиане, знаем. Мы, христиане, знаем Величайшую Победу: “не оживет, аще не умрет”. Ненавистники и слепцы усмехнутся только. Пусть смеются. Смеялись и на Голгофе. Мы имеем свою Голгофу. И будем иметь Воскресение, свое.

* Галлиполицы - участники “галлиполийского сидения” - пребывания остатков Русской Армии генерала П.Врангеля в 1920-1922 г.г. на полуострове Галлиполи (европейская часть Турции), в лагере для военных поселенцев. (Примечание сост.)

Но в чем же победа наша, и что это за *пролом* в истории России?

Белое Движение и завершившее его галлиполийство есть удержание России на гиблом срыве, явление бессмертной души Ея, - ценнейшего, чего отдавать нельзя: *национальной чести, высоких целей, назначенных Ей в удел, избранности, быть может, - национального сознания*. За это, за неувещественное, за душу - бились Белые Воины...

Белое Движение есть отбор, отбор лучшего по духу, по чувствованию России, отбор - того, что не мыслило без России быть, не могло мириться с Ея искаженным ликом, с надругательством над ее *душой*. Самое чуткое, самое живое, духовно-крепко спаянное с Россией, к каким бы ни принадлежало классам, религиям, партиям, если только чувствовало биение сердца Родины, - вливалось в Белую Армию или было духовно с нею. Страшная жизнь делила, творя отбор.

Я не хочу сказать, что там, на российской почве, осталось одно худое. Я хочу сказать, что "белое движение" захватило собой ценнейшее в национально-духовном смысле, что оно есть - отбор.

Оно - великий этап России, великий раздел исторического пути Ея, великий пролом истории, за которым Россия найдет себя. В этом движении, в борьбе с врагами национального, с отбросом международного в личине коммунизма, Россия нашла в себе силу-волю. Россия увидела пропасть небытия - и нашла в себе волю - быть. И эта светлая воля - быть - лучшее от Нея, Белые Воины Ея...

В истории России были суровые этапы, когда Она, теряясь, находила себя опять: Куликово Поле, избрание на царство Михаила, Двенадцатый Год... - изломы в истории России. Но то, что случилось с нами, - не исторический перелом: *это - пролом*. За ним - уже Новая Россия, которая непременно будет.

За ним - напряженнейшие искания подлинного национального обновления, собирания и оберегания того, что есть Россия, что лежит к Ней естественно, без чего она быть не может, - что есть Православная Великая Россия.

Годы горестной жизни вдали от Родины... За эти годы, в нашем сознании величайшего из насилий - над Родиной, не

может не обостряться, не может не углубляться чувство национального позора, чувство страстной тоски по Ней... *В сознании пережитого, мы крепнем национальной волей, мы копим гордость, мы давим боли, лелеем национальные надежды...* И все ясней, и полней, и краше вырастает перед нами образ России нашей, как Идеал.

Без Родины, мы остро боеем ею, делаемся национально крепче. Лучшее, что дала от себя Россия, - Белые Воины, национально крепчайшее, - с нами, здесь. В достойной борьбе за жизнь, носители сильной воли - найти Россию, они высокий пример для нас, для новых, ярко национальных поколений: российская новая закваска. Они - ярчайший пример великого национального напряжения, безоглядно-жертвенного. Это высокое напряжение светлой российской воли полагает камень будущего строительства, национального, самоотверженного, подчиненного высшей цели: воли России - быть. Это высокое напряжение, это жертвенное служение России, в железном, галлиполийском, строе, полагает конец противонациональным течениям русской общественности, - источнику многих зол, способствовавших российскому погрому, - является потрясающим примером страданий неповинного поколения, за ошибки и преступления отцов и дедов. Белые Воины - высокий и страшный пример национального Искупления. Они кровью своею ставят Россию - на высоту, делают бытие Ея - высшею целью жизни: они умирали за Нее, добровольно!

Близится день Возврата. Не знаем срока, но срок идет. Белые Воины, истинные сыны России, войдут в Нее, в обретенную, свою Россию, не только с высокопочтенным значком первопоходника и галлиполийца, но и с нетленным знаком - кровью запечатленной любви к отечеству, обереженной национальной чести и упорно творящей воли.

И Россия обнимет их.

Иван Шмелев

Галлиполиец (Париж). - 1927. - № 1.

Н. Головин

ОБШИРНОЕ ПОЛЕ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

**ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ П.Н. КРАСНОВА
«ДУША АРМИИ»**

Имя генерала Краснова известно многим участникам войны. П.Н.Краснов как писатель хорошо известен многочисленному кругу читателей. Поэтому его имя говорит само за себя, и всякий его труд в предисловии других лиц не нуждается.

Но я чувствую себя обязанным исполнить желание П.Н.Краснова. Я его должник, ибо когда я обратился к нему с просьбой прочесть на учрежденных мною Военно-Научных Курсах несколько лекций по военной психологии, генерал Краснов ответил мне горячей готовностью внести свою лепту в трудное дело воссоздания Русской Военной Науки.

Я обратился с такой просьбой к генералу Краснову, потому что я знал, что он, будучи Атаманом Войска Донского в 1918 году, не только ввел в программу преподавания Ново-

черкасского Военного Училища курс Военной Психологии, но и сам приезжал в Училище читать этот курс.

Бесспорно, что это нововведение, сделанное Атаманом Красновым, представляет собою факт громаднейшего значения в истории Русской Военной Школы. Мне хотелось поэтому связать чтение лекций по Военной Психологии на Военно-Научных Курсах с этим первым шагом и с именем того, кому принадлежит честь этого шага.

То, что до сих пор Военная Психология почти нигде не преподавалась, объясняется сложностью самого предмета изучения и трудностью его исследования. Тем больше заслуга тех, кто первыми проникают в эту не освещенную наукой область. Этим первым исследователей можно уподобить людям, дерзнувшим войти в неизведанную обширнейшую пещеру, несмотря на то, что в их руках не могло быть тех могучих средств освещения, созданных трудами многочисленных предшественников, как это имеет место в других науках.

Они оказываются в положении исследователя пещеры, вооруженного лишь коробкой спичек. Естественно, что многие предметы ускользают от их внимания и у замеченных ими предметов они успевают рассмотреть только одну сторону. Вследствие этого, как бы талантливы ни были эти первые исследователи, их работы всегда будут носить характер односторонности и печать субъективности. Для того чтобы создалось объективное и всестороннее исследование, нужно, чтобы много лиц повторило попытки первых исследователей. Но это вопрос будущего; это счастливый удел следующих поколений.

С особою любовью обрисовывает генерал Краснов красивые и сильные стороны нашей Старой Армии. Знать их, прочувствовать их особенно полезно для поколений, вошедших в сознательную жизнь в революционную эпоху. Революция с озлоблением на старое слишком решительно отбрасывает его. А злоба плохой советник. Будущая Российская Армия несомненно должна использовать все хорошее и светлое из нашего Великого Прошлого. Она не может отказать от того духовного капитала, который завещан нам Петром Великим и Суворовым. Только при соблюдении это-

го условия она достигнет уровня действительно мощной боевой силы. Душа Армии выковывается на протяжении веков.

Вожди Французской Армии, приведшие к победе свой народ в только что минувшей величайшей войне в Истории, настояли на том, чтобы на знаменах французских полков красовались имена побед не только Республиканской и Наполеоновской армий, но и армии Королевско-Бурбонской.

Чтение труда генерала П.Н. Краснова вызывает бодрую веру в будущее России. Поэтому я не сомневаюсь в том, что, закрывая эту книгу, читатель испытает чувство глубокой благодарности к автору.

* * *

Будем надеяться, что пример генерала П.Н.Краснова вызовет ряд повторных попыток исследования духовной стороны войны. Неподнятые еще поля в этой области громадны.

По поводу тех проблем, которые ожидают ответов со стороны последующих исследователей, мне и хотелось бы поговорить в этом предисловии.

Но перед этим я хочу сказать несколько слов о рамках Военной Психологии как науки.

Изучение духовной стороны войны можно вести в двух направлениях:

во-первых, можно исследовать изменения в деятельности и в свойствах человека, которые происходят в нем под влиянием обстановки войны;

во-вторых, можно изучать самые явления войны, взяв каждое из этих явлений, как нечто органически целое; например, исследование того внутреннего процесса, который происходит в бою в каждой из дерущихся сторон.

Первый род исследований можно назвать индивидуальной военной психологией, второй — коллективной военной психологией. Но подобное деление должно почитаться условным и лишь временно принятым для удобства научного исследования. Действия бойцов слишком тесно между собою психически связаны и слишком властно друг друга обуславливают, чтобы можно было сделать в области индивидуаль-

ной военной психологии сколько-нибудь обобщающие выводы, не считаясь с законами коллективной военной психологии.

Поэтому индивидуальная военная психология должна рассматриваться лишь как вспомогательный отдел военной психологии, которая в основной своей части не может быть иной, как психологией коллективной.

Только что указанная опасность односторонности, которая грозит индивидуальной психологии в том случае, когда она попытается приписать своим выводам более широкое значение, чем они этого заслуживают, грозит также и всей военной психологии. Последняя исследует, как мы выше говорили, духовную сторону явлений войны. Но эти явления протекают не только в духовной, но и в материальной обстановке. При этом связь между духовной и материальной стороной каждого явления войны настолько тесна, что они *неразъединимы*. Например: наличие лучшего вооружения повышает дух армии, обладающей им и понижает дух противоположной стороны; не меньший моральный эффект производит и осознанное численное превосходство.

Часто приходится встречать среди писателей, желающих выделить первостепенное значение духовного элемента на войне, упущение этой тесной, неразъединимой связи между духовной и материальной сторонами явлений войны. Не избег подобной ошибки даже такой крупный ум, как М.И.Драгомиров. Для доказательства главенствующего значения духовного элемента в армии он противопоставлял духовный элемент материальному: храброго с менее совершенным оружием — трусу с лучшим оружием. Логическая ошибка ловкого противопоставления заключалась в том, что наличие отличного вооружения вовсе не обязательно должно совпадать с трусостью. Наоборот, как мы только что говорили выше, наличие лучшего вооружения не только ведет к повышению духа своих войск, но и к понижению такового у неприятеля. Результатом подобного ошибочного рассуждения явился следующий парадокс: мы, которые гораздо больше говорили до 1914 года о главенствующем значении духовного элемента в войсках, чем немцы, выступили на войну с артиллерийским вооружением в два раза

более слабым, чем германское, и этим самым понизили дух наших войск и придали полную уверенность в своей силе немцам при действиях против нас.

Вот почему, хотя военная психология и исследует важнейшую сторону явлений войны, ее общие выводы не могут почитаться окончательными. Таковые могут быть сделаны лишь тогда, когда духовная сторона явлений войны будет вновь воссоединена с материальной стороной. Если принять выводы, сделанные военной психологией за *тезу*, а выводы, полученные из изучения материальной стороны явлений войны, за *антитезу*, то окончательный вывод может быть только *синтезом* (обобщением), а не противопоставлением.

Отсюда следует, что военная психология является в свою очередь лишь вспомогательной наукой для стратегии и тактики, в особенности же по отношению к первой, которая является высшей синтетической (обобщающей) военной наукой. Генерал П.Н. Краснов начинает свой труд рассмотрением вопросов индивидуальной военной психологии. Он указывает на существенные психические различия в деятельности рядовых бойцов, их строевых командиров и руководящих крупными войсковыми соединениями высших начальников.

Психология бойца — это изучение деятельности человека под угрозой опасности. Поэтому генерал Краснов и выделяет на главенствующее место среди факторов, обуславливающих эту деятельность, чувство страха. В этом отношении он идет по пути, пробитому классическим трудом майора Ардан-дю-Пика, написанном еще в 1867 году^{*}. Но, кроме этого основного элемента в психологии бойца, следует, мне кажется, упомянуть еще об одном факте, являющемся, конечно, второстепенным по сравнению с чувством страха, но все же имеющем немаловажное значение в работе рядового бойца. Я говорю про усталость. Как бы ни шло вперед усовершенствование материальной части, все равно требования, которые будут предъявляться рядовым бойцам на войне, превзойдут значительно те требова-

^{*} Ardant du Picq. "Le Combat"; в свое время был издан русский перевод этой книги под редакцией ген. Пузыревского.

ния, которые предъявляются даже при тяжелой работе в условиях мирного времени. А между тем, на что следует обратить особое внимание, физиологическое воздействие усталости на психику человека аналогично действию страха: она притупляет рассудочность и волю. Этот вопрос очень хорошо рассмотрен только в одной работе, а именно в книге моего большого друга генерала Де-Модюи "Тактика пехоты", написанной им в 1910 году*.

Для того, чтобы обрисовать, насколько сложнее психические условия деятельности строевых командиров по сравнению с рядовыми бойцами, генерал Краснов приводит очень красочное описание поведения одного из командиров наших пехотных полков в минувшую войну. Когда же мы поднимаемся на самые верхи военного управления, то мы увидим еще большие различия. Личная опасность и физическая усталость во много раз уменьшается; но зато в других отношениях условия работы чрезвычайно осложняются. Прежде всего увеличивается та моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника. И тяжесть этой ответственности по мере того, как мы будем подниматься по иерархической лестнице командования, достигает таких размеров, которые под силу только великим душам. Сам величайший из полководцев Наполеон, вспоминая на острове Св. Елены пережитое, говорил, что мало кто может составить себе представление о той силе духа, которая нужна полководцу, чтобы выиграть большое сражение. И творить свое трудное дело крупный начальник должен в нервной обстановке тыла. "Нервность" тыла представляет собой очень своеобразное явление, замеченное во всех армиях. Вот как описывает это явление один из современных военных писателей ген. Сериньи**: "Падение духа начинается сзади. Мармон в своей книге "О духе военной организации" указывает, что еще в древние времена было замечено, что бегство всегда зарождалось в задних шерен-

* "La Tactique d'Infanterie", Lt.-Colonel de Maud'Hui; перед войной эта книга была издана и на русском языке.

** General Serrigny, "Reflexions sur l'Art de la Guerre": стр. 43-45.

гах фаланги. В сражениях минувшей большой войны это явление повторилось, и паническое настроение исходило обыкновенно от писарей и всевозможного рода тыловых чинов... Во всяком случае падение поразительно растет по мере удаления от поля боя. Вследствие оптического обмана в тылу все преувеличивается, и успехи, и неудачи. Не видя воочию того, что происходит, тыл создает себе представление об обстановке от раненых и беженцев; душевное состояние и тех, и других накладывает особую печать на их рассказы; преувеличение является законом. Вот почему можно с полным правом утверждать, что действительное положение вещей на войне не бывает ни таким хорошим, ни таким дурным, как это обрисовывается из первых сведений.

Отсюда следует, что руководитель крупного войскового соединения может быть потрясен событиями ранее, чем его войска. В течение войны можно было это увидеть много раз, как у нас, так и у наших союзников и у наших врагов **. Тем более достойно восхищения поведение Маршала Жофра 24 февраля 1916 года в Шантильи при встрече с генералом Петеном, избранным для командования армией в Вердене. В то время, как в Ставке царил полная растерянность, Жоффр сохранял удивительное спокойствие. Потирая со своей доброй улыбкой руки, он сказал: "Итак, Петен, как вы знаете, дело совсем не плохо."*** Подобное спокойствие, такая уверенность начальства в трагические минуты — это все. Если его дух подавлен и он это покажет, если он только проявит свое волнение хотя бы в нескольких указаниях, его сомнения распространятся с чрезвычайной быстротой; они удесятятся в силе в каждой инстанции командования; приказание становятся все более и более нервными, и внизу иерархической лестницы возникает беспорядок..."

Вышеуказанные чувства ответственности и в то же время своеобразная "нервность", присущая тылу, объясняют те странные, на первый взгляд, случаи, которые приходилось

** Таким ярким подтверждением может служить команд. VIII Германск. Армии ген. При-
тиц во время сражения у Гумбинена 8/21 августа 1914 г. (Примечание Н.Н.Г.)

*** Не напоминает ли это поведение кн. Багратиона под Шенграбеном, так художественно изображенное в "Войне и Мире" гр. Толстым?

наблюдать в минувшую войну. Мне лично пришлось знать начальников штабов двух армий, которые так сильно "нервничали", что их работа в критические минуты принимала совершенно сумбурный характер. Нервы одного из них дошли до такого расстройтва, что он не мог сдерживаться от слез. Это не помешало тому, что, когда оба эти генерала были назначены начальниками пехотных дивизий, они оказались доблестными и спокойными командирами.

Вышеизложенное отнюдь не должно быть понято, как умаление моральной красоты подвига, осуществляемого строевыми начальниками. Вместе с генералом Красновым я считаю лишь нужным подчеркнуть существенное различие в условиях работы войск и высших военных начальников. Это различие в настоящую эпоху столь велико, что создает как бы две различные психологии: психологию действующих войск и психологию высших штабов. В тех случаях, когда это различие не учтено, оно легко может привести к взаимному непониманию низов и верхов армии, то есть к моральному расслоению. Одной из важнейших практических проблем военной психологии и является разрешение вопроса, какими приемами прочно связать эти две психологии, дабы даже самые удаленные от поля боя ячейки высшего управления чувствовали бы состояние духа войск, без чего высшее командование окажется оторванным от реальной обстановки; оно все более и более будет жить в воображаемой обстановке, будет отдавать неосуществимые приказания или же будет упускать благоприятные возможности. Это поведет к падению доверия войск к высшему начальству и может вызвать даже враждебное отношение. Следует признать, что в минувшую войну в этой области дело у нас обстояло далеко не благополучно, особенно в конце войны. Для того, чтобы убедиться в этом, нужно только вспомнить "Июньское" наступление 1917 года, сыгравшее решительную роль в гибели нашей армии.

* * *

Затрагивая вопрос о том, как побороть в себе страх смерти, генерал Краснов указывает на то, что люди религи-

озные встречают большую моральную поддержку в религии. Старая поговорка, говорящая, что "тот, кто на море не бывал, Богу не маливался", часто перефразировывалась в минувшую войну словами: "тот, кто на войне не бывал, Богу не маливался". Но, кроме моральной поддержки, которую дает религия бойцу при переживаемой им опасности, она играет еще и другую великую роль. Война, требующая от людей величайшего самоотвержения и подвига, в то же время разнуздывает и дурные страсти в людях, усыпленное культурой мирного времени варварство. Большевизм, затопивший нашу Родину морем крови, мог родиться только из извращений психики войны. Несомненно, что религия является задерживающим началом для роста этих извращений.

Таким образом, морализующая роль религии для духа армии осталась по-прежнему большой. Но в отдаленные времена религия имела еще и другое значение: она фанатизировала бойца и толкала его на борьбу. Так проповедь Магомета подняла в Аравии племена Арабов, а затем повела целый ряд народов для "покорения неверных". Так в ответ на это Католичество подняло Крестовые походы для освобождения Гроба Господня. В XVII столетии Центральная Европа опустошается в тридцатилетней войне, в которой воинствующее католичество пытается удушить распространение протестантства. Но уже в XVIII столетии эпоха религиозных войн кончается для Европы, и Фридрих II Прусский, ведущий ряд войн для создания Великой Пруссии, говорит по поводу религиозных разногласий: "пусть каждый спасается на свой манер".

Дух нашей Православной Церкви не является столь же воинствующим, как дух Католичества. Это отразилось и на наших войнах, которые никогда не носили исключительно религиозного характера. Еще в XV веке Царь Иоанн IV пишет по поводу покорения Астрахани: "Как взяли мы Астрахань, то Астраханским князьям свое жалованное слово молвили, чтобы они от нас разводу и убийства не боялись. Так, чтобы в других землях не стали говорить: вера вере недруг, и для того христианский государь мусульман изводит. А у нас в книгах христианских писано: не велено силой

приводить к нашей вере. Бог судит в будущем веке, кто верует право или неправо, а людям того судить не дано".

Тем не менее несомненно, что наши многочисленные войны с Турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах народных масс носили религиозный отпечаток. В этом можно убедиться, взглянув на купола южно-русских церквей, на которых часто можно увидеть Крест, водруженный на полумесяц. Поэтому Суворов, проведший большую часть своей полководческой карьеры в борьбе против турок, пользовался религией не только как морализующим началом, но также и как стимулом, толкающим на борьбу с "басурманами". Когда в конце своей жизни ему пришлось встретиться в Италии с Французами, последние ведут в это время у себя на родине борьбу с католицизмом, насаждая религию Разума. Суворов старается и в этом случае использовать религиозный мотив, привычный для Русских войск того времени, и указывает на "безбожие" противника.

Но в современную эпоху войны между Европейскими народами совершенно утратили религиозный характер. Стоит лишь вспомнить минувшую большую войну. В ней на обеих сторонах были представители всех вероисповеданий. Поэтому, несмотря на то, что на всякого рода пропаганду были затрачены громадные усилия, религиозные мотивы в ней отсутствуют. Исключение в этом отношении составляет лишь Кайзер Вильгельм, взывавший в своих истерических речах к "Старому Германскому Богу", а также в своем озлоблении против Великобритании бросивший в немецкие народные массы лозунг "Боже, накажи Англию". Подобные попытки использовать религиозное чувство более не встречались. Крайне характерным в этом отношении является то, что в Англиканских Церквях в течение всей войны шли молитвы о скорейшем окончании войны, но не произносилась молитва о даровании победы.

В войнах XIX века главной двигательной силой борьбы является национальное начало. Один только беглый взгляд на историю XIX столетия показывает, какое громадное значение для приведения в движение народных масс получает национальный принцип. Объединение Германии, Италии,

освобождение Балканских народов из-под власти Турок являются прямыми или скрытыми мотивами войн. Усиленное значение национального начала продолжается и в течение XX-го века. Минувшая большая война, перекроившая всю карту Европы, наглядно это подтверждает. Опыт пережитой войны заставляет ныне все государства строить свою внешнюю защиту на воспитании в подрастающем поколении чувства глубокого патриотизма. Одно из характерных проявлений этой тенденции можно усмотреть в культе "Неизвестного Воина", который создан во Франции на наших глазах. В основе этого культа лежит высокая идея. Условия современной войны таковы, что сотни тысяч граждан ожидает участь принести свою жизнь на алтарь Отечества, оставшись в полной неизвестности. Французская Армия насчитывает в минувшую войну 225 тысяч таких героев. Напомним, что для Русской Армии это число достигает 700 тысяч. Создавая всенародное поклонение Неизвестному Герою, Франция воспитывает в подрастающем поколении идеал патриотизма, доведенный до высшей степени полного самоотречения. И Великобритания, и Америка тоже воздвигли могилы своему Неизвестному Герою и чтут их как символ проявления высшего патриотизма, который требуется современной войной.

Большевики, с легкой руки Карла Маркса, выдвигают на смену национальному принципу борьбу классов. Они уверены, что классовое самосознание играет несравненно большую роль в истории, нежели национальное. Для того, чтобы "доказать" это, они подтасовывают со свойственной им беззастенчивостью всю историю. Подробные доказательства всей ошибочности подобных утверждений завели бы нас слишком далеко. Заметим лишь одно: экономический материализм, как всеобъемлющее толкование истории, положенный в основу учения Маркса, научно уже провалился; он принимает часть происходящего в человеческом обществе процесса за весь процесс, исключив таким образом из своего поля зрения обширные области социальной жизни; вследствие этого он оказывается несостоятельным объяснить многие явления современной жизни.

Несомненно, что в современную эпоху в международных отношениях капитализм играет роль интернационализирующую; в то же время в социальной жизни он выдвигает на важное место борьбу классов. Но можно с уверенностью утверждать, что одного классового стимула недостаточно для того, чтобы подвинуть народные массы на борьбу с внешним врагом. Сами большевики ярко демонстрировали эту несостоятельность уже в 1920 году во время войны с Польшей. Ленин должен был обратиться к Патриарху Тихону и генералу Брусилову для того, чтобы придать этой борьбе национальный характер.

Несомненно также, что экономические интересы получают во взаимоотношениях народов все большее значение. Тесная экономическая взаимная зависимость народов, ярко обнаруженная последней большой войной, может привести к сглаживанию слишком заостренных эгоизмов народов. Но трудно ожидать, чтобы это интернационализирующее влияние экономики привело к той *объективной справедливости*, наличие которой является необходимым условием прекращения войн. Укажем для примера хотя бы на вопрос о выходах к морю. Новообразовавшиеся государства на Балтийском побережье отрезали полуторастамиллионное Российское государство от моря. Может ли помириться сильное и значительно более многолюдное государство с теми стеснениями в его экономическом развитии, которые оказывают маленькие народы, заслоняющие его от моря и строящие свое благосостояние на эксплуатации трудного положения своего большого соседа? Разлагающее влияние большевистской болезни России, вызывающей внутри ее развитие центробежных сил, при дальнейшем ее продолжении неизбежно вызовет нарастание Украинского национализма. Но возможно ли допустить, чтобы после выздоровления от этой болезни стомиллионное ядро России примирилось с прекращением единственного оставшегося свободным доступа к морю — к морю Черному? Ведь подобное окружение равносильно экономическому удушению.

Говоря выше отдельно про религиозные, национальные и экономические причины войн, я был бы неправильно понят, если бы вышесказанное было принято читателем в том смысле, что я отрицаю в прежних войнах роль экономиче-

ского начала. Конечно, это начало влияло во все времена. Его можно найти и в Крестовых походах, и в Тридцатилетней войне, и в других войнах, которые принято называть религиозными. То же самое можно сказать и про войны XIX столетия с резко выраженными национальными идеями. Но и в этих войнах экономическое начало стоит на первом плане, как это было в минувшую войну и в еще большей степени будет иметь место в предстоящих войнах.

Однако, и при подобном возросшем значении экономических причин в современных и в будущих взаимоотношениях государств, "боевую" движущую силу идеи могут получить лишь тогда, когда они вращаются в национальное самосознание. Таким образом национальный характер войн не утрачивается.

Здесь мы подходим к той области, в которой военная психология тесно переплетается с социологией или, если выразиться точнее, с той частью социологии, которую следует назвать "социальной психологией". Эта область представляет еще совершенно девственное поле. Обширность и глубина проблем, которые предстоят здесь для изучения, очень велики. Тот, кто вдумчиво изучает обширнейшую литературу, посвященную вопросу о возникновении только что минувшей Европейской войны, не может не быть пораженным той ролью, которую играет в этом возникновении стихийное начало. Так в летний душный день в воздухе накапливается электричество и затем разражается гроза. Невольно вспоминаются две замечательные книги Метерлинка: "Жизнь пчел" и "Жизнь термитов". Этот поэт-философ дает поражающие по своей яркости картины того роевого начала, которое, подчиняясь неизвестным нам законам, руководит коллективной жизнью этих насекомых; в определенный день и час происходит одновременный вылет миллионов летучих термитов, причем этот вылет требует обширных подготовительных работ; в определенный день происходит у пчел убийство всех ненужных самцов и т.п. Среди многочисленных видов живых существ, населяющих землю, человек обладает высшим сознанием. Однако, не нужно преувеличивать свободу и независимость нашего индивидуального сознания. Все новейшие психологические исследо-

вания при всем своем разнообразии сходятся на одном: сознательная жизнь человека представляет собою лишь незначительную часть психической жизни человека; большая часть мотивов поступков человека лежит в его подсознании и ему только кажется, что его решения свободны. Человек тоже подчинен действию "роевого начала", влияние которого тем сильнее, что оно действует главным образом в области подсознания. Изучить процесс, при посредстве которого идеи какого бы то ни было характера — религиозные, национальные, или экономические — приобретают в глубинах человеческого подсознания движущую, боевую силу, — это та проблема, без разрешения которой все потуги Лиги Наций избавить человечество от новых войн не приведут ни к чему.

На войну нужно смотреть, как на своего рода социальный невроз. Современная наука борется с неврозом индивидуума при посредстве психоанализа. Подобного же рода психоанализ, но уже в области социальной, а не индивидуальной, является одной из будущих задач военной психологии. И, может быть, результат такой работы будет подобен достижениям психоанализа в области индивидуального невроза. Может быть, человечеству удастся, наконец, приблизиться к разоружению моральному, которое по справедливому заявлению французского министра иностранных дел г. Бриана, сделанному на Вашингтонской Конференции в 1922 году, должно непременно предшествовать разоружению материальному.

* * *

Мы говорили уже выше о том, что военная психология есть прежде всего психология коллективная. Однако, все напечатанные до сих пор работы по военной психологии ограничиваются только изучением человека как индивидуума толпы. Так был построен и мой труд "Исследование деятельности и свойств человека, как бойца", вышедший в свет в 1907 году. На этот труд часто ссылается ген. Краснов.

Мне приходится ввести сейчас большую поправку. Богатый опыт минувшей войны показал, что прежнее построе-

ние является слишком ограниченным и не могущим осветить многие из явлений современной войны.

В самом деле, человек может действовать под влиянием других людей не только в толпе. Последняя подразумевает коллектив людей, собранных в одно и то же время в одном и том же месте. Индивид толпы поэтому видит и слышит своих соседей и часто даже соприкасается с ними.

Но человеческий коллектив может быть и другого рода. Например: лица, исповедующие одну и ту же религию, граждане, принадлежащие к одной и той же политической партии, постоянные читатели одной и той же газеты, ученые, принадлежащие к одной и той же школе и т.п. Лица, входящие в состав каждой из вышеуказанных группировок, могут не видеть и не слышать друг друга, даже совершенно не знать друг друга, как, например, читатели одной и той же газеты, и все-таки они образуют какое-то своеобразное духовное объединение. Как назвать такое объединение? Тард применил для этого французское слово "public". По-русски слово "публика" отвечает скорее понятию случайно собравшейся толпы (напр., театральная публика). Поэтому я считаю, что слово "общество" здесь более применимо. Желаящих более подробно ознакомиться с различием в психологическом отношении между "толпой" и того рода объединением, которое мы только что обозначили словом "общество", я отсылаю к работам Тарда. Здесь же ограничусь лишь указанием на самые резкие черты различия.

Толпа, достигшая психического объединения, крайне импульсивна и легко поддается возбуждению; ее настроение крайне изменчиво; рассудочное начало в ней отсутствует; она живет исключительно чувствами; последние могут достигнуть в индивидах толпы такого высокого напряжения, на которое тот же индивид, взятый вне толпы, неспособен. Поэтому толпа способна и на величайший героизм, и на величайшее преступление. Атрофирование в толпе рассудочного начала приводит к тому, что толпа, составленная из Ньютонов, Кантов, Менделеевых и им равных, не будет отличаться от толпы сапожников.

Толпу с полным правом можно сравнить с неразумным ребенком.

В психически объединенном "обществе" нет такого же понижения индивидуальности, как в толпе. Рассудочная способность индивидуума тоже сохранена. Поэтому "общество", составленное из Ньютонов, Кантов и Менделеевых, сохраняет все свое превосходство над обществом сапожников. Если толпа живет исключительно чувствами, то общество руководится по преимуществу идеями. Правда, тут нужно оговориться: для того, чтобы идея получила руководящую силу в обществе, эта идея должна быть ему не только понятна, но и приемлема; это означает то, что элемент чувств не исключается из психики общества; однако, это не уменьшает коренного различия между обществом и толпой. Если выше я уподобил толпу неразумному ребенку, то общество можно приравнять к взрослому человеку, сознающему свои поступки. Несравненно большая рассудочность общества делает его менее способным к проявлению высшего героизма, чем толпа. Вместе с этим общество не способно и на столь интенсивную вспышку гнева, как толпа. Но это не мешает обществу быть более упорным в своих добрых и злых намерениях. Если толпа изменчива, то общество упорно в своих настроениях.

Общество управляется общественным мнением, и роль его руководителей не носит такого абсолютного характера, как роль вожака толпы.

Если мы внимательно взглянем в ход всемирной истории, то мы легко убедимся, что появление формы человеческого коллектива в виде "общества" соответствует высшему развитию социальной жизни. И в древние, и в средние века мы найдем уже "общественные" человеческие объединения. Но эти общества непременно создаются через "толпу", так как только с изобретением книгопечатания стало возможно достаточно широкое общение между людьми без необходимости непосредственной близости. Полное же развитие "общественных" форм человеческого объединения стало возможным лишь со времен великой французской революции, вызвавшей чрезвычайное развитие прессы. Развитие техники, давшей при посредстве железных дорог, пароходов, автомобилей, телеграфа, почты, а ныне и летательных аппаратов, возможность быстрого и обширнейшего общения между людьми, дало в XIX и XX веках толчок к интенсивному

развитию "общественных" объединений решительно во всех областях человеческой жизни. Роль и проникновение этой формы человеческого объединения в культурных государствах столь велики, что изменяется и сама социальная психика, которая все более теряет черты психики "толпы" и приобретает характер психики "общества".

Если мы обратимся теперь к интересующей нас непосредственно сфере войны, то нельзя не заметить полной аналогии. Чрезвычайное развитие огнестрельного оружия изгоняет с поля боя "толпы". Развитие авиации, совершающееся на наших глазах, еще более содействует "опустению" полей сражения. Чтобы оценить всю степень происшедшего изменения во внешнем виде боя, нужно только мысленно сопоставить батальные картины, изображавшие сражения Наполеоновской эпохи, с тем, что пришлось видеть в минувшую большую войну. Полотно современного художника-баталиста может вместить в себе лишь изображение одного из небольших очагов боя, на тысячи которых разбивается современное сражение.

Вышеуказанное изменение внешней формы боя соответствует и столь же радикальному изменению во внутреннем строении, т. е. психологии боя. Психический процесс прежнего боя не мог протекать иначе, как следуя законам психики толпы. В современном сражении "толпы" не играют той же роли, как раньше. Если они и образуются в различных очагах боя, то, во-первых, эти "толпы" могут представлять собой лишь небольшие части войск, а во-вторых, эти очаги разрознены между собой во времени и пространстве. Таким образом, не может быть и речи о прежней подавляющей роли толпы. Следовательно, и законы, которым подчиняется психический процесс современного боя, не исчерпываются одними законами "психологической толпы".

Та же техника, которая дала современное огнестрельное оружие, дала и богатые и мощные средства связи. Разделенные между собою пространством войсковые части, разрозненные очаги, на которые разбилось современное сражение, даже распылившись по полю сражения бойцы могут быть объединены между собою. Но это объединение не создается, как прежде, "видимостью" друг друга, т. е. непо-

средственным чувством. Это объединение "умовое"; каждая, даже небольшая группа бойцов должна сознательно выполнять задачу, которая, как бы незначительна или мала она ни была, составляет логическое звено сложного плана действий, созданного умом старших начальников и разработанного их штабами. Несомненно, что и в прежних боях, например в боях Суворова, Наполеона, "умовое" руководство тоже было налицо. Но ввиду главенствующего значения законов психологии толпы оно принимало несравненно более ограниченный характер, нежели теперь. Центр своего личного руководства боем и Суворов, и Наполеон должны были переносить в область чувств тех масс, которые толпились на тогдашних полях битв. Несомненно, что и в нынешнее время такого рода управление будет также иметь место, но это будет требоваться по преимуществу от строевых командиров. "Единство толпы", которое составляет характерную особенность маленьких полей сражений прежних эпох, теперь не существует. Возможны только, как мы говорили выше, лишь небольшие столпления войск в отдельных очагах боя. Поэтому психологические законы толпы могут влиять лишь на каждый из этих очагов боя в отдельности, но течение всего сражения, взятого во все его целом, должно подчиняться еще каким-то другим, более сложным законам. Действительно, если мы внимательно рассмотрим во внутреннюю структуру боя, то мы увидим следующее различие. Сражения прежних эпох резко делятся на два периода: подготовительный и решительный. В первый период войска в массах сводятся и сближаются для удара; этот период измеряется несколькими часами и редко захватывает два дня. Второй период чрезвычайно быстротечен. Он представляет собой резко очерченный моральный кризис для всего боя. Это тот период, в который, по словам Наполеона, происходит "evenement".

В современном сражении резкого психологического деления между подготовительным и решительным периодами сражения нет. Если есть различие между началом и концом сражения, которое длится неделями, то лишь в том, что кризисы в отдельных очагах боя учащаются, так как утомленные многодневной борьбой части войск изнашиваются. Это отсут-

ствии резко обозначенного морального кризиса и имеет ближайшим следствием то, о чем мы говорили выше, а именно, что значение "умового" руководства высшего начальника возросло по сравнению с прежними эпохами. Правильно составленный план, внимательно проведенная подготовка и научное руководство не зависят в такой мере, как раньше, от эмоциональной стихии толпы.

Отсутствие резко проявленного кризиса приводит к важному следствию в области стратегии. В современную эпоху одно сражение не может решать участь целой кампании, как это было во времена Суворова и Наполеона.

Если применить любимое большевиками слово "ударность", то можно сказать, что "ударность" потеряла в стратегии современной большой войны свое прежнее исчерпывающее значение и выросло значение "изнашивания" и "истощения". Это вновь приводит нас, но уже в более широком масштабе, к выводу, что роль расчета и разумности в военных действиях возрастает. Интересное подтверждение этого вывода можно найти в следующем факте. Минувшая Европейская война выдвинула на высшие полководческие посты только людей пожилого возраста. Что это была не случайность, показывает и война 1870-71 гг., которую можно рассматривать как войну, стоящую на пороге современности. Вскоре после этой войны, когда в Германской Армии вводился возрастной ценз для высших военных должностей, один наблюдательный писатель заметил, что если бы такой возрастной ценз существовал в Франко-Прусскую войну, то ни Мольтке, ни наиболее отличившиеся корпусные командиры в этой войне не были бы в рядах немецкой армии. Объяснение этому явлению я вижу в том, что ведение современной большой войны требует на высших командных постах* прежде всего мудрости, обширной научной подготовки и глубокого житейского опыта. Молодость же, хотя и обладает сильной стороной, а именно повышенной энергией, но имеет и отрицательные — легковесность решений и склонность к авантюризму.

* Главнокомандующие и командующие армиями.

Причиной увеличившегося значения разума в явлениях современной большой войны является то, что высшие и обобщающие психические процессы протекают ныне, повинаясь законам "психологии общества".

* * *

Коренное изменение во внутреннем строении боя и войны должно было отразиться как на самом характере войны, так и на методах оперативного управления и крупных вопросах организации.

Изучение связи этих изменений с новыми психическими условиями войны между высококультурными государствами тоже представляет собою целую серию интереснейших проблем для будущих военно-психологических исследований. Мы наметим здесь только некоторые из них для того, чтобы дать самый общий их абрис.

Минувшая Европейская война обманула всеобщие ожидания. Подавляющее большинство военных писателей тогда с уверенностью предсказывали, что будущая война должна быть крайне быстротечной. Исходя из опыта прежних войн, в особенности же Наполеоновской эпохи, они не сомневались в том, что и в будущей войне стратегия сохранит характер "сокрушения", который так ярко выражен в войнах Наполеона. Но возросшее влияние в социальной жизни передовых народов Европы "психологических законов общества" привело к возрастанию упорства воюющих сторон, к уменьшению импульсивности воспринимания событий, к увеличению сознательности участия масс и т. п., а все это вместе взятое привело к значительному увеличению психологических возможностей более длительного напряжения. В свою очередь это должно было в связи с факторами экономического характера привести к коренному изменению самого характера войны, война могла сделаться значительно более длительной, а "стратегия сокрушения" наполеоновского типа должна была замениться "стратегией истощения" (*guerre d`usure*).

История развития науки показывает нам, что наиболее упорные заблуждения имели всегда в своей основе непра-

вильно поставленные исходные точки. Так было и в рассматриваемом нами случае. Убеждение в скоротечности предстоящей войны было столь упорно, что даже такой авторитетный голос, как голос Мольтке, который сам вел лишь короткие войны наполеоновского образца, остался не услышанным. А между тем слова*, сказанные 90-летним Фельдмаршалом в заседании Рейхстага 14 мая 1890 года, звучат пророчеством:

"Если война, — говорил старый Мольтке, — которая уже свыше 10 лет, как Дамоклов меч, висит над нашей головой, если эта война разразится, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие государства, вооруженные, как никогда. Ни одно из них в течение одной или двух кампаний не может быть сокрушено так, чтобы оно признало себя побежденным, чтобы оно вынуждено было заключить мир на суровых условиях, чтобы оно не могло вновь подняться и хотя бы даже через годичный срок вновь возобновить борьбу. Это, может быть, будет семилетняя, а может быть, и тридцатилетняя война". Изменения в психологии войны сказались на методах оперативного руководства. Раз в поведении "общества" рассудочный элемент получает несравненно большее значение, чем в действиях "толпы", то, естественно, должна возрасти роль наук. Таким образом, современная война стала более научной, не только в силу чрезвычайного развития техники, но также и в силу возможности большего управления психической стороной событий. Вместе с этим методы управления крайне осложнились. Методы прежних эпох сохраняют свою силу преимущественно в рамках уменьшившихся возможностей применения "толпы". Над этими методами нужны в современную эпоху еще новые, отвечающие руководству "общественной психологией". Для пояснения этой мысли обратим внимание на то усилившееся значение, которое получило в боевой работе современной армии единство военной доктрины. Военная доктрина представляет собою чисто практическое при-

* Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General Feldmarschalle Grafen Helmuth von Moltke, T. VII; Seite 139.

ложение выводов военной науки к условиям определенной войны. Психологически военная доктрина есть своего рода "общественное мнение". Последнее состоит из ряда идей, которые некоторые из социологов называют "живыми". Этим они хотят обозначить идеи, которые усвоены и "живут" в сознании коллектива людей. "Психологическое общество", как мы говорили выше, управляется при посредстве "общественного мнения" или, иначе говоря, "живыми идеями". Военная доктрина, представляя собою ряд "живых идей", не может быть создана одним только приказом или запрещением инако мыслить; в ее основе может лежать лишь убеждение. Вот почему ведение современной большой войны требует "вождей", способных создавать и руководить "общественным мнением", а не только "вожаков", пригодных лишь для командования "толпой". Из этого небольшого примера видно, насколько осложнилась в современную эпоху работа высшего военного управления.

Наконец, изменения в психической структуре войны заставляют произвести переоценку во всех вопросах организации вооруженных сил. То, что теперь понятие вооруженной силы современного культурного государства совпадает с понятием вооруженного народа, хорошо всем видно. Но проведение этой идеи в жизнь требует иного подхода к ней, чем это думалось до опыта минувшей Европейской войны.

Я кончаю мое предисловие повторением пожелания, чтобы пример генерала П.Н.Краснова оказался заразительным и чтобы он вызвал на обширное и малоизвестное поле военной психологии новых и новых работников.

Париж. 2 октября 1927 г.

Н.Головин. Предисловие /П.Краснов. Душа Армии. Очерки по военной психологии. - Берлин: Медный Всадник, 1927.- С. 5-26.

П. Краснов

Душа Армии

**ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
РОССИЙСКИХ АРМИЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ*
ВСЕПРЕДАННЕЙШЕ ПОСВЯЩАЕТ АВТОР**

Душа армии - военная психология - не изучалась до сего времени в военных училищах и академиях. Курса военной психологии, если не считать "Опыта военной психологии" ген. Герасимова, изданного в 1919 году в Новочеркасске - нет. Были попытки перед войной читать общую психологию в Императорской военной Академии, но попытки эти успеха не имели, и курс был прекращен.

О духовном (моральном) элементе в бою в разное время разными лицами было немало написано. Собрать все написанное по этому поводу и изучить в эмиграции оказалось делом невозможным. Пришлось пользоваться пособиями случайными, извлекать примеры из переживаний личных, брать из опыта сорокалетней жизни с войсками, тридцатидвухлетней службы в строю и двух войн — Японской и Великой.

* Портрет Великого Князя Николая Николаевича взят из "Вестника Общества Галиполийцев" (София). 1924, № 3.

В основание работы мною был положен труд профессора генерала Н.Н. Головина "Исследование боя", изданный в 1907 году.

Военная психология, как всякая наука о душе, не может, по самому свойству исследуемого предмета, хрупкого и не поддающегося непосредственному наблюдению, быть точною. Тем более не может она быть точно изложена *в очень кратком и популярном очерке*. Мой труд — только попытка проложить некоторую тропинку в темные дебри таинственного, неясного, но неотразимо влекущего.

Руководствуясь наставлением: "правила учат — примеры влекут", я старался дать возможно больше примеров и искал их в описаниях войн, преимущественно последней войны — 1914—1918 годов, в художественных произведениях крупных мастеров слова, посвященных войне, и в рассказах участников. Из этих примеров я делал осторожные выводы.

Имея в своем распоряжении значительное количество французских сочинений не столько по психологии, сколько по воспитанию войск, — я, однако, мало ими пользовался, так как принципы, положенные в основание воспитания французского солдата, недостаточны и не отвечают духу Русского народа.

Выпуская свой труд в свет, я с преданною благодарностью посвящаю его *Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу*, Верховному Главнокомандующему Российских Армий, ободрившему меня на эту работу.

Я приношу мою глубочайшую благодарность профессору, генерал-лейтенанту Н.Н. Головину, помогшему мне своими советами и указанием материалов и украсившему мой труд своим предисловием, значительно расширившим рамки моей работы, открывающим новые, широкие горизонты и дающим ей большую ценность.

✓ *Необходимость изучения военной психологии*

Как бы ни совершенствовались технические орудия войны, какие бы скорострельные ружья и пулеметы, дальноточные и большекалиберные орудия ни были придуманы и изобретены, какие бы летательные аппараты и газы: — убийственные, слезоточивые, дурмящие, прививающие болезни, ослепляющие, ни появились на фронте борьбы, как бы ни совершенствовались броневые машины и танки и какие бы ни выдумывались слепящие фиолетовые лучи и зажигающие людей огнеметы, — главною силою, решающею успех сражения и дающею выигрыш всей кампании, *был, есть и будет* человек, как воин и боец, человек, как совокупность человеческих душ — общество, человек, как нация, с ее душою и силою сопротивляемости.

Не странно ли, что в 1914 - 1916-ые годы Русская армия, слабая тяжелой артиллерией, почти не имевшая аэропланов, без снарядов и патронов, ибо были дни в 1916-м году, на Днестре и Пруте, когда я, на конно-горную батарею, входившую в состав Высочайше вверенной мне 3-ей бригады Кавказской Туземной дивизии, имел всего по семи выстрелов на орудие в день, — наша армия, иногда не имевшая даже ружей на всех бойцов, — оборонила Варшаву, взяла Перемышль, пробилась через Карпатские горы в Венгерскую долину, отражая иногда камнями, за неимением патронов, австро-венгерские атаки.

Однако та же армия, вполне вооруженная, с аэропланами, тяжелыми пушками и газами, засыпанная патронами и снарядами неудержимо бежит в 1917-м году, под Калушем, учиняя Тарнопольский погром!

Не те люди стали в армии.

Не та стала — *душа армии!*

Немцы говорят: — "anderes Pulver — andere Taktik" — "иной порох — иная тактика"... Не только, и даже не столько вооружение (порох) влияет на изменение тактики, сколько влияет на нее качество людей — их дух.

Вербовочные армии XVII века, составлявшиеся из подонков населения, из бродяг и пропойц, из того, что мы называли бы теперь "пролетариатом", вербуемые недобросовестными вербовщиками, дававшие ежегодно 25% дезертиров, требовали особой тактики.

Начальник всегда был под страхом, что "солдат убежит". Отсюда — расположение на отдых исключительно биваками, окруженными парными часовыми, походное движение компактными массами, в бою тяжелые колонные строи, искание для боя ровной местности, по которой можно было бы двигать этот сложный армейский *механизм*, борьба на укрепленных позициях, питание только из магазинов, ибо реквизиции были недоступны. Маршал Вильяр свидетельствует, что фуражировка у Нейбурга (1703 г.) ему стоила большего числа людей бежавшими, чем проигранное им в следующем году Гохштедское сражение.

Когда появились армии французской революции, составленные из конскриптов, призванных защищать родину, когда ряды армии наполнялись интеллигентной молодежью, стремившейся только быть полезной отечеству, изменилась в этих революционных армиях и сама тактика. Не нужно было опасаться, что солдат убежит, когда, как пишет Стендаль: "все наши помыслы и чувства сосредоточивались в одном: — быть полезными отечеству. Все остальное: — одежда, пища, карьера — все это казалось эфемерными пустяками".

Лучшей наградой конскрипта были слова: — "Vous avez merite de la patrie!"*.

В 1800 году, в Маренгскую операцию солдаты отказались от денежного вознаграждения, назначенного Первым Консулом за перевозку артиллерии через Альпы (по 1000 франков за орудие).

Этот революционный и вместе с тем национальный пафос создал совсем особого солдата. Правда, конскрипт революционной эпохи, по выражению генерала Драгомирова, "был конь, на котором поехал бы не всякий".

* "Вы заслужили отечество!"

Под Риволи (1796), генерал Бонапарт, проезжая мимо одного полка, услышал от простого солдата такое приветствие:

— General, Tu veux de la gloire? Et bien nous t`en foutons de la gloire**.

Массена на разнос Наполеона за грабежи:

— Vous etes le plus grand brigand du monde.

Ответил:

— Apres Vous, Sire***.

Но эта армия уже не была *механизмом*. Она являла из себя живой *организм* и дала возможность Бонапарту создать новую тактику. Шли порознь, становились по квартирам, с магазинами не были связаны, ибо реквизиций не боялись, дрались отдельно, не брезговали рассыпными строями. Оружие за это время почти не изменилось. Порох был тот же: — тактика стала другая, потому что стал другим человек.

Не теми же ли свойствами, не тем же ли горением национального пафоса отличались и те, кто шел вперед один на сто с песней:

*Дружно мы в бой пойдем
За Русь святую
И как один прольем,
Кровь молодую!*

Бессмертным святым огнем любви к Родине горели добровольцы Алексеева, Корнилова, Деникина и Врангеля, полки Маркова, Дроздовского, Нежинцева и Кутепова, донцы Гусельщикова, Абрамова, Мамонтова и Коновалова, кубанцы Улагая. Они тоже были конем, на котором не всякий поехал бы. Они создали свою ударную тактику с пулеметами на тачанках, с сомкнутыми конными атаками, со штыковыми боями:

"Мир,— говорит Рибо,— создается преимущественно человеком."

В войне человек обнажается.

** "Генерал, ты хочешь славы? Ладно! Мы нарботаем тебе славы!"

*** "Вы самый большой разбойник на свете... — После Вас, Ваше Величество!"

"Война и только война,— говорит Драгомиров в разборе романа гр. Л.Н. Толстого "Война и мир", — вызывает то страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека, в особенности его воли, которое показывает всю меру его мощи и которое не вызывается никаким другим родом деятельности."

"Это свойство войны, — пишет профессор Головин в своем "Исследовании боя", — вызывать усиленную духовную деятельность, само по себе уже наталкивает на мысль, что духовная сторона играет в боевой деятельности человека большее значение, чем в какой-либо другой отрасли его деятельности."

Как же не изучать эту духовную деятельность человека на войне? Как же не подойти к вопросу о важности для всякого военного начальника — военной психологии?

Изучаем же мы артиллерию, баллистику, исследуем свойства ручного и огнестрельного оружия, изучаем тактику. Но мы до сих пор как-то проходили мимо, быть может, самого важного знания — человеческой души на войне.

Мориц Саксонский считал, что "человеческое сердце есть отправная точка во всех военных делах. Чтобы их знать, надо изучить его".

Суворовская "наука побеждать" вся проникнута идеей значения духовной стороны.

Наполеон считал, что во всяком военном предприятии успех на \aleph зависит от данных морального (духовного) порядка и только на \aleph от материальных сил.

Почему же до сих пор не изучали этой духовной стороны ни в военных училищах, ни в Академии России? Почему и сейчас она не входит особым предметом в программу французской военной школы в Сен-Сире?

"История развития наук, — пишет профессор Головин, — показывает, что оно идет в порядке степени возрастающей их сложности. Явления общественной жизни непосредственно связаны с явлениями духовной жизни. Мир же духовных явлений настолько сложен, что в область этих явлений только едва начинает проникать луч исследования. Общественные науки, имеющие дело с коллективной психологией, имеют объектом исследования самый сложный пред-

мет, каким только может заниматься человеческий разум. Вот почему на последнем месте среди наук по своему развитию стоят науки об обществе... Каждая наука, находясь в младенческом состоянии, представляла из себя не столько исследование, сколько описание, а затем ряд практических правил и крайне условных обобщений и выводов...”

Этим путем придется пойти и нам при изучении новой, весьма интересной, волнующей и безусловно необходимой каждому военному начальнику, будь то младший офицер, командир взвода, командир полка или главнокомандующий, науки — военной психологии.

Сначала придется дать описание явлений, затем, быть может, удастся дать правила, как этими явлениями пользоваться, и, наконец, сделать ряд крайне условных обобщений и выводов...

❑ *Чувство страха в бою у рядового бойца, командира полка и старшего начальника*

Человек состоит из *души и тела*, неразрывных между собою и постоянно взаимодействующих.

Все решения человека являются продуктом его *разума*. *Воля* выполняет веления разума, заставляя человека, его тело, действовать. Это есть вопросы жизни тела, в значительной степени вопросы физиологии. Но вот в веления разума, в волю человека врывается сила, не поддающаяся физиологическому исследованию, — *чувство*, и решения разума оказываются отмененными, а воля или совершенно парализованной, или направленной на то, против чего разум восстает всеми силами.

Возмутившаяся плоть под влиянием голода, жажды или животной страсти, чувства любви или ненависти, гнева, радости, печали, стыда, мести, страха вдруг обращает разумную жизнь человека то в страшную драму, то в комедию. И как ни силится человек владеть всеми этими чувствами, как редко ему удается ими овладеть! Сколько убийств, сколько страшных, совершенно ненормальных преступлений совершено людьми под влиянием чувства, под влияни-

ем душевного движения, не поддающегося никакому учету и исследованию! Если чувство имеет такую большую силу и занимает такое важное место в повседневной жизни человека, — то какое же громадное значение будет иметь оно на войне, про которую повторим слова Драгомирова: — "Война и только война вызывает то страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека, в особенности его воли, которое показывает всю меру его мощи и которое не вызывается никаким другим родом деятельности!.."

Главное чувство, которое царит над всеми помыслами на войне, в предвидении боя и в бою, — ибо война и есть бой, без боя войны не может быть, — это *чувство страха*.

К нему примыкает, усугубляя его, а иногда парализуя его, чувство *физической и душевной усталости*, ибо нигде не напрягаются так все силы человеческие, как на войне — в походе и в бою. Голод, недостаток сна, усталость измотанных мускулов, страдания от непогоды, от растертой обуви и снаряжением кожи, все это часто доводит человека до полного безразличия, делает то, что ему становится все — все равно. Человек тупеет и в этом оцепении уже перестает владеть собою, не может напрягать свое внимание на то, что надо, — отдается во власть страха.

Чувство страха весьма разнообразно и многогранно. Чувство страха рядового бойца отличается от чувства страха начальника, руководящего боем. И страх начальника, лично руководящего в непосредственной близости от неприятеля боем, отличается от страха начальника, издали, часто вне сферы физической опасности, управляющего боем.

Разная у них и усталость. Если солдат, идущий пешком с тяжелой ранцевой ношей, устает до полного изнеможения физически, то начальник, едущий верхом или в экипаже, не испытывая такой физической усталости, устает морально от страшного напряжения внимания.

"Страх, — пишет Рибо в "Психологии чувств", — есть одна из самых сильных эмоций; это чувство хронологически первым проявляется у живого существа."

Бэн в своей "Психологии" определяет страх, как "особую форму страдания или несчастья, упадок активной энергии и

исключительное сосредоточение в уме относящихся сюда идей. Если мы будем измерять это чувство прекращением удовольствия, то увидим, что оно составляет один из самых страшных видов человеческого страдания..."

Даже храбрейшим приходится считаться с этим мучительным чувством.

Скобелев, обожаемый войсками именно за свою храбрость, в беседе с одним из своих друзей сказал: — "Нет людей, которые не боялись бы смерти; а, если тебе кто скажет, что не боится, плюнь тому в глаза; он лжет. И я точно так же не меньше других боюсь смерти. Но есть люди, кои имеют достаточно силы воли этого не показать, тогда как другие не могут удержаться и бегут пред страхом смерти. Я имею силу воли не показывать, что я боюсь; но зато внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отражается на сердце."

Это чувство особенно сказывается в первом бою. Походная колонна со всеми мерами охранения, с дозорами, заставами, головным отрядом прошла сторожевые заставы, миновала высланные вперед разъезды, получила последние известия о противнике. И словно какая-то незримая завеса легла между нами и теми далями, которые по прежнему сияют впереди в солнечном блеске. Что там, за этими холмами, покрытыми колосющимися нивами, что там, за дальним лесом?

Там раны, может быть, — смерть...

Там подвиг победы... Там позор поражения.

Веселые разговоры, обмен впечатлениями смолкают. Уже не называют врага: "герман", или "австрияк", но говорят: — "он". Про себя говорят: "мы". И зрение стало особое: — одни предметы видишь ярко, запоминаешь, другие точно скользят мимо зрения. Передние дозоры идут все тише и тише... Вот остановились...

Что там?

И голос со вздохом: — "Это... наши!.. Ну, конечно, наши... Копья блестят." Пошли... Но пошли осторожно, крадучись. Каждый шаг дается большою сердечною работою, большим напряжением воли.

Что это? Это страх. Он невидимо заползает в души солдат боязнь смерти и ранения, он влезает в душу начальника страхом за часть. Как поведет она себя в первом бою? Выдержит ли? Пойдет ли вперед?.. Не побежит ли?

А завеса все висит и висит незримо между "нами" и "им", пока не прорвет ее пушечный выстрел, пока не застучат винтовки, пока не свистнут неожиданно пули, заставляя припасть к земле с единою мыслью укрыться, врати в эту землю.

В "Воспоминаниях Кавказского гренадера" Константина Сергеевича Попова мы находим следующее искреннее, простое и вместе с тем глубокое описание переживаний молодого офицера, попавшего первый раз в бой.

"...Чуть забрезжил рассвет, как раздалась команда ротного командира, князя Геловани: "Вперед". Команда прозвучала, как эхо, и сразу все зашевелилось.

Гренадеры, снимая фуражки, крестились и инстинктивно осматривали винтовки. Впереди всех шел князь Геловани. Его высокая и мощная фигура сильно импонировала роте. Мы, младшие офицеры, заняли свои места впереди своих взводов... Привыкнув слепо повиноваться, мы двинулись вперед красивой длинной лентой, выравниваясь на ходу, как на параде. Местность впереди была ровной и серой, по полю были разбросаны кучи камней, правильно сложенные

в пирамиды; вдали темнели контуры леса. Вот все, что бросилось в первый момент в глаза... Оглянувшись назад, я увидел поручика Грузинского полка Зайцева, который со своими пулеметчиками тащил пулеметы и катил катушки за 10-й ротой. Тишина была мертвая. Немцы не стреляли. Так прошли мы более 200 шагов. Вдруг где-то впереди защелкали винтовки — часто, часто. К ним присоединилось редкое та-та-та немецких пулеметов. Пехота нас заметила, но пули пока нас не тревожат, очевидно, плохо взят прицел. Но еще 50 шагов... и пули завизжали роем. Стало жутко, но мы идем. Вдруг знакомый уже гнетущий свист: вью-па, — прорезал воздух, и над нами появилось белое облачко первой шрапнели. За это время мы успели пройти от исходного положения шагов пятьсот. По нашей цепи немцы открыли беглый огонь, и над ротой стало рваться одновременно по 8-ми снарядов.

Рота не выдержала, без приказа залегла и открыла огонь по невидимому противнику. Ясно было, что такой огонь бесцелен, и я попытался дать направление и прицел. Но из моей затеи ничего не вышло, так как я сам не слышал своего голоса. Пришлось обойти первое отделение и возбудить внимание каждого пинком ноги. Заниматься этим делом страшно не хотелось, ибо никогда в жизни я не испытывал такого желания лечь на землю, как в этот момент, ибо пули свистели и рыли землю и уже лилась кровь. Но нужно было подать пример, и я, насколько мог, это делал. Я опустился на колени и в Цейссовский бинокль старался рассмотреть расположение немцев. С большим трудом мне удалось определить линию их окопов, ибо в утреннем тумане все сливалось. Подав знак ближайшему отделению следовать за мной, я побежал вперед. Пробежав шагов пятьдесят, я лег. Около меня опустилось всего несколько человек из тех, кто был ко мне поближе. Продав момент, я почувствовал, что не всякие примеры бывают заразительны, ибо никто не собирался подниматься. Пришлось бежать назад и поднимать гренадер вновь. После отчаянных усилий мне удалось продвинуть свой взвод шагов на сто. Оставалось еще четыреста, но для меня уже было ясно, что порыв наш убит и сегодня его не воскресить. Огонь ни на

минуту не ослабевал. Влево, туда, где залегли 10, 11 роты и Грузинцы, неслись десятки тяжелых снарядов, взметая тучи земли, мы же обстреливались обыкновенными гранатами. Гранаты со страшным визгом ложились около нашей цепи и оглушительно рвались, не нанося нам серьезного вреда. Потери в роте уже были, так как по цепи передавали: — "Ваше благородие... Вах-ра-ме-ева... чижало... ранило в живот... Прикажете... вынести..." Вправо какой-то гренадер примостился за кучей камней и усердно в кого-то выцеливает, вдруг винтовка выпадает у него из рук, он вскакивает и бежит назад, но по дороге падает и остается лежать неподвижно...

...Так пролежали мы до 4-х часов вечера. Начинала все больше и больше давать знать о себе сырость. Вдруг где-то справа усиленно стали бить пулеметы. Я оглянулся назад и только тогда заметил, что далеко сзади идут наши отступающие цепи. По цепи же кричат: "Ваше благородие, приказано отходить". Немцы, увидя, что у нас опять задвигались, усилили свой огонь по отходящим. А мне казалось, что они вот-вот бросятся преследовать и первое, на кого напорются, это на меня с десятком людей. Медлить было опасно, и я приказал по одному отходить, дабы не привлечь сильного сосредоточенного огня. Но и из этого ничего не вышло. Первые два-три человека исполнили мое приказание буквально, остальные не выдержали, сорвались все сразу и побежали назад. Последним поднялся я и тоже попытался бежать. Но только я сделал шаг, как упал, ибо не рассчитал, что отсидел себе ноги. Немцы открыли по нам беглый огонь, пулеметы пронзительно затарахтели. Собрав все силы, я поднялся вновь и развил наибольшую скорость, на которую был способен... Под огнем немецкой артиллерии прошли мы еще версты две и, наконец, остановились, чтобы перевести дух. Трудно описать подавленность моего душевного состояния в этот момент. Немцы мне показались непобедимыми, война затянувшейся до бесконечности, позор наш несмываемым и я был в отчаянии..."*

* К. Попов. Воспоминания Кавказского гренадера 1914 - 1920 г. Стр. 22-25.

Переживания в бою старших начальников много сложнее. У молодого офицера карьера впереди. Храбрость дает ему случай выдвинуться, честолюбие его играет, но стоимость жизни часто кажется дороже того, что он получит. У старшего начальника карьера позади. Это длинный, тридцатилетний путь, приведший к командованию полком. Страх потерять все то честное, что нажито таким долгим трудом, такую упорную службу, часто бывает сильнее страха смерти и ранения. Навыки командования выработаны многолетними учениями и маневрами, личное строевое самолюбие поднимает душу и заставляет забывать веления тела. Многообразные заботы командования притупляют сознание и старший начальник меньше реагирует на пули и снаряды, временами не замечает их.

Я приведу пример душевных переживаний командира пехотного полка из романа Н. Белогорского "Марсова маска", потому что действия Восточно-Сибирских стрелков в этом романе описаны с удивительною и точною правдою:

"...Адъютант хотел что-то сказать, но, поглядев на командира, раздумал и пошел сзади, поеживаясь. Пули свистели, как бешеные, и Лопатин (командир полка) очень хорошо слышал их. В его голове все время гвоздила мысль: вдруг хватит!

Но привычным, давно выработанным усилием воли он заставлял себя идти прямо, не наклоняясь и не задерживаясь. Знал, что за него цепляются адъютант с ординарцами, а сзади смотрит в тысячу глаз весь первый батальон.

По дороге лежали и ползли червяками раненые. Лопатин напряженно глядел на них и, сам себе не признаваясь, боялся увидеть здоровых и целых. Зорко вглядывался в каждого и спрашивал: тебя куда?

Слава Богу, все были действительно раненые, и не было таких, которые показали бы палец.

За это он успокоился. Теперь смотрел только вперед, на цепи, на костел и на огороды Богухвалы, до которых оставалось не более полуверсты и откуда дул ветер пулемета. Там пожарище разгоралось, и все сгущался дым Русских разрывов.

Вдруг он увидел что-то неладное. Те, что ближе перед ним, идут, но дальше, в самой голове, легли и не поднимаются. Вот все легло. Может быть, встанут... Нет, — лежат окаянные!..

— Опять 3-ий полк подвел! — вскрикнул Лопатин, ни к кому не обращаясь.

Но адъютант ответил:

— Никак нет, Николай Егорыч, наши это.

Лопатин и сам знал это лучше адъютанта. А когда услышал, махнул рукой ординарцу:

— Беги, и скажи командиру батальона, чтобы вставали, а то отсюда огонь открою в спины!

Ординарец побежал, а шагов через сотню свалился. Бог его знает, может, нарочно, может, убит.

Николай Егорыч почувствовал, что лицо у него горит стыдом и гневом. Бросил назад повелительно:

— 1-му батальону в атаку! — и не видел, как адъютант кинулся передавать. Вообще он не видел ничего, кроме лежащих цепей, и шел к ним вперед быстрыми большими шагами. И ничего не слышал теперь, ни пуль, ни ветра своих и чужих снарядов.

Вот он среди лежащих и склеившихся вместе линий 2-го батальона.

— Штабс-капитан Емельянов, — голос его был резкий, сухой, непохожий на всегдашний. — Восьмая встать!

Ударил кого-то по загривку ножнами шашки. Люди приподымались нерешительно. Близкие, в двухстах шагах огорды казались недосыгаемыми. Там, у немцев, отдельные серые фигуры уже направлялись назад.

Сзади зарокотало ура первого батальона. И Лопатин так же, как все, почувствовал, что теперь возьмут. Его, точно молодого, охватил восторг, и раскатисто, во весь голос, он крикнул:

— Помните Государево имя!

(Полк был: — "Его Величества стрелковый").

Рядом с ним и обгоняя его, бежали с громким ура люди разных рот.

Лопатин с трудом поспевал за стрелками и так же, как все, перескочил канаву, которой был окопан огород. Впере-

ди были видны убегающие немцы. Другие стреляли из-за строений. Наши на ходу вскидывали винтовки и били, не останавливаясь. Ударил чей-то, свой или чужой снаряд и ослепил на минуту... Затем Лопатин увидел себя уже в улице деревни, у выхода на площадь к костелу. Всюду было полно стрелков с красными остервенелыми лицами. Из дворов выволакивали отдельных германских солдат. Из одного дома стреляли, и туда, выбивая прикладами дверь, ломились стрелки.

Николай Егорыч еще раз, но теперь радостно, крикнул ура и почувствовал, как его что-то ударило. В глазах потемнело, и он как-то странно упал на бок.

К нему бросились помочь, но несмотря на боль где-то внутри, он поднялся сам и выговорил тихо, с усилием:

— Кажется, меня ранило...

И снова упал. Глаза закрылись. Двое стрелков перенесли его под крылечко хаты. Крови почти не было, только на нижней части живота, с правой стороны немного сочилось. Ординарец, ефрейтор Умановский, еврейчик, про которого сам Лопатин говорил, что, хоть жидок, а из первых солдат в полку, не своим голосом стал звать фельдшера, разрывая дрожащими руками свой индивидуальный пакет.

Подбежал фельдшер. Поддерживая за плечи, начали накладывать перевязку, сняв амуницию и расстегнув штаны. Лопатин не стонал и не жаловался. Только спросил:

— Выходное отверстие есть?

Умановский дернул за рукав фельдшера, но тот уже ответил смущенным голосом: — Никак нет, ваше высокоблагородие.

— Значит, умру... — тихо проговорил Лопатин. Он издал глухой стон, один единственный. Полежал и снова заговорил:

— Переверните меня на живот, говорят, так лучше.

Его положили, как он просил.

— Вынести бы... — совещались стрелки с фельдшером.

Лопатин услышал:

— Подождать! Полковника Вологодцева, заместителя, позовите!

Побежали искать. Лопатин лежал, молча. Только когда фельдшер участливо нагнулся и спросил:

— Болит, ваше высокоблагородие? — Он отозвался сквозь зубы: — Больно, сильно...

За Вологодцевым ходили минут двадцать, и Лопатин издали узнал его голос.

— Переверните, — сказал он.

Потом спросил прерывающимся от боли голосом: —

— Взяли? Пусть наступают — дальше. Полк сдаю тебе.

Закрыв глаза и сказал тихо:

— Теперь пусть несут... на носилках.

Носилки тоже отыскались не сразу, Лопатин все лежал и не жаловался, только стискивал зубы.

Наконец, понесли... Впереди колыхались раскаты нового ура новой атаки...”*

В этом блестящем примере, а таких примеров мы знаем в истории Российской Армии тысячи, мы видим образец командирской доблести и тех сложных душевных переживаний страха, не личного, но страха за свою часть, за свою карьеру, которые достаются на долю полковых командиров в бою.

Еще сложнее, еще мучительнее переживания старших начальников. У младших, там, впереди, эти переживания перебиваются явной телесной опасностью. Враг видим. Его снаряды рвутся над головой, мучительные заботы отвлекают страх; решение, выход тут же, под руками. Идти самому вперед, заставить идти вперед людей. Победить, или умереть. И за смертью недалеко ходить.

Иные переживания старших, крупных начальников. Непосредственная опасность для жизни далеко. Неприятеля не видно. Слышна, — и то не всегда и не вполне - только грозная музыка боя, раскаты орудийных залпов и очередей, клочкотание ружейного огня, пулеметное стрекотание. В самом штабе тишина. Суетливое перебирание бумаг. Доклады начальника штаба, генерал-квартирмейстера, приезжих с позиции офицеров генерального штаба. Стояние у аппарата на прямом проводе и длинная узкая лента Юза, выби-

* Белогорский. Марсова маска. Изд. "Медный Всадник". Стр. 182-185.

вающая то страшные, то оскорбительные слова. Сделанная карьера длинной жизни еще сложнее, еще чувствительнее. Малейшее замечание уже звучит тяжким оскорблением. Отрешение от должности — позорнее смерти.

Снизу — донесения о невозможности продвигаться вперед. В бою на Стоходе один командир пехотной бригады мне говорил: — "легче везти по песку воз, нагруженный камнями, чем продвигать цепи под огнем". Снизу: — донесения о чрезвычайных потерях, о гибели начальников, о неимении снарядов, об утомлении войск.

Сверху: — требования идти во что бы то ни стало вперед. Напоминание об ответственности... Упреки... Напоминания о долге. При малейшей бестактности: — насмешка... оскорбление.

На душу грозною тяжестью ложится смерть многих людей, часто близких, дорогих, с которыми связан долгою совместною службою, которых полюбил. И та же душа трепещет за исход боя. Неудача, поражение, отход, крушение лягут тягчайшим позором на все прошлое, смоят труды, старания и подвиги долгих лет.

Драма старшего начальника с душою чуткою, не эгоистичною — необычайно глубока.

Внизу, "на фронте" — душевные переживания притуплены усталостью тела, голодом, плохими ночлегами, непогодю, видом раненых и убитых. Человек работает в неполном сознании, часто не отдавая себе отчета в том, что он делает.

Наверху, "в штабах" — известный комфорт домов, наблюдательных пунктов с блиндажами, налаженная жизнь, сытная, вовремя еда, постель и крыша, — но все это не только не ослабляет, но усиливает по сравнению с войсками душевные переживания начальника. И нужна большая работа над собою, большое понимание души строя, чтобы "сытый понял голодного" и в свои распоряжения внес нужную поправку. Поправку — на усталость. Это такое зыбкое основание, тут так легко, или перетянуть силы войск и потребовать невозможного, или, напротив, не дотянуть, не использовать всего напряжения войск, сделать послабление. Чем ближе начальник к войскам, чем больше он их

понимает (потому что сам это переживал на маневрах и в боях), тем легче ему отличить действительно серьезное положение, угрожающее успеху, от так называемого "панического настроения".

Конечно, лучшим критерием является личное посещение фронта, личный риск и личные лишения, всегда поднимающие дух войск, да и дух самого начальника. Но, если это возможно для начальника дивизии, то для высших начальников это сопряжено с оставлением командного поста и всей сложной системы управления, что не только не полезно, но часто вредно и потому невозможно.

Что переживал в августовские дни 1914 года, дни Сольдауских боев в Восточной Пруссии, командуя 2-й армией генерал-адъютант Самсонов?

Какие страшные муки колебаний, сомнений, недоверия, отчаяния довели его до безумного решения самому, лично броситься в боевую линию, туда, где погибали, и там, не желая испытать позора плена, застрелиться?

По книге генерала Головина "Из истории кампании 1914 года на Русском фронте" — мы можем проследить шаг за шагом весь этот скорбный душевный путь генерала Самсонова в эти ужасные дни.

12-го августа начальник штаба Самсоновской армии генерал Постовский докладывал по прямому проводу штабу Западного фронта:

"...При всем сознании необходимости безостановочного энергичного движения в направлении Алленштейн — Остероде и далее вслед за противником, Командующий армией вынужден сделать остановку. Армия следует безостановочно 8 дней с исходного положения..."

Генерал Постовский очертил состояние довольствия корпусов армии вследствие такой форсировки сил частей, выступивших на войну, не закончив мобилизации. Отсутствие хлебопекарен и невозможность подвоза с тыла при скверных песчаных дорогах заставили прибегнуть к сухарному запасу, который был на исходе.

"...Основывать продовольствие на местных средствах, — докладывал дальше Постовский, — оказалось ненадежным, так как, с одной стороны, — запасы в стране ничтожны, а с

другой, некоторые войсковые интенданты оказались совсем неподготовленными.

Признавая остановку для армии совершенно необходимой, Командующий армией прикажет, разумеется, частям наступать во что бы то ни стало, если по общей обстановке Главнокомандующий считает такое наступление все-таки необходимым.

Командующий армией просит доложить Главнокомандующему сделанный лично доклад по телефону о дневке с добавлением, что все корпусные командиры усиленно о ней просят, в особенности Мартос (XV корпус) и Ключев (XIII корпус)."^{*}

Генерал Самсонов надеялся на чуткость в штабе фронта. Главнокомандующий фронтом генерал Жилинский был человек, далекий от войск.

Генерал Самсонов этой чуткости в Жилинском не нашел.

Генерал Жилинский не мог отличить действительной надобности от "панического" настроения.

Выехать на фронт он не мог.

Генерал Самсонов знал, что за восемь дней с 4 по 12 августа корпуса его армии прошли: VI корпус - около 200 верст, XIII корпус — около 130 верст, XV корпус около 120 верст с боем, XXIII корпус — около 190 верст. Генерал Самсонов видел движение своих войск. Жара стояла чрезвычайная... "Грунт большинства дорог был сыпучий, песчаный, что чрезвычайно затрудняло движение обозов. Я сам видел обоз, - говорит очевидец, — который продвигался так: половина повозок отпрягалась, лошади припрягались к другим повозкам, которые и продвигались на версту вперед; потом все лошади возвращались за оставшимися повозками, - и так в течение всего перехода. Войска своих обозов не видели. Дневков не давалось, что особенно расстраивало XIII корпус, совершивший 9 маршей без обозов, без хлеба. Не втянутые в поход запасные разбалтывались."^{*} Строевые начальники умоляли генерала Самсонова о неторопливом наступлении. Ему доносили, что дивизии

^{*} Ген. Головин. "Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Стр. 211 - 212.

^{*} Ген. Головин. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Стр. 190.

XIII армейского корпуса во время походного движения не имели вида строевых частей, а напоминали скорее шествие богомольцев. Генерал Ключев писал о солдатах своего корпуса: — "У нижних чинов хорошие Русские лица, но это лишь переодетые мужики, которых нужно учить."^{***} Самсонов и сам это знал отлично. Но сверху, из штаба фронта, от генерала Жилинского, шли требования идти вперед, окружать германскую армию; донесениям генерала Самсонова не верили, их считали преувеличенными; постоянно повторяющиеся донесения об утомлении войск и неустойчивости тыла раздражали генерала Жилинского, он указывал генералу Самсонову на нерешительность его действий. Наконец, в беседе с генералом-квартирмейстером 2-ой армии генералом Филимоновым генерал Жилинский резко сказал: — "Видеть противника там, где его нет — трусость, а трусить я не позволю генералу Самсонову и требую от него продолжения наступления". "Для тех, кто знает рыцарский облик покойного генерала Самсонова, — пишет генерал Головин в своем труде, — понятно, как должно было отразиться это на дальнейших его действиях."^{***}

Генералом Самсоновым овладело самое опасное на войне чувство страха, что его заподозрят в страхе, в трусости. Чем выше моральный облик человека, тем сильнее может овладеть им это чувство и тем больше оно может заставить сделать непоправимых ошибок. Вся жизнь генерала Самсонова — блестящая, кристально чистая, вся его служебная карьера встали перед ним и заставили его забыть веления разума, подавили его волю. Дальше начинается ряд неправильных решений, катастрофа армии, окружение немцами XV корпуса, к которому выехал генерал Самсонов, и его самоубийство.

Не учтена была в штабе фронта психология начальника. Повторилась коренная ошибка нашего Генерального Штаба, привыкшего делать оперативные расчеты, обосновывая их на форсировке. Вследствие схоластичности преподавания в Военной Академии и бюрократичности высших орга-

^{**} Там - же. Стр. 177.

^{***} Ген. Головин. Стр. 213.

нов нашего Генерального Штаба упустили из вида главное орудие войны, главную ее машину — человека с его телом и с его душевными переживаниями. Исследование этих переживаний, как у непосредственных бойцов, так и у начальников всех степеней, может помочь разбираться в обстановке как в боевой линии, так в тылу и в штабах. Оно научит считаться с личностью человека, с его душой и применять в каждом случае те меры воздействия, какие нужно. Оно научит: "Не угашать духа!"

✓ *Психические явления в жизни человека*

Попробуем разобраться и сделать выводы из только что приведенных описаний различного вида чувства страха.

Гренадеры подпоручика Попова и сам Попов, попав первый раз под сильный ружейный и артиллерийский огонь, испытывают чувство страха. Это чувство заставляет их залечь и открыть бестолковый огонь. Это чувство говорит и в самом Попове, но он сейчас же побеждает его. Встает, приводит в порядок свою цепь, налаживает огонь, потом продвигает цепь вперед. Чувство страха в нем побеждено чувством долга и выучки, и он рисуется своим гренадерам и нам, как храбрый офицер. Храбрость победила его страх.

В более сложных переживаниях полкового командира, полковника Лопатина, — к чувству долга присоединяется полковое самолюбие и сознание ответственности за полк — чувство страха за себя быстро ослабевает, вытесненное заботами командования. Лопатин живет полком и, даже смертельно раненный, он думает только о полке и о своем долге. Мы видим в нем храброго командира полка.

Еще глубже, больнее и ужаснее переживания генерала Самсонова.

Где его долг? Беспрекословно повиноваться приказаниям своего Главнокомандующего, идти вперед во что бы то ни стало, презирая усталость людей, доведшую их до потери боеспособности? Идти на поражение вместо победы? Весь его большой строевой опыт, знание маневра и войны, как доблестного участника Японской кампании, говорят ему, что этого нельзя делать. Что правы не верхи, а низы, и он должен

отстоять их требования... Но если общая обстановка такова, что все равно: пусть гибнет его армия, пусть гибнет он сам, но их гибель — общая победа. Теперь мы знаем, что наше тяжчайшее поражение в эту войну было тою платою, которою мы заплатили за выигрыш всей кампании, ибо неудача Сольдау спасла Марну и Париж. И самая блестящая победа генерала Гинденбурга под Танненбергом (Сольдау) явилась началом германской катастрофы. Но генерал Самсонов тогда знать этого не мог. Ему сказали, что его долг — погибнуть с его армией, и он взошел на Голгофу этой гибели. В этом он жертвенно исполнил свой долг.

Итак, что же такое храбрость?

Храбрость есть высшее исполнение долга, доведенное до полного самопожертвования.

Это очень сложное чувство. Ибо храбрость не уничтожает чувства страха, но она овладевает им. Чтобы вполне уяснить себе, как это происходит, попробуем рассмотреть психические явления в жизни человека.

Различают три вида психических явлений.

1. Явления **познания**, доставляемые силою ума. Ум дает нам представления о мире путем внешних ощущений: зрительных, слуховых, обонятельных и осязательных. Познание — создает воображение, оно вызывает воспоминания, дает нам представление о предмете, а после его изучения и понятие о нем.

2. Явления **воли**. Это наши стремления, желания, влечения. От них является решение действовать и происходит самое действие.

3. Явления **чувства**. Характерным признаком их является или удовольствие, испытываемое нами, или страдание. Отсюда два основных чувства: радость победы над собою и чувство страха за себя.

Человек непрерывно познает, чувствует и совершает какое-то действие — это и есть жизнь.

Умственная деятельность человека заключается в непрерывном *мышлении*. Этой работой ума внешние впечатления обрабатываются, складываются, понимаются, приводятся в систему. Сюда же относится игра воображения,

фантазия, дающая новое, часто превратное представление о том, что подмечают наши органы. Ум — способность правильно мыслить в боевой обстановке — есть необходимое качество для военного начальника. "Ум и воля, — говорил Наполеон, — должны составлять квадрат в голове военачальника — оба равноценны". Уму помогают:

Память — способность сохранять прежние впечатления. Память драгоценнейшее качество начальника. Она помогает разбираться в обстановке. Наполеон без справки, без указания штаба помнил, где и какие части у него находятся и кто ими командует. Память, основываясь на опыте прошлого, помогает раскидывать умом на будущее. Память помогает нам овладевать знанием. Знание помогает владеть чувствами.

Уверенность — свойство ума, основанное на прочном знании, вере в свои силы и свой ум, вере в Промысел Божий, в предопределение, в свою звезду. Это свойство ума поднимает энергию, усиливает настойчивость, вызывает жажду успеха, способствует победе. Наполеон и Скобелев верили в свою звезду, в свое счастье. Суворов верил в Промысл Божий и в свой ум. В минувшую войну Германцы верили в силу своего оружия и духа. Французы верили в силу своей нации и образование своих вождей. Русские... колебались и не верили.

Отрицательными свойствами ума являются: неумение предвидеть, действия не по расчету, а по догадке, задним, прошлым умом, рассеянность, беспамятство, растерянность...

Другое качество военного начальника, воля проявляется во: *внимании* — выжидательном состоянии ума, когда ум не закончил своей работы и воля заставляет его сосредоточиться на одном предмете;

энергии — напряжении нервной системы для выполнения данной задачи;

настойчивости — решении твердо идти к намеченной цели, несмотря на препятствия и неудачи. Это качество особенно ценно в военном деле, где часто победа стоит на грани поражения, где одно последнее усилие решает все в нашу пользу и отсутствие этого усилия дает победу врагу. Твердый

волею человек должен стремиться *per aspera ad astra* — через тысячи пропастей к высоким ясным звездам..;

самообладании — умения не показывать наружу владеющие нами чувства: подавлять гнев, волнение, страх. Самообладание есть воспитание воли, дисциплина духа, и только человек, вполне владеющий собою, может быть хорошим военным. Самообладание предохраняет человека от величайшего порока военного — распущенности.

К области воли относятся еще и качества человека, так сказать, второго сорта, могущие, однако, при известных обстоятельствах, заменить энергию и настойчивость, — это: упрямство, терпение, исполнительность и аккуратность.

Отрицательными свойствами воли, наиболее вредными для военного дела, будут: слабоволие, нерешительность, родная сестра трусости, и самая трусость.

Чувства можно разделить на физические или низшие, и духовные — высшие, — эмоции.

Духовные чувства вызываются отвлеченными представлениями. Каждое чувство или дает приятное ощущение, возбуждает, воодушевляет, поднимает дух, заставляя все органы тела повышенно работать... "Он от радости не чуял ног под собою..." "В воодушевлении работы он не видел времени..." Или, наоборот, угнетает. Тело становится тяжелым, ноги обмякают, слух и зрение притупляются. "Душа уходит в пятки." "Небо кажется с овчинку."

К высоким чувствам отнесем:

— *Религиозное чувство*,

— *Чувство патриотизма*, ту любовь к отечеству и народную гордость, о которой так красноречиво зывал сто лет тому назад к Русскому обществу Николай Михайлович Карамзин,

— *Чувство солидарности* (мундира), локтя, стремени,

— *Уверенность в своих силах*, обучении, подготовке, вооружении, веру в начальника, спокойную уверенность в своих людях, что они не выдадут,

— *Моральное чувство долга*, совести, как результат воспитания в семье, школе и воинской части.

Этим чувством противоборствуют, их побеждая иногда, отрицательные чувства: материализм, выливающийся в крайний эгоизм, шкурничество, чувство самосохранения и страха, пораженчество и — трусость. Для исполнения своего долга во что бы то ни стало, то есть для того, чтобы быть храбрым, важнее всего — воля.

Воля заключается в сосредоточении своего внимания на том, что отвлекает от мысли о смерти, о ранении, о всем, что парализует храбрость. Воля заставляет думать о своей обязанности — целить, стрелять, идти вперед, окапываться, занимает ум и рассеивает мысли. Воля заставляет начальника сосредоточить свое внимание на своем боевом участке, командовать, управлять, ободрять ослабевших духом. Воля заставляет высшего начальника думать о главном, отменяя мелочи, стремиться к победе, минуя препятствия. Чем выше военное образование начальника, чем больше он понимает обстановку, тем яснее работают его мысли и тем легче ему направить их к победе. В этом великое значение воли, ее развития в себе, ибо воля родит храбрость. Волевой человек легче будет храбрым.

▣ Храбрость

Храбрость, по большей части, является, как совокупность работы ума, воли и чувства, или в полном их объеме, или частично. Храбрость является иногда как следствие умственного расчета, иногда как следствие сознательной выучки, иногда как следствие высокого подъема благородных чувств, вызывающих презрение к опасности и смерти.

Как трусость, так и храбрость бывают разнообразны и многогранны. Бывает храбрость разумная и храбрость безумная. Храбрость экстаза атаки, боя, влечения, пьяная храбрость, и храбрость, основанная на точном расчете и напряжении всех умственных и физических сил. Храбрость рядового бойца существенно отличается от храбрости старшего начальника, и храбрость старшего начальника, часто стоящего далеко от физической опасности, должна выливаться в гражданское мужество взять на себя ответственность за жертвы и за пролитую кровь, а в случае неудачи, - за позор поражения. Каче-

ство, к сожалению, такое редкое среди высших начальников, более редкое, чем рядовая храбрость.

Бывает храбрость отчаяния, храбрость, вызванная страхом смерти или ранения, или страхом испытать позор неисполненного долга.

В боях под Краковом, у Скалы, в ноябре 1914 года я с 10-м и 13-м Донскими полками задерживал наступление австрийцев, находясь на левом фланге 1-й гвардейской пехотной дивизии. Бой шел в спешенном порядке. Мы лежали в большой близости от противника, поражаемые жестоким ружейным огнем. Вдруг сотня 13-го полка, есаула А. встала и без приказа, по личному почину, бросилась на ура, захватив участок позиции и взяв пленных. Поступок А. меня удивил. Это был человек тихий, ленивый, не способный на порыв, на риск, притом человек многосемейный. Когда я спросил его, как это вышло, он ответил: — "Мы так сблизились, что я увидел, что они меня сейчас атакуют. Уйти назад нельзя. Весь скат под обстрелом. Мне стало *так страшно*, что я выхватил шашку и бросился с криком ура вперед. Казаки меня поняли. Забросив ружья за плечи, они бросились в шашки^{*}. Должно быть, и австрийцам было также страшно. Они сейчас же сдались. Соседние сотни рванули за мною, и австрийцы убежали..."

Это была храбрость отчаяния, подсказанная разумом и чувством страха неизбежности смерти, если не действовать.

29-го мая 1915 года 2-й кавалерийский корпус с приданными ему частями Саратовского ополчения сдерживал наступление австрийцев, переправлявшихся у Залещиков и Жезавы через Днестр. Я с утра занимал спешенными всадниками 2-го Дагестанского, Ингушского и Чеченского полков и батальоном Саратовского ополчения заранее приготовленные окопы, без проволочного ограждения около станции Дзвиняч. Сзади меня, верстах в пяти, в местечке Тлусте-Място, находились штабы 2-го кавалерийского корпуса и Кавказской Туземной дивизии, командир корпуса барон Раух и начальник Кавказской Туземной дивизии Великий Князь Михаил Александрович. Берег Днестра у Залещиков

* Тогда казаки штыков еще не имели.

охранялся Черкесским конным полком и ополченцами генерала Мунте; весь день шел вялый артиллерийский огонь, и туземцы и ополченцы держались. Под вечер, когда мне прислали конную бригаду Заамурской пограничной стражи (8 сотен), которую я поставил в резерве в балке, за станцией Дзвиняч, на шоссе в Залещики, — бой совсем затих. Вдруг левее меня, на участке генерала Мунте начался сильный беспорядочный огонь. Вслед за тем ко мне прискакал прапорщик Заамурец, бывший в разъезде для связи, и доложил мне, что черкесы под напором австрийцев покинули Залещики. Австрийцы переправились через Днестр у Жезавы и Залещиков, сбили ополченцев и громадными силами наступают вдоль шоссе на Глусте. Они не более, как в двух верстах от Дзвиняча. Это было так грозно, так неожиданно и так ужасно, что я не поверил прапорщику.

Местность между мною и Залещиками была ровная, покрытая полями с только что зазеленевшими пшеницею и овсом. Она сначала очень полого поднималась, потом также полого спускалась к Днестру. Перегиб скрывал от меня Залещики и то, что было перед ними. Я вскочил на лошадь и в сопровождении одного всадника, урядника Арцханова, поскакал к Залещикам.

У меня было это драгоценное право начальника лично поехать на место боя и своими глазами убедиться в размере опасности.

Едва я вскочил на перегиб, я увидел ужасное зрелище. В версте от меня жидкою цепью, понуро шли ополченцы. За ними шестью цепями шли австрийцы. Все поле казалось было покрыто ими. Они шли, стреляя на ходу по ополченцам. Их пули долетали до меня.

Напряжением воли я заставил работать мысль для оценки положения. Это продолжалось несколько секунд. Стоять на лошади под пулями — дело неприятное. Ополченцев не остановить... Туземцев, если их двинуть вперед, на что рассчитывать нельзя, слишком мало. Мой левый фланг обнажен. До Глусте Место, где находятся Великий Князь и Командир 2-го кавалерийского корпуса, пять верст — около часа хода. Если я пошлю туда донесение — там будет спешная запряжка больших обозов, там будет — паника. Следовательно —

позор неизбежен. Единственное средство — противопоставить пешей наступающей части конную атаку — атаку бешеную, людьми, которые еще войны не знают. Такие люди у меня есть — Заамурская конная бригада, предводительствуемая моим старым другом, доблестным генералом Черячукиным. Он не задумается атаковать, если будет знать обстановку, но рассказывать ему обстановку нет времени. В моем распоряжении те 20 минут, которые нужны австрийцам, чтобы дойти до станции Дзвиняч — вот тот ураган мыслей, который примчал меня к решению броситься в конную атаку на нерасстроенную победоносную пехоту.

Повторяю — это продолжалось несколько секунд. Я повернул свою чистокровную (Лазаревскую) "Одалиску" и, уже не думая об Арцханове, через две минуты был у станции Дзвиняч, где находился генерал Черячукин.

Когда я скакал, в моем мозгу молоточки отбивали — идут... идут... идут...

Казалось, я слышал шаги австрийских цепей.

Я не ошибся в моем друге генерале Черячукине. Ни распросов, ни требования ориентировки... Он меня понял сразу. Лицо его стало бледным. Вероятно, и я не был красен. Помню сердце отчаянно колотилось — Идут... идут... идут...

— Садись на лошадь и скачем к бригаде. Четырьмя сотнями атаковать.

Бригада стояла в балке за шоссе. Маленькие белые монголки точно снегом покрыли балку. Между ними стояли рослые молодцы Заамурцы в свежих зеленоватых рубахах, еще не тронутых походом и войною.

Помню: когда подошли командиры полков, еще пешие, узнать в чем дело, мелькнула мысль удлинить и поставить уступом сзади, четырьмя сотнями, пешую цепь. Неосознанная, к счастью, тогда и никому невысказанная мысль: "а если не удастся конная атака?"

Было назначено 2 сотни 3-го полка и 2 сотни 4-го полка. Наскоро была указана обстановка и показаны от рубежа до рубежа боевые участки.

Остальные: по коням! садись!

Эта команда прозвучала уже уверенно.

Такая знакомая, столько раз в мечтах повторенная команда. Ряды колыхнулись. Звякнули пики о еще свободные стремена. Зеленовато-серые Заамурцы накрыли белых монголоков. Снимали фуражки, крестились.

Знали: — атака!

Черячукин подавал команды и вел сотни за мной.

— Строй взводы!

Как только взводы подтянулись, скомандовал:

— В резервную колонну! марш!

— В линию колонн! марш!

Шли рысью. Еще было тихо, и впереди краснело небо. Закатное солнце опускалось за Днестр. Сразу грозною канонадой ударил там залп двенадцати орудий и, опережая звук залпа, заскрежетали высоко над головами двенадцать снарядов. Лопнули сзади. Высоко.

— По пыли, верно, — вздохнул я и сказал генералу Черячукину: — двумя лавами на пехоту!

Мы еще не прошли перегиба, и он скрывал нас от неприятеля и неприятеля от нас.

— Строй фронт. Марш!

Сзади был слышен галоп подходящих взводов.

— Передняя шеренга в лаву. Шашки к бою, пики на бедро! Как-то глухо раздавались вправо и влево голоса сотенных командиров. Широко раздвинулась первая шеренга.

— Задняя шеренга в лаву на триста шагов. Эшелонном...

На перегибе показалась наша ополченская пехота.

Она остановилась.

Шедшая за нами лава как бы вздрогнула.

— Наши... Наши это... Наши!.. — шорохом пронеслось по ней. Мы оказались на перегибе. Теперь весь очень пологий скат к Днестру и Залещикам, ровный, чуть подернутый пылью, был виден, как на ладони. Он весь был покрыт голубовато-серыми австрийцами. Секунда замешательства. Стало видно, как одни ложились, другие бежали в кучки, третьи бежали назад. Суматоха... И сейчас же бешеный огонь пулеметов и ружей стегнул нам в лицо железным бичом. Ему в ответ было ура и стремительный карьер белых монголоков.

Огонь внезапно стих. Так быстро, так неожиданно, как погасает задутое пламя свечи.

Редкие по полю всадники. Толпы пленных, окруженные отдельными Заамурцами. И страшная после грохота пушек, скрежета снарядов, пальбы ружей и пулеметов, свиста пуль тишина. Наши — до самого Днестра. Много убитых. Много белых пятен на зеленых нивах убитых монгольских лошадей.

Генерал Черячукин ехал ко мне оттуда, от места сечи. Все еще бледен, взволнован, но уже свет победы на его лице.

— Ну... поздравляю... Прикажи трубить сбор...

Заиграла труба в тихом мерцании летних горячих сумерек.

Наши потери были очень велики. Из 12 офицеров совершенно целы только 2. Восемь ранено и два убито. 50%, то есть около 200 пограничников, было ранено и пало смертью храбрых, но более 600 австрийцев было зарублено и поколото и 200 взято в плен. Победа была полная. Наступление остановилось. Даже батареи были оттянуты. Положение спасено блестящей атакой генерала Черячукина с его Заамурцами...

Я благодарил еще возбужденных боем и схваткой солдат.

Из рядов раздались голоса.

Они звучали как-то особенно... Доверительно... Дружески... Братски... Спаянные общим делом.

— Не благодарите нас, ваше превосходительство. Мы не причем. Мы, как его увидели, как стеганули по нам его пули, повернуть хотели. Да лошади наши так заучены, как увидели неприятеля, — пошли в карьер — не свернешь, не удержишь. Ну, тут — коли, да руби!..

Скромность солдатская... Русская, застенчивая, сама себя боящаяся храбрость!

Так вот она — храбрость!!

Сколько раз я мечтал о конной атаке, о победе, о георгиевском кресте. Я получил его за это дело. В мечтах это было иначе. Это было сознательно. Были в мечтах и мысли о смерти, о ранении, но все было прикрыто поэтической дым-

кой красоты подвига. В действительности подвиг не ощущался. О смерти, о ранах некогда было думать: были — забота, беспокойство, боязнь ответственности, страх позора — этот страх был сильнее всего — сильнее страха смерти. Было знание — понимание, что из такой беды выручить может только конница. А потом было возбуждение на всю ночь, пока нас не сменила пехота. Ночь была тихая — стонали раненые, которых убирали. Ни одного выстрела, никакого шума... Потом наступила апатия.

Душа восприняла все, как выполнение долга. Тело исполнило веления духа почти бессознательно.

У солдат Заамурцев дело обстояло еще проще. Военская дисциплина и выучка заставили их исполнять команды, а когда стала перед ними грозным бледным ликом смерть, когда веления тела готовы были заглушить и дисциплину, и выучку, помогли справиться с собою монгольские кони, не сознающие опасности, но приученные на маневрах скакать на огонь.

Ура! — Коли и руби!...

Но я знаю и не конченные, повернувшие назад атаки, когда тело победило дух...

Быть может, много после, переживая происшедшее, люди еще думают о подвиге и рисуют его теми чертами, какими создавали его раньше в мечтах. Но в самый момент его свершения помыслы и заботы о другом.

Мне рассказывал подполковник 10-го Уланского Одесского полка Попов, участник знаменитой атаки 10-ой кавалерийской дивизии графа Келлера на 4-ю венгерскую дивизию, у деревни Волчковце, как после атаки возбужденный победою он подъехал к своему командиру полка.

...Я нашел его стоящим на поле с двумя трубачами. В восторге, упоенный всем пережитым, я подскочил к нему и, забыв субординацию, молодод и весело воскликнул:

— Победа! Какая красота, какой восторг, господин полковник!

Он посмотрел на меня через пенсне равнодушным взглядом усталого толстяка и протянул чуть в нос:

— Вы находите? Что хорошего? Хаос, хаос! Один хаос! Никакого порядка, никакого равнения! Все в беспорядке... Хаос!...

Неподалеку от нас на зеленом осеннем клевере лежал, раскинувшись, убитый венгерский гусар.

Его красивое выразительное лицо bruneta с тонкими

усами и черными изящно изогнутыми бровями было спокойно. Он будто спал на этой траве, картинно разметавшись руками и ногами. Синий ментик отлетел в сторону, и синий доломан с черными шнурами охватывал тонкую талию уже бездыханного тела. Он умер смертью храбрых, и покой на его лице говорил о счастье его души в той новой жизни, куда он попал героем.

— Посмотрите, господин полковник, — сказал я, — как красив этот убитый. С него можно картину писать.

— Ну что хорошего, — мертвец, как мертвец. Тяжело смотреть. Ничего красивого. Хаос... Что граф скажет! Эскадроны совсем не равнялись в атаке...

Но граф Келлер был доволен и всех благодарил...

Так по-разному переживали впечатления только что совершенного подвига, храбрости, проявленной перед светом, молодой горячий офицер и пожилой командир полка, полный забот и страха ответственности перед грозным графом Келлером.

☑ *Ужасы войны*

Война полна ужасов, от которых стынет кровь и холодеет мозг. После каждой войны ее участники говорят: нет, того, что мы пережили, уже не в силах будут пережить наши сыновья и внуки. Лермонтов, описывая Бородинское сражение, говорит:

*...Вам не видать таких сражений,
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел...*

Увы — сыновьям и внукам достаются ужасы еще большие, ужасы неслыханные... В эту войну есть и страшные, как выходцы с того света "gueules cassees" — "разбитые морды" — люди с разбитыми снарядами и прикладами лицами, изуродованные до неузнаваемости, такие, какие ужасали в прошлые войны рукопашных схваток, и есть отравленные газами.

В грядущей войне наших детей ожидают еще большие ужасы. В прошлую войну мы только пробовали газы, только начинали воздушное единоборство, эту страшную дуэль, где нет ранений, а есть только смерть часто для обоих противников. В грядущей войне нас ждет много нового, ибо мысль человека, гонимая чувством самосохранения, заставляет изобретать все новые и новые средства истребления.

Против первобытного человека, вооруженного только кулаками, да зубами, вооружаются дубиной, палицею, ослиною челюстью, на человека с дубиной идут с пращею и камнем, изобретают лук и стрелы, мечи и сабли, арбалеты, метательные машины, ружья, пушки... И так до аэроплан-

ных бомб, удушливых газов и фиолетовых лучей, — все для того, чтобы убраться от себя подальше противника.

Война становится все ужаснее. Точно в насмешку над человеком, она требует именно его участия в бою, непосредственного, личного, и как бы ни сильна была военная техника, как бы ни умели войска наступать огнем, — люди должны быть воспитаны так, чтобы они были готовы к рукопашному бою.

“...В эпоху Суворова, когда бои решались исключительно шокотом холодного оружия, — пишет генерал Головин в своем последнем труде "Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы", — подготовка нашего отличного матерьяла была очень проста: она ограничивалась обучением колоть штыком, пикой, рубить саблей. Ныне условия усложнились. Несомненно, что подобное обучение имеет педагогическое значение, чтобы заставить бойца не бояться последнего момента сближения — рукопашной схватки.”

То, что открывается за завесою боя, смущает человеческий дух, и нужно что-то необычайно высокое для того, чтобы человеческая душа превозмогла страх перед тем, что представится ее телесным очам.

Вот как описывает штабс-капитан Попов результаты артиллерийского огня немцев 4-го июля 1915 года у фольварка Заборце:

“...К 4—5-ти часам дня немецкий артиллерийский огонь начал ослабевать. Я подошел к командиру 2-го батальона, подполковнику Пильбергу, и мы с ним пошли в окопы рот 3-го батальона ознакомиться с разрушениями и потерями.

Картина, представившаяся нам, была невиданно ужасна и леденила кровь. В окопах сидели уцелевшие гренадеры. Все они казались ненормальными. На вопросы или совсем не отвечали, или отвечали невпопад. Козырьки частью были пробиты, частью обрушены, местами был совсем снесен бруствер и для того, чтобы пройти к окопу, нужно было на минуту показаться совершенно на открытом месте. Из-под обломков укрытий и обваливавшейся земли торчали руки, ноги, стены окопов залиты сплошь кровью и усеяны миллионами собравшихся Бог весть откуда мух. Вот лежит гренадер, буквально изрешеченный бесчисленным количест-

вом попавших в него пуль, но он еще жив, а вынести его нельзя, — ходы сообщения засыпаны. Поодаль лежит труп гренадера без головы. Выходит подпоручик Аборин, в руках у него дистанционная трубка тяжелой немецкой шрапнели, еще теплая. "Вот, — говорит он, — пробила дверь моего блиндажа и чуть меня не убила." Состояние духа у всех подавленное."^{*}

Переживания бойцов в гражданскую войну были еще более ужасными. Некий поручик под Майкопом рассказывал: "Я три года провел на той, большой войне и чувствовал себя все-таки человеком. По крайней мере, ни разу не забыл, что я человек. А тут забыл... Иногда колешь штыком, на минуту остановишься и задумаешься: человек я или зверюга? Образ человеческий теряем... Не судите нас... На большой войне мы штыковые схватки наперечет помним. Одна, две, три и достаточно... Годы о них рассказывать. Только и помним их, а остальное на той войне было такое серое, обыкновенное: сидим и постреливаем; убиваем или нет, — не знаем, не видим. А знаете, что здесь происходит? Здесь ад. Здесь то, от чего можно умереть, увидевши раз. Мы не умираем, потому что привыкли и совершенно убили в себе человека. Мы пять месяцев подряд ежедневно, еже-часно идем штыковым боем. Только штыковым, ничего дру-гого. Понимаете, — пять месяцев видеть ежедневно, а то и два, три раза в день врага в нескольких шагах от себя, стреляющим в упор, самому в припадке исступления зака-лывать несколько человек, видеть разорванные животы, развороченные кишки, головы, отделенные от туловищ, слышать предсмертные крики и стоны... Это непередавае-мо, но это, поймите, так ужасно. А между тем, все это стало для нас обыкновенным. Я в воде вижу постоянно кровь и все-таки пью. Иду и замечаю, что пахнет кровью, или трупом, а мне все равно. Когда я почувствую на своей груди штык, я не испугаюсь. Это так для меня обычно. Я даже знаю, какие боли от штыка. Иногда, когда безумно устанешь, мыслей в голове нет, а нервы дрожат, как струны, безумно хочется этого шты-

^{*} К. Попов. Воспоминания кавказского гренадера. Страницы 142 и 143.

ка или пули. Все равно ведь рано ли, поздно ли... Разве можно уцелеть в этой войне?..."*

Какое же средство помочь человеку превозмочь все эти ужасы войны и заставить его через них и, невзирая на них, идти к победе?

Научить человека победить смерть — самое лучшее средство сделать его равнодушным к страху. Ибо выше всего именно страх смерти, страх неизвестности по ту сторону бытия. Человек цепляется за жизнь, потому что он не знает смерти. Всего неизвестного человек боится. Но, если человек уверует в то, что его мыслящее и чувствующее "я" со смертью не погибнет, — будет ли это загробная "жизнь бесконечная" христианства или Магометов рай, или Буддистское перевоплощение души в новое существо для новой жизни, — все равно эта вера поддержит дух в минуты смертельной опасности и даст мужество смело умереть. Тогда чего же бояться на войне, если я не боюсь смерти? Ран, увечья? Но все это преходящее, за всем этим не смерть, но новая жизнь.

Жизнь!.. Этим все сказано. Такая вера дает утешение при виде гибели близких, боевых товарищей, тех, с кем жил и служил и кого полюбил больше родных.

В этом громадное значение всякого религиозного воспитания и в этом ужасное, разлагающее государство и его армию влияние атеизма и равнодушия к религии...

✓ Поддерживающая и морализующая роль религии

Государство, которое отказывается от религии и от воспитания своей молодежи в вере в Бога, готовит себе гибель в материализме и эгоизме. Оно будет иметь трусливых солдат и нерешительных начальников. В день великой борьбы за свое существование оно будет побеждено людьми, сознательно идущими на смерть, верующими в Бога и бессмертие своей души.

* И. Калинин. "Русская Вандея". Стр. 167 - 168.

Французское правительство отказалось от религии. При министерстве Комба, сорок лет тому назад, оно, по резкому выражению французов, "выгнало Бога из Франции". Но вера в Бога осталась в обществе. Бог продолжал жить в душах французов, и в дни войны Франция точно проснулась от страшного, кошмарного сна неверия. Храмы наполнились молящимися, и кюре и аббаты, призванные в армию рядовыми бойцами, молились вместе с ротами Богу, не признаваемому государством, но почитаемому народом. Франция победила. Победит ли она еще раз, если ей удастся окончательно "выгнать Бога" и из народных сердец?

Магометанский фанатизм много способствовал успеху завоеваний арабов. Магометанин чтит вечного Бога смелее и откровеннее христианина, и в бою он равнодушен к смерти.

В 1915-м году я командовал 3-й бригадой Кавказской Туземной дивизии, состоящей из магометан — черкесов и ингушей.

В мае мы перешли через р. Днестр у Залещиков и направлялись к р. Пруту. Утром мы вошли в селение Серафинце. Впереди неприятель. Дальше движение с огнем и боем. Я вызвал командиров полков и дал им боевую задачу. Старший из них, командир Ингушского конного полка полковник Мерчуле, мой товарищ по Офицерской Кавалерийской школе, сказал мне:

— Разрешите людям помолиться перед боем.

— Непременно.

На сельской площади полки стали в резервных колоннах. Перед строем выехали полковые муллы. Они были одеты так же, как и всадники — в черкесках и папахах.

Стали "смирно". Наступила благоговейная тишина. Потом раздались слова муллы. Бормотание строя. Опять сосредоточенная тишина. Сидели на конях в шапках с молитвенно сложенными руками. Заключительное слово муллы. Еще мгновение тишины.

Муллы подъехали ко мне.

— Можно вести! Люди *готовы*...

Люди были готовы на смерть и раны. Готовы на воинский подвиг.

Они его совершили, проведя две недели в непрерывных боях до Прута и за Прут и обратно в грозном отходе за Днестр к Залещикам, Дзвинячу и Жезаве.

Сколько раз приходилось мне наблюдать, как Русские солдаты и казаки, получив приказание идти в бой, особенно в последний эпизод его — атаку, снимали фуражки и крестились.

Кто был на войне, тот знает эту короткую, бессвязную, немую молитву — "Господи помилуй", что гвоздит в мозг, когда уши оглохли от грохота лопающихся тяжелых снарядов, от рвущихся шрапнелей, когда все бесформенно, дико и так непохоже на жизнь и на землю. Кто не шептал эти два таких простых и таких великих слова, что лучше их ничего никогда не придумаешь, кто не имел их в своей, тогда пустой от других мыслей голове?

В старой, православной великой России вера отцов трогательно говорила нам о бессмертии души, о ее жизни бесконечной у Бога, там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания. Она говорила о Страшном Суде Господнем, о возмездии, пускай даже о новых муках, которые ожидают нас, но она всей полнотой своей говорила не о смерти, но о воскресении из мертвых, о жизни. *"Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь"* — твердо заканчивается христианский Символ веры. Эта вера говорила воинам, что их там ожидает "райский венец", свет несказанный, заступятся за них там святые угодники Русские — св. Николай Чудотворец, св. Сергей Радонежский, св. Александр Невский, св. Митрополиты Московские Петр, Иона и Филипп, св. Серафим Саровский, радостным сонмом выйдут на встречу убиенному "за веру, царя и отечество" все святые и сама Божия Мать пречистыми руками своими возьмет его за руки и поведет к самому Господу Христу.

Не потому ли так благостно спокойны были лица убитых? Не находила ли их душа там то высшее, что заставило забыть страх и муки тела?

Воин Христов не боится смерти. "Он чает воскресения мертвых и жизни будущего века". Он прозревает дивную красоту этой вечной жизни, перед которою так ничтожна жизнь земная.

В Евангелии Господа Нашего Иисуса Христа, у трех евангелистов, Матфея, Марка и Луки есть как бы намек о том, какие переживания, какие встречи ожидают человека по ту сторону жизни. В главе 17-ой евангелия от Матфея говорится:

— *"По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! Хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии..."*^{*}

"Господи! Хорошо нам здесь быть!" — вот что такое по понятию верующего, истинного христианина загробная жизнь.

Верующий — фаталист. Он верует в Промысел Божий, в predeterminedность судьбы своей и в Божие милосердие. Кто не повторял в часы боя, в минуты трепетного волнения ожидания смерти великолепный 90-й псалом Давидов?

"Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его... Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится... Ангелом своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возьмут тя, да не когда протекнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попрешу льва и змия..."

Великий полководец наш, Александр Васильевич Суворов, начавший обучение свое псалтырем и часословом, не расставался в походах с священным писанием. 90-й псалом был его любимейшим псалмом и, когда хоронили Суворова, — певчие пели этот псалом в бесподобной музыке Бортьянского.

^{*} Ев. От Матфея, Глава 17 ст. 1-4.

В 1916 году, 29-го мая, я с командуемой мною 2-ой Казачьей Сводной дивизией и Верхне-Днепровским полком ночью атакою брал венгерскую позицию у Вульки-Галузийской. Потери были огромные. На рассвете, возвращаясь с занятой нами передовой позиции, я поднимался по песчаной, лесной дороге. Вдоль нее лежали снесенные с поля сражения раненные. Я подошел к одному из них. Весь живот его был разворочен тяжелым осколком. Светлые глаза были устремлены к бледному рассветному небу. И я увидел, как его правая рука сложилась для крестного знамения, потянулась ко лбу, да так и замерла на пол-дороге. Он умер.

На лице его, спокойном и тихом, я как бы прочел:

— Господи! Хорошо нам здесь быть!

Очевидец, видевший поле, усеянное трупами солдат Л. Гв. Павловского полка после атаки, веденной полком, рассказывает, что у *всех покойников* правые руки были с пальцами, сложенными для крестного знамения.

В помощь религии идет убеждение в неизбежности смерти. "Двум смертям не бывать, одной не миновать". В книге для ротного чтения "старого ротного командира", по которой мы учили читать наших солдат и из которой делали диктовку, есть такой рассказ. Он всегда производил сильнейшее впечатление на солдат.

Некто, беседуя с матросом и солдатом, спросил матроса: — где умер его отец? — На море, — отвечал матрос. — Он тоже был моряком. — А дед? — И дед был матросом и умер на море. — Тогда некто обратился к солдату и спросил его: — где умер его отец? — Погиб в честном бою, — отвечал солдат. — А дед? — И дед сподобился умереть тою же славною смертью. Некто сказал им: — Как же вы не боитесь ходить в море и на войну, где погибли ваши отцы и ваши деды? — Тогда в свою очередь матрос спросил собеседника: — А где умер твой отец? — В постели, — отвечал тот. — А дед? — И дед, и прадед, и все мои умерли в постели. — Как же не боишься ты ложиться в постель, где умерли все твои предки? — сказал тогда матрос.

Этот простой, но глубокий по смыслу рассказ часто вспоминался мне в часы смертельной опасности. Смерть

все равно придет однажды и никто не знает, какая смерть лучше: в бою от пули или меча, или в постели от болезни.

Могучим помощником религии в деле преодолевания страха смерти является *любовь к Родине* — патриотизм. Таким патриотизмом горели войска Наполеона, таким патриотизмом в пылу боя умел зажигать свои войска бессмертный Суворов. — “С нами Бог и Екатерина! Кого из нас убьют — царство небесное, живым — слава! слава! слава! Родство и свойство мое с долгом моим: — Бог, Государыня, Отечество! Горжусь, что я Русский!.. — Молись Богу: от Него победа. Пресвятая Богородице спаси нас, Святителю Отче Николае чудотворче, моли Бога о нас. Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Все начинай с благословения Божия и до издыхания будь верен Государю и отечеству”.

▣ *Механические средства воздействия на душу человека*

Тем, которые слабы духом, должно прийти на помощь Государство. Оно должно очистить душу солдата, готовящуюся предстать перед Господом, от земных забот.

Скорая и верная помощь осиротевшей семье солдата пенсией и заботами общества и правительств, внимательное отношение к телу убитого, торжественные похороны в *гробах* с постановкою памятника, почитание памяти не *неизвестного солдата*, а именно такого-то, за отечество живот свой положившего, такой-то роты, такого-то полка, такой-то деревни, волости, губернии — примиряют с мыслью о смерти, облегчают подвиг.

Кроме страха смерти в бою, есть еще страх ранения. Стоит прислушаться в бою к пулям — и уже закрался страх. Уже провожаешь каждую пулю тревожною мыслью: “Эта в живот... Эта в ногу. Ой, как будет больно...” И уже обмякает тело, а страх холодными струйками бежит по коже.

Долг начальника и в этом случае прийти на помощь солдату. Прежде всего нужно *занять солдата в бою*. Сделать так, чтобы у солдата пропала мысль об опасности боя. Далее в разговорах о войне с молодым солдатом надо

лее в разговорах о войне с молодым солдатом надо помочь ему своим опытом. Внушить солдату, что *непереносимой боли* не бывает. Что, как только боль становится нестерпимой — является спасительное забытие. Объяснить, что зубная боль (а кто ее не испытал) — гораздо больнее, чем боль при ранении. Рассказать солдату, что та пуля, которая чмокнула в землю или просвистела над ухом, тот снаряд, который разорвался, уже не ранят. Они далеко. Им кланяться нечего. Снаряд, который ранит, пуля, которая ударит — их не услышишь. Рассказать ощущения ранения. Я был ранен — какая боль? Ну, — точно внезапно палкой ударило — и все... Совсем не страшно. Объяснить солдату, что для того, чтобы его ранить или убить, надо потратить столько свинца, сколько весит его тело. Везде, на стрельбище на учении показывать, как даже в спокойном состоянии духа много пуль летит даром. А главное — образцово организовать санитарную службу, чтобы раненый солдат знал, что он *никогда не будет брошен* и что есть люди, которым вменено в специальную обязанность помочь ему при ранении, вынести его из боя и вылечить. Об инвалидах позаботится государство — быть инвалидом почетно. Инвалид не в тягость обществу, а в славное напоминание подвига.

Солдата страшит в бою неизвестность. Тут его смятенной душе должно прийти на помощь мудрое Суворовское правило — "всякий воин должен понимать свой маневр". Широкое осведомление солдата о том, что перед ним и что по сторонам, хорошо поставленная служба охранения и разведки — разведка агентурная, идущая навстречу воздушной, воздушная, сообщающая добытые сведения конной, и конная, освещающая каждый куст, каждую складку местности пешей разведке, — все это дает ту уверенность, которая прогонит страх перед неприятелем.

Забота о вооружении и снаряжении солдата, о том, чтобы он верил в свое оружие, знал, что неприятель ни в чем его не превосходит, ничем его не может огорошить, что на газы у него есть противогаз, на световые лучи есть очки, от самолетов спасут свои боевые самолеты. Лопата охранит от артиллерийского и ружейного огня. Свои батареи дадут ему возможность дойти до штыка, а штыком он так владеет,

что врагу не устоять. Сознание всего этого поможет солдату справиться с собою и стать храбрым — Суворовским "чудобогатырем".

Вера в превосходство своего вооружения и своего обучения и еще того более вера в знания, опыт и удачливость (счастье) своего вождя — начальника есть великий моральный залог успеха. Не совокупность ли этих трех верований дала 10-й кавалерийской дивизии такой блестящий успех в ее конной атаке у деревни Волчковце? Она сидела на прекрасных лошадях. Каждый ее солдат знал, что он обучен колоть и рубить в совершенстве. У нее были пики, которых у противника не было. Полки верили в знания и удачливость своего начальника графа Келлера?*

Не вера ли в прекрасные знания и бесподобные качества своей артиллерии — 35-й и 37-й артиллерийских бригад, руководимых генералом Гобято, сделали то, что наша 35-ая дивизия так спокойно, можно сказать, весело, взяла сильно укрепленную позицию австрийцев на р. Ниде у посада Нового Корчина в декабре 1914-го года?

Не громадная ли вера в Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича двигала наши войска от неудач Сольдау к великой Варшавской победе и славной Галицийской битве, где, шутя, был взят оплот Австро-Венгерской империи — Львов, Сенява и Перемышль?

И обратно: не фатальная ли неудачливость императора Николая II (Ходынская катастрофа в день коронации, Японская война, темные слухи, пускаемые злонамеренными людьми) пошатнула дух армий, когда Государь Император взял на себя командование в 1915-м году?

Государство и военное начальство должны много думать и многое взвешивать, никогда не забывая о душе солдата.

На психику войск действуют ночь и непогода. Учениями и маневрами в мирное время, по ночам и не смотря ни на какую погоду, надо закалить тело и душу солдата. Хорошая одежда, непромокаемое платье, кожаные куртки, полушубки, горячая пища, возможность обсушиться, ночная сигнализация, про-

* Проф. Н. Н. Головин. Кавалерийское сражение у д. Волчковце.

жектор, светящиеся гранаты, — все это поможет солдату не сдавать ни в ночь, ни в непогоду.

Так тесно связаны вопросы материальные, вопросы знания, военной науки, техники с вопросами психологии, что их не всегда можно отделить одни от других.

На войне больше, чем в казарме, солдата одолевает тоска по дому, по семье. Группировка в ротах солдат односельчан, хотя бы одной губернии, а главное, хорошо налаженная почта, письма и посылки из дома, письма домой — помогут разогнать эту тоску. И тут встает сложный вопрос здорового воспитания общества, ибо письма из дома должны быть ободряющими, а не разлагающими.

Когда боевая обстановка позволяет — отпуск домой, на побывку, но никогда не разрешение женам и вообще женщинам быть на фронте. Женщины-добровольцы, подобные легендарной кавалеристу-девице Дуровой времен Отечественной войны и Захарченко-Шульц времен Великой войны, — исключение. Правило же: женщина на фронте вызывает зависть, ревность кругом, а у своих близких усиленный страх не только за себя, ибо при ней и ценность своей жизни стала дороже, но и за нее.

Вдумчивое отношение, как одеть солдата и как его *приодеть*, тоже поможет сделать солдата более гордым своей частью и более храбрым. В старину в генеральное сражение шли в орденах и эполетах, в шапках с султанами, надевали чистое белье — теперь, конечно, нужен защитный цвет. Но не следует забывать, что и при защитном цвете чистое белье не вредит и что и в защитном цвете должны как-то сохраниться "разные отлички — выпушки, погончики, петлички", которые не понижают солдата до кругом одинакового пушечного мяса, до "серой скотинки", но дают ему свое лицо, говорят ему о его прошлом, которым он может гордиться, напоминают ему отцов и дедов.

Все это входит в ту громадную, неписаную науку, создаваемую самой жизнью солдата и составляющую сущность *воинского воспитания и обучения*.

▼ *Толпа. Психологическая толпа*

Человек шел по мосту через реку, остановился, плюнул в воду и смотрит. К нему подошел другой, третий... Образовалась толпа.

На улице продавец выхваляет новоизобретенные запонки. Кругом стоит толпа народа, слушает его и смотрит на него.

Под словом "толпа" разумеют собрание личностей, какова бы ни была их национальность, профессия, пол и каковы бы ни были причины их собрания.

Толпа у театра, толпа на скачках, толпа на вокзале — это все будет толпа, но она получит совсем новое психологическое значение тогда, когда станет подчиняться особым законам. До этого — будет, так сказать, *механическая* толпа, простая людская пыль. Люди стоят вместе, но их души, их мысли, их чувства не слиянны. Каждый живет своими думами, своими заботами и толпа не едина. Постояла и разошлась.

Генерал Головин в своем "Исследовании боя" пишет: — "Всякое собрание будь оно импровизированное (случайное) или заранее организованное, может обратиться в психологическую толпу. Изыскивать средства для невозможности образования психологической толпы бесполезно, потому что толпа может образоваться везде, необходимы только известные условия.

Изучение этих условий составляет важнейшую задачу коллективной психологии, которая еще мало разработана.

Попробуем посильно установить, хотя бы в самых общих чертах, природу этих условий.

Во-первых, все, что уменьшает рассудочные и волевые способности человека, вполне понятно, является благоприятными условиями для объединения индивидуумов в толпу. Сознательная личность индивида исчезает, исчезает вместе с этим и его индивидуальность. Значение чувств увеличивается, а последние и составляют спайку индивидов толпы.

Во-вторых, все, что односторонне ориентирует мысли, в особенности же чувства. Благодаря этому получается объединение, которое и составляет характерную черту психологической толпы.

В-третьих, все, что влияет на усиление восприимчивости человека к внушению, так как внушение есть тот фактор, который обуславливает соединение людей в толпу..."*

"В такой психологической толпе "сознательная личность" теряется, — пишет далее генерал Головин, — моральные и умственные особенности индивидуума исчезают, и он становится зависящей частицей одного целого — одухотворенной толпы."**

"Есть две стороны жизни в каждом человеке, — пишет гр. Л.Н.Толстой, — жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы."***

По мере образования из толпы механической толпы психологической, личности, образующие толпу, теряют сначала *разум*, способность правильно рассуждать, потом теряют *волю* и отдаются исключительно *чувству*. С этого момента толпа становится восприимчива ко внушению, становится в высшей степени подражательной, легковерной и импульсивной, т. е. возбудимой. От слов, она быстро переходит к делу, идет, бежит, кричит, и так же быстро утихает, чтобы воспламениться снова. Она подобна сухим листьям, взметаемым вихрем. Они летят, крутятся, падают и снова вздымаются ветром.

Личность в толпе стирается, исчезает. Людьями владеют не разум и воля, которые различны у разных людей, но чувства, инстинкты и страсти, а чувства, инстинкты и страсти у всех людей одинаковы.

Густав Лебон говорит, что между великим математиком и его сапожником может существовать целая бездна с умственной точки зрения, но с точки зрения характера разница эта часто оказывается нулевой и ничтожной.

Макс Нордау пишет: — "Соедините 20 или 30 Гете, Кантов, Шекспиров, Ньютонов и предложите их решению или суждению практические вопросы минуты. Рассуждения их, может быть, будут различны от суждений обыкновенного

* Н.Н.Головин. "Исследование боя", стр. 120 - 121.

** Н.Н. Головин. "Исследование боя", стр. 113.

*** Гр. Л.Н. Толстой. "Война и Мир". Изд. Ладьяжникова. Том III, стр. 9.

собрания, но, что касается выводов, они ни в чем не будут отличаться от выводов обыкновенного собрания...”

Русский народный разум еще ярче выразил ту же мысль в поговорке:— "Мужик умен, да мир дурак".

В толпе личность стирается. Ее поступки становятся подобны поступкам пьяного. А пьяные профессора, ученые, офицеры так же способны бить зеркала в ресторанах и дебоширить, как загулявшие купчики и мастеровые.

Толпа — дикарь или, еще скорее, толпа — дитя. Она переменчивая, жестокая и наивная, как дитя.

Образованию из толпы обыкновенной — толпы психологической способствует все, что влияет на усиление восприимчивости человека ко внушению.

Религиозное чувство людей, собравшихся на общее моление, усиленное пением, колокольным звоном, одинаковым настроением, создает атмосферу, где единая личность теряется и является одухотворенная толпа, которою владеет единое общее чувство. Эта толпа может дойти до экстаза, до галлюцинаций. Эту толпу можно одинаково бросить и на подвиг, и на преступление. В дни объявления великой войны в июле 1914-го года громадные толпы народа, узнав, что Государь приехал в Петербург, двинулись со всех сторон, не сговариваясь, с крестными ходами, с хоругвями и иконами, с пением гимна и "Спаси Господи люди твоя" к Зимнему Дворцу. В этой толпе смешались люди всех сословий, состояний, верований и убеждений. Они объединились в одном чувстве и создали психологическую толпу. Люди дошли до экстаза. Многие становились на колени на камнях площади, клялись в верности Государю. Эта толпа немного спустя взметнулась, как листья в порыве ветра, и кинулась громить здание германского посольства и стягивать тяжелые каменные фигуры с его крыши. Она упивалась своею мощью и она была наивна и жестока, как дитя.

И та же толпа, ибо это были те же Петербуржцы, три года спустя, бушевала под красными знаменами, требуя отречения того самого Государя перед которым она стояла, на коленях на камнях Дворцовой площади.

Торжественные патриотические манифестации, парады, ожидание Государя способствуют образованию психологической

толпы. Человек в толпе становится невменяем, как и самая толпа всегда невменяема. В "Войне и Мире" гр. Толстого мы находим превосходное описание того, как толпа перерождает благовоспитанного, скромного и тихого мальчика Петю Ростова, как в ней, под влиянием колокольного звона и все нарастающего чувства патриотизма, разум и воля покидают Петю Ростова и им владеет только чувство. Петя пошел в Кремль посмотреть Государя Александра I, приехавшего в Москву после объявления войны французам в 1812-м году.

"...Только что Петя очутился на площади, он явственно услышал наполнявшие весь Кремль звуки колоколов и радостного народного говора.

Одно время на площади было просторнее, но вдруг все головы открылись, все бросилось еще куда-то вперед. Петю сдавили так, что он не мог дышать, и все закричало: "Ура! ура! ура!..." Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не мог видеть, кроме народа вокруг себя.

На всех лицах было одно общее выражение умиления и восторга. Одна купчиха, стоявшая подле Пети, рыдала, и слезы текли у нее из глаз.

— Отец, ангел, батюшка! — приговаривала она, отирая пальцами слезы.

— Ура! — кричали со всех сторон.

С минуту толпа простояла на одном месте, но потом опять бросилась вперед.

Петя, сам себя не помня, стиснув зубы и зверски выкатив глаза, бросился вперед, работая локтями и крича: "Ура!", как будто он готов был и себя и всех убить в эту минуту; но с боков его лезли точно такие же зверские лица с такими же криками ура!..."*

Все, что односторонне ориентирует мысли и в особенности чувства, способствует образованию психологической толпы. Лет пять тому назад на заводах Парижа была забастовка. Толпы рабочих стояли на набережной Сены подле заводских корпусов. Их мысли были одинаковы: — забастовка, борьба с капиталом. Их чувства были одинаковы: — ненависть к фабриканту и месть всем тем, кто мешает им в

* Гр. Л. Н. Толстой. "Война и Мир". Том III, Изд. Ладыжникова, стр. 121.

борьбе. Толпа стояла мирно, но она уже была готова мыслью и чувством, одинаково направленными, на взлеты, на неменяемые поступки.

Вдруг из одного из заводских корпусов вышел какой-то человек и побежал вдоль набережной Сены. Кто был этот человек?.. Зачем он побежал?.. Никто не знал.

Кто-то сказал: — "это штрейкбрехер".

И вся толпа с криком кинулась за ним. Люди хватили камни и кидали в бегущего. Его окружали. В отчаянии он кинулся в Сену и поплыл. Толпа сгрудилась на берегу и кидала в него камнями, пока не забила насмерть и он не утонул.

Человека убили. Но за что, никто не знал.

■ *Мода. Нравственная зараза*

Характерными признаками психологической толпы являются ее восприимчивость, податливость ко внушению и ее подражательность. Для того, чтобы жить и действовать под влиянием внушения, гипноза, не надо находиться в гипнотическом сне, не надо быть под непосредственным влиянием гипнотизера. Современная культура дает возможность влиять на чувства людей бесчисленным множеством способов и средств. Письма, ленточки, прокламации, газеты, книги, собрания, диспуты, театр, кинематограф, беспроволочный телеграф — все это расширило понятие толпы и сделало человеческое общество до некоторой степени подобным толпе.

Человек теперь все более живет стихийной, роевой жизнью, где неизбежно исполняет все то, что ему внушают. Насколько человек легко в этом отношении поддается внушению и подражательности, показывают явления моды.

Мода поработает человека. Мода заставляет его терять красоту, пренебрегать гигиеной, наживать болезни. Мода владеет человечеством. Почти весь мир оделся в пиджак, в неуклюжую безобразную "тройку", повязал шею петлею висельника и забыл красоту национального костюма. В Германии, особенно в Баварии и Гессене, правительство освобождает от местных налогов тех, кто носит национальный костюм, но охотников носить таковой становится все меньше. Мода заставляет женщин в зимнюю

слякоть и стужу бегать в легких туфлях и коротких юбках, почти босыми, наживая простуду, а в летние жары, наоборот, таскать на плечах меха. Мода уродует танцы, мода завладела театром, искусством, мода становится болезнью века.

Еще более странное психическое явление, к счастью, и более редкое, — нравственная зараза. Нравственная зараза непостижимыми путями охватывает людей то той, то другой местности. Особенно страшной является зараза самоубийств и убийств.

Какое-нибудь самоубийство вдруг поразит умы общества и начнет повторяться с необъяснимою точностью.

В 1772 году был случай, когда 15 инвалидов одной богадельни в очень короткий срок повесились на одном и том же крюке, находившемся в темном проходе здания богадельни.

В 1901 году, в бытность мою в Приморской области, я видел семь крестов на берегу Великого Океана. Это могилы семи самоубийц офицеров, за два года покончивших с собою на уединенном сторожевом посту "Адеми". Правительство сняло этот пост.

В Петербурге был пост, на котором периодически часовые кончали самоубийством. Его пришлось упразднить.

В 1905-1906 году, в связи с брожениями в России и разнужданностью некоторой части молодежи, у девушек и юношей стала развиваться зараза самоубийств. Они "уходили из жизни" по самым пустым предлогам. Эта эпидемия самоубийств превосходно описана Арцыбашевым в его романе "У последней черты".

Иногда убийство, большею частью садическое, подробно описанное в газетах, вдруг вызывало в разных частях света подражания и такие убийства повторялись одинаково до мелких подробностей.

Так чутко и восприимчиво стало теперь общество и так стало оно уподобляться толпе легковерной, жестокой и неменяемой.

Люди, желающие стать вождями общества, имеют могучие средства влиять на него и делать его послушным орудием своих идей.

Государство в свою очередь имеет все возможности заставить общество думать так, как оно желает, внушить, привить ему те идеи, какие найдет нужным, и либо повести народ по пути довольства, чести, славы и мирного процветания, либо ввергнуть его в пучину несчастий, голода и непрерывных войн.

❑ *Войско как психологическая толпа*

Все, что уменьшает рассудочные и волевые способности отдельного человека, является благоприятными условиями для объединения индивидуумов в толпу.

На войне, под влиянием опасности и страха, рассудок и воля отказываются действовать. На войне, особенно в конце боя, когда части перемешаны, строй и порядок потеряны, когда в одну кашу собьются люди разных полков, войско обращается в психологическую толпу. Чувства и мысли солдат в эти минуты боя одинаковы. Они восприимчивы ко внушению, и их можно толкнуть на величайший подвиг и одинаково можно обратить в паническое бегство.

Крикнет один трус: "Обошли!" — и атакующая колонна повернет назад.

Селивачов, в Японскую войну бывший командиром Петровского полка, описывая атаку Новгородской сопки 3 октября 1904 года, во время сражения на реке Шахе в Маньчжурии, говорит:

"...Подъем на сопку был очень труден.

Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек или резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса, "толпа во образе колонны", впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади для того, чтобы удерживать людей от поворота. *Четыре раза эта масса по крику одного — "японцы бьют" - поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымалась наверх.*

На офицеров легла тут тяжелая нравственная ответственность.

Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовал, что, поверни эта масса еще раз назад, и я инстинктивно подчинюсь ее влиянию.

Но, слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку...”*

До окончательного волевого кризиса большая часть бойцов находится в состоянии нерешительности, внимание их рассеяно, разум затуманен, — их охватило состояние полной духовной пассивности. Состояние их подобно состоянию людей в гипнозе.

В эти последние, решающие минуты боя во весь рост встает значение вождя, начальника, значение офицера. Вся жизнь, все воспитание, вся работа над собою офицера скажется в эти великие ответственные моменты боя, когда *офицер может, обязан и должен* овладеть толпой и внушить ей бесповоротное решение идти вперед и добыть во что бы то ни стало победу!

☑ *Начальник в последний момент боя*

В Л. Гв. Гренадерском полку в Великую войну 2-м батальоном командовал полковник Моравский. Скромный характером и внешностью, блондин, небольшого роста, с розовым овальным лицом, с синими глазами и вечным пенсне, он мало подходил к типу воина - вождя. Однако, все знали его неустрашимость, когда он по ночам ходил в передовые секреты не для того, чтобы разнести задремавшего часового, а для того, чтобы ободрить и успокоить солдата в его одиночестве перед лицом врага. Солдаты его любили. В полку называли его, и офицеры и солдаты, между собою, — "дядя Саша".

В бою у деревни Волки на батальон полковника Моравского выпала доля в лоб атаковать опушку леса, мешком входившую в позицию и густо уставленную германскими пулеметами. Против Русских лейб-гренадер Императрицы Екатерины II стоял лучший полк германской гвардии, гренадеры Императора Александра I.

* Селивачов. "Петровцы на Путиловской сопке", стр. 21.

"Началось, — пишет участник этого боя К.Мандражи, — подготовка атаки огнем наших батарей. Вихрь снарядов проносился над головами залегших гренадер"... "На опушке леса, казалось, был ад. Падали сломанные сосны, горели кусты, — вся она была в дыму.

Наступила вдруг минута атаки, огонь артиллерии перенесся дальше в лес.

Дядя Саша вскочил и выпрямился. Сотни глаз его гренадер следили за ним.

— Гренадеры, вперед. "Слався полк наш" — крикнул вдруг дядя Саша высоким голосом.

Гренадеры как будто только и ждали этих слов, вскочили их густые цепи и, с винтовками наперевес, стремительно двинулись вперед, пригибаясь к земле. Вдруг зарокотали, заглохшие, было, пулеметы, и с фронта, и с боков проклятого мешка понеслись массы поющих пуль. Не обращая внимания на падающих, на стоны раненых, цепи быстро двигались вперед и впереди всех, решительным шагом, шел дядя Саша, как будто он стремился уйти от кого-то, уйти безвозвратно. Невидимые нити тянулись к нему от замороженных его примером солдат.

Вдруг он упал. К нему подбежали ближайšie. Цепи, как по команде, остановились, замялись, соединяющая с дядей Сашей нить порвалась и гренадеры залегли на ровном, как бильярд, поле в пятистах шагах от опушки. Пули били по лежащим, лихорадочно рывшим лопаткой кучку земли перед собою, чтобы укрыть голову.

Порыв не терпит перерыва. Поднять гренадер не было возможности.

Дядю Сашу, раненного в грудь, бледного от потери крови, фельдшер и санитар перевязывали здесь же в водоимине; он был в сознании, и понимал, что все погибло и что через несколько минут все хлынет назад, понесся еще большие потери.

— На перевязочный, — шепнул фельдшер санитару и, подняв дядю Сашу, они быстро понесли его в тыл.

* Первые слова полковой песни-марша.

Дядя Саша увидел сотни глаз, безнадежно смотревших на него.

— Стой! — захрипел он несшим его.

Те остановились и тотчас же упали — фельдшер был убит, санитар ранен.

К дяде Саше, беспомощно лежавшему на земле, подскочили фельдфебель и горнист ближайшей роты. Дядя Саша их узнал.

— Иванчук, Сыровой — поднимите меня, чтобы меня видели мои гренадеры.

Те скрестили свои руки и подняли умирающего. Его руки повисли на плечах Иванчука и Сырового:

— Кричи: гренадеры вперед! Ура! — прошептал дядя Саша на ухо фельдфебелю Иванчуку.

Неистовым голосом закричал Иванчук. Вскочили ближайшие, как будто их хлестнуло бичом, за ними другие, и все увидели дядю Сашу на руках Иванчука и Сырового, беспомощно склонившегося на плечо фельдфебеля. Сердца гренадер забились гордостью и дрогнули от умиления при виде торжества духа над плотью.

— Ура! — заревели они, как сумасшедшие, и, презирая страх смерти, неудержимо бросились вперед. Они знали, что они дойдут.

Роль дяди Саши была кончена. Цепи опередили своего умиравшего командира, десятками падают убитые, несуразно взмахивая руками и выпуская винтовки, но другие бегут вперед и, как волны, одна за другой, грозно подкатываются к лесу. А там уже смятение. Неприятельские пули летят через голову бегущих вперед гренадер. А сзади мерным шагом Иванчук и Сыровой несут дядю Сашу и не замечают, что он уже не дышит. Пуля попала ему в голову и кровь заливает лицо убитого.

Дружное торжествующее ура загремело на опушке леса. Там гренадеры беспощадно кололи немецких пулеметчиков. Четвертый батальон со знаменем и командиром полка подходил к лесу. Десятки неприятельских пулеметов, казалось, сконфуженно встречали подходивших.

Командир полка, без фуражки, со слезами на глазах, склонился над мертвым дядей Сашей.

— Накройте его знаменем, — скорбно сказал командир полка и голос его дрогнул. Офицеры и солдаты не пострадавшего 4-го батальона сняли фуражки и запели стройными голосами:

*"Славься полк Екатерины,
Полк могучих сил.
Ты в тяжелые години
Первым в битвах был".*

Величественные звуки марша и гордые его слова понеслись к лесу, где остатки геройского 2-го батальона, горсть ошалелых гренадер, хриплыми голосами, но стройно подхватила: —

*"Славься полк Екатерины,
Славься древний боевой,
Славься лаврами покрытый,
Славься полк родной."*

Этим пониманием психологии толпы и ее способности ко внушению отличались все великие полководцы, талантливые вожди вооруженных масс.

Скобелев, зная свое влияние на солдат, смотрел на себя, как на последний резерв, который, во время двинутый, должен решить бой в нашу пользу.

30-го августа 1877-го года, вовремя атаки Плевненских укреплений, батальоны, двинувшиеся с 3-го гребня Зеленых Гор на турецкие редуты, несмотря на поддержку Ревельским полком, остановились в 400-500 шагах от неприятеля. Генерал Скобелев приказал находившимся у него в резерве Либавскому полку и 11-му и 12-му стрелковым батальонам поддержать атаку.

Эти пять батальонов подтолкнули боевую линию вперед. Но это движение, сначала довольно энергичное и быстрое, пошло затем "все медленнее".

К довершению трагичности этого "все медленнее", в эту критическую минуту свежие силы турок, вышедшие из Плевны в пространстве между редутом Исса-ага и г. Плевной, перешли в наступление. Это наступление, весьма энергичное, обрушилось на наш правый фланг, вследствие близости обеих борющихся сторон и в силу закрытий, пред-

ставляемых городом и строениями его окраины, — почти внезапно.

"Известно, как поражает всякая неожиданность, — пишет генерал Паренсов, — тем более страшная. Известно также, как влияет на войска удар во фланг, в обход и, если принять во внимание психическое состояние, напряженность нервов, а, следовательно, до высшей степени доведенную впечатлительность находившихся на этих страшных скатах наших войск, то станет понятно, что настала минута критическая. Настала та минута, когда, или все назад, самовольно, без команды, стихийно... или переворот, подобный тому, какой был при штурме Гривицких редутов, появление отдельных героев, всех за собою увлекающих."

"Успех боя, — пишет об этом моменте генерал Куропаткин, — окончательно заколебался. Тогда генерал Скобелев решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв, самого себя. Неподвижно, не спуская глаз с редутов, стоял он верхом, спустившись с третьего гребня на половине ската до ручья, окруженный штабом, с конвоем и значком. Скрывая волнение, генерал Скобелев старался бесстрастно, спокойно смотреть, как полк за полком исчезали в пекле боя. Град пуль уносил все новые и новые жертвы из конвоя, но ни на секунду не рассеивал его внимания. Всякая мысль лично о себе была далека в эту минуту. Одна крупная забота об успехе порученного ему боя всецело поглощала его. Если генерал Скобелев не бросился ранее с передовыми войсками, как то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что он смотрел на себя, как на резерв, которым заранее решил пожертвовать без оглядки, как только наступит, по его мнению, решительная минута. Минута эта настала; генерал Скобелев пожертвовал собою и только чудом вышел живым из боя, в который беззаветно окупился."

Дав шпоры коню, генерал Скобелев быстро доскакал до оврага, спустился, или вернее, скатился к ручью и начал подниматься на противоположный скат, к редуту 1. Появление генерала было замечено даже в те минуты, — настолько Скобелев был уже популярен между войсками. Отступавшие возвращались, лежавшие вставали и шли за ним, на смерть. Его громкое: "Вперед, ребята", придавало новые

силы. Турки, занимавшие ложементы перед редутом 1, не выдержали, оставили их и бегом отступили в редуты и траншею между ними. Вид отступающих от ложементов турок одушевил еще более наших. "Ура", подхваченное тысячами грудей, грозно понеслось по линии. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, захавшиеся, охрипшие от крика, наши войска за Скобелевым все лезли и лезли вперед. Двигались нестройными, но дружными кучками различных частей и одиночными людьми. Огонь турок точно ослабел, или действие его, за захватившею всех решимостью дойти до турок и все возраставшею уверенностью в успехе, стало менее заметным. Казалось, в рядах турок замечалось колебание. Еще несколько тяжелых мгновений, и наши передовые ворвались с остервенением в траншею и затем в 4 часа 25 минут пополудни, в редут № 1..."*

Особенно сильно влияло на толпы солдат и охватывало их гипнозом появление вождя, известного и страшного врагу. Оно гипнотизировало обе стороны. Одной внушало уверенность в успехе, в победе, поднимало ее дух, вдохновляло и окрыляло ее, в другой подрывало веру в свои силы, зарождало страх в предвидении неминуемого поражения.

В эпоху Наполеоновских войн столкновение обыкновенно начиналось около пяти часов утра. Наполеон, избрав себе недалеко от резерва место, с которого открывался большой кругозор на поле битвы, следил за ее ходом, прогуливался, разговаривал с приближенными, принимал донесения, посылал приказания, а когда нужно, и выговоры, давал подкрепления только тем, которые, он знал, даром не попросят; но чаще в них отказывал. Дело с разными перипетиями тянулось таким образом до 4-х часов пополудни. Тогда он садился верхом, и все знали, что это значит.

Готовился *coup de collier*.

Он ехал к резерву. Там раздавались восторженные крики: *Vive l'Empereur!*..

Эти крики шли дальше, захватывали вторую линию бойцов, передавались в передние ряды.

* Н.Н.Головин, "Исследование боя", стр. 145-146-147.

И все знали: сейчас — удар по всей линии.

И те, кто изнемогал в бою, подымались духом, их сердца оживали. Неприятель, утомленный одиннадцатичасовым боем, перемешавшийся частями, лишившийся начальников, обратившийся в толпу, со всею ее психологией, с ее податливостью ко внушению, знал тоже, что это значит. Крики "Vive l'Empereur" падали на него, как удары грома на растерявшегося путника в степи. В рядах французов нарастал экстаз, ширилась уверенность в победе... Как часто, таким простым приемом, постоянно повторяемым, Наполеон прокладывал своим войскам путь к победе!

▣ П а н и к а

Как ни велика в бою действительная опасность, опытный солдат с нею справится. Гораздо страшнее, гораздо больше влияет на него опасность воображаемая, опасность ему внушенная.

Когда части перемешались, когда они обратились в толпу, они становятся импульсивны, податливы ко внушению, к навязчивой идее, податливы до галлюцинаций. Глупый крик: "наших бьют...", или еще хуже — "обошли", и части, еще державшиеся, еще шедшие вперед, поворачивают и бегут назад.

Начинается — паника.

Уже самое слово "паника", дошедшее из эллинской старины, из тумана веков, показывает, как старо это явление. Из истории всякой войны можно привести десятки примеров паники, охватывавшей войска то той, то другой стороны по самым глупым и странным причинам. Военные историки не очень любят заниматься этим вопросом.

Паника возникает в войсках или в самом начале боя, когда все чувства бойцов приподняты и страх неизвестности владеет ими, а в обстановке недостаточно разобрались и неприятель чудится везде, или в конце очень тяжелого, кровопролитного, порою многодневного сражения, когда части вырвались из рук начальников, перемешались и обратились в психологическую толпу. Особенно часто возникает паника в непогоду и ненастье.

В Японскую войну, под Тюренченом, Восточно-Сибирская стрелковая бригада генерала Кашталинского, после страшного многодневного нервного напряжения от ожидания боя, приняла на себя удар всей армии Куроки и местами была окружена. 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк колонною, с музыкантами впереди, со священником с крестом во главе полка штыками пробил себе путь отступления.

Но после этого наступила реакция. Путь отхода был один. Горная дорога на Фынхуанчен. Ближайшая помощь в Ляояне — в трехстах верстах. Когда эти перемешавшиеся частями, измученные люди выходили из боя, в стороне показались скачущие. Это были наши артиллеристы, бросившие орудия и ухившие на лошадях.

Кто-то крикнул: "японская кавалерия!.."

Началась сначала бесцельная стрельба, а потом бегство никем не преследуемых частей. Напряжение солдат было так велико, что одиночные люди были к вечеру того же дня в Фын-Хуан-Чене, в восьмидесяти верстах от Тюренчена!

Паника рождается от пустяков и создает иногда надолго тяжелую нравственную потрясенность войск, так называемое "паническое настроение". Это паническое настроение иногда бывает так сильно, что заставляет начальника переменить все планы.

В июле 1915 года наши армии отступали к Варшаве, преследуемые германцами. У нас было мало снарядов и патронов. Нам необходимо было задерживаться арьергардами, чтобы убирать обозы и парки. Каждый день тишины на фронте равнялся выигранному сражению, ибо накапливал нам патроны и снаряды.

22-го июля XIV армейский корпус генерала Войшин-Мурдас-Жилинского вел целый день бой у посада Савина на Влодавском шоссе. К вечеру войска изнемогли и начали беспорядочно отступать. На нашем правом фланге еще держался Лохвицкий пехотный полк, на левом отступление Брянского полка становилось похожим на бегство. Генерал Жилинский послал 2-ю казачью Сводную дивизию с приказанием остановить бегущих и во что бы то ни стало задержать немцев на нашей позиции до 1 часа ночи, когда он надеялся отойти и устроиться на заранее подготовленной позиции.

Наступала ясная лунная ночь. На Влодавской дороге ярко горел целый ряд деревень, и зарево пожаров далеко освещало поля.

Посланный для остановки Брянского пехотного полка 16-й Донской казачий полк ничего не мог сделать. Войсковой Старшина Ушаков был убит солдатами Брянцами. Там уже была невменяемая толпа, объятая паникой.

Лохвицкий полк, как только его фланг обнажился, стал отступать. Немцы шли за ним. Начальник 2-й казачьей Сводной дивизии приказал 1-му Волгскому казачьему полку атаковать лавами наступающих немцев. В атаку пошли 2-ая и 6-ая сотни есаулов Негоднова и Горячева.

Была уже ночь. Шел одиннадцатый час. Но ночь была светлая, лунная, озаренная заревами пожаров. Волгцы смяли и порубили передние цепи. Задние сомкнулись в батальон, но при виде несущихся на них казаков бросили ружья и подняли руки вверх. Волгцы порубили и их. Они дошли до болота и гати. За гатью был господский дом. В нем помещался штаб германской пехотной дивизии.

В этом штабе началась паника. Две сотни Волгцев и шедший за ними, но не принявший участия в атаке 11-й Линейный полк, показались прибежавшим немцам целой казачьей армией, обрушившейся на них. Наступление на всем фронте приостановилось. Настал день, а немцы были так нервно настроены, что не шли вперед. Была вызвана кавалерия и поставлена в резервной колонне впереди цепей. День 23-го июля прошел спокойно. Ночью на 24-е наш броневик "Илья Муромец" выехал на разведку по Влодавской дороге и, увидев на поле густую колонну немецкой кавалерии, бросил в нее два снаряда. Настроение немцев было такое напряженное, что они бросились врассыпную назад. Пехота, в темноте, приняла их за казаков и встретила ружейным и пулеметным огнем. Эта новая паника была так сильна, что немцам для успокоения своих частей пришлось на пять дней отказаться от продолжения наступления и сделать перегруппировку частей.

В толпе, образованной людьми, которые расстроены предыдущими переживаниями: ожиданием боя, самим боем, паникой, только что бывшей, — воображение становит-

ся болезненно развитым и доходит иногда до массовых галлюцинаций. История рассказывает нам о том, как один из отрядов Князя Димитрия Донского перед Куликовской битвой видел на небе небесную рать, сражающуюся за нас. Крестonosцы, шедшие к Иерусалиму, видели блестящее войско, закованное в латы и перед ним святых Георгия, Димитрия и Феодора. Во время штурма Иерусалима рыцари вдруг увидели на Елеонской горе видение светлого всадника, крестом в руке указывающего путь. Константин Великий и его свита перед решительной битвой видели светлый крест на небе с надписью "сим победиши". Во время великой Галицийской битвы в августе 1914 года взятые нами под Комаровым в плен австрийцы рассказывали, что они потому не могли одолеть Русских, что над Русскими цепями в небе появлялась Божия Матерь, прикрывавшая их своим омофором...

▣ *Обработка общественного мнения в предвидении войны. Русское общество в эпоху Отечественной войны 1812–14 гг.*

Как скоро мы признаем, что в каждом человеке есть две стороны жизни — жизнь личная, свободная и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы, у нас явится вопрос — нельзя ли влиять на эту стихийную жизнь человека, нельзя ли сделать так, чтобы законы, которым следует человеческое общество, создавались государством? Нельзя ли направлять человеческий рой, как направляет матка рой пчелиный?

Какие имеются в нашем распоряжении средства, чтобы общество настроить на пользу государству и чтобы сделать его послушным орудием государственной силы?

Мы не знаем никаких способов, чтобы помешать образованию толпы. А раз толпа образовалась, она каждую минуту может обратиться в психологическую толпу со всеми последствиями такого обращения.

Людское общество есть тоже толпа, уже образовавшаяся. Киньте в него удачные, волнующие лозунги, поставьте во главе его опытных умелых вождей - и общество в силу законов

подражания и восприимчивости станет поступать как толпа, станет неменяемой и тогда может быть направлена к хорошему или к дурному.

Какое громадное значение во время войны, имеет общество, мы можем видеть по сравнению России начала XIX века с Россией начала XX века.

Россия сто лет тому назад, после двухлетней войны победоносно вошла в Париж и водворила мир в Европе. Россия сегодняшнего дня после трехлетней войны погибла в крови классовой борьбы, легла опозоренная, поверженная в прах и поруганная. Невольно встает вопрос: в чем заключалась разница тогда и теперь? Почему тогдашнее общество выжило и с честью вынесло все то ужасное, что выпало на его долю, а наше общество не устояло и погибло?

Ведь и тогда войне предшествовали уныние, неудачи и позор. Умер Суворов. Насильственной смертью, после дворцового переворота, скончался странный, не понятый современниками Император Павел. Наши войны с Наполеоном, начались позором Аустерлица и Фридланда, Тильзитским вынужденным миром и дружбой с Наполеоном казавшимся большинству его Русских современников антихристом, исчадием ада. Против России крепла коалиция. Россия была одинока. Двадцать народов, ведомых самим Наполеоном, обрушились на Россию. И как началась война!! Отступлениями! Сдали Вильну, сдали Смоленск. Подошли к Москве. Сдача Москвы тогдашнему народному сознанию казалась невозможной. Она знаменовала гибель России. Но после Бородина был совет в Филях. Постановили сдать Москву... И Москву сдали, сожгли... Но войны все-таки не кончили.

Помню, как в только что минувшую великую войну говорили о возможности сдачи Киева. Кругом был один голос. Если Киев сдадут — конец войне. Война невозможна.

А вот тогда сдали Москву, Самое Москву! В сердце России вошел враг, а Русский народ не растерялся, не пришел в уныние, собрал новые ополчения и погнал француза. Через Тарутино, Малоярославец и Березину он опять дошел до Вильны и там не остановился. Люцен и Бауцен его не

смуглили и не испугали, а повели дальше к Кульму и Лейпцигу, а потом и к Парижу.

В чем же дело?

Воины были другие? Нет, мы нашим дедам не уступим ни в чем. Наша армия может гордиться тем, с какой честью выходила она из выпавших на ее долю испытаний.

Не выдержало общество. Не выдержала та скрытая толпа, которая оказалась с совершенно иною психологией и иначе обработанной и воспитанной, чем была обработана и воспитана та же толпа начала XIX века.

Тогда меры воздействия на общество, по сравнению с нынешним временем, были ничтожны. Газеты не имели широкого распространения, их было мало и они политическими вопросами почти не занимались. Народ осведомлялся манифестами, читаемыми священниками с амвона, да тем, что скажет ему помещик, что донесет до него стоустая народная молва. Образованное общество было монолитно. Оно крепко было спаяно вековыми традициями. Волноваться могло крестьянство, находившееся в крепостном состоянии. Оно и волновалось недавно — при Екатерине Великой, во время Пугачевского бунта, но оно сдерживалось дворянством, жившим в самой толпе крестьян, по своим поместьям и внушавшим крестьянам те или другие идеи. Крестьяне, почти поголовно неграмотные, жили жизнью и интересами помещиков. Кроме помещиков, были служилые люди — за малым исключением то же дворянство, купцы и мещане-ремесленники. Если мы прибавим к этому духовенство, то мы увидим, что, несмотря на незначительность средств воздействия на общество, их было совершенно достаточно, ибо всему тон задавало дворянство, глубоко проникшее в народ, и от его настроения зависело настроение всего общества. Рабочих масс не было. Пролетариата не было. Были нищие; были убогие; но все эти люди не имели под собою силы.

На дворянство оказывали влияние — непосредственная его близость ко двору и к Государю, часто объезжавшему губернии, литература, театр, но главное - семейное воспитание и традиции рода.

Семья в ту пору была крепка. Дворянская семья тысячью уз была связана с деревней. Крепостные слуги, няни, выезды

в поле, на работы, игры с крестьянскими детьми — все это соединяло барина с мужиком. Дворяне и крестьяне могли быть *враждебными* друг другу, но они в то же время не были *чужими* друг другу. Они постоянно сталкивались друг с другом. В церкви, на праздниках, на семейных торжествах, на охотах. Барин и мужик были вместе.

Отношения между ними были простые. В бесподобном описании псовой охоты Ростовых в "Войне и Мире" гр. Толстого мы читаем из жизни взятый случай, как неприличным словом обложил своего барина, помещика, графа, старика Ростова его крепостной, доезжачий Данила, за то что граф упустил, протравил волка.

“...На длинной спине бурой, почерневшей от пота лошади комочком, валясь вперед, сидел Данила без шапки, с седыми встрепанными волосами над красным, потным лицом.

— Улю-люлю, улюлю!..- кричал он. Когда он увидал графа, в глазах его сверкнула молния.

— Ж...! — крикнул он, грозясь поднятым арапником на графа.

— Про... ли волка-то!.. Охотники! — и, как бы не удаивая сконфуженного, испуганного графа дальнейшим разговором, он со всей злобой, приготовленной на графа, ударил по ввалившимся мокрым бокам бурого мерина и понесся за гончими. Граф, как наказанный, стоял, оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать в Семене сожаление к своему положению...”

После охоты — "граф Илья Андреич тоже подъехал и потрогал волка.

— О материщий какой, — сказал он. Матерый, а? — спросил он у Данилы, стоявшего подле него.

— Матерый, ваше сиятельство, — отвечал Данила, поспешно снимая шапку.

Граф вспомнил своего прозванного волка и свое столкновение с Данилой.

— Однако, брат, ты сердит, — сказал граф.

Данила ничего не сказал и только застенчиво улыбнулся детски кроткой и приятной улыбкой..."*

При таких отношениях было естественно, что в трудные времена жизни государства народ искал совета у помещиков, бывших при нем, и народное мнение являлось мнением помещиков.

Помещик образование получал, за малым исключением, дома. Священник, дьячок или приезжий на каникулы бурсак — семинарист, философ или богослов, обучение псалтырю и часослову, Российской грамоте, потом для немногих пансион или гимназия и очень редко университет, — вот образовательный ценз тогдашнего дворянства. В науках преобладал патриотизм. В близком прошлом был блестящий век Екатерины — Суворов, Румянцев и Орлов — победы и завоевания. В более глубоком прошлом Елисавета и Петр — победы и завоевания. Было чем гордиться. Россия раздвигалась на запад и восток, новые невиданные по красоте и богатству страны склонялись под власть короны Российской. Андреевский флаг реял на кораблях Российских в Средиземном море, Атлантическом и Великом океанах.

Литература — творения Карамзина и оды Державина — возвышала душу и украшала Российское имя.

Театр... Современник описывает, как в ноябре 1807 года, то есть сейчас после Фридландской неудачи и Тильзитского мира на сцене Большого театра в Санкт-Петербурге шла первый раз трагедия Озерова "Димитрий Донской". Она была полна тонких намеков на только что пережитую нами неудачу. И когда актер Яковлев, игравший Димитрия, говорил монолог, обращаясь к князьям и боярам, он в одном месте повернулся лицом в зрительный зал и с чувством и подчеркнuto произнес:

"Беды платить врагам настало ныне время."

Толпа зрительного зала в этот миг обратилась в психологическую толпу. Одна и та же мысль ею овладела — пора отомстить Наполеону за унижение Тильзита. Одно имя было у всех на устах: Багратион. Весь зал поднялся с мест. Стучали скамьями, креслами, тростями и саблями. Аплоди-

* Гр. Л.Н.Толстой. "Война и Мир". Изд. Ладыжникова. Т. II, стр. 341 и 347.

ровали не автору и не актеру, но той мысли, которая овладела всеми: *"Ах, лучше смерть в бою, чем мир бесчестный."*

После победы Димитрия над Мамаем, когда Димитрий, израненный, становится на колени и, сняв шлем, молится, Яковлев читал монолог Димитрия особенно четко, как бы внушая толпе:

*Но первый сердца долг Тебе, Царю царей.
Все царства держатся десницею Твоей.
Прославь... и утверди... и возвеличь Россию,
Как прах земной, сотри врагов кичливых выю,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменный мог:
Языки, ведайте: — Велик Российский Бог!..*

Слова эти наэлектризовали публику, и долгое время после театр не мог успокоиться.

Так готовились наши деды к мысли о необходимости войны, победы и расплаты.

Какое же было отношение общества к армии?

Мы можем его изобразить словами Грибоедовской комедии "Горе от ума".

*"Когда от гвардии, иные от двора,
Сюда на праздник приезжали,
Кричали женщины ура
И в воздух чепчики бросали..."*

Настроение было патриотическое. Оно ярко выражалось и словами модного в те дни "польского", которым открывались все тогдашние балы:

*"Гром победы раздавайся,
Веселися храбрый Росс,
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрес."*

При таком настроении общества легко прошли и ужасная Фридландская неудача, и голод, и тиф, и цинга в армии в 1807-м году, как результат отвратительно поставленного снабжения, и наше отступление к Москве в 1812-м году. По гостиным и штабам могли шипеть об изменниках немцах, о Пфуле, Барклае де Толли, Вольцогене, Армфельде и других, окружавших государя Александра I, могли упрекать Кутузова в кунктаторстве, но это не было глубоко, это не могло сло-

мать уверенности в Российской армии, в неизбежной будущей победе, которая была *внушена* обществу работою в семье, деревне, школе, литературе и театре.

✓ *Русское общество перед Великой войной 1914–17 гг.*

Обратимся к столь недавнему печальному нашему прошлому. Русское общество...

Эта уже не та компактная, монолитная, единая масса, прослоенная дворянством, служилым и поместным, какая была перед Отечественной войной 1812 года.

Крестьяне были не одни. Подле них выросла громадная городская армия рабочих. Появилось целое сословие людей, не имеющих ни собственности, ни определенных занятий, — пролетариат.

Крестьянство, рабочие и пролетариат получили все обычные свойства психологической толпы — подражательные склонности, способность ко внушению и легкую возбудимость, импульсивность.

Крестьяне только что прошли через искушение погромов, грабежей и убийств 1905-го года. Они еще не забыли об этом и не успокоились. Так недавно были пожары усадеб и карательные экспедиции с расстрелами и порками. Молодежь выросла на этом и этого не забыла к 1914-му году. Она была уже развращена.

Не в лучшем положении были и рабочие. Забастовки только что закончились. Рабочие потрясали столицы и города, — они сознали себя силою.

Средств внушения этой толпе каких угодно идей было много. Газета широко проникла в деревню и в рабочие кварталы. Для малограмотных всегда находились толкователи и учителя из интеллигентной молодежи, устремившейся "просвещать" народ. Настроение этой молодежи и большинства самой интеллигенции было антипатриотическое. Слово "патриот" было оскорбительно. К нему постоянно приклеивали приставку "ура", либо присловье "квас-

ной" — "ура-патриот", "квасной патриот". Любить Родину становилось неприличным.

Один весьма крупный писатель отозвался о России — "самая печальная страна в мире". Или он не знал России, или он ничего не видел, кроме России.

Народ с одной стороны возвеличивали, с другой затапывали в грязь. "Мы ни к чему не годные люди. Кишка у нас тонкая. Чуть постреляли — и в кусты."

Интеллигенция, шедшая "просвещать" народ, не забывала и армии. В рассказе М.Горького "Солдаты" описывается, как девушка "просвещает" солдат, поставленных для охраны имения. Какого рода мысли витали в это время в головах тогдашней молодежи, как она относилась к России и армии, в каком духе просвещала она народ, что она готовила и к чему стремилась, можно видеть из следующих слов Назанского, одного из героев Купринского "Поединка".

"Да, настанет время, и оно уже у ворот. Время великих разочарований и страшной переоценки. Помните, я говорил вам как-то, что существует от века незримый и беспощадный гений человечества. Законы его точны и неумолимы. И чем мудрее становится человечество, тем более и глубже проникает оно в них. И вот я уверен, что по этим непреложным законам все в мире рано или поздно приходит в равновесие. Если рабство длилось века, то распадение его будет ужасно. Чем громаднее было насилие, тем кровавее будет расправа. И я глубоко, я твердо уверен, что настанет время, когда нас, патентованных красавцев, неотразимых соблазнительей, великолепных щеголей станут стыдиться женщины и, наконец, перестанут слушаться солдаты. И это будет не за то, что мы били в кровь людей, лишенных возможности защищаться, и не за то, что нам, во имя чести мундира, проходило безнаказанным оскорбление женщин, и не за то, что мы, опьянев, рубили в кабаках в крошку всякого встречного и поперечного. Конечно, и за то и за это, но есть у нас более страшная и уже теперь непоправимая вина. Это то, что мы слепы и глухи ко всему. Давно уже, где-то вдаль от наших грязных вонючих стоянок совершается огромная, новая светозарная жизнь. Появились новые, смелые, гордые люди, загораются в умах пламенные сво-

бодные мысли. Как в последнем действии мелодрамы, рушатся старые башни и подземелья, и из-за них уже видится ослепительное сияние. А мы, надувшись, как индейские петухи, только хлопаем глазами и надменно болбочем: "Что? Где? Молчать! Бунт! Застрелю!" И вот этого-то индюшечьего презрения к свободе человеческого духа нам не простят во веки веков...

Да наступает новое, чудное, великолепное время. Я ведь много прожил на свободе и много кой-чего читал, много испытал и видел. До этой поры старые вороны и галки вбивали в нас с самой школьной скамьи: "Люби ближнего, как самого себя, и знай, что кротость, послушание и трепет суть первые достоинства человека". Более честные, более сильные, более хищные говорили нам: "Возьмемся об руку, пойдем и погибнем, но будущим поколениям приготовим светлую и легкую жизнь". Но я никогда не понимал этого. Кто мне докажет с ясной убедительностью, — чем я связан с этим, черт бы его побрал! — моим ближним, с подлым рабом, с зараженным, с идиотом? О, из всех легенд я более всего ненавижу — всем сердцем, всей способностью к презрению — легенду об Юлиане Милостивом. Прокаженный говорит: — "Я дрожу, ляг со мной в постель рядом. Я озяб, приблизь твои губы к моему смрадному рту и дыши на меня." Ух, ненавижу! Ненавижу прокаженных и не люблю ближних. А затем, какой интерес заставить меня разбивать свою голову ради счастья людей тридцать второго столетия? О, я знаю этот куриный бред о какой-то мировой душе, о священном долге... Любовь к человечеству выгорела и вычадилась из человеческих сердец. На смену ей идет новая, божественная вера, которая пребудет бессмертной до конца мира. Это любовь к себе, к своему прекрасному телу, к своему всесильному уму, к бесконечному богатству своих чувств"... "Кто вам дороже и ближе себя? — Никто. Вы — царь мира, его гордость и украшение. Вы — бог всего живущего. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежит нам. Делайте, что хотите. Берите все, что вам нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что над вами никого нет и никто не равен вам. Настанет время, и великая вера, в свое я осенит, как огненные языки Святого

Духа, головы всех людей, и тогда уже не будет ни рабов, ни господ, ни калек, ни жалости, ни пороков, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станут богами. И подумайте, как осмеюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть человека, в котором я чувствую равного себе светлого бога? Тогда жизнь будет прекрасна. По всей земле воздвигнутся легкие, светлые здания, ничто вульгарное, пошлое не оскорбит наших глаз, жизнь станет сладким трудом, свободной наукой, дивной музыкой, веселым, вечным и легким праздником. Любовь, освобожденная от темных пут собственности, станет светлой религией мира, а не тайным, позорным грехом в темном углу, с оглядкой, с отвращением. И самые тела наши сделаются светлыми, сильными и красивыми, одетыми в яркие, великолепные одежды. Так же, как верю в это вечернее небо надо мной, так же твердо верю я в эту грядущую богоподобную жизнь!...”*

Эти Ницшеанские идеи, преломившиеся по-русски, написаны почти за двадцать лет до Великой войны. Они были общи тогдашней Русской литературе и театру. Вы найдете такое же презрение к серому "мещанству" обыденной жизни и такое же мечтательное устремление к какой-то необычайной, светлой, легкой жизни, которая должна наступить как-то сама собою через сто, двести лет, в произведениях Леонида Андреева, Горького, Сологуба и особенно в пьесах Чехова. Ими жило Русское образованное общество, на их мечтательной, акварельной никчемности создавались новые течения театра.

Русское общество к началу великой войны было точно чем-то утомлено, искало чего-то нового, ожидало чего-то необычайного. Оно жило в каких-то сумерках. Оно не жаждало побед, оно готово было к поражениям, ожидая за ними светлую новую жизнь. Эти мысли были ему *внушены*. Оно восприняло их. Наша молодежь предвоенного времени ждала той бури, которую воспел М.Горький в стихотворении в прозе "Буревестник"...

“...Буря! Скоро грянет буря! Это смелый буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы: пусть сильнее грянет буря...”

* А.Куприн. Поединок. Московское книгоиздательство. Стр. 284 - 287

Это ожидание бури, это *желание бури*, а не победы над врагом, постепенно, с непостижимой силою и быстротою, охватывало Русское общество во время самой войны. Оно веяло с газетных листов, оно звучало с трибуны Государственной Думы, оно смотрело с экрана кинематографа, оно говорило со сцены театра, и общество постепенно обращалось в психологическую толпу, импульсивную, неменяемую, легковерную, восприимчивую, то верящую в свои силы, то отчаивающуюся и легко падающую духом. Внушать такому обществу стало легко и чем невероятнее была внушаемая ложь, тем легче ей верили. (Распутин, сепаратный мир с Германией, измена генералов, шпиономания и т.д.).

▣ *Настроения армии перед Великой войной и во время войны*

Наша Армия, несмотря на неудачи Японской войны, а отчасти благодаря этим неудачам, к началу великой войны была на высоте обучения и воспитания и в этом отношении была сильнее армий противника.

"...Наши перволинейные войска в отношении боевых качеств и тактической подготовки были на должной высоте, — пишет генерал Головин в своей книге "Из истории кампании 1914 года на Русском фронте". — Неудачи Японской войны не поколебали традиций старых частей, знамена которых участвовали во многих победах прежних времен. Ценою крови на полях Маньчжурии против первоклассного неприятеля был куплен боевой опыт новой тактики. В 1914 году в рядах наших войск находилось большое число командиров, офицеров и унтер-офицеров, прошедших лучшую военную школу — школу войны.

Пехота в значительной мере отрешилась от пережитков в виде массивных цепей и стремилась обосновать свои боевые действия на работе звеньев. Стрелковое дело было поставлено выше, чем в любой армии мира. В этих отношениях Русские перволинейные войска оказались лучше подготовленными, нежели противники...

Наша полевая артиллерия в смысле умения использовать свойства современной скорострельной пушки превосходила не только артиллерию противника, но и французскую, всегда занимавшую почетное первое место...

...Мы считаем себя вправе утверждать, что в 1914 году *кадры Русских войск должны быть поставлены на первом месте* как по сравнению с нашими союзниками, так и с противниками."^{*}

Духовно армия стояла на громадной высоте. Офицеры типа Купринского Назанского были исключением. Армия была вне политики и далека от нее. Целодневные, очень тяжелые занятия воспитанием и обучением солдат не давали возможности офицеру особенно углубляться в газетную и иную литературу. Офицеры читали преимущественно военные журналы и газеты и потому зловещие крики "буревестников" их мало коснулись. Они вышли на войну, чуждые того гипноза, который охватывал Русское общество, и готовые исполнить свой долг до конца.

Директива Русским армиям была поставлена замечательно правильно, верно и ясно.

— Я приказал Великому Князю Николаю Николаевичу, — сказал Государь Император французскому посланнику Палеологу, — возможно скорее и во что бы то ни стало открыть путь на Берлин. Я придаю нашим операциям в Австрии лишь второстепенное значение. То, что мы должны достигнуть прежде всего, это уничтожение германской армии...^{**}

Почему же при таком прекрасном качестве Русской армии, при столь ясной и определенной директиве и при громадном военном таланте ее исполнителя Великого Князя Николая Николаевича в результате мы разбросались, не исполнили твердого приказа Государя, повели наступление по двум расходящимся операционным направлениям и побочное предпочли главному?

Причин много. Они подробно, ясно и верно изложены в капитальном труде генерала Головина, мы же остановимся

^{*} Генерал Н.Н.Головин. Из истории кампании 1914-го года на Русском фронте. Стр. 28,29,30.

^{**} Там-же. Стр. 96.

на одной, нас по самому предмету нашему интересующей — *психологической причине*.

Русский Генеральный Штаб, мозг армии, — с давних времен, со времен Пфуля и Толя — благоговел перед немцами. Тактика Клаузевица и стратегия Мольтке были долгое время основанием нашей тактики и стратегии. Лишь в последнее время появились тактика Драгомирова и стратегия Леера, лишь недавно на Русское военное искусство начали обращать внимание. Наши офицеры Генерального Штаба в громадном большинстве чувствовали себя учениками немцев, и отсюда в оперативные планы стал невольно закрадываться страх перед немецким могуществом. Этот страх стал незаметно вливаться и в самую армию через ее офицеров.

Австрийцев мы всегда били и презирали со времен Суворова. Явилось два фронта — фронт германский — страшный, грозный, с серьезным противником, и фронт легкий, где сотнями тысяч берут пленных, — австрийский.

Началось с пустой кичливости одних войск перед другими.

"Вы, мол, что, вы на австрийском фронте работали, а попробовали бы на германском!"

Так, шутя, из бахвальства, мы сами внушали своим войскам страх перед немцами.

Пока армия была армией, пока были целы кадровые командиры и офицеры, это мало на нее действовало. Были даже части, которые стремились на германский фронт, чтобы испытать "настоящего" противника, чтобы померяться силами с достойным врагом. Но, когда кадровые офицеры и солдаты были в большинстве выбиты или ранеными ушли из армии, традиции частей стали исчезать, в армию вошли новые люди, — армия стала все больше приобретать психологию толпы и заражаться теми идеями, которые владели обществом. Тогда явился великий соблазн идти по линии наименьшего сопротивления, наносить удары там, где это было легко, и избегать ударов на главном фронте.

Командующие Северным и Западным Фронтами перестали выполнять, отговариваясь разными причинами, поставляемые им директивы, стали топтаться на месте, и вся

война изменилась под самим себе внушенным гипнозом германской силы.

А когда армия наполнилась людьми, не думающими о победе, но проникнутыми ожиданием какого-то чуда, какого-то такого времени, когда люди "станут богами" и когда жизнь станет прекрасной, она потеряла последнюю устойчивость и, как всякая толпа, стала легко восприимчива к самым невероятным идеям, внушаемым ей со стороны.

Идеи были готовые. Они давно носились в воздухе, они только ждали момента, когда армия обратится в психологическую толпу, чтобы со всею силою ею овладеть.

■ *Значение морального воспитания народа*

При современных коротких сроках службы и громадных армиях вся мужская молодежь государства проходит воинское воспитание. Армия является народной школой. Армия должна воспитать и укрепить молодежь в любви к Родине и в гордости своим прошлым. Армия должна сделать не только войско, но и народ, то есть общество, храбрым, мужественным, стойким и волевым.

Мы знаем, как и какими науками развивать в том или другом направлении человеческий ум.

Мы все более обращали внимания на гимнастику, тренировку тела и спорт, желая оздоровить тело народа — в школах и его солдат — в армии.

Но мы всегда очень мало отдавали себе отчет в том, как закалить душу солдата, как и чем на нее влиять, как научить людей так владеть своею волею, чтобы легко уметь направлять внимание на должное. Как поднять человеческий дух, сделать его твердым волею и мощным, способным на героизм.

Как велики и широки эти задачи для армии!

Вне работы всего общества во всей его совокупности — семьи, школы, литературы, газеты, театра, лекций, радио, кинематографа — значит, *без помощи государства* — *армия не выполнит этой задачи*. Как бы высоко ни стоял офицерский корпус, он будет бессилён, ибо солдат, выходя из казарм и попадая в иную среду, возвращаясь в город, в

деревню после службы, будет забывать воспитание, внушенное ему офицером.

Когда мы разбирали духовные свойства единичного человека, мы отметили то громадное значение, какое имеет вера в Бога, Его милосердие и загробную жизнь — то есть религия, — христианская, магометанская, буддийская, все равно, — но религия высокой морали, имеющая в себе божественное начало.

Если это имеет такое значение для отдельного человека, то еще большее имеет оно значение для всего общества, для целого народа. Отсюда — Русская, тихая, не воинствующая, христианская покорность смерти, православная мягкость Русского солдата. Отсюда — напористость и огонь воинствующего католицизма француза. Отсюда — мусульманский фанатизм и буддийское равнодушие к смерти.

Конечно, если бы когда-нибудь народное общество могло вырасти в сознании христианской любви ближнего, способной на жертву собою, смысл войны был бы утерян. Не Лига Наций, но только христианское воспитание народов могло бы дать длительный мир.

Потому — жалко и ничтожно то правительство, которое решается обходиться без религии. Недостойна та церковь, которая покидает народ, угождая неверующему правительству.

Но как же Франция, давно отказавшаяся от церкви?

Но как же Германия и Турция, пошедшие на отрыв от церкви?

Как же, наконец, сатанинский союз советских республик, вступивший в борьбу с церковью и начавший неслыханное с первых веков христианства гонение на церковь?

Франция гибнет морально. Если она не погибла в эту войну, то лишь потому, что Франция в лице своего социалистического правительства отказалась от церкви, но сами французы, ее народ, не отказались от нее.

В Германии и Турции, несмотря на отказ от церкви правительства, народ ей верен. Идет невидимая борьба за церковь в семье, и гибель и процветание этих стран зависят от того, кто окажется победителем, — правительство, рав-

нодушное к церкви, или народ, к церкви не равнодушный, радеющий о церкви.

Сатанинский союз советских республик в своем гонении на церковь встретил жестокое сопротивление в народе, — и он губит государство по мере того, как сламывает это сопротивление. Только сломит ли?

В государстве, как мирном сожительстве людей, не может быть двоякой морали.

Не может быть, чтобы одни, как герой Купринской повести Назанский, открыто исповедывали, проповедовали и проводили в жизнь новую "божественную" веру: "любовь к себе, к своему прекрасному телу, к своему всеильному уму, к бесконечному богатству чувств", а другие исповедывали заповедь Христову о любви к ближнему, способной душу свою отдать за этого ближнего.

Невозможно, чтоб одни говорили: — "Кто вам дороже и ближе себя? Никто. Вы — царь мира, его гордость и украшение. Вы — бог всего живущего. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежит вам. Делайте, что хотите. Берите все, что вам нравится", — а другие, рядом с ними, называли себя рабами Господа и были готовы служить Богу и людям.

Невозможно, чтоб одни "октябрили" детей и давали им клички "Совнарком" или "Ленина", а другие тут же крестили их святым крещением, давая им имена угодников Божиих.

Такое государство, такое общество неминуемо погибнут в ненависти, злобе, вражде и чудовищном разврате. Порочные инстинкты возьмут верх и начнется неслыханное истребление во имя своего "я" всех иначе мыслящих.

Только моральное, божественное учение, проповеданное Христом, Магометом или Буддью, способно внести те сдерживающие начала, которые делают мыслимым человеческое общежитие, дают возможность работать и воспитывать общество и в нем создавать боеспособную армию.

В России такую силу до последнего времени была вера в Единого Бога — христианская православная вера, покровительствуемая Императорским правительством, у Русских, магометанская, не менее покровительствуемая тем же правительством — у Русскоподданных магометан и буддийская

— у буддистов. В столице России были храмы православные, старообрядческие, католические, лютеранские, протестантские, магометанские мечети и буддийские кумирни. Ибо Бог был один и высока была его мораль.

Гр. Л.Н.Толстой в "Войне и Мире" описывает, как перед Бородинским сражением, на поле, где солдаты и ополченцы устраиваются для боя, служат молебен перед иконой Смоленской Божией Матери.

"...Из-под горы от Бородина поднималось церковное шествие. Впереди всех по пыльной дороге стройно шла пехота с снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пехоты слышалось церковное пение.

Обгоняя Пьера, без шапок бежали навстречу идущим солдаты и ополченцы.

— Матушку несут! Заступницу!.. Иверскую.

— Смоленскую матушку, — поправил другой.

Ополченцы, и те, которые были в деревне, и те, которые работали на батарее, побросав лопаты, побежали навстречу церковному шествию. За батальоном, шедшим по пыльной дороге, шли в ризах священники, — один старичок в клобуке с причтом и певчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом, в окладе, икону. Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией. За иконой — кругом ее, впереди ее, со всех сторон — шли, бежали и кланялись в землю с обнаженными головами толпы военных.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшие на полотенцах икону люди переменились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебен. Жаркие лучи солнца били отвесно сверху; слабый свежий ветерок играл волосами открытых голов и лентами, которыми была убрана икона; пение негромко раздавалось под открытым небом. Огромная толпа, с открытыми головами, офицеров, солдат, ополченцев окружала икону. Позади священника и дьячка на очищенном месте стояли чиновные люди. Один плешивый генерал с Георгием на шее стоял прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно, немец), терпеливо дожидался конца молебна, который он считал нужным выслушать, вероятно, для возбуждения патриотизма русского народа.

Другой генерал стоял в воинственной позе и потряхивал рукой перед грудью, оглядываясь вокруг себя. Между этим чиновным кружком Пьер, стоявший в толпе мужиков, узнал некоторых знакомых; но он не смотрел на них: все внимание его было поглощено серьезным выражением лиц солдат и ополченцев, однообразно жадно смотревших на икону. Как только уставшие дьячки (певшие двадцатый молебен) начинали лениво и привычно петь: "Спаси от бед рабы Твоя, Богородице", и священник и дьякон подхватывали: "Яко вси по Бозе к Тебе прибегаем, яко нерушимей стене и предстательству" — на всех лицах вспыхивало опять то же выражение сознания торжественности наступающей минуты, которое он видел под горой, в Можайске и урывками на многих и многих лицах, встреченных им в это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестов по грудям..."*

Во время Мукденского сражения в Японскую войну, в Феврале 1905 года, некоторые наши части были при отступлении совершенно окружены японцами.

Масса людей и обозов сбилась в овраге, но выйти из него не могла, так как у выхода в деревне засели японцы. Тут же была группа со знаменем. Люди совершенно пали духом и лежали безучастно, укрываясь скатами оврага от пуль. Было несколько разрозненных попыток, но все они разбивались об огонь японцев. Никакие убеждения и команды не действовали. Но вот кто-то, кажется унтер-офицер, выскочил быстро наверх.

В руках его мелькал блестящий большой крест. Откуда взялся этот крест, трудно сказать. Вероятно, он принадлежал походной церкви.

Унтер-офицер этот кричал: "Братцы, пойдем за крестом!! За знаменем!"

Кто-то крикнул:

— Знамя! Выручай! Знамя пропадает!

И случилось что-то необычайное: множество людей сняли папахи и, перекрестясь, быстро ринулись наверх, увлекая всех за собою.

* Гр. Л.Н.Толстой. "Война и Мир". Изд. Ладыжникова. Том III. Стр. 268 - 269.

Без криков ура, молча, масса кинулась на заборы и валы, занятые японцами. Слышен был лишь топот бегущей толпы да ее тяжелое дыхание.

Японцы оторопели и, прекратив стрельбу, бросились назад. Говорили, что наши в исступлении изломали японские пулеметы руками.

Через минуту огромная колонна беспрепятственно ползла из рокового оврага.**

Что же сделало наших солдат и ополченцев 1812 года такими, что накануне смертного боя при пении молебна на их лицах "вспыхивало выражение сознания торжественности наступающей минуты" и что все они "серьезно, однообразно жадно смотрели "на чудотворную икону"?

Что сделало наших солдат 1905 года такими, что, когда никакие увещания и команды на них не действовали, показали им крест, крикнули: "Братцы! пойдём за крестом, за знаменем!" — они рванули на бой и на смерть, как один человек?

Не уроки Закона Божьего, ибо большинство их не знало. Не изучение религии в религиозно-философских обществах, ибо их тогда не было, да если б и были, народ там не бывает, но привитие веры всем бытом нашей Русской жизни.

Эта глубокая, страстная вера возникла еще тогда, когда бессознательными младенцами лежали они в колыбели и над ними молилась их мать, когда в первый раз из темной, дымной хаты попали они в храм, в сияние золота икон и в блеск свечей. Они восприняли эту веру с молитвой, с крестным знаменем, с молебным пением, с постами и розговенами, с исповедью и причащением, с утихшей тоской у могилы близкого человека. Они впитывали веру, как губка влагу, в тысяче мелких, часто незаметных подробностей жизни. Как тело гимнастикой, так они душу свою воспитали и развили в этой вере.

Эту работу наших предков, эту более чем тысячелетнюю *правду* нашей, нашими дедами созданной, несказанной красоты Православной церкви мы должны отстаивать, не щадя

** Грошев. "Нечто о духовном элементе".

щая жизнь, продолжать и развивать — это наш первый Русский долг.

Насаждая в армии религиозное чувство в ее солдатах, мы должны параллельно развивать в них патриотизм, любовь к отечеству и народную гордость. Мы должны доводить в них исполнение их долга до высшего напряжения — до готовности отдать все: и карьеру, и имущество, и самую жизнь во имя долга. Мы должны развивать в них величайшие воинские доблести — храбрость и мужество!

И это развитие в солдате солдатской добродетели должно идти не только словесным обучением, но так же, как религиозное воспитание человека, — всею жизнью, всем бытом, всем ритуалом военной службы, без которого одними уроками, одним обучением мы никогда не создадим храброго, доблестного воина..

✓ *Воспитание солдата*

Темный коридор старой бревенчатой казармы. Поздний вечер. Барабан только что пробил вечернюю зорю. Масляные чадающие лампы едва разгоняют сумрак. В их свете тяжелыми и грубыми кажутся шеренги вытянувшихся на перекличку солдат. Тускло мерцают медные Екатерининские каски. Там наметится плечо кафтана, там край тяжелого сапога. Люди устали за день экзерциций, муштровки и караула, люди промерзли на Русском морозе. Веско, медленно и тяжело, точно удары молота по наковальне, бьют слова, упадая на душу чеканящими ударами. Их вычитывает офицер по Суворовскому наказу. Капрал держит ночник над листком с приказом. Эти слова вычитывают после всякого большого ученья, после всякого маневра и ночью перед общей молитвой:

— Субординация,.. экзерциция... дисциплина... Чистота... здоровье... опрятность... Бодрость... смелость... храбрость... Победа... Слава! Слава! Слава!..

Так вколачивалось в солдатские мозги основание воинской службы и становилось крепким, как молитва.

Субординация... дисциплина... Не только уставы: внутренней службы с его параграфами о начальниках и старших, об отдании чести и внутреннем воинском порядке, дисциплинар-

ный устав с его воинскими проступками и наказаниями и устав караульной службы, — не мелочное их изучение, но мелочное их исполнение действуют на человеческую душу и воспитывают из человека — солдата.

Субординация... В современную армию с партией новобранцев приходят разные люди. Придут простые, честные и верующие люди. Но придут и социалисты, и доморощенные политики, и недоучки, нахватавшиеся из газет и грошовых брошюр грошовой мудрости. Толкуй такому об обязанностях солдата, о его воинском долге! У него своя наука на уме. Он думает, что он все знает, и он привык за словом в карман не лазить. Попробуйте начать объяснять и убеждать, — он сам вам иной раз так разъяснит, что не сразу найдете, как ответить. Тут на помощь и является воинский порядок, та *субординация*, которая заставляет даже окружающую толпу притихнуть.

Команда: смирно!.. Смолкли разговоры. Люди стали в струнку... Вытянулись неподвижно.

— Равняйся!..

Шеренги приняли красивую стройность. Их мелочно выравнивает унтер-офицер. Опять команда:

— Смирно! Равнение направо!

Головы подняты, повернуты направо. Левое ухо ниже, подбородки кверху. Все глаза на начальника.

Что это? Отдание чести офицеру? Возвеличение молодого "его благородия" перед "серой скотинкой"?

Нет... Это начало той субординации, которая постепенно войдет в солдатскую душу. На одних это произведет впечатление оторопи, огорошит их, собьет их с их горделивой позиции, где они чувствовали себя "богами", которым все позволено, других заставит серьезнее взглянуть в свое, может быть, слишком приниженное "я", а всех вместе заставит почувствовать себя уже не самими собою, а каким-то коллективным "я", — "взводом", ощутить в себе общую, сильную душу, податливую на внушение начальника, познать себя солдатами.

Чем выше начальник — тем впечатление, производимое им на строй, должно быть сильнее. Музыканты и барабанщики приготовили и продули инструменты. Все встрепену-

лись. Команды следуют за командами. Люди выравниваются, тянутся, стараются. Строгие подпоручики и поручики обращаются в песчинки, которые то подают на пол-носки вперед, то осаживают чуть-чуть назад. Грозные ротные замерли на своих местах. Старший штаб-офицер волнуется. Наконец — последняя команда:

— Господа офицеры!

Плавно грянул оркестр полковой марш, и перед полком появляется командир полка.

Это не просто человек. Не Егор Степанович, которого вы вчера обыграли в бридж, не толстый старый человек, которому денщик дома снимает сапоги, ибо у него ноги не гнутся, не барин, не буржуй, не "враг трудового народа", но — *командир полка*. Человек, который со всей этой массой может сделать все, что угодно. Может повести на смерть, может загонять на плацу до седьмого пота, может наградить, накормить, напоить и может заставить терпеть холод и голод.

Это сознание подчиненности командиру сливается со звуками полкового марша, с торжественным рапортом штаб-офицера, с дружным ответом на приветствие первого батальона. Это обряд, это ритуал, который поднимает, волнуется, возбуждает какие-то чувства, а в общем внушает толпе веру в начальника, начальнику же уверенность в людях. Уберите эти мелочи, упростите обряд, — и уже не тот станет командиром и не тот полк. Суворов был врагом излишней муштры и парада. Суворов был сторонник простоты обучения. Однако, как тонко понимал он этот ритуал появления начальника перед солдатами! Тут он обдумывал все: свой костюм, аллюр лошади, что и как кому сказать, — самый звук своего голоса.

В Италию на подкрепление армии Суворова в 1799 году прибыли пополнения. Суворов назначил им смотр у города Пьяченцы. Вот как описывает этот смотр и свои чувства очевидец:

"... Все ожидали непобедимого и с нетерпением смотрели в ту сторону, откуда он должен был ехать. Стены города Пьяченцы покрыты были сплошной толпой горожан и раненых французов.

И вот: пыль столбом по пути, и вот он, отец наш Александр Васильевич! Он прямо и шибко ехал к нам верхом на

лошади, окруженный многочисленной свитой. Если бы не святая дисциплина, удержавшая в рядах строя ратников, — то все войско кинулось бы к нему навстречу! И вот он подъехал к середине корпуса, остановился, взглянул своим орлиным взором, — громко сказал: "Здравствуйте, братцы! — чудо-богатыри! — старые товарищи! — здравствуйте!.." И ответ ратников, как сильная буря, вырвавшись из ущелья гор, как раскат грома, огласил окрестности: — "Здравия желаем, отец батюшка!" — Наконец, голос ратников "ура!" покрыл все. Александр Васильевич шибко проехал по линии войск, приветствуя их: — "Здравствуйте, чудо богатыри! Русские! Братцы! Здравствуйте!" И тогда-то приказал начать примерное сражение по методу его.

Пример сражения продолжался не более часа, натиск и удар в штыки. Затем войска остановились в колоннах. Александр Васильевич приехал к ним. Все полки и батальоны сомкнулись густо и сблизились к месту, где был непобедимый. Говорил речь войскам о победах над французами, и речь его была коротка: помянул о победах, давно бывших над врагами, и в заключение сказал: "Побьем Французов-безбожников! В Париже восстановим по прежнему веру в Бога милостиваго; очистим беззаконие! Сослужим службу Царскую — и нам честь, и нам слава!.. Братцы! Вы богатыри!.. Неприятель от вас дрожит!.. Вы - Русские!.." И крики десятков тысяч ратников: "Рады стараться! Веди нас, отец наш, готовы радостно!.. веди, веди, веди! Ура!!" — огласили окрестности Пьяченцы.

Александр Васильевич поехал от нас, и вслед за ним начальники полков и батальонов повели старых его знакомых ратников. О, как радостны возвратились к нам наши старики, чего они только не говорили нам! Их было человек около полусотни, и почти всех по именам знал Александр Васильевич; и все с ним были в Крыму, на Кубани, на Пруте, при Рымнике, на Дунае и в Польше; и со всеми он говорил, и всякому дал свое слово ласковое. После того он сказать изволил: "Прощайте, братцы, покудова! Увидимся!.. Клянитесь от меня всем, всем чудо-богатырям! Помилуй Бог!.. Мы — Русские!.."

И сколько приезжало потом к русской солдатской толпе вождей на красных лимузинах и паккардах, украшенных красными флагами, и вожди, стоя на подушках, говорили длинные речи, обращаясь к "самой свободной в мире армии", а зажечь толпы не умели. И, расходясь, говорили солдаты самой свободной армии:

— Начерта мне земля и свобода, если меня убьют и я ничего этого не увижу? Нет, шалишь, повоевали и будя!..

В чем же была сила старого вождя и начальника, Александра Васильевича Суворова?

Конечно, прежде всего в том, что он был для всех, кто его ожидал, — "*непобедимый*". Обаяние его имени было так велико, что тот, кто пишет, называет его просто — "отец наш", "Александр Васильевич" — ибо кто не знал в тогдашней Павловской России, кто такой Александр Васильевич?

Суворов знал, что удивить толпу — это ее победить. Он едет верхом и "шибко", — а ему тогда было шестьдесят девять лет, и ему это было нелегко. Он окружен большою свитою. Суворов был небольшого роста, сух и некрасив. Он не появлялся никогда на большой голштинской лошади. — Знал, что на ней он будет смешон. Он ездил на небольшой и шустрой казачьей лошади с приемом лихого наездника. И одевался он оригинально, по-своему. С лентою на шее и большим Мальтийским крестом на груди, он сразу поражал внимание. Большие глаза его блистали вдохновением. От него как бы шел ток к его солдатам. Современник пишет о нем: "Взглянул своим *орлиным* взором, *громко* сказал: здравствуйте братцы..." У Суворова на поле перед солдатами был свой силуэт. Такой же свой, собственный силуэт, образ, влияющий на толпу, имели и все великие полководцы.

Наполеон был малого роста, такого малого, что когда смотришь в музеях и во дворцах Франции его постель и ванну, не веришь, что это вещи взрослого человека. Но он был "великий", и он знал, что он и казаться должен таким. Треугольная большая, особая, Наполеоновская, незабываемая шляпа, всегда один и тот же скромный артиллерийский мундир и серый походный сюртук. Прекрасная, но маленькая, под рост, арабская лошадь,

Его маршалы переняли от него это значение внешнего вида. Одевался в страусовые перья, носил пестрый, золотом расширенный ментик король Неаполитанский Мюрат, был тяжело скромен рослый Даву. Самые звания и титулы, данные маршалам Наполеоном, поражали войска. Все короли и герцоги!.. Все величества и светлости!..

Скобелев понимал, что белый китель, белая лошадь, иногда в холод распахнутое на груди пальто с алыми генеральскими лацканами внушают солдатской толпе мысль о его бесстрашии, влекут солдата за ним. Он был — "белый генерал!"

Начальник 10-й кавалерийской дивизии в Великую войну, граф Келлер, на рослом коне, под своим сине-желтым значком, с сияющим светлым лицом въезжал в стрелковые цепи и ласково говорил солдатам два, три слова.

"Заговоренный" — говорили солдаты. В самом слове было уважение к нему, готовность идти за ним.

Суворов говорит немного. Он не обещает ни земли, ни воли, он не сулит ни крестов, ни наград. Он знает цену земным наградам: — "Все суета сует". Он говорит о невесомом, духовном и бессмертном. — "Побьем французов-безбожников! В Париже восстановим по прежнему веру в Бога милостивого; очистим беззаконие! Сослужим службу царскую — и нам честь! И нам слава! Братцы! Вы богатыри!.. Неприятель от вас дрожит! Вы - Русские!..."

Судьба отняла от нас все нажитое. Она лишила нас имущества, сорвала безжалостною рукою офицерские погоны, загнала в мастерские заводов, к рулю такси, в подземные угольные шахты. Она изгнала нас из Родины. Но разве могла она лишить нас нашего офицерского звания? Сознания, что мы — офицеры? Разве лишила она наших прошлых побед, нашей чести и славы? И этого никто, никогда отнять не может, — это есть то вечное, о чем всегда говорил и повторял Суворов, что внушал ежедневно, после каждого учения, перед вечерней перекличкой и утром, когда люди только что встали.

— Слава... Слава... Слава...

✓ Приказ

Войска видели вождя. Зрительное впечатление отразилось в их душах. Надо, чтобы образ вождя запечатлелся дальше, проник в их разум и покори́л его. Убежденное, страстное слово вождя, его приказ должны сделать это и покори́ть и тех, кто почему-нибудь его не видел, не рассмотрел, кто его не слышал. Это слово дойдет до солдатской души только тогда, когда говорящий сам будет проникнут глубокой верою в то, что он говорит.

Генерал Воннал в своей книге "Военная психология Наполеона" пишет: — Чтобы возбудить других, нужно самому гореть тем же священным огнем. Никогда ни один военный начальник не умел гальванизировать свои войска, как генерал, ставший императором и которого солдаты называли фамильярно "бритым"...

Слова и манеру коротких, отрывистых, почти истерических фраз Наполеона старался повторить Керенский. Он ничего не достиг. Наполеон имел веру такую в свои слова, которая и горами движет. Керенский говорил на ветер, для себя, сам ни во что не веря.

Какою златокованною, мудрою, великою силою звучат слова знаменитого приказа Петра Великого перед Полтавским сражением, долженствовавшим решить судьбы России.

"...Воины! — писал Петр, — пришел час, который должен решить судьбы отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас смущать слава непобедимости неприятеля, которой ложь вы доказали не раз своими победами. Имейте в сражении перед собой правду и Бога, Защитника вашего, а о Петре ведайте, что ему жизнь не доро-

* General Bonnal. "La psychologie militaire de Napoleon". La Revue Hebdomadaire. # 8. Fevrier 1908. Page 433.

га, жила бы только Россия во славе и благоденствии для благосостояния вашего."

Три царские пули, о которых поет солдатская песня —

Было дело под Полтавой...

Сотни лет еще пройдут.

Эти царские три пули

В сердцах Русских не умрут —

показали солдатам, что Петр, когда писал свой приказ, горел страстно, все забывающе и все презирающе верою в победу и эту веру мог и умел внушить своим солдатам — победителям под Полтавой.

Воспитанные Суворовым офицеры умели отдавать приказы так, что они вели солдат к победе.

В приказе Азовскому мушкетерскому полку о штурме Праги 24-го октября 1794-го года значится:

"...Его Сиятельство граф Александр Васильевич Суворов приказал:

1. — Взять штурмом Пражский ретраншамент.

И для того: —

2. — На месте полк устроится в колонну поротно. Охотники со своими начальниками станут впереди колонны, а с ними рабочие. Они понесут плетни для закрытия волчьих ям перед вражеским укреплением, фашинник для закидки рва и лестницы, чтобы лезть из рва через вал. Людям с шанцевым инструментом быть под началом особого офицера и стать на правом фланге колонны. У рабочих ружья через плечо на погонном ремне. С нами егеря Белоруссцы и Лифляндцы. Они у нас направо.

3. Когда пойдем, воинам идти в тишине, не говорить ни слова, не стрелять.

4. Подошел к укреплению, кинуться вперед быстро, по приказу кричать "ура"!

5. Подошли ко рву, — ни секунды не медля, бросай в него фашинник, спускайся в него, и ставь к валу лестницы; охотники, стреляй врага по головам — шибко, скоро, пара за парой лезь. Коротка лестница? Штык в вал — лезь по нем, другой, третий. Товарищ товарища обороняй. Ставши на вал, опрокидывай штыком неприятеля и мгновенно стройся за валом.

6. Стрельбой не заниматься: без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, споро, храбро — по-русски. Держаться своих в середину; от начальников не отставать. Везде фронт.

7. В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады — щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать.

8. Кого из нас убьют, — Царство Небесное; живым — слава, слава, слава!"*

Приказ был разослан по ротам в 7 часов вечера накануне штурма. Его читали перед строем "для вразумительности" три раза. В нем все ясно, все без колебания, без сомнения.

"Суворов приказал взять штурмом Прагу". — Внушена мысль — и возьмут. Есть сомнения: — коротка лестница? — "штык в вал. Лезь по нем". "Драться как? — "храбро — по-Русски!" Награда за подвиг? — "мертвым Царство Небесное, живым — слава!"

Все невесомое, все душевное, все высокое, дух поднимающее!!

Суворов говорил солдатам: "Русские не могут отступить. Неприятель от вас дрожит." — Внушение мощи, силы, сознания непобедимости.

Донской герой Бакланов писал казакам: "Покажи врагам, что думка твоя не о жизни, а о славе и чести донского казаче-

* Генерал Головин. Тактика в задачах. Стр. 98 - 99.

ства." Скобелев обратился к батальону, который он посылал в атаку: "Братцы, я посылаю вас на смерть. Видите позицию? Взять ее нельзя. Да я брать ее и не думаю. Но нужно, чтобы турки перебросили туда все свои силы; а я тем временем ударю им в центр. Вы дадите России победу. Смерть ваша будет честной, славной смертью!" Бодрым, могучим "ура" — ответил батальон, посылаемый на смерть, и бросился в атаку.

Теперь приказания часто отдают по телеграфу и телефону. Но и на телеграфной ленте, и в дрожании телефонной мембраны не может и не должно быть колебания. Офицерам из цепи придется говорить донесения по телефону. Их слышит телефонист, их слышат солдаты, каждое слово, тон голоса влияет на них и внушает им или чувства страха, или чувства непобедимости.

Когда в Великую войну я командовал полком, я находился в бою, или в цепях, или при сотенных подержках. Начальник штаба дивизии спрашивал меня по телефону — "какова обстановка?"

— Великолепно, — неизменно отвечал я, когда до великолепия часто было далеко. Но это слово вычурное и блестящее, я видел, отражалось на лицах телефонистов и ординарцев.

Старая Россия звала солдат на подвиг — "За веру, царя и отечество!"

Эти лозунги были изображены на знаменах. На старых победных знаменах не стояло ни "земля и воля", ни "мир хижинам — война дворцам". С них смотрели нерукотворный лик Спасителя или Божия Матерь с младенцем. На них был крест — эмблема мученической кончины и прообраз воскресения, из них чернел пестрыми шелками расшитый двуглавый орел и сверкал Государев вензель. С этими великими лозунгами наши полки побывали в Берлине и в Париже, стояли в Милане и в Вене, взяли приступом Варшаву, Измаил, Карс и Геок-Тепе, стояли грозными победителями у стен Константинополя.

☑ **Знамя**

Но, может быть, все это уже отжило? Может быть, на смену духовным, патриотическим лозунгам пришли иные призывы, обещания материальных благ? Быть может, современный безбожный и безверный народ надо звать на бой и к победе другими словами? Может быть, теперь и самое знамя стало смешным и ненужным пережитком старины и ему место в музее, а не перед строем полка? Посмотрим, что такое знамя в сегодняшней республиканской Франции, полной антимилицаристов, социалистов и безбожников.

Полковник Lebaud, в только что вышедшей (в 1927 году) книге "Education morale du Soldat de Demain", пишет о знамени:

"Знамя — полотнище, сшитое из трех кусков материи, национальных цветов Франции, прикрепленных к древку. Знамя — высокий символ, символ Родины. Там, где оно развевается, — там Франция. В колониях, за границей, на море — оно воплощает родную землю, ее равнины и горы, ее пастбища и леса, ее реки...ее славную историю, ее идеалы права и правосудия. Знамя — эмблема чести полка. Знамя — эмблема чести тех, кто собрался под ним. Самое прекрасное выявление чести — защита Родины. Защита Родины, не только жертвуя ей свою жизнь, — это еще не так трудно, — но постоянно работая и действуя для процветания, для ее величия, что еще труднее. *Честь и Родина* — два слова, две тесно связанных между собою идеи, начертаны золотыми буквами на знамени. Этими идеями должны

на знамени. Этими идеями должны руководствоваться солдат, служащий в армии, и всякий гражданин, служа своей Родине. Значение знамени громадно. В нашей, такой низменной и прозаической жизни, где, кажется, все направлено только к удовлетворению материальных потребностей, знамя существует для того, чтобы поднять нашу душу своею отвлеченной красотой. Знамя — душа полка. Знамя - душа того общества, которое его имеет. Знамя поддерживает людей в исполнении их долга, знамя заставляет их стремиться к идеалу. Какой же солдат, или будущий солдат - не имеет веры в свое знамя?.. Кто любит Родину, в ком не заглохло понятие о чести, тот не остановится только на том, что изображено на знамени. Знамя побудит его к возвышенным мыслям, знамя заставит его делать благородные поступки. Поняв любовь ко всей Родине, человек научится любить и каждого гражданина этой Родины. Он не будет платонически говорить об этой любви, но применит ее на деле. Привыкнув поступать честно, он и во всей своей жизни будет вести себя достойно человека и гражданина. Таким образом знамя приучает всех тех, кто понимает его высокое значение, вести высоконравственную жизнь.

Отсюда понятно, что этот "кусочек материи" должен быть почитаем священным и подлинно неприкосновенным. Сдача знамени — бесчестие для полка. Каждый человек должен жертвовать своею жизнью на защиту знамени. Его охрана

составляется из самых храбрых солдат полка. Мы же должны всеми средствами стараться овладеть знаменем противника, потому что это внесет упадок духа в его ряды. Взятие знамени у противника — блестящий подвиг солдата, взявшего знамя. Лучи его славы падают на весь полк. Знамя такого полка украшается за геройство его солдата. За отличное поведение солдата в бою на знамя вешается разноцветный шнур, подобный аксельбанту. Спортивные общества вешают на свои знамена медали и ордена, полученные их членами на состязаниях.

Знаменам оказывают особые почести. Какое сильное впечатление производит на всех появление знамени, сопровождаемого почетным взводом! Полк ждет его неподвижно. Когда полковник салютует знамени, трепет патриотизма охватывает всех присутствующих. Самые пресыщенные люди, присутствующие на этой церемонии сотни раз, всегда бывают растроганы не менее молодых конскриптов.

Есть ли такой интернационалист, у которого не забилося бы сердце при виде "Salut aux couleurs" на море или в чужой стороне?

Солдаты обязаны отдавать воинскую честь проходящему знамени и, мало кто из граждан не снимет перед ним шляпы. Почитание знамени вкоренилось в нашей стране.

Роль знамени — связать настоящее с прошлым и сделать будущее достойным нашей славной истории.

Изображение на знамени имен прошлых побед имеет целью внушить молодым поколениям желание следовать примеру предков. "Пуалю" великой войны доказали, что они воспользовались этим уроком..."*

Так прекрасно и вдохновенно в наши дни пишет о знамени француз, полковник Лебо. Он смешивает в одно три разных по нашему понятию предмета: знамя, национальный флаг и значок спортивного или цехового общества. Мы эти предметы в прошлом различали. В определении знамени мы не расходимся с французами. "Знамя, — учили мы солдат в старой Императорской армии, — есть священная воинская хоругвь, под которую собираются все верные своему долгу воины и с

* Colonel Lebaud. Education moral du "Soldat de Demain". Pages 72-75

которую они следуют в бой со врагом. Знамя должно напоминать солдату, что он присягал служить Государю и Родине до потери самой жизни. Величайший позор для части — потерять свое знамя. Такая часть подвергается расформированию, а люди, которым непосредственно была вверена охрана знамени, предаются смертной казни через расстреляние."

Знамя встречалось у нас с большими почестями. Полк брал "на караул", офицеры салютовали, музыка играла и барабанщики били "поход". В Туркестанском военном округе со времен Скобелева знамя встречали громовыми криками ура! Это сильно действовало на туземцев. И у нас встречному знамени все военнослужащие становились во фронт, и у нас редко кто (особенно простые люди) не обнажал головы перед знаменем. Я шесть лет был полковым адъютантом Л. Гв. Атаманского полка. Наш штандарт стоял в Зимнем Дворце. Сколько раз мне приходилось брать его оттуда на парады и церемонии. И всякий раз какое-то необъяснимое волнение охватывало меня, когда я снимал с него кожаный тяжелый чехол, раскутывал замшевую покрышку, расшитую шелками и серебром. Точно живой организм появлялся передо мною и говорил что-то страшное и бессмертное, говорил о смерти и воскресении.

"Бородино... Фер-Шампенауз...Париж... Варшава... 1775-1875 г.г." Что же испытывали те, на кого с истлевающей парчи смотрели из глубины веков - Нарва, Лесной, Полтава, Берлин, Измаил, Варшава, Плевна, Адрианополь, перед кем развевалась слава, уходящая в глубину трех, четырех веков!? Слава десятка поколений!

И позже, командуя полком, сколько раз ночью я просыпался в тесной галицийской хате или в землянке и видел над своею головою в углу черный чехол, копьё с Русским двуглавым орлом внутри и георгиевский крест под ним. Живым и дарующим какую-то особую силу казалось оно мне с его именами славных побед под Краоном и Лаоном полка Мельникова 10-го...

Я требовал, чтобы при первой просвистевшей пуле, при первом пушечном ударе, как только рвалась таинственная завеса между "нами" и "ими" - хорунжий при знамени со знаменным урядником снимали чехол, и распускали наше темно-

синее знамя с изображением Нерукотворного Спаса. Я никогда не раскаивался об этом своем приказании.

Мы пережили со знаменами тяжелое время..

Это время Японской войны. Были части, малодушно возившие свои знамена при обозе; эти части заранее внушали своим солдатам мысль о возможности поражения. В военной литературе того времени мы найдем немало малодушных "пораженческих" статей, говоривших о необходимости отмены знамен, как излишней "обузы", требующей для своей охраны лишних людей. Плохие психологи были эти писатели.

Национальный флаг у нас до последнего времени не имел такого священного значения, как знамя. Вернее, мы этого значения не понимали. Мы трепали его по улицам в табельные дни, вешали над балаганами и кабаками. Впервые я понял значение Русского флага, когда в 1901 году оказался надолго в Маньчжурской глуши, когда ездил верхом по лесам и горам с этапа на этап. Тогда после пятидесятиверстного перехода, после безмолвия "лесов Императорской охоты" на хребтах Джан-Гуань-Цайлин, когда увидишь вдали китайскую деревушку и над крайней фанзой в сумерках догорающего чужого дня трепещущий бело-сине-красный флажок, когда почувствуешь, что там свои, Русские, — до боли забьется сердце нежною привязанностью к скромному символу великой России.

Теперь мы все это знаем. Теперь мы жадно и страстно ждем, когда взовьются Русские цвета над нашей страждущей, поработанной Родиной. Сколько из нас отдало жизнь за эту светлую мечту и сколько живет теперь единою мыслью, единым желанием вернуть этому Русскому флагу его былую славу и значение.

Знамя — душа армии. Знамя — великий символ бессмертной идеи защиты Родины. Как много людей с опасностью для жизни сохранили и вывезли свои знамена из кровавого кошмара, охватившего Россию! Иные знамена вывозились по частям. Нужно ли после этого яркого примера действенного понимания духовного значения знамени говорить о том, какое громадное значение оно имеет для психологической толпы, каковую является армия?

Нужно ли говорить, что не умерли, но живы те полки, чьи знамена скромно ждут в Белградском храме и в других местах, когда "верные своему долгу воины" соберутся под ними? Нужно ли говорить о том, что тело наше могут убить, замучить на работах, унижить, заставить голодать, но бессмертной души, но сознания верности Родине и любви к ней, но седых полковых знамен и штандартов — никто уничтожить не может.

☑ *Сомкнутый строй*

"Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет", учил Суворов. В этих шести словах все значение сомкнутого строя в прежние времена, когда атаквали развернутым строем батальонов, когда встречали атаки в полковых тяжелых колоннах. Теперь, когда строи стали жидкими и цепи редкими, когда вся боевая работа как будто ушла в звено, нужны ли ротные, батальонные и полковые ученья, сомкнутый строй, отбитая нога, барабанные бои и музыка церемониальных маршей?

Люди, одетые в военную форму и поставленные в строй, до известной черты будут оставаться со своими мыслями, со своими убеждениями, каждый будет иметь свою душу и они не сольются в одну общую полковую душу до тех пор, пока не произойдут какие-то явления, которые уменьшат их рассудочные, обособляющие способности, пока их мысли и чувства не будут в одну сторону ориентированы, пока их восприимчивость ко внушению не достигнет наивысшей степени.

Иными словами, строй есть толпа, которую надо сделать психологической толпой, послушной воле начальника. Сомкнутый строй, хождение в ногу под барабан или музыку, стройное движение колонны с песнями, церемониальный марш под полковой оркестр, — это все средства приучить людей отрешиться от себя и воспринять коллективную полковую душу. После такого общего, волнующего движения люди разойдутся по звеньям, рассыплются в цепи, уйдут совсем из строя, распущенные по баракам или палаткам, но еще долго их личная душа будет отсутствовать, долго еще будет оставаться

горделивое сознание принадлежности к мощному организму — своему полку.

И потому ученья в сомкнутых строях, нога, барабанный бой, щегольской ружейный прием, маршевая песня и музыка имеют значение и теперь, ибо они повышают чувства бодрости, храбрости, помогают одолевать животный страх.

Часть, обученная общему приему, привыкшая к сомкнутому строю, в минуту робости и расстройства, тогда, когда вот-вот готова начаться паника, этими привычными командами, этим "чувством локтя" приводится в порядок. Вид сомкнутого строя, вид толпы, повинующейся начальнику и с ним единомышленной, влияет и на противника, внушая ему уважение и страх перед такою частью.

Скобелев, когда он видел, что идущая в бой часть расстроена, что лица бледны и в ней являются отстающие, останавливал такую часть и командовал ружейные приемы или пропускал церемониальным маршем. Коллективная душа возвращалась к полку и часть успокаивалась.

"18-го июля 1877 года, — пишет С.Гершельман, — под Плевной один из батальонов был приведен в порядок производством ученья ружейных приемов. Когда неприятель был не далее 45 шагов, батальон держал на караул. Турки не выдержали и повернули."*

1-го ноября 1917-го года, когда я был окружен матросами и красногвардейцами в Гатчине и фактически находился уже в плену у большевиков, я был вызван на расправу на двор Гатчинского дворца.

Громадная, в несколько тысяч человек, толпа красногвардейцев и матросов сплошь покрывала двор. У самого входа, затурканные и ошалелые, стояли около четырехсот казаков 9-го Донского казачьего полка. При моем появлении на двор временно командующий полком, Войсковой Старшина Лаврухин скомандовал:

— Смирно! Господа офицеры!

Я поздоровался, как всегда:

— Здорово, молодцы 9-й полк.

Полк дрогнул и дружно и громко ответил по старому:

* Гершельман. Нравственный элемент в руках Скобелева.

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

Этот ответ спас мне тогда жизнь и отсрочил на целые сутки мой арест и увоз в Смольный институт.

Герой романа Куприна "Поединок", подпоручик Ромашов, жалкий слабовольный юноша, не любящий строя и не понимающий военной службы, плохой фронтовик, на неудачном, утомительном смотре командующего войсками округа попадает в строй всего полка, всех его шестнадцати рот, двух тысяч человек, вдруг получивших одну душу, и испытывает следующие, душу возвышающие чувства:

"...Вторая полурота прямо! — услышал Ромашов высокий бабий голос Арчаковского. И другая линия штыков, уходя, заколебалась. Звук барабанов становился все тупее и тише, точно он опускался вниз, под землю, и вдруг на него налетела, смяв и повалив его, веселая, сияющая, резко красивая волна оркестра. Это подхватила темп полковая музыка, и весь полк сразу ожил и подтянулся: головы поднялись выше, выпрямились стройные тела, прояснились серые, усталые лица...

...Капитан Слива вышел вперед — сгорбленный, обрюзгший, оглядывая строй водянистыми выпуклыми глазами, длиннорукий, похожий на большую, скучную обезьяну.

— П-первая полурота... п-прямо!

Легким и лихим шагом выходит Ромашов перед серединой своей полуроты. Что-то блаженное, красивое и гордое растет в его душе. Быстро скользит он глазами по лицам первой шеренги. "Старый служака обвел своих ветеранов соколиным взором", - мелькает у него в голове пышная фраза, в то время, когда он сам тянет лихо, нараспев:

— Вторая полу-рот-а...

"Раз, два! — считает Ромашов мысленно и держит такт одними носками сапог. — Нужно под левую ногу.левой, правой?" И с счастливым лицом, забросив назад голову, он выкрикивает высоким, звенящим на все поле тенором:

— Прямо!

И, уже повернувшись, точно на пружине, на одной ноге, он, не оборачиваясь назад, добавляет певуче и двумя тонами ниже:

— Ра-авнение направа-а!

Красота момента опьяняет его. На секунду ему кажется, что это музыка обдаёт его волнами такого жгучего, ослепительного света и что медные, ликующие крики падают сверху, с неба, из солнца. Как давеча, при встрече, — сладкий, дрожащий холод бежит по его телу и делает кожу жесткой, и приподымает и шевелит волосы на голове. Дружно, в такт музыке, закричала пятая рота, отвечая на похвалу генерала. Освобожденные от живой преграды из человеческих тел, точно радуясь свободе, громче и веселее побежали навстречу Ромашову яркие звуки марша. Теперь подпоручик совсем отчетливо видит впереди и справа от себя грозную фигуру генерала на серой лошади, неподвижную свиту сзади него, а еще дальше разноцветную группу дамских платьев, которые в ослепительном полуденном свете кажутся какими-то сказочными, горящими цветами. А слева блестят золотые, поющие трубы оркестра, и Ромашов чувствует, что между генералом и музыкой протянулась невидимая волшебная нить, которую и радостно, и жутко перейти. Но первая полурота уже вступила в эту черту. — Хорошо ребята! — слышится довольный голос корпусного командира. — А-а-а-а! — подхватывают солдаты высокими, счастливыми голосами. Еще громче вырываются вперед звуки музыки. "О, милый! — с умилением думает Ромашов о генерале. — Умница!" Теперь Ромашов один. Плавно и упорно, едва касаясь ногами земли, приближается он к заветной черте. Голова его дерзко закинута назад и с гордым вызовом обращена влево. Во всем теле у него такое ощущение легкости и свободы, точно он получил неожиданную способность летать. И, сознавая себя предметом общего восхищения, прекрасным центром всего мира, он говорит сам себе в каком-то радужном восторженном сне:

"Посмотрите, посмотрите — это идет Ромашов." "Глаза дам сверкали восторгом." Раз, два, левой!.. "Впереди полуроты грациозной походкой шел красивый, молодой подпоручик."левой, правой!.. "Полковник Шульгович, ваш Ромашов одна прелесть, — сказал корпусный командир — я бы хотел иметь его своим адъютантом..."левой!..

Еще секунда, еще мгновение — и Ромашов пересекает очарованную нить. Музыка звучит безумным, героическим,

огненным торжеством. "Сейчас похвалит, — думает Ромашов, и душа его полна праздничным сиянием..."

✓ *Полковой мундир*

Сомкнутый строй, команда, общий ружейный прием, торжественно принесенное к строю знамя, барабанный бой и музыка делают толпу людей единомышленной, собирают их чувства, их душевное "я" в одну большую коллективную единицу. В ней все в их чувстве герои Купринского "Поединка", — старый, длиннорукий, "похожий на скучную обезьяну" капитан Слива, неврастеник Ромашов и лихой, бравый молодой Арчаковский — живут одним чувством, одною мыслью: как лучше, лишь пройти на церемониальном марше, все забывая, думая только о полке и составляя одно целое — *наш полк*.

Это чувство слиянности людей, это чувство особой коллективной единицы, столь важное на войне и для войны, усиливается, увеличивается, усугубляется одинаковою одеждою, одинаковым номером, общим названием — *полковым мундиром*.

Мы пережили увлечение яркими, бьющими в глаза формами одежды, тяжелыми киверами, султанами, шитьем, этишкетами, лацканами и ментишкетами, и пережили обратное увлечение защитным цветом, небрежно нашитыми обще-серыми погонями с номером полка, наведенным химическим карандашом. Наконец, мы видели беспогонную и вовсе не обмундированную армию.

Мы можем сделать выводы из виденного нами.

Возьмите людей и оденьте их в серые, грязные мешки, всем одинаковые, без всяких отличий. Они будут прекрасно применены к местности, и в них очень трудно будет попасть, но они не покажут в бою особенно высокой доблести. Отметим величину их доблести знаком "X". Однем этих людей с некоторыми отличиями, придадим этим отличиям особое духовное значение, выделим этим отличием их перед другими частями и этот "X" станет с коэффициентом 2, 3, 4 и т. д... Если мы станем одевать людей уже настолько ярко, что они будут резко видны на местности и вследствие

своей одежды начнут сильно терпеть от огня, — этот "X" станет понижаться, будет под знаком деления на 2, 3, 4 и т.д. Есть какая-то мера, которую организатор армии — психолог не должен переходить ни в ту, ни в другую сторону.

Разум говорит, что надо одеться в защитное платье, самое лицо вымазать в грязи, серых лошадей выкрасить в защитный цвет — а чувство, а дух жаждут своего отличия и, поборая страх, пестрят одежду.

В минувшую войну офицерам было приказано одеть погоны защитного цвета, однако многие офицеры неохотно расставались со своими металлическими погонами и долгое время носили их.

Имя полка, шеф полка, отличие — возвышали дух солдат в бою. В сражении на реке Ниде, в бою под Новым Корчиным, в начале декабря 1914 года, где участвовали 35-ая и 37-ая пехотные дивизии, были взяты многие пленные австрийцы. Они единогласно показали, что наибольшие потери они понесли и наиболее смело их атаковал полк с погонами "с лапками". Так называли они непонятный им вензель Императора Александра III — славянское А и III под ним. Это был 145-й пехотный Новочеркасский Императора Александра III полк. То, что он имел Шефа, — был наружно отличен перед другими полками — в бою подняло дух солдат, сделало их храбрее.

Кубанские и Терские казаки в многих полках во всю войну не расставались с алыми и белыми тумаками на черных папахах и с цветными башлыками. Традиции части они ставили выше удобств защитного цвета.

В сражении на реке Стоходе, весной 1916 года, 1-му Линейному казачьему генерала Вельяминова полку было приказано увлечь замывшуюся пехоту и заставить ее переправиться через реку Стоход. Линейцы, 2 сотни, под командою Войскового Старшины Улагая, с пулеметной командой есаула Тутова, в черных шапках, с алыми тумаками, в алых развевающихся за спиною башлыках, с командиром сотни, есаулом Лесевицким, на белом коне во главе бросились в конном строю лавами в реку. Германцы ошалели от этого зрелища, наша пехота, прочно залегшая, встала и пошла за казаками. Казаки под обрывом спешили, все такую же яр-

кою, пестрою цепью пешком подошли на триста шагов к германским окопам и пулеметным и ружейным огнем очистили дорогу кинувшейся в штыки зачарованной их алыми башлыками пехоте.

Каждый по себе знает, как хорошо сшитое платье придает человеку самоуверенность и как, наоборот, сознание, что он дурно или несоответственно случаю одет, делает даже самоуверенного робким и застенчивым.

Полковой мундир, являясь вывеской на человеке, определяя всем, кто он, связывает носителя мундира и заставляет человека вести себя так, чтобы не замарать мундира.

В журнале "Нива" за 1916 год был напечатан, не помню чей, рассказ под названием "Мундир бесстыдства". В нем описывалось, как офицер, случайно попавший в Петербург в штатском платье, почувствовал себя далеким от полка, от армии, почувствовал, что многое из того, чего он не мог сделать в мундире, теперь ему позволено. Многие, что было стыдно делать поручику такого-то полка, совсем не стыдно, если он "некто в сером".

Улан, идущий в отпуск, надевал шапку с султаном, мундир, продевал этишкет, цеплял тяжелую брэнчащую саблю на кожаную португею. Он не напьется, он не позволит себе дурного поступка, потому что вся эта красивая форма напоминает ему везде, что он — улан Ея Величества. И тот же улан в защитной рубахе с защитными погонями в серой шапке, слившийся с толпою, не чувствует этого сдерживающего и возвышающего значения формы. Ему ничего не стыдно.

С полковым мундиром почти всегда связаны и полковые традиции. Полковые традиции — это неписанный устав части, это никем не утвержденное дополнение к форменной одежде, являющееся духовным мостом к славному подвигу дедов, к былой походно-боевой жизни, к торжественному сиянию прошлого. Это то, что возвышает душу человека и в решительный смертельный час помогает ему победить страх смерти.

Поют Елизаветградские великой княжны Ольги Николаевны гусары:

Так держите имя Ольги,

Белый ментик и штандарт!

От традиции надо отличать моду. Если традиции части надо всячески поддерживать и сохранять, то с модою надо бороться. Мода, — эти фуражки прусского образца, эти английские френчи при Русских шароварах, эти похожие на юбки бриджи и галифе, — создается шапочниками и портными, культивируется героями тыла, паркетными шаркунами, бегущими от строя. Мода может, по истине, стать "нравственной заразой" в полку и гарнизоне. Традиция соединяет людей части в дружное братство, мода разъединяет людей, вызывая зависть и насмешки. Лучшее средство бороться с модой — дать войскам форму одежды и удобную, и красивую, которая сама по себе так хороша, что не вызывает желаний вносить в нее исправления и изменения. желания вносить в нее исправления и изменения.

▣ *Воспитание армии в атеистическом государстве. Воспитание "красной" армии*

Чем выше идеалы, за которые борется армия, тем доблестнее ведет она себя на войне. Из примеров великих Русских полководцев, Петра и Суворова, из всего быта старой Императорской Армии мы видели, что она боролась за великие невесомые лозунги, лозунги души, а не тела — "за веру, царя и отечество".

Как и чем побудит солдата победить страх смерти государство, отказавшееся от Бога, государство, состоящее из людей, не верующих ни в Бога, ни в вечную загробную жизнь? Такому государству остается лишь опереться на любовь к Родине и на необходимость жертвовать собою во имя ее. Так во Франции — "Honneur et patrie" — "честь и отечество", — стоящие на французских знаменах, являются главными возбудителями чувства воинского долга.

Но, когда началась великая война, когда перед миллионами призванных на защиту Родины и ее чести запасных встал страшный призрак смерти, заглохшие, забытые и запыленные храмы наполнились. Люди на папертях стояли на коленях, ожидая благословения священника. Люди, с детства не бывшие в церкви, жаждали исповеди и причастия.

Аббаты и кюре, призванные в ряды армии рядовыми солдатами, по требованию полков исполняли обряды над умирающими, хоронили умерших, а для живых служили мессы. Сама жизнь внесла поправку в то, что было упущено. Люди, готовившиеся к смерти, жаждали услышать великое слово о том, что смерти нет и что смерть тела за Родину дает бессмертие души. В эти годы войны не говорили, что быть священником *sale metier* — грязное ремесло. Но, напротив, жаждали молитвы и утешения...

В государстве, отрицающем не только Бога, но и идею Родины, каким является Советская республика, совсем не остается моральных средств влиять на солдата. Вот что пишет в июле 1927 года, человек, близко наблюдавший жизнь красной армии:

"Дисциплина есть, но она поддерживается не любовью к службе, не гордостью защитников революции и демократии с прибавлением всей малопонятной красной словесности, а только страхом перед репрессиями и ссылкой, которая теперь часто применяется. Полная индифферентность к своим обязанностям, а подчас и предательское к ним отношение с точки зрения служебных требований царят среди рядовых красноармейцев и ясно, что никакая определенно коммунистическая идея за или против войны не расшевелит их на активность."

Красноармейская памятка учит:

— Долой любовь к ближнему, нам нужна ненависть. Мы должны уметь ненавидеть. Только этой ценой мы завоем вселенную.

— Религия и коммунизм несовместимы ни в теории, ни на практике.

— Мы ненавидим христиан. Даже лучшие из них должны рассматриваться, как наши худшие враги. Они проповедуют любовь к ближнему и милосердие, что против наших коммунистических принципов. Христианская любовь есть помеха развитию революции.

— Мы покончили с земными царями, займемся теперь царями небес..."

Эти призывы не новы. Они заимствованы из еврейского Талмуда.

“— Не жалея их (христиан), — значит в книге раввина Маймонида, Гильхош Акум Х.И. — Написано: не жалея их. Так, видя, что акум (христианин) погибает, — тонет, например, — не подавай ему помощи. Если ему угрожает смерть — не спасай.”

В книге Мехильта, в главе Бешалях написано:

“— Лучшего из гоев (христиан) умертви, лучшей из змей раздробь мозг.”

В книге Софорим сказано: "справедливейшего из неверных лиши жизни".

Это учение ненависти плохо прививается красноармейцам, особенно вышедшим из крестьянской семьи, где в течение тысячи лет звучала проповедь любви к ближнему. Поэтому красноармейцу внушается страх самых ужасных для него последствий поражения. Ему говорят, что всякий, кто победит красную армию, будь то белая армия или иностранные войска, круто повернет все к "старому режиму". Этот "старый режим" рисуется самыми мрачными чертами. От крестьян - де отнимут землю, сделают их крепостными, рабами помещика, рабочих закабалят на фабриках, голодом и побоями заставят работать более двенадцати часов в сутки. Эту мысль коммунисты внушают обществу с неумолимой последовательностью и жестокостью. Не так давно в красноармейской казарме был такой случай. Красноармеец в присутствии политического комиссара сказал:

— Раньше-то лучше было!

Комиссар выхватил револьвер и со словами:

— Тебе прежде больше нравилось, так вот тебе! — уложил его на месте.

Все духовное запрещено для красноармейца. У него нет ни воспоминаний о славном прошлом, ни надежды на светлое будущее. Жизнь — это сегодняшний день. Живи и радуйся им. Если тебя погонят на войну или в карательную экспедицию, там тебе все позволено. Бери, грабь, насилуй женщин, обжирайся, упивайся вином, — ты победитель, тебе все можно. В этом смысл войны. За это ты платишь страданиями и жизнью. Если повернешь — комиссар тебя пристрелит. Если побежишь — свои пулеметы по тебе хватят. О будущей жизни не думай: ее нет.

В Петербурге устроен крематорий. Красноармейцев водят туда, чтобы показать, как сгорает человеческое тело и ничего не остается. Значит, и души нет. Широко публикуются опыты скрещивания человека с обезьяной, вовсе не в научных целях, а только для того, чтобы сокрушить библейское сказание о сотворении мира, чтобы вытравить понятие о Боге и душе.

Все это достаточно глупо, но на психологическую толпу глупость действует всего сильнее.

Коммунистическая власть устраивает перед многолюдной толпой, толпой в несколько десятков тысяч человек, показательные маневры. Пускают газы, мечутся люди в противогазовых масках, скрипя и гремя движутся танки, в небе реют аэропланы, крадутся в дымовой завесе цепи, скачет конница, тянут громадные пушки. Все это так нелепо поставлено, что с военной точки зрения это недостойный балаган. Но балаган этот действует на толпу, он внушает ей представление о советской мощи и о непобедимости красной армии.

В толпе говорят: "Разве при царях нам это показывали? Разве при царях мы такое видали?"

Коммунисты — большие знатоки психологии толпы.

Они неустанно внушают обществу поработанной ими России, что они непобедимы, что их армия великолепна, что если бы они были побеждены, то все те, кто теперь имеет землю, потеряют ее, понесут наказание за все совершенное, и этот внушаемый массе страх ответственности и еще худшего будущего заставляет ее терпеливо сносить все ужасы настоящего.

Красноармеец воспитывается исключительно страхом. Это не Фридриховское — "надо, чтобы солдат боялся палки капитана больше, чем пули неприятеля". Это — поставление красноармейца перед выбором: "Пойдешь вперед — может быть, смерть, а может быть и вывернешься как-нибудь. Не пойдешь — смерть навверняка".

Мы не можем себе представить, какой страшный, беспросветный мрак, какой неистовый ужас царят в красноармейской душе. Это такая пустота, которую не залешь никаким самогоном, не заглушишь никакими насилиями над женщинами, никакою гульбою. Их новые песни грубы и ди-

ки, их развлечения низменны, впереди у них ничего. Будущего нет. Их слава — темная, кровавая слава, без лучезарного слияния со светлой славой их предков, без оправдания в будущем. В этом кроется мужество многих из них и их военная сила. Это мужество отчаяния, это сила страшного своей пустотой сознания: "ничего больше не остается делать, как сражаться и умирать". Это состояние духа красноармейской массы отлично, резко и точно изображено в книге советского писателя Бабеля "Конармия".

✓ *Приемы воспитания в красной армии*

В самих приемах военного воспитания коммунисты не придумали нового. Они использовали старые способы влияния на человеческую душу: религию, патриотизм, знамя, лозунги, форменную одежду, сомкнутый строй, музыку, пение, внешность начальника.

Их религия - "Ленинизм", Заветы "Ильича" - их заповеди.

В старой Русской казарме в каждом помещении роты, эскадрона, сотни, батареи и команды, в красном почетном углу был более или менее богато украшенный образ святого, покровителя роты. Перед ним горела лампадка, стояло паникадило, и солдаты возжигали по праздникам свечи. Когда солдаты старой Императорской Армии получали свое скудное жалованье, они бросали медяки на поставленную фельдфебелем тарелку — "на ротный образ". Вечером к нему лицом обращалась рота, и перед ним пели "Отче наш" и "Спаси Господи люди Твоя". Две трогательные молитвы. Без них было бы тяжело солдату проститься с тяжелым трудовым днем.

Теперь в каждом помещении красноармейской казармы есть свой "Ленинский уголок". Он задрапирован красным кумачом, там стоит бюст Ленина или висит его портрет, лежат коммунистические брошюры, висят плакаты с "заветами Ильича". Там собирают Русских крестьян и рабочих, учат петь Интернационал и молиться новому богу злобы и ненависти — Ленину. А попробуй кто не помолиться? Эти уголки видали кровавые расправы и трупы, лежащие перед изображением "апостолов коммунизма".

Вместо патриотизма — общемировой рабоче-крестьянский союз с алым знаменем и двумя символами сокрушительной работы — серпом, снимающим другими посеянный урожай, и молотом, сокрушающим и раздробляющим другими построенные здания.

Все в красноармейском ритуале направлено к тому, чтобы поразить ум, парализовать волю и завладеть чувством красноармейца.

Полицейский комиссар... Откуда только набирают большевики эти отвратительные, большей частью нерусские хари со сбритыми усами и со всеми признаками вырождения для внушения страха красноармейцам? В кожаной шапке "комиссарке" с алой звездой, в кожаной куртке, в кожаных штанах, с двумя, тремя тяжелыми револьверами на поясе и за поясом — Маузерами, Парабеллумами или Наганами — он одним своим видом, одною своею громадною властью подавляет воображение красноармейца и доводит его до гипноза. Этот "политком" влияет не только на серую массу призывных, но и на молодых краскомов и на самих начальников.

За ним стоит таинственная сила коммунистической ячейки и вся система сыска и доносов...

Это такая страшная психология, что кто ее не пережил, тот ее не поймет.

Франтоватые, в рубашках с косыми, под стрелецкие нашивками, в красных галиффе краскомы, расшитые по воротнику и рукавам золотыми и алыми звездами, квадратами и ромбами, грубые и фатоватые — "товарищи командиры", с которыми красноармеец никогда не знает, где кончается панибратство, когда можно ходить "в обнимку" с товарищем командиром, и где наступает страшное "молчать — не рассуждать", каждую минуту могущее кончиться смертью, — загадочны, непонятны и страшны красноармейцу.

Мы не ошибаемся, если скажем, что красная армия живет как бы в гипнозе вечного страха перед своим начальником.

В этом гипнозе она готова исполнять малейшее желание своих вождей. Ее сбивают на митинги. На этих митингах она выносит самые бессмысленные постановления. Она жжет

чучела, изображающие Черчилля и Чемберлена, жалует званием "почетного красного рулевого" рабочего-металлиста Ворошилова, избирает почетным казаком Оренбургского казачьего войска Лейбу Бронштейна.

Как зачарованная дьявольским внушением толпы, красная армия неменяема и податлива ко внушению. Когда кончится это внушение, когда распадутся эти чары, она сама ужаснется тому, что она наделала, она будет жадно искать пути к исправлению и этот путь уже смутно там намечается — путь национальной *Русской* России.

Там, в этой отрезвевшей красноармейской толпе, потребуются весь разум офицера, весь запас знания, вся сила воли, все самое страстное чувство веры в Бога и любви к Родине, чтобы перевоспитать эту толпу и создать из нее опять славную Российскую Армию.

В эти страдные, но и великие дни во весь рост, во всю высоту и величие встанет значение офицера, как вождя, начальника и воспитателя.

☑ *Воспитание офицера*

В современной армии с ее короткими сроками службы, с ее контингентами, составленными из людей самых различных убеждений, настроений и верований, в громадном большинстве с атрофированной верой в Бога и с неясным чувством любви к Родине, в этой армии, не желающей воевать, не любящей военной службы, смотрящей на нее, как на тяжелую, нудную и ненужную повинность, как на отрыв от своего дела и личного благополучия, — на офицера и сверхсрочного унтера ложится тяжелый труд перевоспитать всех тех, кого еще можно перевоспитать, и заставить повиноваться тех, кого перевоспитать невозможно.

Страх наказания за неисполнение приказа, наказания, быстро следующего за проступком, налагаемого без суда, властью начальника, — иными словами, продуманно составленный *дисциплинарный устав* ложится в основание воинского воспитания всех армий. Но, как бы строг ни был дисциплинарный устав, везде дающий право начальнику употребить оружие для побуждения неповинующихся в ис-

ключительных случаях, он бессилён, если, с одной стороны, офицер не будет поставлен в такие условия, чтобы самая мысль о неисполнении его приказа не могла возникнуть в голове солдата, а с другой, сам он не будет уметь так держаться, чтобы одним своим видом внушать солдату повиновение.

В грозные часы боя офицер должен уметь владеть собою, подавить в себе чувство страха и внушить своим подчинённым веру в себя.

Это даст ему прежде всего глубокая, искренняя вера в Бога и в будущую жизнь. Тот офицер, который умеет так верить и внушить такую веру своим солдатам, всегда будет образцом доблести на любом посту, великом или малом. Таким был Суворов — такими были на последней войне доблестные герои Ахтырцы, братья Панаевы...

Офицер должен быть военно-образованным человеком. Знание свойств всех видов оружия и современной техники и знание действий на войне и свойств всех родов войск, — иными словами, знание всей сложной военной техники, артиллерии, тактики и стратегии помогут офицеру разбираться в обстановке. Для него не будет ничего неожиданного и непонятного, а следовательно, и страшного. Знание военного дела поможет ему в бою толково работать, занять себя и своих людей, а следовательно, уберечь докучную мысль о ранении и смерти. Знание даст ему уверенность в себе, то есть повысит его душевную напряжённость, даст ему энергию для действия и укрепит веру в него его людей.

Образованный, знающий офицер как в бою, так и в период мирного обучения будет влиять на своих солдат, будет авторитетом для них, и это облегчит ему овладение коллективной душой своей части, поможет ему внушить ей высокие идеалы мужества и храбрости.

Без образования, без знания не может быть офицера. Одной храбрости мало.

Офицер никогда не товарищ солдату, но всегда его начальник.

Он может быть *братом* солдату, питать к нему чувство любви, какое питал, например, полковник Л. Гв. Гренадерского полка Моравский, ночью ходивший в секреты, чтобы

своим присутствием ободрить и успокоить солдата, лежащего ночью в томительной неизвестности и вблизи от неприятеля. Он может и должен братски делиться с солдатом всем и помогать ему советом и словом ободрения. Он должен, как *отец*, заботиться о подчиненном, непрестанно о нем думая и опекая его, *но он никогда не может и не должен становиться с ним в товарищеские, панибратские отношения*. На этом и споткнулась красная армия. Она, объявившая, что краском является товарищем красноармейцу вне службы, десятый год не может наладить ни внутреннего порядка в частях, ни настоящей дисциплины. Если вечером в кинематографе или танцульке краском ходит, обнявшись с красноармейцем, и ухаживает за теми же девицами, то днем в казарме он слышит на замечание: "почему не подметена казарма?" ответ: — "сам подмети". А в бою ему приходится стрелять в спины, чтобы заставить идти вперед. В красной армии это уже учитывают и военмор-комиссар Ворошилов свое благодарственное письмо команде линкора "Марат" подписал уже не "с товарищеским приветом" и не "с коммунистическим приветом", но "с братским приветом".

Генерал Ольховский в своей прекрасной брошюре "Воинское воспитание" рассказывает следующий поучительный случай.

Командующий войсками Киевского военного округа генерал Александр Романович Дрентельн производил смотр полку. После смотра полку он принял приглашение на завтрак в офицерское собрание. Командир полка провозгласил тост за здоровье "Его Высокопревосходительства Командующего войсками генерал-адъютанта Дрентельна". В конце завтрака какой-то подпоручик, находившийся в размягченном душевном состоянии, подобном тому, в каком находился Купринский Ромашов во время церемониального марша, под влиянием смотра, ласковых слов начальника, музыки, речей и вина встал и воскликнул: — "Господа, выпьем еще раз за здоровье Александра Романовича!" — "Позвольте, позвольте! — остановил его Дрентельн. — Тут нет

Александра Романовича. Я и в бане командующий войсками!"*

То, что офицер всегда есть начальник, накладывает прежде всего тяжелую узду на самого офицера. Он никогда, вот уж именно, даже и в бане, не должен забывать своего офицерского достоинства.

Наш старый устав, титуловавший офицера "ваше благородие", "ваше высокоблагородие" — постоянно напоминал этим и подчеркивал моральное превосходство офицера и его обязанность *благородно* себя вести, *благородно* поступать, быть рыцарем.

В силу этой же моральной обязанности офицера вести себя "по-благородному" в наш старый дисциплинарный устав был введен кодекс об офицерском суде чести, допускавший узаконенные дуэли. Этим способом и солдатам, и офицерам указывалось, что для офицера *честь (невесомое) дороже жизни* (материального, весомого).

Отсюда один шаг к очень сложному и острому вопросу — о ношении форменной одежды, мундира вне службы.

Защитники ношения штатского платья вне службы обыкновенно говорят, что это дешевле. Неправда. Прилично одеваться в штатское платье стоит много дороже, чем быть хорошо одетым в военном платье. Кроме того, надо уметь носить штатское платье, надо следовать моде, а на это у офицера нет ни времени, ни средств. Причина ношения штатского платья офицерами другая. Это грозная, страшная, неохотно признаваемая причина, заключающаяся в желании оградить офицера от возможных эксцессов со стороны лиц, враждебно настроенных к государственной власти.

Психологически это очень скверно. Заранее, еще до войны, до того момента, когда под влиянием страха за свою целостность и жизнь, общество обратится в психологическую толпу, массе уже незаметно внушается мысль, что она что-то может сделать с офицером, что офицеру лучше не показываться среди нее в своей форме. Равно и офицеру тем самым внушается страх перед теми людьми, которыми ему придется командовать. Создается очень нездоровая атмос-

* П. Ольховский. "Воинское воспитание". Белград. Стр. 23.

сфера, развращающая толпу и дурно влияющая на офицеров. Мне лично пришлось видеть, как в Париже на улице Rivoli кондуктор автобуса ударил и вытолкал с площадки лейтенанта в форме. Публика была на стороне кондуктора, и было непередаваемо тяжело видеть побитого офицера, уходящего под смех толпы. В день похорон Жореса военному министру Франции пришлось бе-гом спасаться в Палату депутатов от криков, брани и угроз толпы. За это во дни войны придется некогда платить большою кровью, как уже пришлось заплатить Франции перед страшными Марнскими днями.

Правильнее поступит то государство, которое, обязав офицера носить форму всегда и везде, воспитает свое общество в уважении к военному мундиру, оградит суровыми законами неприкосновенность мундира и даст право офицеру оружием защищать свою честь, в свою очередь *обезопасив общество от злоупотреблений с обратной стороны.*

Мундир, отдание чести, "ты" при обращении к нижнему чину — все это так легко отмененное в дни революции как ненужные цапки, как "игра в солдатики", унижающая человеческое достоинство, — все это оказалось потом не таким простым, ибо во всем этом было то незаметное воспитание духа, без которого нельзя создать солдата.

Когда так просто и легко сердечное "ты" мы заменили холодным "вы", следуя требованиям невменяемой толпы, — мы незаметно сделали офицера только начальником, но уже не братом или отцом.

Я не буду долго касаться этого вопроса. Но я представляю себе покойного героя полковника Моравского. Ночью в осеннюю стужу он прокрался к своим часовым, лежащим в пятистах шагах от неприятельской цепи. Там охотники Иванчук и Сыровой, его фельдфебель и горнист. Как лучше сказать ему?

— Иванчук, вам холодно? Вам страшно... Ничего... Я с вами. Или

— Иванчук, тебе холодно... Потерпи, дорогой. Вместе потерпим...

■ *Старший начальник*

Положение старшего начальника в современном бою нелегко. Бой раскинулся на многие версты. Старший начальник находится далеко от поля сражения.

В былое время начальник к моменту атаки лично вел резервы к линии боя. Они шли с барабанным боем, с музыкой, с распущенными знаменами. У Наполеона крики: "Vive l'Empereur!", несшиеся по всем линиям, поднимали дух французской армии и понижали дух армии противника.

Теперь это невозможно.

Но начальник — психолог и в современном бою прибежит к моменту атаки несколько тяжелых и легких батарей, несколько десятков танков и броневиков, и в нужную минуту грозная музыка вдруг загремевших новых батарей подымет дух его войск и понизит дух противника не хуже, чем крики "Vive l'Empereur" поднимали дух Наполеоновских войск. Ползущие, переваливаясь по окопам, наши танки, их выстрелы, шум пропеллеров наших самолетов в воздухе, треск пулеметов на скрипящих цепями броневиках, — вот та музыка, тот оркестр современного начальника, который он пошлет вместе с резервами в бой. Умеющий разбираться в духовной стороне жизни человека и толпы начальник сохранит этот запас для последней минуты и пошлет в решительный момент сражения.

Теперь старшему начальнику редко удастся, как Скобелеву, на сером коне, в распахнутом пальто кинуться с атакующими цепями. Старший начальник принужден беречь себя, ибо смерть или ранение его тяжело отзываются на подчиненных войсках. Однако, есть моменты, когда и старшему начальнику нужно для поднятия духа армии уметь рисковать собою. Психологически — удаление штабов должно быть минимальным. Для штаба полка — это линия дальнего ружейного огня, 2 версты от неприятеля. Для штаба дивизии — не далее 4-х верст, для штаба корпуса — не далее 8 верст. Более далекое расстояние уже скверно влияет на войска. В предвидении боя начальник должен появиться на ответственных участках позиции и показать себя войскам. Он должен расстаться с автомобилем, сесть на коня,

а, где нужно, — пройти пешком. Надо, чтобы люди видели его, рассматривающим не издали, а вблизи, тот путь, по которому они пойдут. Начальник, приехавший на позицию во время артиллерийского обстрела, не может уехать до окончания обстрела. Спокойно должен он стоять или ходить по окопам, шутить с солдатами, не кланяться разрывам, смотреть в бинокль, держа его не дрожащей рукой. Во время газовой атаки он должен в противогазе быть на виду у своих людей, на пораженном участке. Тут нет вопроса — разумно это или нет. Это поднимает дух, это создает *обаяние вождя*. И когда скажет такой вождь по телефону или даже по аппарату Юза: *"вперед"*, — его приказание исполняют.

Флюиды веры в себя так же, как и флюиды колебаний и сомнений, излучаются и с ленты Морзе или Юза, и от беспроводного телеграфа. Когда начальник подходит к аппарату, чтобы начать диктовать дежурному телеграфисту приказание или донесение, он должен обдумать каждое слово, чтобы ни лишние слова, ни промежутки на ленте не выдали его колебаний. Самые слова должны быть спокойные, твердые, уверенные, подобные тем, какие были некогда сказаны в приказе Азовскому пехотному полку о штурме Праги. В приказании не должно быть никаких "если", никаких "может быть", никаких "попробуйте". Везде повелительное наклонение, но это повелительное наклонение должно быть взвешено, продумано и возможно к исполнению. Надо требовать минимум того, что части могут дать, но требовать исполнения этого минимума бесповоротно и блестяще. Так воспитанные войска, когда нужно, дадут и максимум.

Не всегда же придется работать в нездоровой обстановке войны, воспитывая солдат в боях, как то пришлось делать Добровольческой Армии. Это исключение. Правило же говорит нам, что перед войною у нас долгие годы воспитания и обучения и чем лучше мы обучим и воспитаем армию, тем вернее мы обеспечим себе мир.

При воспитании армии начальник должен помнить, что в боевой обстановке будет исполнено лишь то, что привыкли исполнять в мирных условиях.

Начальник должен знать, что страх неизбежно овладеет его солдатами. Когда овладеет ими страх, они будут делать машинально, рефлекторно лишь то, что они привыкли делать. Исполнять команды, рассыпаться в цепи, применяться к местности, окапываться, ставить прицел. Чем выше обучение, чем более натасканы солдаты, тем скорее они овладеют собою.

На войне неизбежны лишения. Не доставят во время провианта — голодай! На войне придется переносить холод и страдать от грязи, от дождя и снега. Промокшее, иззябшее тело *разумными, никогда не отменяемыми из за погоды или усталости учениями и маневрами* закалить солдата, памятуя Суворовское правило: "тяжело на ученьи — легко на походе".

Начальник еще в мирное время должен выработать в себе волю и умение владеть собою. Он должен принять определенную военную доктрину и уверовать в нее, то есть твердо знать, что нужно и чего не нужно, что важно и что мелочи, без которых можно обойтись.

Грядущая война будет беспощадна. *Никакая Лига Наций* ее не остановит и не предотвратит. Идея вечного мира и арбитража — сладкая, вредная и опасная утопия.. Будущая война не будет считаться ни с какими конвенциями и не будет щадить ни мирных жителей, ни женщин, ни детей. Достижения техники стали огромны и враг, конечно, прежде всего попытается расстроить эту технику. Налеты аэропланов на столицы и фабрично-заводские центры, разрушение в них таких министерств, как министерства путей сообщения, продовольствия, финансов, торговли, взрывы банков и фабрик, физическое уничтожение или внесение паники среди сложного бюрократического аппарата чиновников, газетных деятелей и рабочих, сеяние среди них смуты, "пораженчества", агитация среди низших служащих, призыв их к неповиновению, забастовки, террор — вот что пойдет в ход в будущей войне наряду с великолепной техникой и благодаря ей.

Большая доля сражений перенесется в тыл, всегда шаткий и слабый.

При такой войне еще большее, чем прежде, значение имеет дух всего народа, сопротивляемость не только армии, но и общества, его моральная сила. Война пойдет на истощение нервов. У кого нервы окажутся крепче, тот и выдержит.

В настоящее время на офицера ложится громадная работа оздоровления расшатанной атеизмом, социализмом и материализмом, этими гнилыми учениями нашего века, народной души. Офицер должен быть всегда на своем посту — пламенным проповедником, защитником Родины и ее чести, в казарме. *Святой храм — твердыня доблестям неодолимая. Что дерево без корня, то почитание ко власти земной без почитания ко власти Божией: воздай честь Небу, потом Земле.*

Дух укрепляй в вере отеческой православной: безверное войско учить — что железо перегорелое точить. Тонка щетина, да не переломить; так чудо-богатыри — покой, опора и слава отечества; с нами Бог!

И великие дела криводушных гаснут.

Победи себя — будешь непобедим...

Субординация... экзерциция... дисциплина... Чистота... здоровье... опрятность... Бодрость... смелость... храбрость...

Победа! Слава!.. Слава!.. Слава!"

П.Краснов. Душа Армии. Очерки по военной психологии. - Берлин: Медный Всадник, 1927. - С. 27-155.

ВОЕННЫЙ ЭКСТАЗ И ПРОСТРАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ

Боевой дух армии и одушевляющий ее дух народа есть военная сила, она требует длительной подготовки, организации и воспитания. Она может выковываться только на патриотической традиции и на соответственном мировоззрении.

В агрессивных движениях воюющих сторон следует различать два психических состояния: фанатизм и экстаз. Первое состояние имеет в своей основе господство в психике определенной идеи, обыкновенно недоступной массам, а потому выражаемой в коротких формулах. Это состояние длительное, ибо идеи обладают большою психическою инерцией. Они медленно зреют, но, укоренившись, держатся необыкновенно упорно и владеют как душою народа, так и армии.

Иной характер имеет состояние экстаза. Это состояние временно, определяемое не идеями, а эмоциями, иногда достигающее крайнего напряжения. Воинский экстаз обыкновенно вдохновляется лозунгом, личностью вождей, ведущих людские массы. Он сильно обостряется душевными переживаниями обиды, ненависти к врагу и чувством мести. Но экстаз легко надламывается и спадает. Военный экстаз вдохновляется обаянием ведущих личностей. Если гибнет вождь, экстаз легко сдувается и исповедуемые лозунги часто быстро сменяются противоположными. От экстаза легко

совершается переход к полной душевной прострации, которая в военном деле является фактором, предопределяющим поражение. В умелых руках полководца и военного начальника боевой экстаз служит мощным фактором; его трудно разжигать и длительно поддерживать. **Разумные и мотивированные войны вдохновляются идеями, а не настроениями, военным фанатизмом, а не экстазом.** Короткий экстаз, в форме порыва, есть великолепный метод для местной атаки. Военный опыт показывает, как легко такая атака срывается в том шоке, исход которого так трудно бывает предвидеть.

Армия и народ, лишенные воинского духа, в начале войны ставящие вопросы “зачем” или толкующие о непопулярности войны, в военном смысле, уже мертвы. Они заранее побеждены, как мы видели это на примере русского народа в Маньчжурскую войну и на примере Франции в настоящую войну. В процессе войны надо еще учитывать действие психических ядов в форме пораженчества и революционных течений, стремящихся использовать поражение.

Беспочвенное состояние военного экстаза, как это было в Польше, ослепляло вождей и армию и закрывало им глаза на действительность. Обогащение польского маршала оказалось поверхностным, а оценка соотношения сил легкомысленной. Экстаз выдохся, оставив за собой страшное разрушение. В настоящее время много говорят о значении пропаганды и учреждены даже министерства пропаганды. Но пропаганда обыкновенно поддерживает только экстаз, она действует на психику масс при посредстве фраз, лозунгов и демагогических приемов. **Пропаганда не может заменить воспитания и обучения, которыми прививаются идеи.** В лучшем случае она прививает верования. Такая пропаганда ведется обыкновенно больше в пользу личностей, чем во имя идеи.

Идеализм в крайней форме фанатизма и экстаз в форме временного подъема духа суть два главных фактора духа армии. В коллективной психологии верования и настроения

преобладают над идеями и мыслями. Поэтому творцы идеологии вой-

ны должны выработать ее заранее и преподнести массам уже в готовом виде. Военная физиогномика, символы, лозунги - это уже наряд, который надевает на себя дух армии. Традиции воинской чести, доблести и славы подвига играют в поддержании духа армии колоссальную роль.

Дух армии есть состояние психики, сохраняющее свой облик на протяжении веков. Но рядом с ним и тесно связано с ним идет военно-боевая техника, которая, наоборот, непрерывно и быстро эволюционирует, имея свои формы. Временами кажется, что она владеет психикой и перетягивает чашу весов победы. Но военная техника есть громоздкий аппарат, который прежде всего подчинен психике бойцов и без нее мертв. Этот аппарат еще обладает и громадную ранимостью. Он не самостоятелен и зависит от трех главных факторов: от экономики, снабжения нужным материалом и соответственной индустрией, от путей и средств сообщения. Малейший дефект и перебои в механизме быстро обессиливают и обезоруживают военный аппарат и делают его небоеспособным.<...>

Настоящая прострация наступает после разгрома. Мы видим ее в Польше и во Франции. Здесь экстаз и хвастливые угрозы сразу лопаются. Звучат отчаянные призывы о помощи. Сменяют и расстреливают ни в чем не повинных генералов. Труднее свергаются без всякой пользы политические тунеядцы и заменяются такими же никому не нужными говорунами. Но уже ничто не спасет от окончательного разгрома, ибо здание построенное на экстазе рухнет и давит под сбою народ и государство.

Смена экстаза прострацией сопровождается высшей мерой отчаяния. В состоянии прострации побежденный народ бессилён. После военного разгрома победитель диктует свои условия, которые не принять невозможно. Тогда вступает в свои права формула "горе побежденным", глубокий смысл которой не умеют предвидеть народы, и правители, вступающие в войну. Побежденный капитулирует в состоянии прострации, а победитель в экстазе опьянения победою теряет чувство меры и предъявляет требования, осуществление кото-

рых бывает гибелью для него же самого. Победа всегда рождает экстаз радости и торжества, а поражение - прострацию.

Говорили, что у побежденного наступает революция и большевизм. Это невероятно. Это бывает только тогда, когда победитель бросает побежденного на произвол судьбы, отобрав у него все, что хочет. Если страна останется под игом победителя, то революции не наступают, но зато наступает полурабское прозябание побежденных народов и государств.

Экстаз есть сильный двигатель победы, но он кратковременен, и его надо уметь использовать. Он, как порыв, не терпит перерыва и паузы в военных действиях. Он может выдохнуться. После его падения его уже трудно подхлестнуть и легко может наступить прострация в форме упадка духа и потери боеспособности. Вот почему наступательная война выгоднее оборонительной. В упорной обороне нет экстаза, но временами наступает угнетение и вызываемое им крушение.

Характерным свойством экстаза является торможение им страха. Боевые действия в состоянии экстаза всегда стремительны. Поэтому часто смешивают состояние экстаза с храбростью. Последняя сводится к подавлению эмоций страха, проявляемого в действиях путем воздействия разума и воли, тогда как в состоянии экстаза действия автоматические и не подлежат руководству разума и воли. Все военное обучение стремится сделать действия бойца автоматическими и трафаретными.

Мы видим, таким образом, что военный экстаз есть свойство человеческой психики, могущее иметь большую боевую ценность. Но это состояние не прочно, а иногда опасно, ибо, будучи сломлено, ведет к прострации и к потере боеспособности. Впавший в прострацию побежденный делается пассивною жертвою победителя и сдается без всякого сопротивления.

Воодушевление и экстаз могут быть созданы искусственно... **Движущими силами, порождающими экстаз, являются: патриотизм, исторические предания и слава прошлого. Особенно сильным фактором экстаза явля-**

ется религия. Именно религиозные войны бывают жестокими и беспощадными. В них религиозный экстаз рождает ненависть. Свирепы и гражданские войны, в которых, наоборот, ненависть к противнику рождает боевой экстаз.

Большую загадку военной психологии представляет собою потеря боеспособности боевой части или целой армии. Она наступает под влиянием прострации, когда нет еще полного разгрома. Однако армии Кутузова 1812 года показывают, что даже систематическое отступление и оставление столицы могут не вызвать ни прострации, ни потери боеспособности. Но в этом случае необходима вся духовная мощь и стойкость духа как командного состава, так и главы государства в ореоле Монарха и исторических традиций.

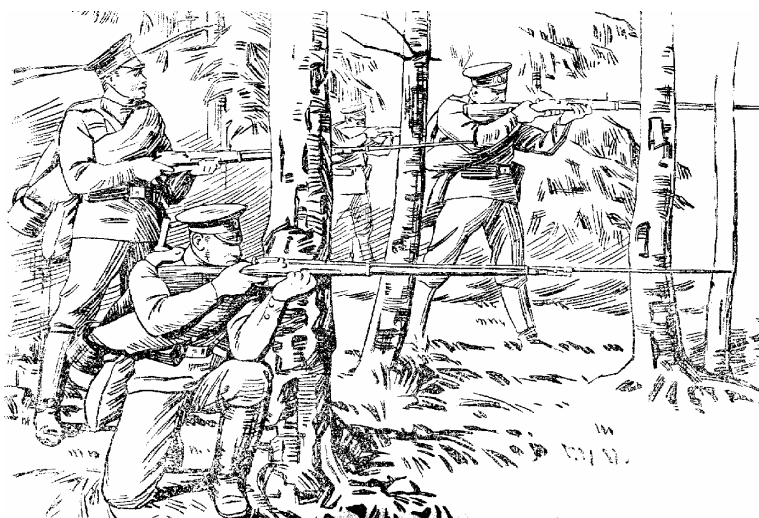
Мы видим, как без этой основы во Франции отчаянно мучущиеся политики-адвокаты, стоящие во главе власти, без всякой связи их имени и личности с великим народом, который они представляют, были бессильны в своих порывах спасти положение.

Но когда во время великой войны эти призывы обращались к русскому Императору, - совершались на мазурских озерах чудеса, именуемые “чудом на Марне”, и “Брусилowski прорыв” во имя помощи союзникам.

Стоит несколько остановиться на формуле “Горе побежденным”. Когда победоносные римские императоры, в своем триумфе, волочили за своими колесницами закованных в цепи царей побежденных народов, торжествующий победитель забывал об унижениях и горе побежденных.

Прошли тысячелетия, но судьба побежденных не стала легче. Цепи физические лишь заменены путами душевными и экономическими. Потому владыкам народов, вступающих в войну, надлежит помнить о законах военной психологии. Победа - богиня капризная.

Краинский Н. Военный экстаз и прострация как факторы боевых операций *Военный журналист.* -1940. - № 19. - С. 5-7.

А. Попов

ФИЛОСОФИЯ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Тысячелетия существуют армии; роль их необъятно велика в истории народов. Ныне, как и на заре человеческой культуры, применение вооруженной силы является *ultima ratio* при международных конфликтах и внутренних осложнениях государственной жизни. На пространстве веков пытливая человеческая мысль не раз обращалась к изучению законов бытия войска, вырабатывая наилучшие способы его применения и пытаясь вскрыть самую сущность его, как организованного единения вооруженных людей. Много сделано в этом направлении, и современные армии управляются часто с великолепным искусством, покаящимся на тщательном и детальном изучении технической стороны военного дела и методов применения вооруженной силы. Гораздо труднее поддаются изучению те внутренние сокровенные законы, по которым живет войско и которые создают из разношерстной толпы людей различных взглядов, убеждений и культур единый организм, про-

никнутый одним чувством в достижении общей цели. Несмотря на все попытки теоретиков и практиков военного дела, не установлено точно до сего времени, в чем же заключается та могучая непреодолимая сила, которая заставляет солдата отрешиться от личной воли, чувства страха и идти в бой, почти на верную смерть. О том, что такая сила есть, о том, что существует особая *душа армии*, не нужно, конечно, много говорить — это познается опытным путем из самого бытия армии, как единого организма и не требует, подобно аксиомам, особых доказательств. Более того, есть даже и искони установившееся определенное название для этой силы — это *воинская дисциплина*. Давно уж стало ходячим выражение, что дисциплина есть душа армии и что именно она делает ее тем, чем армия должна быть по идее. По словам Мольтке, "армия без дисциплины во всех случаях есть дорого стоящее, для войны негодное и во время мира полное опасности учреждение". Дисциплина чрезвычайно высоко ценилась римлянами, и другого взгляда, конечно, и не могло быть у сынов великой империи, широко раздвинувшей свои пределы с помощью железных легионов. Яркое выражение такого высокого понимания воинской дисциплины мы находим у Валерия Максима, Александра Севера и др.

И вообще, по словам Дапгельмайера, "римские полководцы старинного образа мыслей считали дисциплину более святой, нежели семейные узы, и римская история представляет несколько примеров тому, как консулы за преступления против дисциплины приговаривали к смертной казни своих собственных сыновей... Только строгая воинская дисциплина давала возможность римлянам оказывать врагам то упорное сопротивление, которое возбуждало удивление современников и потомства; и римляне хорошо знали, что своим величием они именно обязаны строгой воинской дисциплине". "Дисциплина, - говорит Десборделье, - это душа армии, от поддержания и точного соблюдения ее зависят судьба войска и успех предприятий... лишь дисциплина может объединить волю каждого в воле начальника, может понудить энергию и храбрость каждой отдельной личности слиться в общем интересе, может, наконец, вызвать

все, что обеспечивает победу, порядок и доверие, без которых храбрость и самопожертвование бесполезны".

Этот взгляд на воинскую дисциплину вполне усвоен нашей военной литературой и законодательством. В трудах генерала М. Драгомирова ("Сборник за 14 лет", "Солдатская памятка" и др.) мы находим много верных и ценных мыслей о значении воинской дисциплины. В общем же можно сказать, что только войско, спаянное внутренним началом воинской дисциплины, достойно этого имени и только на такое войско можно положиться всегда и при всех обстоятельствах. "Дубовые леса", говорит фон-Эттингер, "не растут на движущихся песках", и эта мысль кажется нам вполне правильной в применении к войску. Могучее войско может вырасти только на твердой, устойчивой почве воинской дисциплины. И вот, несмотря на такое единодушие в оценке значения воинской дисциплины для армии, несмотря на многочисленные попытки дать исчерпывающее определение этому понятию в законодательствах цивилизованных государств и в научных исследованиях многих ученых,— понятие это до сего времени остается туманным и в сущности малораскрытым. Проистекающие неблагоприятные последствия совершенно ясны. Нельзя продуктивно трудиться над внедрением того, сущность чего представляется не постигнутой.

Отсюда большой ущерб для силы войска, которая, как мы видели, находится в прямой зависимости от начал воинской дисциплины. Без отчетливого понимания требований ее работа военных начальников будет идти ощупью, без руководящих начал и часто вместо пользы приносить только вред или, во всяком случае, не давать результатов, необходимых для нормального бытия армии. Нет поэтому ничего удивительного, что по этому основному вопросу наблюдается полный разброд мнений, путаница понятий и отсутствие единообразия в руководящих началах. Не приходится поэтому также удивляться тем печальным результатам, к которым мы пришли в итоге тягчайших революционных испытаний 1917 года. Армия при этом не показала надлежащей стойкости, не обнаружила достаточной силы сопротивления растлевающим влияниям, шедшим с разных

сторон, и довольно скоро обратилась в силу, грозную не для врага, а для государственного правопорядка и интересов отдельных граждан.

Причина этого несомненно лежала в том, что наша армия, имея наружно весь блеск и грозное величие одной из могущественнейших армий мира, не носила в себе в необходимой мере начал воинской дисциплины, и, следовательно, была морально лишена той твердой почвы, на которой растут "дубовые леса" *.

Только этим можно было объяснить возникшие в то время бесконечные словопрения о "старой" и "новой" дисциплине. Не во всех случаях они имели началом своим злую волю, желающую под покровом пышных фраз уклониться от исполнения тяжелого, но священного долга. Иногда, и притом нередко, это являлось прямым следствием полного непонимания истинной сущности воинской дисциплины даже в офицерской среде, и наивного убеждения, что новые формы государственного устройства должны дать и новое содержание этой дисциплине. В общем же, в понимании этих лиц, "новая" дисциплина, должна быть сознательной, основанной на чувстве долга и добровольного подчинения, в противоположность прежней "старой" дисциплине, опиравшейся на принуждение и силу страха.

Не приходится строго обвинять офицерский корпус за такое шатание мысли, — оно имело своим источником незнание и за это должен быть послан горький укор высшим руководителям армии, которые, увлекаясь внешними формами, проглядели самое главное — душу армии.

* * *

Итак, перед нами стоит вопрос, в чем же эта душа состоит и какое определение мы ей должны дать?

Прежде всего нужно иметь в виду, что понятие это не должно, по нашему мнению, устанавливаться чисто умо-

* Редакция не согласна с подобным мнением о старой армии. Оно справедливо только в отношении новой армии — вооруженного народа, явившегося на сцену после гибели кадровой армии. (Примечание редакции Белградского Военного Сборника).

зрительным путем, так как в данном случае мы пытаемся вскрыть сущность реально существующего организма, выявляющего свои основные особенности в самом своем бытии и взаимодействии составляющих его частей.. Поэтому нельзя не согласиться с соображениями, которые уже ранее высказывались в нашей литературе и сущность коих сводится к тому, что воинская дисциплина есть не более, как общий вывод из реальных условий и требований войсковой жизни вообще и боевой — в частности. Только изучение быта войска и тех целей, во имя которых оно существует, может дать нам материал для установления понятия воинской дисциплины. Эти же реальные требования и условия военного быта дают нам критерий для оценки пригодности той или другой теории.

Если мы обратимся к тому наиболее распространенному взгляду на воинскую дисциплину, который живет во многих европейских армиях, то мы увидим, что сущность его, общим образом говоря, сводится к принципу *законности и повиновения*. Принято считать, что в этом и есть душа армии и что она здесь находит себе наиболее полное выражение.

Так, этот принцип положен в основание нашего Устава Дисциплинарного, который в статье I постановляет: "Воинская дисциплина состоит в строгом и точном соблюдении правил, предписанных военными законами"... Декрет президента французской республики от 20 октября 1892 года стоит на этой же точке зрения, причем главное внимание обращает на обязанность *повиновения* своим начальникам. Он постановляет: "Дисциплина, как главнейшая сила армии, требует от подчиненных полного и постоянного повиновения начальнику и буквального исполнения его приказаний без колебаний и ропота". Правда, такое узкое понимание этого вопроса нашим и французским законодательством отчасти ослабляется некоторыми другими положениями закона. Но именно это отступление от прямолинейного проведения основной мысли лучше всего доказывает принципиальную неправильность и неприемлемость ее, до некоторой степени сознаваемую и самим законодателем. Статья 4 нашего Устава Дисциплинарного говорит о необ-

ходимости для начальника быть справедливым в сношениях с подчиненными, отечески заботиться о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советником и руководителем и пр. "Следует стараться,— постановляет французский устав о внутренней службе в ст. 1,— добиваться дисциплины добровольной, основанной на высоком чувстве преданности Родине и на действительном сознании долга; это достигается разумным нравственным воспитанием солдата". Вообще же во французском уставе весьма подробно указаны обязанности начальников, чем оттенена мысль, что требования дисциплины равно обязательны для всех, а также уделено серьезное внимание нравственной стороне воинской дисциплины. У нас эти стороны развиты не в достаточной мере, несомненно, к явному ущербу для практического дела воспитания солдат. Совершенно ясно, конечно, что основное определение воинской дисциплины, даваемое нашим и французским уставами, не находится в органической связи с только что приведенными дополнительными постановлениями.

Из принципа беспрекословного повиновения и покорности, естественно, не вытекают обязанность "отечески заботиться о нуждах своих подчиненных, а также и вышеприведенные положения французского устава о внутренней службе* .

Несомненно, это является попыткой улучшить и углубить основное определение воинской дисциплины под влиянием проникающего в сознание лучшей части армии более точных и правильных представлений об основах воинского воспитания.

Обращаясь к оценке этих определений, необходимо прежде всего отметить, что строгое соблюдение законов и повиновение есть признак совершенно формальный. Исполнять законы и распоряжения начальства можно как по высоким нравственным мотивам (веление долга), так и по соображениям низменного порядка, например, из чувства

* Почему не вытекает? Моральная связь между этими двумя положениями ясна и необходима. Редакция.

страха и пр. Быть лояльным в своих действиях и согласовывать их во всех проявлениях с требованиями закона может как лицо с глубоко воспитанным чувством законности, так и человек, совершенно безнравственный, чуждый ясного представления о высоких идеях права и справедливости. Таким образом, одно исполнение законов или повиновение, как факт, еще ничего не предreshает. И если в среде гражданского общества вопрос о том, почему и в силу каких соображений данное лицо проводит свои действия в согласие с требованиями закона, является вопросом, не имеющим серьезного значения для законодателя, то в войске он приобретает особую и первостепенную важность. В гражданском быту важно и существенно необходимо, чтобы член общества не нарушал чужих прав, и до тех пор, пока он не выходит за границы предоставленной ему сферы свободной деятельности и не вторгается в правоохраненную сферу интересов других, государственная власть остается спокойной и не обращает внимания на мотивы, побуждающие деятеля к поступкам, согласным с предписаниями закона.

Не то в войске. Оно сильно лишь внутренней спайкой, духовной связью всех составляющих его членов. Душа армии есть коллективная душа всех воинов, ее сила, бодрость и возвышенность - в силе бодрости и возвышенности характера всех входящих в состав войска солдат. Чего нет в первом, того по общему правилу не может быть и во втором и наоборот. Поэтому законность, как чисто внешнее механическое приведение действий воина в согласие с требованиями военного закона, не имеет существенного значения для войска, Под внешне лояльной и чисто блестящей личиной могут жить самые презренные побуждения. В таком случае, в тяжелую минуту, в периоды решительного испытания, когда временно исчезает угроза суровым наказанием, открывается во всей своей отвратительной наготе истинное лицо такого войска и проявляются самые худшие инстинкты насильственно подавленной воли. Такая армия, таящая в себе грозные для государственного порядка возможности, по справедливости не есть войско, а механическое соединение вооруженных людей. *Строить на чувстве страха и сводить все воинское воспитание к*

пассивному повиновению,— значит строить на песке и не заботиться о будущем.

Для пояснения того, что не все в действиях подчиненного обнимается понятием законности и повиновения, приведем пример из работы проф. кн. Друцкого.

В военное время, в бурную темную ночь начальник посылает двух подчиненных с письменным приказанием за десятки верст в местность, постоянно подвергающуюся нападению неприятеля. Подчиненные повинуются беспрекословно, но один из них в душе проклинает свою судьбу и своего начальника и лишь из страха наказания исполняет приказание. В пути этот подчиненный попал в засаду, устроенную неприятелем, пытался спастись бегством, но был взят в плен, а находившееся при нем приказание переходит в руки неприятеля. Другой подчиненный, не думая об опасности пути и не осуждая начальника, бодро пускается в путь с единственной целью возможно лучше исполнить поручение. Он также встречается с неприятелем, убедился, в невозможности пробиться и, помня о данном ему поручении, уничтожил полученную от начальника бумагу, за что и был убит неприятелем^{*}. Конечно, в последнем случае надлежит видеть пример правильного понимания воинской дисциплины и своего долга. Между тем различие в способах и характере исполнения одного и того же приказания в двух рассмотренных положениях зависит исключительно от душевного состояния того и другого подчиненного и степени проникновения их характера определенными нравственными началами. Вот в этих-то нравственных началах и заключается сущность определяемого нами понятия. Необходимо, чтобы повиновение явилось результатом особого нравственного состояния солдата, которое с неизменным постоянством и строгою необходимостью определило бы линию его поведения во всех случаях жизни. Ясно, что движущим элементом армии является исключительно лишь это нравственное состояние, внешним

^{*} Приведенный пример опытные строевые офицеры считают неудачным. Первый из посланных мог быть идеальным воином, но захваченный врасплох или под влиянием внезапно охватившего его страха во время бегства не успел уничтожить приказания. Другой же, видя невозможность пробиться, мог иметь достаточно времени, дабы обдумать положение и уничтожить записку. Редакция.

нравственное состояние, внешним образом проявляющееся в действиях, согласованных с интересами армии.

Заслуживают в этом отношении внимание соображения проф. кн. Друцкого: "Успех боевой деятельности войска и самое бытие этого последнего возможны только тогда, когда приказание не может быть не исполнено, так же, как не может остаться неподвижным весомое тело, ничем не поддерживаемое". Кроме того, механическое подчинение, не озаренное светом общих идей военного служения, совершенно не соответствует требованиям, предъявляемым в настоящее время к каждому отдельному воину. Без его самодеятельности, и во многих случаях творческой инициативы, трудно рассчитывать на успех боевой деятельности. Тот же, кто приучен лишь беспрекословно подчиняться, слепо следуя указаниям начальников, тот не будет способен к проявлению такой самодеятельности в нужную минуту. Между тем в боевой обстановке нередко бывают случаи, когда подчиненный, не получая непосредственных указаний от начальников и не находя прямой опоры в требованиях закона, должен принимать решение по своему усмотрению и пониманию.

Таким образом, вышеприведенное определение воинской дисциплины не отвечает ни теоретическому пониманию, ни практическим требованиям военного дела. Между тем это определение, явно несостоятельное, усвоено также и многими теоретиками военного дела. Оно же, как мы указали выше, широко распространено и в военной среде. Естественно, что лица, воспитавшиеся в подобных взглядах, а их было немало у нас, склонны были рассматривать утверждения о необходимости сознательной и основанной на чувстве долга дисциплине, о чем усиленно и без достаточного понимания заговорили в 1917 г., как откровение революционного времени и результат новых форм государственного устройства. Мы постараемся показать, что понятие воинской дисциплины ни в какой зависимости от этих форм не находится и всегда покоилось на незыблемых устоях нравственных начал и сознательного отношения к своему долгу. Все, что поддерживалось лишь чувством страха и выражалось лишь в механическом повиновении приказам

начальников, с теоретической точки зрения, и не может быть вызвано воинской дисциплиной, хотя бы в жизни оно и носило такое название. С нашей точки зрения, последнее состояние является результатом дрессировки, муштровки и никогда не должно быть смешиваемо с воинской дисциплиной. Дрессировать с успехом можно и зверей, но только человеку с развитым нравственным чувством могут быть привиты, путем соответственного воспитания, воинские начала воинской дисциплины. Поэтому нет и не может быть никакой "старой и "новой" дисциплины. Есть единая воинская дисциплина, требования которой мало сознаются до настоящего времени, и есть, конечно, дрессировка, увлечение которой не прошло и по сей день.

Оставаясь на почве ранее высказанных нами соображений, мы не можем согласиться с таким, например, определением профессора Кузьмина-Караваева: "Воинская дисциплина есть совокупность условий, определяющих взаимные отношения между начальниками и подчиненными". Ничего, кроме чисто формального, сухого начала соблюдения известных условий и требований закона, в таком определении мы не усматриваем и никак не можем признать, чтобы в подобной совокупности условий и заключалась "душа армии".

Более ценными являются те определения и соображения, в которых отмечается внутренне действенное начало войска и ставится в связь с понятием дисциплины.

"Если военный быт,— говорит Лоренц Штейн в своем труде "Учение о военном быте, как часть науки о государстве",— который стоит стольких жертв всему народу и каждому отдельному гражданину, действительно должен соответствовать своей цели, то каждый солдат не только не должен нарушать права, но и устраивать всю свою жизнь и все свое поведение таким образом, чтобы они согласовались с существом и задачей военного быта". Такую обязательность определенного поведения военнослужащего Штейн называет дисциплиной. Дисциплина требует, чтобы каждый не только воздерживался от дисциплинарных проступков, но и чтобы он подчинял себя этому порядку во всем своем даже не строго служебном поведении. Признаку

самодетельности уделяется особое внимание в трудах Геккера и Марка. Первый из них определяет дисциплину, как "надлежащее отношение солдата к обязанностям своего звания и к своим начальникам, а также надлежащее поведение его вне службы и независимо от своего звания". В первой части приведенного определения выражены требования так называемой служебной дисциплины, а во второй — дисциплины в широком значении этого понятия. Дисциплина требует не только исполнения закона, но также и того, чтобы вся жизнь и цели солдата согласовались с требованиями военного быта и задачами войска. "Данное войско хорошо дисциплинировано", по мнению Геккера, если вообще во всем каждый солдат не только соблюдает законы согласно требованиям долга, но если и вся его жизнь и его поведение во всех случаях оказываются согласованными с задачами и сущностью войска. Поэтому следует всеми возможными способами воспитывать в солдате дисциплину, ибо боевой дух достигается лишь после долгих упорных трудов.

Марк отмечает особенно "самостоятельную, добровольную, свободно проявляющуюся сторону дисциплины, которая тем важнее, чем менее во время военных действий, — где дисциплина всего нужнее, может проявляться влияние приказаний и притом не только в таких положениях, в которых и в мирное время единичные люди действуют самостоятельно (как, напр., в качестве ординарца, везущего донесение в стрелковой цепи, стоя на часах, идя в патруль), но и в таких, в которых солдат привык чувствовать руководство; это последнее легко может не проявиться по той простой причине, что бой мог выхватить командира из рядов сражающихся. В таких случаях выручает только самодетельное, добровольное подчинение своей личности до самозабвения воле командующего. Воинский дух требует даже большего, он требует, чтобы добровольное подчинение возвышалось до чувства радостного при таком поглощении собственной личности. Далее Марк ссылается на параграф 28 немецкого устава полевой службы, который предписывает: "от самого молодого солдата до старшего следует всегда и во всем требовать полного, сознательного

добровольного отречения от своей личности, духовно и физически. Только в таком случае можно довести войско до полного развития его боеспособности в согласованном действии всех частей".

Этот взгляд на воинскую дисциплину находит себе последователей и среди некоторых наших военных ученых. В частности, проф. генерал Абрамович-Барановский находит, что "понятие дисциплины гораздо шире простого и безусловного повиновения воле начальников; дисциплина состоит не только в пассивном исполнении приказаний и установленных правил, но и в самодеятельности солдата. Эта самодеятельная сторона приобретает особенно важное значение в наше время, когда от каждого военнослужащего требуется известная дисциплина, когда по самому способу современного боя для начальников затруднительно наблюдение в бою за каждым отдельным лицом и когда губительное действие современного оружия требует высокого развития нравственных сторон войска и сознания долга перед отечеством. Профессор Н. Фалеев, признающий большую важность элемента самодеятельности в понятии воинской дисциплины, определяет последнюю как "обязанность такого поведения со стороны военнослужащего, которое содействует армии в достижении ее задач". По мнению профессора Плетнева, "скрещение творческой воли верховного вождя и влияний государства создает в войске, через систему правил и обязанностей, особое умоначертание составляющих его масс, которое дает в результате дисциплину. В абстрактном своем значении это умоначертание составляет философское выражение отношения войска к важнейшим обязанностям своей жизни, — победе над врагом через страдание и смерть. В своем конкретном выражении, дисциплина образуется из совокупности этических и правовых навыков, охватывающих все содержание воинских целей солдата".

Не входя в рассмотрение каждого из приведенных определений в отдельности, отметим, что по широте и глубине захвата они являются, с нашей точки зрения, наиболее удовлетворительными. В этих определениях, уделяющих так много внимания нравственной природе воинской дисциплины

плины, прощупывается уже биение жизни, та душа армии, которую мы желаем определить в общем понятии. Но удовлетворить нас вполне они не могут. Действительно, в самодеятельности солдата и в его поведении, согласованном с интересами армии, они видят некоторую сущность, имеющую самостоятельную ценность. Это не так. Сущность должно усматривать исключительно в особом душевном состоянии воина, том состоянии, которое определяет все дальнейшее поведение его. Согласно с интересами армии поведение воина само по себе еще не определяет степени дисциплинированности воина, ибо может иметь характер явления случайного или проистекающего из каких-либо чуждых армии побуждений. Важна именно сущность, самый характер воина, совокупность заложенных в нем нравственных привычек, которые с неумолимой последовательностью определяют весь образ жизни и действий воина до мельчайших деталей. Таким образом, надлежащее поведение, о котором ранее говорилось, может быть признано лишь результатом, последствием воинской дисциплины. Последняя есть та сущность, которая сильнее смерти и ведет воина не только к формальному исполнению закона, но и святому подвигу самоотречения и самопожертвования во имя высоких идеалов. Эта сущность есть всеопределяющее движущее творческое начало, и она не может быть отождествляема ни с поведением воина, ни с какими другими *внешними* проявлениями его личности. Воинская дисциплина есть не только душа армии, но и душа каждого воина в отдельности.

Если мы обратимся к анализу воинского служения, то мы увидим, что все оно построено на принципе самоотречения и самоограничения. Этот принцип проникает во все поры воинского дела, властно определяет мельчайшие детали в повседневной жизни солдата и в минуту испытания ведет его на смерть. Личные интересы воина должны склониться перед интересами армии, ступать, отойти на второй план и не заявлять о себе тогда, когда властно говорит голос воинского коллектива. Если могучее чувство самосохранения смертельным ужасом сжимает сердце воина перед грозной опасностью; если голос живого существа резко

и отчаянно заявляет о своих правах на жизнь перед лицом грядущей неумолимой смерти, то воин должен найти в себе великие силы, дабы противостоять этим могучим побуждениям физической природы и исполнить свой долг до конца. Но этого мало, он должен исполнить его не как рабочая скотина под бичом своего господина, а как гражданин, во имя долга и в сознании своей нравственной обязанности.

Переходя затем к мелочам воинского служения, мы увидим здесь все то же возведенное в систему самоограничение. Воин должен ограничить свои желания и тогда, когда тоскующий голос сердца зовет его к близким, оставленным в далеком краю, быть может, в горе и нужде, он должен ограничить себя и тогда, когда, стоя на посту, он борется со смертельной усталостью и т.д.

Невольно возникает вопрос, какая же это могучая сила, которая сильнее смерти, сильнее всех личных желаний воина? Какая это сила, которая может автоматически определить все действия его и сообщит им такой же характер обязательности, как влияние закона тяготения на физические тела? Какая это, наконец, сила, которая, подчинив себе личность воина и определив все его желания и поступки, вместе с тем сохранит его индивидуальность свободного гражданина и сообщит его действиям духовную красоту высоких достижений?

Сила это одна — нравственность.

Она разлита в природе человеческих обществ, роднит с Божеством и является неременным и обязательным условием всякого общежития и культурного развития человечества. История дает многочисленные примеры того, что нравственность действительно сильнее смерти и может повести на жертвенный подвиг в озарении радостного и спокойного духа. Все это настолько понятно, что мы не будем распространяться о значении нравственной силы. Скажем просто, что *основным требованием воинского служения необходимо сообщить силу нравственных навыков*, которые неудержимо влекли бы солдата по пути исполнения долга. Действительно честным мы называем не того человека, который побуждается к известному поведению страхом наказания или желанием выгоды, а только того, кто

не может быть нечестным, в силу заложенных в нем нравственных принципов. Только при этом условии армия может быть признана дисциплинированной, и только тогда она явится надежным орудием в руках вождя.

Только в этом случае получается полная уверенность в ее образе действий и в том, что дни тяжелых испытаний не принесут нам горьких разочарований. Это именно и есть та почва, на которой растут "дубовые леса", т.е. создается несокрушимая мощь армии. При этом условии, полное всяких лишений и страданий служение воина озарится светом высоких идеалов и предстанет в сознании его легким и радостным делом во имя блага Отечества.

В душе воина должен быть заложен определенный комплекс нравственных навыков и идей, который будет властно побуждать его к исполнению своего долга и определять его поведение как по службе, так и вне ее, до последних мелочей, в полном соответствии с интересами армии.

Поведение лица, воспитанного в принципах нравственности, не может зависеть ни от каких случайных мотивов и побуждений. Определенный способ действий становится его натурой и всякое невольное даже отступление от пути, предначертанного велениями нравственных начал, влечет за собою серьезные душевные страдания. На страже исполнения нравственных заветов стоит неумолимый и недремлющий страж — наша *совесть*, и всякий, изменивший им, прежде всего испытает муки тягчайшего раскаяния, которые часто будут значительнее самых суровых кар закона. Никакая другая сила, никакие другие побудительные мотивы и двигатели человеческой воли не могут по силе своего действия идти в сравнение с этим единственным в своем роде могучим стимулом — нравственностью. Только она по справедливости может быть названа душою воинского коллектива, в котором, по особым задачам и характеру его деятельности, требуется исключительное напряжение нравственной силы, известный пафос нравственного подвига.

Это положение мы выводим не путем отвлеченных рассуждений, но тщательным и внимательным изучением структуры войска и непреложных законов, по которым оно

живет и действует. Мы не закрываем глаза на то, что ранее существовали и побеждали армии, где дисциплины в нашем понимании мы не найдем, но это не является серьезным аргументом против приведенных соображений, так как несомненно некоторые боевые достижения могли быть получены и путем одной лишь дрессировки, но сфера применения ее, с культурным развитием человечества и переходом к народным армиям, уменьшается с каждым днем и в настоящее время сведена почти к нулю. Муштровка теперь может иметь место как один из приемов воспитания, направленного к одной основной задаче, — внедрению известных нравственных навыков в душу солдата, но не как способ подавления человеческой личности и обращения его в бездушного, машинообразного исполнителя.

По мысли эрцгерцога Иоанна Сальватор, "дисциплина", сокрушающая личную волю, не есть дисциплина, ибо последняя ни что иное, как добровольное и сознательное отречение от личной воли. А для того, чтобы отказаться от воли, надо прежде всего, чтобы она существовала"... "Ротный командир", говорит генерал М. Драгомиров, "сильно ошибается, вообразив себе, что, обучая людей употреблению штыка, стрельбе, эволюциям, пользованию местностью, он сделал все необходимое и что остальное само собою усвоится. Можно быть совершенным в фехтовальном искусстве, в стрельбе и т.д. и в то же время не иметь ни малейшего понятия о военном долге. Старайтесь же прежде всего вкоренить в солдате чувство военного долга, развеите в его голове идеи чести и честности, укрепите в возвысьте его сердце, а остальное придет само собою".

Таким образом, мы получаем право сказать что *воинская дисциплина — есть воинская нравственность, как один из видов общечеловеческой нравственности; вообще она должна быть рассматриваема как совокупность живущих в войске понятий — о воински добром и злом, честном и бесчестном* и т.п.

Эти начала, будучи путем воспитания внедрены в душу воина, дают то, что принято называть *воинской дисциплинированностью* и что может быть определено, как *особое*

нравственное состояние солдата, внешним образом проявляющееся в такой самодеятельности его, при которой интересы войска во имя нравственного долга поставляются им во всех случаях выше противодействующих личных его интересов.

Естественно, может возникнуть вопрос, имеются ли достаточные основания для того, чтобы говорить в данном случае об особой воинской нравственности, и не является ли она по существу тою же общегражданскою нравственностью, с несколько несущественными видоизменениями, в соответствии с требованиями воинской службы. Ведь не приходится же устанавливать различные градации нравственных требований в зависимости от нахождения лица на государственной или общественной службе или по каким-либо другим признакам его профессиональных занятий? Почему же именно войску отводится такое обособленное положение и чем оно вызывается?

Ниже мы постараемся дать ответ на этот вопрос. Здесь же считаем необходимым указать, что, конечно, воинская нравственность по сокровенным источникам своим вполне совпадает с нравственностью общегражданской, общечеловеческой. В философском понимании этих терминов нет и не должно быть никакого различия. Но оно есть в чисто практической стороне, в объеме и характере нравственных требований, предъявляемых к гражданину с одной стороны и воину-гражданину — с другой. Для последнего являются обязательными не только начала общегражданской нравственности, но и некоторые совершенно специальные. Эти дополнительные требования настолько велики и значительны, что они составляют целый кодекс специально воинской практической морали, почему в этом случае не только можно, но и должно говорить о нравственности именно воинской.

Но повторим, нравственность в основе своей едина, и всякая попытка истолковать интересы армии, как самодовлеющее начало, подчас не согласное с основными принципами общегражданской нравственности, представляется безусловно неправильной и чреватой самыми тяжелыми последствиями. Это будет решительным шагом к демора-

лизации и уничтожению войска. В конечном итоге всякая воинская нравственность должна покоиться на твердом базисе общегражданских добродетелей и иметь своим началом чувство патриотизма и действенную любовь к Родине.

Но все же специальные требования воинской морали настолько значительны по своему характеру и объему, что мы имеем полное основание говорить о воинской нравственности, как о самостоятельной категории со своим особым содержанием.

Отметим по этому вопросу мысли фон-дер Гольца, который, между прочим, говорит: "Не следует думать, что в благонаправленной нации дисциплина есть нечто самостоятельное и природное, что она сама собою вытекает из гражданской морали. Для этого слишком тяжелы те испытания, которым солдат подвергается. Разумеется, в рядах армии культурного народа преступность должна быть во всяком случае меньше, чем между боевым сбродом грубых народностей. Однако, дисциплина требует большего, нежели только отрицательного проявления. Она требует от солдата, чтобы он жертвовал жизнью ради победы над врагом. Она побуждает его совершать действия непривычные, причем должна внушить ему необходимость их так убедительно, чтобы они казались ему совершенно обычными, даже натуральными. Самое лучшее объяснение сущности дисциплины и ее чудодейственной силы мы находим у Дарвина, в его "Происхождении видов", где он говорит, что превосходство дисциплинированных солдат над необузданными дикими массами есть главным образом последствие чувства доверия, которое каждый дисциплинированный солдат питает к своим товарищам. Такое безусловное доверие, без сомнения, является самым благородным средством воздействия дисциплины, и оно ясно указывает своеобразность того, что мы разумеем под этим избитым термином".

В общем же, как мы указывали выше, воинская нравственность отличается от общегражданской как по содержанию, так и по характеру нравственных требований. Обратимся к рассмотрению этого содержания.

Кодекс общегражданской морали включает в себя положения, относящиеся как до интересов отдельной личности, так и общества. Вследствие этого действия, посягающие на жизнь, честь, личную неприкосновенность индивида, а также действия антисоциальные, вредящие обществу, как организованному единению людей, признаются по общему правилу безнравственными. Что же касается нравственности воинской, то она остается всегда в сфере интересов войска и здесь устанавливает и отделяет должное от не должного. Все что не согласно с интересами войска, что способствует ослаблению и разрушению его, то по кодексу воинской морали должно признаваться безнравственным. Интересом же войска мы будем считать не только все то, что является целью существования войска или служит к удовлетворению потребностей воинского быта, но так же и то, что облегчает достижение этой цели. В этой области интересов общества и армии мы без труда увидим крупную и существенную разницу. Общество, в зависимости от степени своего развития, в различные эпохи существования не в одном и том же смысле понимало свой интерес. В потоке времен, по мере культурного развития, существенно менялся общественный идеал и взгляды на дурное и хорошее, т.е. следовательно, требования нравственности. Это станет совершенно понятным, если мы сравним кодекс нравственных требований у народов диких и у современного культурного человечества. Здесь разница не только в объеме и степени разработки нравственных положений, но и в самом характере и их существе.

Если мы обратимся к рассмотрению тех основных нравственных требований, соблюдение коих было поставлено под охрану уголовного закона, то мы увидим картину полной изменчивости и непостоянства. В процессе эволюции менялась не только внешняя форма, но исчезала и самая сущность многих деликтов. Лучшим тому доказательством является справка, приводимая Тониссенем из области еврейского законодательства. Из десяти преступлений, которые еврейский закон наказывал побиванием камнями, девять перестали в нашем европейском обществе даже счи-

таться за преступления, а десятое осталось преступлением, но совсем в ином отношении. "Какова социальная организация", говорит Тард, "такова и преступность: в Египте большой штраф налагался на того, кто занимался общественными делами, в нашем же демократическом обществе, напротив, законно наказывают избирателей, которые воздерживаются от голосования. Какова цель, таково и средство. Карательные меры только оружие. Эти народы никогда не обманывались, считая добродетелью те чувства, которые мы иногда осуждаем. Система добродетелей, точно так же, как и системы преступления и порока, меняются вместе с ходом истории. В глазах арабов тремя главными добродетелями были мужество, гостеприимство и кровавая месть, а не честность, любовь к труду и благотворительность". Точно так же меняется взгляд и на относительное значение различных преступлений. В средние века самым большим преступлением было святотатство, затем мужеложество, а уж потом убийство и кража. В Египте и Греции считалось преступлением оставить без погребения родителей. "Может быть", говорит далее Тард, наступит момент, когда важным преступлением на переполненном земном шаре будет многочисленное семейство, а мы знаем, что прежде стыдно было не иметь детей".

Возникает вопрос, так же ли эволюционировало во времени понятие преступного в воинской среде и представляет ли здесь смена этих понятий такую же калейдоскопическую пестроту?

Мы думаем, что нет. Несомненно, что с изменением государственных форм менялась и общественная оценка войска, как фактора государственной жизни, менялось вследствие этого и самое положение войска в среде других государственных установлений. От грозной формулы "под оружием молчат законы" длинным путем исторического развития человечество пришло к установлению совершенно противоположного по смыслу положения "меч склоняется перед "тогою". От государственного быта на кастовых началах с воинами во главе тем же путем пришли к демократическому государству, армия которого есть народ под ружьем. Перед нами, таким образом, эволюция громадного

значения и глубокого смысла. Но затрагивала ли она самое существо воинских требований, и менялись ли вместе с изменением положения войска в государстве также и способы достижения своих задач войском, как единением вооруженных людей? Нам кажется, что смена политических взглядов на назначение войска, на роль его в среде государственного организма нисколько не затрагивала сокровенной сущности войска, как самостоятельного организованного целого, и не изменяла основных условий и положений воинской жизни.

Действительно, с первых моментов своего бытия и до настоящих дней, войско, проходя через историческую изменчивость фактов, через различные периоды эволюционного развития народа на пространстве веков, имеет один незабываемый и неизменный свой собственный смысл существования и живет своею собственной жизнью, содержание которой почерпается в вековых обязанностях его единого призвания. Это *призвание — победа над врагом посредством вооруженной борьбы*. Какое бы положение ни занимало войско в государстве, какое бы влияние оно ни оказывало на внутренние и внешние дела государства, никогда не умирало сознание этого единственного и соответствующего природе вещей признания. В тумане веков ярко путеводною звездю светился смысл этого призвания, и он наложил на все содержание воинского быта печать неизменности и гранитной устойчивости. В этом существенное различие между государством и войском. Первое не имело и не имеет ясно сознанной точной и строго определенной конечной цели своего бытия. О ней можно писать, говорить, спорить, но она не предстоит воочию и всегда остается скрытой под непроницаемой завесой грядущих веков.

Каждый период развития общества, в согласии с господствующими в нем идеалами и пониманием задач государства, выдвигал свои цели и свои средства к их осуществлению. В процессе исторического развития народов менялись боги, которым молились, менялись святыни, которые чтили, и трудным извилистым путем идет человечество к неведомой и загадочной цели. Вследствие этого менялись, как мы указали выше, взгляды общества в оценке людей и то, что

считалось ранее дурным, то становилось хорошим, и наоборот. Другое положение в войске. Последнее есть организм искусственно созданный а непосредственная цель, поставленная в начале его бытия, не изменилась до сего времени, да по смыслу существования войска и не может измениться. А раз цель ясна, то должны быть применены определенные средства; если указан конечный результат, должны быть избраны определенные пути. Если цель эта — победа над врагом путем вооруженной борьбы, то с момента возникновения войска должно было установиться определенное понятие о воинских добродетелях и оставаться неизменным до наших дней; то, что вредило силе войска раньше, вредит ему и теперь, то, что считалось с воинской точки зрения похвальным несколько веков тому назад, то в общем продолжает сохранять свой характер и в наши дни, и несомненно будет сохранять до конца существования войска.

Для успешного выполнения конечной цели своего бытия, войско должно быть прежде всего сильно духовными своими качествами; оно должно представлять во многообразии своих членов единый организм, сила которого в согласованности действий всех составных его частей и в их нравственном воодушевлении. Ранее, как и теперь, войско не могло существовать без строгого соблюдения в его среде принципов самопожертвования, мужества, повиновения, чинопочитания, исправного несения своей должности и т.п. Только то полезно для войска, что дает ему, как физической силе, наибольшую мощь и сокрушительность в действии, только это и является хорошим с чисто воинской точки зрения. Совершенно ясно, что не было и не может быть войска, в котором бы трусость, неповиновение и т. п. были бы возведены в принцип. Эти начала губят армию, и потому они должны быть признаны воински безнравственными. Наоборот, все, укрепляющее войско и способствующее достижению основной цели его, — победе над врагом, — должно быть признано воински нравственным. Сюда мы отнесем, как указали выше, способность к самопожертвованию, чинопочитание, повиновение и пр. Таким образом, мы можем сказать, что *основные требования воинской*

нравственности остались неизменными в своем существе на пространстве тысячелетий.

В этом первое и существенное отличие нравственности воинской от общегражданской. Конечно, за это время изменялись методы применения вооруженной силы, изменялись принципы тактики и стратегии, исчезали одни роды оружия и возникали другие, но это не отражалось на существе нравственных требований, — древний воин, сражавшийся на колеснице или слоне, должен был быть также готов к самопожертвованию, как и современный летчик. Могли лишь меняться нравственные воззрения, не имеющие непосредственного отношения к основному призванию войска. Эта сфера общей нравственности воина претерпевала с течением времени и в связи с изменением положения войска в государстве, т.е. с изменением его политической, но не боевой роли, существенную эволюцию. Прежде, во времена обособленного существования войска и полной оторванности его от гражданского населения, солдатские добродетели базировались на другом фундаменте, чем теперь. Иные чувства и интересы влекли солдата к исполнению своего долга, и с другой точки зрения смотрел он на самую сущность своего призвания. Но все это не могло внести изменения во взгляд на сущность воинских добродетелей в тесном смысле. Теперь, как и тысячи лет тому назад, солдат должен был стремиться к одной конечной цели — к победе над врагом. И если в таком стремлении им ранее двигали другие чувства и интересы, то это могло иметь отношение и вносить изменения лишь в гражданский нравственный облик бойца, а не в кодекс солдатских добродетелей в узком смысле, независимо от гражданского состояния воина. Вот почему ранее не считалось преступным и бесчестным разграбление городов, жестокое обращение с жителями и пр. Все это не имеет никакого отношения к воинской нравственности в нашем понимании и не колеблет принципа неизменности требований этой нравственности для всех времен и народов. Вследствие этого мы получаем возможность точно установить все элементы воинской нравственности и их детально изучить. Такое положение ставит нас в особенно выгодные условия по сравнению с исследовани-

ем нравственности общегражданской, и этим обстоятельством мы должны воспользоваться для укрепления мощи армии и установления в ней системы воспитания, соответствующей общим интересам.

* * *

Другое основное отличие воинской нравственности от общегражданской заключается в *возвышенности* ее требований. В этом случае мы будем иметь в виду не идеальные требования и заветы возвышенных религиозных и философских систем, а ту практическую мораль, следование правилам которой является обязательным для членов организованного единения людей. В этой области от каждого отдельного гражданина не требуется какого-либо героизма и исключительного напряжения духовных сил. Общежитие невозможно, если никто не уважает чужих прав, нарушает блага других и злонамеренно вторгается в ту сферу, которая отведена ближнему для свободного осуществления его личных целей и желаний. В этом случае на земле воцарился бы ад и стихийное самоистребление в борьбе всех против всех. И вот для того, чтобы этот ад не имел места, к гражданину и обществу в целом обращается известный минимум нравственных требований, часть которых при этом ставится под охрану уголовного закона (не убий, не укради и пр.). Для мирного сожительства в среде себе подобных не требуется исключительного проявления нравственного воодушевления и актов героизма и самоотвержения. Требуется только не нарушать чужих интересов и, живя, давать жить другим. Под солнцем должно хватить места для всех, и каждый должен получать право на пользование воздухом и светом и на беспрепятственное осуществление преследуемых им в жизни незаконотворных целей и задач. Поэтому и практическая мораль не обращается к людям с какими-либо особо тягостными требованиями и не претендует на серьезные жертвы и лишения. Это по существу правила социального поведения — они обязывают каждого согласовывать свои действия с общим интересом и

во всем придерживаться такого образа действий, который мог бы стать правилом общего поведения (формула Канта).

Вот почему идейное самопожертвование, презрение к личному благу во имя общих интересов расцениваются в гражданском обществе как героизм, как подвиг, вызывающий восторженное удивление и преклонение человечества.

И вот именно то, что для гражданина является высочайшим идеалом, то, что далеко превосходит все требования обязательной практической морали, то является неременным жизненным законом для войска, основой его практической морали, закрепленной положительным правом. Таким образом, *героическое* для гражданского общества является *обыденным, прозаическим* для каждого воина. Он каждую минуту должен быть готов принести в жертву самое дорогое — свою жизнь. Никогда таких требований ни практическая мораль, ни тем более положительный закон не предъявляют к лицу гражданского состояния. И это дает особый повышенный тонус, исключительный пафос нравственным переживаниям воина. *Последний должен воспитать в себе действенное чувство самоотречения.* Но этого мало, воинское служение не является эпизодом в его личной жизни, — оно захватывает все его существование и не только на полях сражений, но и в будничной работе требует постоянного непрекращающегося подвига. Это, конечно, не слова. Мало красиво умереть на поле сражения, может быть гораздо труднее всю свою жизнь согласовать с интересами армии и в незаметном, неустанном труде, подвиге самоусовершенствования и самоограничения стать воином, полезным для отечества.

Мы ранее уже указывали, что военная организация немислима без воинской дисциплины, которая требует во всех случаях самоотверженно преследовать интересы армии, хотя бы они и шли вразрез с частными, личными интересами. Там, где воцаряется произвол, неповиновение и преследование личных, эгоистических интересов, там нет войска; поэтому вышеуказанное требование повседневного подвига не является преувеличением или каким-либо условием идеальным. Повторяем, это неременное условие существования войска и потому совершенно обязательное

для каждого военнослужащего. В этом нет никакой заслуги, здесь только прямой, неумолимый долг. Вот почему интересы войска должны проникнуть во все поры жизни воина, властно определить его поступки и образ поведения. Допустимое и безразличное для гражданина с нравственной точки зрения, часто является совершенно непозволительным для воина. Вспомним слова нашей христианской воинской присяги..."верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови... телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осаде и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление" ...Этим клятвенным обещанием закрепляются высокие идеи воинского служения, нетленная красота самопожертвования сводится на землю, и героическое делается будничным и строго обязательным. Все, что ослабляет мощь войска, способствует его разложению и нарушает его интересы, не должно иметь места в жизни воина. Это положение налагает на него громадные ограничения и придает особый характер многим его действиям и поступкам. С этой точки зрения, характер преступности приобретают такие сравнительно невинные в гражданском обществе действия, как, например, приведение себя в состояние опьянения. В жизни воина все должно быть спроектировано в плоскость интересов армии и все, что понижает ее мощь, должно быть особенно строго каруемо. Кражи казенного имущества, а также у своих сослуживцев, посягательства на их жизнь, здоровье и честь приобретают в войске особенно тяжкий характер, так как помимо нарушения интересов казны или личных, здесь прежде всего нарушаются интересы армии, поскольку все эти действия ослабляют мощь ее. Кража, например, у своего сослуживца поражает интересы одного из воинов и косвенно колеблет интерес целого, в состав которого этот воин входит. Во всех таких поступках неизменно заключается элемент воинской безнравственности, который отягчает вину деятеля. Под другим углом зрения предстанут для нас и многие такие действия, которые в гражданском обществе не только не вызывают какого-либо осуждения, но даже поощряются. Нельзя не признать, что такое, например, ут-

верждение личного счастья, каковым является брак, не вполне соответствует высоким идеалам воинского служения. Он обычно вносит в жизнь воина раздвоение, лишает его энергии в неуклонном достижении общих интересов и до крайности осложняет выполнение им своего долга в боевой обстановке. Он опутывает существование воина цепкими нитями жизненных отношений, отодвигает на второй план высокий идеал и вместо нетленной красоты подставляет призрачное лицо земных, эгоистических достижений. Протекшая на наших глазах Великая война лишь подтверждает правильность этого положения. Что же касается гражданской войны, также хорошо известной на практике большинству из нас, то здесь неблагоприятное влияние т. н. "семейного" вопроса проявилось в особенно резких формах, на каждом шагу, затрудняя успешное ведение боевых операций и обременяя скудную казну совершенно непроизводительными расходами. Во всяком случае, каждый воин должен твердо усвоить себе, что в брачном его состоянии нет решительно ничего достойного, и что если такая ошибка им сделана, то на ней не надлежит обосновывать каких-либо своих прав на дополнительные привилегии. Наоборот нужно стремиться сделать ее по возможности менее чувствительной для интересов войска.

Возможные указания на то, что при безбрачии офицеров (в данном случае речь может идти только о них) устраняется действие начал наследственности, а также благотворное влияние домашнего воспитания в военных традициях подрастающего поколения, — лишены серьезного значения. Слишком мало отмечено в жизни случаев передачи по наследству талантов вождя и слишком неблагоприятны результаты такого искусственного, ненормального воспитания, при котором военное дело становится ремеслом, рутинной, фамильной профессией. Во много раз предпочтительнее положение, при котором военному делу будут отдаваться молодые люди, уже сознательно относящиеся к жизни и почувствовавшие действительное призвание к этому высокому служению.

Без преувеличения мы можем сравнить войско с громадным военным монастырем, где кристаллизуется алмаз вы-

соких воинских добродетелей. Все это сообщает воинскому служению особый характер, совершенно несвойственный другим родам государственной службы. Лишь в этом характере, ставящем военнослужащего в исключительное положение рыцаря высоких нравственных начал, всегда готового к подвигу самопожертвования, можно видеть причину существования в среде войска особо обостренного понимания личного достоинства и той "чести мундира", которая вследствие несколько легкомысленной ее трактовки получила особо одиозный характер и в некоторых случаях выродилась в задорную, боевую формулу, вызывающую иногда справедливое раздражение в среде гражданского общества. Этого, конечно, не должно быть, если воин всегда и во всех случаях будет твердо помнить, к чему обязывает его "честь мундира". Честь эта несомненно громадна, но нужно ее понять до конца и уметь поддерживать в жизни на соответствующей высоте.

* * *

Переходя к воспитанию солдата, мы ограничимся в этом отношении лишь немногими словами, не вдаваясь в подробное исследование способов и приемов воспитания. Прежде всего укажем на громадное значение этого воспитания в деле создания тех нравственных навыков, которые в совокупности своей дают состояние воинской дисциплинированности. Ясно, что это состояние достигается именно воспитанием, как особой системой различных мер, направленной к определенной цели, т. е. в данном случае к дисциплинированию солдата. Под воспитанием в широком смысле мы, придерживаясь определений, ранее дававшихся в нашей литературе, будем понимать совокупность той искусственно созданной, окружающей человека обстановки, той комбинации воздействующих на него сил, которая может устранить доступ одних впечатлений и создать впечатления, а следовательно и мотивы новые. Очевидно воинское воспитание отличается от воспитания в широком смысле лишь специальными целями своими и некоторыми изменениями в средствах достижения их, согласно с новой

обстановкой, отличной от таковой же в среде гражданского общества. Это приблизительно те же меры, которые применяются при воспитании в семье, учебном заведении, но, конечно, значительно усиленные и видоизмененные в соответствии с исключительной важностью дела воспитания солдата.

Значение правильной постановки воспитания в войске настолько велико, что в нашей литературе мы можем найти даже пример смешения воинского воспитания с дисциплиной. Так, профессор кн. Друцкой определяет воинскую дисциплину как воинское воспитание, развивающее в военно-служащем способность сознательно и во имя нравственной обязанности подчинять свою волю — воле верховного вождя. Конечно, с таким определением согласиться невозможно. В нем ясно обнаруживается смешение причины с вытекающим из нее следствием. Нет сомнения, что без воспитания воинской дисциплины быть не может, так точно как не может быть индивидуальной нравственности. Однако, комбинация воспитывающих человека сил состоит из самых разнообразных мер и усилий, основанных на различных особенностях человеческой природы и объединенных в своем несходстве и внешнем многообразии одной лишь внутренней целью. Мы совершенно не понимаем, как совокупность различных, иногда совершенно механических средств, может быть отождествляема с нравственным воодушевлением, определенным складом нравственных привычек и той внутренней силой, которая дает войску единство и побуждает его к самоотверженному исполнению своего долга. В данном случае прекрасное и величественное здание нравственного совершенства строится из разнообразного сырого материала, лишеного подчас всякой привлекательности, подобно тому, как и шедевр архитектурного искусства, производящий глубокое и неизгладимое впечатление на вашу душу, произошел из соединения камня, извести, железа, дерева и т. п.

Если никто не скажет, что душой нашей владеет, вознося ее на высоты поэтического восторга, именно камень или известь воплотившие возвышенные проявления человеческого гения, так точно нельзя сказать, что войском движет

воспитание, как грубый материал, при посредстве которого конкретизируются в душе солдата идеи любви и высокой нравственности. Как отличны движения молекул, составляющих человеческий мозг от прекрасных произведений человеческого гения, как внешнего выражения этой работы; как отличны действия при натирании сукном каучуковой палочки от появляющейся вследствие этого натирания электрической энергии,— так отлично воспитание от нравственности. Одно, есть механизм, служащий известной цели, другое — самодовлеющая и самоценная сущность, стихийная в своем свободном обнаружении.

В ряду воспитательных мер отметим *наказание, поощрение и пример*. Признавая большое значение наказания в ряду других средств воспитания, мы считаем, однако, необходимым предостеречь от излишнего им увлечения. Легче всего в затруднительных положениях прибегать к этому универсальному средству, и именно эта легкость для воспитателя обязывает его избегать пользования им во всех случаях, когда цель может быть достигнута другими не столь болезненными мерами. Нельзя забывать, что злоупотребление наказанием способно вызвать ожесточение, обезличить и запугать воспитуемого и порвать между ним и воспитателем ту живую связь доверия и уважения, при которой только и возможны положительные результаты воспитания. Конечно, военное дело — есть дело суровое, требующее во многих случаях решительных мер. Но нельзя смешивать систему продуманных воспитательных мер с теми средствами, которые в исключительных случаях обязан применять начальник в общих интересах. Взбунтовавшееся войско поздно уж воспитывать, и для спасения положения не только допустимы, но и необходимы крайние меры, но их нужно по возможности избегать вне таких положений, в повседневной работе воспитателя — начальника. К сожалению, это не всегда понимается. О мерах поощрения много говорить не приходится. Важность их признана и нашла выражение в различных наградах чинами, орденами, повышениями по службе и пр. Гораздо чаще забывается громадное влияние хорошего примера. Главным образом в нем нужно видеть то средство, которое дает началь-

нику безграничное доверие подчиненных, привлекает к нему их сердца и делает души их мягким воском в его руках. Только на этой почве возможно успешное нравственное воспитание и достижение результатов, необходимых для интересов войска. Громадное влияние примера основано на способности подражания, столь развитой у человека. После блестящих исследований в этой области французского ученого Тарда не может быть сомнения в том, что воспитание примером есть единственно разумное воспитание. Между тем это положение очень часто забывается начальниками, которые на глазах у своих подчиненных показывают пример неисполнения законов и тех самых требований, в обязательности которых они желают убедить подведомственных им чинов. У нас существует требование, чтобы солдатской науке обучать не рассказом, а показом. Следует помнить, что такой показ совершенно обязателен и в области нравственного воспитания. Общий грех наш в этом отношении настолько велик, что наше улучшение и исправление должно пойти прежде всего по этой линии строгого соблюдения всего того, что мы требуем от своих подчиненных. Чем выше начальник, тем важнее становится такое поведение, ибо на него обращены тысячи внимательных и, конечно, критикующих глаз. Наша великая разруха показала, как далеко простирается в этом отношении внимательность солдата и сколь неблагоприятные для нас выводы он делает из всякого безнаказанного нарушения начальником закона. В этом корень зла и причина злоупотребления наказанием там, где утрачена живая связь между начальником и подчиненным.

Таким образом, мы еще раз видим, насколько ответственная роль офицеров, как главных воспитателей, и как строги они должны быть к самим себе во всех своих поступках. Но если действительно в войске на это обращено должное внимание, и вновь вступающий в ряды его сразу попадает в особую атмосферу, где на первом плане стоят интересы войска, а его сослуживцы и начальники соревнуются между собою в наилучшем исполнении долга, то дело воспитания в таком случае явится, несомненно, и легким, и успешным. Хороший пример сразу определит линию пове-

дения новобранца и, спустя короткое время, он станет смотреть на интересы армии как на нечто высшее, святое и не терпящее никаких компромиссов.

В противном случае дело воспитания можно считать почти потерянным и никакие наказания беде не помогут. При первом же серьезном испытании это скажется самыми тяжкими результатами.

* * *

Заканчивая настоящее исследование, мы считаем необходимым остановиться на некоторых пунктах его, в интересах более правильного их понимания.

Прежде всего, напрасно было бы усматривать в наших взглядах какую-либо излишнюю идеализацию или чрезмерную прямолинейность. Нам кажется, что в развитии своей темы мы шли строго логическим путем, считаясь с реальными интересами войска. И если этот путь приводит к определенным положениям, то с ними обязательно считаться, какие бы тяжкие обязанности при этом на нас не возлагались. В своем теоретическом исследовании мы задались целью дать понятие о воинской дисциплине и поставить перед военнослужащим долг его во весь рост, не прибегая к уверткам и компромиссам.

Естественно, что возвышенное по своей идее воинское служение требует от каждого из нас в служебной и личной жизни слишком многого, и это многое мы должны, наконец, точно и ясно определить и осознать.

Уже ранее выдающимися военными мыслителями высказывались верные и заслуживающие внимания мысли о воинской дисциплине и о нравственной стороне воинского служения. Эти взгляды по возможности отмечены здесь, подвергнуты критике и известному углублению, в результате чего мы и пришли к предлагаемому определению воинской дисциплины. Если оно правильно, то прочее вытекает из него совершенно естественным, логическим путем.

Конечно, нельзя забывать о чисто теоретическом характере этого определения, вследствие чего оно не может быть без соответственного изменения перенесено в воинские уставы, для практического дела обучения и воспита-

ния солдат. Исходя из него, соответствующим постановлениям закона надлежит придать более доступную форму, понятную для всех обязанных знать этот закон. В конце концов, нравственная сила войска достигается не исчерпывающим и совершенно точным определением понятия воинской дисциплины, а надлежащей системой воспитания.

Поэтому законодатель может не добиваться совершенных форм в этом направлении, но должен безусловно достигнуть того, чтобы соответственные требования уставов были до мелочей проникнуты субстанцией морали и содержали в себе ясное и доступное понятие о долге солдата. Если бы наш Устав Дисциплинарный и на будущее время сохранил ныне содержащееся в нем теоретически неправильное определение воинской дисциплины, то в практическом отношении это не повлекло бы за собою особенно нежелательных последствий, но при том, однако, непременно условии, чтобы указания на нравственную сторону воинской дисциплины и на долг военнослужащих всех степеней, от самых старших до младших, были приведены в определенную систему и преподаны со всею полнотою и исчерпывающей ясностью. Это дело, конечно, невозможно осуществить без точного понимания содержания воинской дисциплины и надлежащего его теоретического определения. Задача теорий - указывать пути для практической деятельности.

Не подлежит никакому сомнению, что главная тяжесть обязанностей, налагаемых воинским служением, должна падать на корпус офицеров. О значении его, как воспитателя и руководителя армии, не приходится много говорить. От силы и душевной бодрости его зависит мощь армии и надлежащая постановка дела воинского воспитания. Если для рядовых солдат, находящихся в среде войска в течение непродолжительного срока их действительной службы, представляется затруднительным непреклонное следование всем многообразным требованиям воинской нравственности, то для офицера это является безусловно обязательным, как первейший и основной его долг. Если для солдата военная служба является все же "отбыванием воинской повинности", то для офицера это всегда и во всех

случаях должно быть высоким служением, которому он отдается добровольно, по нравственному побуждению. Впрочем, не нужно преувеличивать трудности многих достижений также и для рядовой массы солдат. В настоящее время, в культурных государствах, она вступает в ряды войска с отчетливым пониманием своего гражданского долга и определенным комплексом нравственных, социальных навыков, на основе которых легко строить здание воинской дисциплины. Мы не закрываем глаза на то, что в решительную минуту боевого испытания в основные кадры армии вольется поток людей, среди которых найдутся даже не ознакомленные с требованиями военного дела.

И все же считаем, что и в этом случае первенствующее значение будет принадлежать тому духу и пониманию воинской дисциплины, который живет в действующих войсках и корпусе офицеров. Как бы ни были велики потери среди этих лучших обученных людей в первые дни войны, все же общий тон армейской жизни создается ими, и от них зависит в кратчайший срок дать надлежащее руководство вновь вступающим в ряды армии и своим примером воспитать их и сделать их достойными своими преемниками. Повторяем, это не так уж трудно, принимая во внимание общий уровень нравственного и умственного развития запасных, отставных и других категорий, призываемых в военное время. Во всяком случае, если бы в этом отношении и встретились какие-либо трудности, то это будет говорить не против высказанных нами соображений, а исключительно за необходимость обратить внимание на надлежащее воспитание гражданина, дабы подвиг, которого от него может потребовать государство, призвав его под знамена, был бы для него понятен еще в гражданском состоянии. Конечно, при невозможности этого достигнуть, в руках государства всегда остается сила принуждения, но тогда уже нужно не забывать, что в таком случае войска в действительном смысле этого слова нет, а есть соединение вооруженных людей до поры до времени, подчиняющееся приказаниям своих начальников. Наконец, наиболее спорным может показаться многим мысль о безбрачии корпуса офицеров. Поясним прежде всего, что эта мысль имеет характер пожелания, а не категорического

требования. Эта формула имеет характер евангельского изречения: "Могий вместити, да вместит". В данном случае мы хотели показать крайние, совершенные достижения офицера в служении общему делу и заставить задуматься над этим всех тех, кто вступает в брак по шаблону, потому что это делают другие, не задаваясь мыслью, насколько это нужно именно для него, и в какой мере это соответствует общим интересам. Далеким от мысли подкреплять такое положение какими-либо цифрами и примерами, что по существу дела едва ли и возможно, мы выставляем его, как идеальное пожелание, с глубокой уверенностью, что в нем гармонически сочетаются польза дела с высокой духовной красотой.

Л. Толстой в одном из своих произведений по вопросу об установлении нравственного идеала отметил аналогию, существующую в данном случае между лицом, стремящимся к нравственному усовершенствованию, и мореплавателем, — последний, находясь в плавании, может ориентироваться либо по местным видимым предметам, либо по компасу и небесным светилам. В нашей душе живет горячее, страстное желание, чтобы в военном деле, отрешившись от рутины и привычек каботажного плавания, мы смело пошли бы в открытое море, навстречу необъятному горизонту и немеркнущим небесным светилам. Мир знает много талантов и гениев, ставших таковыми, несмотря на сковывавшие их семейные цепи, но мир может лишь догадываться о тех изумительных достижениях, которые были бы возможны без этих тяжких уз.

Совершенно не претендуя на полноту и глубину приводимых здесь соображений, мы вместе с тем считаем вопрос о воинской дисциплине настолько кардинальным и важным для бытия войска, что в этой важности готовы найти извинение для настоящей попытки, быть может слабой и несовершенной.

А. Попов. Понятие о воинской дисциплине. Военный Сборник. - 1924. - Кн. 5. - С. 142-168.

КАЧЕСТВА ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Воинские добродетели можно разделить на две категории: качества, вообще необходимые воину, чтоб с честью носить свое звание при всяких обстоятельствах, и качества, необходимые ему при выполнении определенных его обязанностей как в мирное время, так и на войне. Иными словами - качества основные, общие и качества вытекающие, специальные.

Основных воинских добродетели три: Дисциплина, Призвание и Прямотушие.

Храбрость, которую иные ошибочно полагают главной воинской добродетелью, - только производная этих основных, главных качеств. Она заключена в каждом из них. Часть и люди, сохраняющие дисциплину под огнем, тем самым уже храбрая часть, храбрые люди. Солдат, по призыванию, твердо и пламенно верящий в это свое призвание, - уже не может быть трусом. Наконец, прямотушие - открытое исповедание своей веры, своих взглядов, своих убеждений, откровенность и прямота - гораздо выше храбрости - уже по той причине, что это - храбрость, возведенная в квадрат. Храбрость "сама по себе", так сказать, "голая храбрость" - малоценна, коль скоро она не соединяется с одной из трех основных воинских добродетелей, которые и рассмотрим по порядку.

"Субординация, экзерциция, дисциплина - победа. Слава! Слава! Слава!"... Бессмертные слова бессмертной "Науки Побеждать".

Суворов дает пять понятий в их гениальной простоте и гениальной последовательности. Сперва *субординация* - альфа и омега всего воинского единства. Потом - экзерциция - упражнение, развитие, закалка. Это дает нам *дисциплину*, слагающуюся из элементов субординации и эзерции - чинопочитания и совместного учения. Дисциплина дает *победу*. Победа рождает *славу*.

Мы различаем *по форме* - дисциплину наружную и дисциплину внутреннюю, по естеству - дисциплину автоматическую и дисциплину осмысленную. По форме - дисциплина всех организованных армий сходственна, по естеству же - глубоко различна.

По форме - наружная дисциплина заключает в себе внешние признаки чинопочитания, внутренняя - степень прочности этой дисциплины.

Естество дисциплины различно, смотря по армиям, народам и степени духовности этих народов. Мало того, различным историческим эпохам соответствует различная дисциплина.

Русской Армии соответствует дисциплина осмысленная по существу, но жесткая по форме. Для сохранения драгоценного содержания стенки сосуда не мешает иметь сколь можно твердыми. Для сохранения качества дисциплины необходима известная доза автоматизма. Отношение автоматизма к осмысленности - то же, что науки к искусству, лигатуры к благородному металлу.

Что касается второй воинской добродетели - пламенной веры в свое Призвание, - то в отличие от дисциплины - добродетели благоприобретаемой, - она является врожденной.

Пусть молодой человек, колеблющийся в выборе карьеры, посмотрит на растерзанные полотнища знамени. Он сможет разобрать, или угадать славянскую вязь: “За отбитие знамени у французских войск на горах Альпийских”... “За подвиг при Шенграбене, в сражении отряда из пяти тысяч с корпусом, из тридцати тысяч состоявшим”... “За отличие при поражении и изгнании врага из пределов России в 1812 году”... “За Шипку и двукратный переход через Балка-

ны"... Если слова эти не покажутся ему райской музыкой, если он своим "внутренним оком" не увидит тут же рядом с собой сен-готардских мушкетер, шенграбенских гусар, бородинских егерей, не почувствует себя в их строю, - тогда **значит военного призвания у него нет и в Армию ему идти нечего.** Если же он увидел кровавый снег Муттенской долины и раскаленные утесы Шипки, если он услышал "ура" последних защитников Орлиного Гнезда, если он почувствовал, что это ему Котляревский крикнул: "на пушки, братец, на пушки!" - тогда это значит, что священный огонек ярко вспыхнул в его груди. Тогда он - наш.

Любить военное дело мало. Надо быть еще в него влюбленным. Эта любовь - самая бескорыстная. Военная профессия - единственная, не приносящая дохода. Она требует все, и дает очень мало. Конечно, в материальном отношении; в моральном это "малое" - огромно.

Но и быть влюбленным в военное дело недостаточно. Надо еще верить в свое призвание, каждую минуту ощущать в тяжелом ранце фельдмаршалский жезл - быть убежденным, что именно тебе, вверенным тебе роте, полку, корпусу надлежит сыграть главную роль, произвести перелом в критическую минуту - уподобиться Дезэ при Маренго, пусть даже и заплатит за это тою же ценой.

Третья воинская добродетель - Прямодушие. Подобно второй - Призванию - она природная, и ее можно испортить превратным толкованием первой воинской добродетели - Дисциплины. Начальник - деспот, грубо - не по-офицерски - обращающийся с подчиненными, терроризирующий их безмерно строгими взысканиями, может погубить эту добродетель в своих подчиненных.

Угодничанье (в сильной степени - подхалимство) - худший из всех пороков военного человека, единственно непоправимый - тот отрицательный сомножитель, что обращает в отрицательные величины все остальные достоинства и качества.

Казнокрад и трус терпимее подхалима. Те бесчестят лишь самих себя - этот же бесчестит всех окружающих, особенно же того, пред кем пресмыкаются. **Воровство и**

трусость не могут быть возведены в систему в сколько-нибудь организованной армии. Подхалимство и его неизбежное следствие - очковтирательство - могут. И тогда - горе армии, горе стране! Не бывало - и не может быть случая, чтобы они смогли опереться на гнущиеся спины.

Мы можем видеть, что если Дисциплина имеет корни в воспитании, а призвание вытекает из психики, то Пряמודушие - вопрос этики.

Из качеств специальных на первое место поставим личный почин - *Инициативу*.

Качество это - природное, но оно может быть развито - или, наоборот, подавлено - условиями воспитания, быта, духом уставов, характером дисциплины (осмысленной, либо по естеству) данной армии.

“Местный лучше судит, - учил Суворов, - я вправо, нужно влево - меня не слушать”. Эти слова касаются наиболее болезненной и наиболее “иррациональной” стороны военного дела, а именно - сознательного нарушения приказа - конфликта инициативы с дисциплиной.

Когда следует идти на этот конфликт и когда не следует? Ведь если “местный лучше судит”, то часто “дальний дальше видит”.

Всякого рода схематичность и кодификация в данном случае неуместны. Все зависит от обстановки, от средств, имеющихся в распоряжении частного начальника, а главное - от силы духа этого последнего. **Это - как раз “божественная часть” военного дела.**

На рассвете 22 мая 1854 года Дунайская армия князя Горчакова готовилась к штурму Силистрии. Минные горны были уже взорваны, турецкая артиллерия приведена к молчанию, войска ожидали условной ракеты - как вдруг фельдъегерь из Ясс привез приказ Паскевича снять осаду и отступить. Князь Варшаевский был преувеличенного мнения о силе турецкой крепости. Горчаков, как “местный”, мог бы лучше судить, но не дерзнул ослушаться грозного фельдмаршала. И отступление из-под Силистрии, пагубно повлияв на дух войск, свело на нет всю кампанию, ухудшив положение России и стратегически, и политически.

Иначе потупил за полтора года до того под Нотебургом князь Михайло Голицын. Три наших штурма были отражены, и войска, прижатые к реке, несли громадный урон. Царь Петр прислал Меншикова с приказанием отступить. "Скажи государю, - ответил Голицын, - что мы здесь уже не в царской, а в Божьей воле!" И четвертым приступом Нотебург был взят.

В последних числах января 1916 года генерал Юденич решился на штурм считавшегося неприступным Эрзерума, несмотря на отрицательное отношение Великого Князя Николая Николаевича (не верившего в возможность овладения турецкой твердыней, да еще в зимнюю пору).

Когда же в октябре 1919 года командовавший 3-й дивизией Северо-западной армии генерал Ветренко отказался выполнить приказание идти на Тосну и перерезать сообщения красного Петрограда, - то этим он не проявил инициативу, а совершил преступление. Свернув вместо указанной Тосны на Петроград, генерал Ветренко руководствовался исключительно мотивами личного честолюбия - и этим своим своевољством сорвал всю петроградскую операцию Юденича.

То же можем сказать про своеволие генерала Рузского, пошедшего в чаянии дешевых лавров на не имевший значения Львов вопреки приказаниям генерала Иванова и упустившего разгром австро-венгерских армий. Совершенно то же мы наблюдаем и у фон Клука, систематически игнорировавшего директивы Мольтке: прусские генералы 1870 г. - Каменке, фон дер Гольц, Альвенслебен - своей инициативой сослужили фон Клуку плохую службу.

В октябре 1919 года Московский поход был сорван прорывом Буденного от Воронежа. В это же время 1-й армейский корпус генерала Кутепова разбил под Орлом последние силы красных, прикрывавшие московское направление. У генерала Кутепова было 11000 отличных бойцов. Он мог устремиться с ними, очертя голову, на Москву, бросив всю остальную армию, бросив тылы, не обращая внимания на прорвавшегося Буденного. Но он подчинился директиве Главного Командования и отступил, "сократив и выровняв

фронт". И Кутепов, и его подчиненные были уверены, что это ненадолго, что это - до Курска...

Впоследствии генерал Кутепов сожалел, что не отважился на первое решение - и не пошел от Орла на Москву. Психологический момент в гражданскую войну всесилен, взятие Москвы свело бы на нет все успехи Буденного. Но кто посмеет упрекнуть Кутепова в нерешительности? В его положении один лишь Карл XII. не задумываясь бросился бы на Москву. Но это - как раз полководец, опрометчивостью погубивший свою армию. Отступить временно на Курск сулило, конечно, большие выгоды, чем прыжок с зажмуренными глазами в пространство. Ведь в случае весьма возможной неудачи гибель была совершенно неизбежной - и погибло бы как раз ядро Добровольческой Армии - ее цвет.

Из всех этих примеров видна вся невозможность провести точную грань между дозволенной инициативой и гибельным своевластием.

Мы можем указать эту грань лишь приблизительно.

Инициатива - явление импровизационного характера. *Она уместна и желательна в Тактике, с трудом допустима в Оператике и совершенно нетерпима в Стратегии.* Всякая импровизация - враг организации. Она допустима в мелочах, изменяя их к лучшему (в приложении к военному делу - в Тактике). Но в сути дела (в военном деле - в Оператике и в Стратегии) - она вредна. 29-я пехотная дивизия генерала Розеншильд-Паулина и 25-я генерала Булдакова решали под Сталлупененом тактические задания. Частный почин Розеншильда, выручавшего соседа - целиком оправдан, это - блестящее решение. Дивизия же генерала Ветренко под Петроградом решала (в условиях гражданской войны) стратегическую задачу - никакая инициатива там не была терпима. Воспитанный на примерах тактической инициативы лихих бригадных командиров 1866 и 1870 годов, фон Клок перенес инициативу в область Стратегии, что оказалось печальным для Германской Армии.

Достоинство для тактика, Инициатива превращается в порок для стратега.

Отметим честолюбие и славолубие. **Желание вечно жить в памяти потомства вообще доказывает бессмертие духа.** Со всем этим, и честолюбие, и славолубие сами по себе - пороки. Подобно тому как яд в небольшом количестве входит в состав лекарства, так и эти два порока в небольшой дозе могут принести пользу в качестве весьма действенного стимула.

Упомянем еще про храбрость. Мы знаем, что сама по себе (не входя составным элементом в какую-либо из трех основных добродетелей) она особенно высокой ценности не представляет.

Суворов это осознал. Он учил: “солдату - храбрость, офицеру - неустрашимость, генералу - мужество” - предъявляя к каждой высшей категории военных людей высшее требование. Это - три концентрических круга. Неустранимость - есть Храбрость, отдающая себе в полной мере отчет о происходящем, храбрость в сочетании с решимостью и сознанием высокой чести командовать, вести за собой храбрых. Мужество есть неустрашимость в сочетании с чувством ответственности. В общей своей массе люди не трусы. Те, кто способны под огнем идти вперед, уже не могут называться трусами, хоть настоящих храбрецов, которым улыбнулся с неба святой Георгий, быть может пять человек на роту. Остальные - не храбрецы, но и не трусы. Пример неустрашимого командира и храбрых товарищей может сделать из них храбрецов; отсутствие этого примера обращает их в стадо, и тогда губительный пример открытой трусости может все погубить. При этом следует, однако, отметить, что среди трусов преобладает вполне исправимый тип “шкурника”. Настоящие же, неисправимые трусы - явление, к счастью для человечества, редкое.

☑ *Военная этика и воинская этика*

Под военной этикой мы разумеем совокупность правил и обычаев - как кодифицированных, так и не кодифицированных, - которыми противники должны руководствоваться на войне. Под воинской этикой - правила и обычаи, которые члены воен-

ной семьи соблюдают при сношениях друг с другом - и вся военная среда в сношениях с невоенными.

* * *

Конец XVII века и почти весь XVIII век - с их "кабинетными войнами", веденными за государственные интересы профессиональными армиями - были золотым веком человечества. Война велась без ненависти ко врагу - да и "врагов" не было - были только противники, упорные и свирепые в бою, учтивые и обходительные после боя, не терявшие чувства чести в самом жарком деле.

После битвы на Требии Суворов приказал вернуть шпаги взятой в плен 17-й полубригаде из уважения к двухсотлетней славе и доблести Королевского Овернского полка, из коего она была составлена. За полстолетие до того, при Фоншенуа, шотландцы сблизились на пятьдесят шагов с Французской Гвардией, продолжавшей безмолвно стоять. Лорд Гоу крикнул французскому полковнику: "Прикажите же стрелять". "После вас, господа англичане!" - ответил французский командир граф д'Отрош, учтиво отсалютовав шпагой. Залп всем фронтом шотландской бригады положил сотни французов. Это: "Après vous, messieurs les Anglais!" стало нарицательным. Свою роль в истории двух народов эпизод этот сыграл - о нем сто семьдесят лет спустя напомнил Фошу маршал Френч, когда та самая шотландская бригада пожертвовала собой, прикрывая отход французов в критическую минуту под Ипром.

Современная военная этика - лишь бледная тень той, что была выработана поколениями воинов за полтораста лет кабинетной политики и профессиональных армий. Всего того запаса чести, отваги и учтивости хватило и на полчища Первой Республики - полчища, предводимые офицерами и унтер-офицерами старой королевской армии, смогшим привить своим подчиненным традиции и дух, в которых сами были воспитаны.

Революция 1789 года с ее вооруженными "массами" нанесла жестокий ущерб военной этике. Уже столкновения вооруженного французского народа с вооружившимися на-

родами испанским и русским воскресили картины варварских нашествий и религиозных войн.

Профессиональные (и полупрофессиональные) армии сообщали войнам оттенок гуманности, впоследствии совершенно утраченной. Крымская и Итальянская войны были последними из больших войн, веденных джентльменами. Уже война 1870 года и поведение в ней германского вооруженного народа показали всю несовместимость правил морали и воинской этики с интеллектом вооруженных народных масс. О безобразных бойнях 1914 года - позоре Динана и Лувена, зверствах в Сербии, развале Русской, Германской и Австро-Венгерской армий и отвратительных явлениях, этот развал сопровождавших, - нечего и говорить. Заменяв профессиональные, "воспитанные" армии свирепыми народными ополчениями, человечество заменило бичи скорпионами, усугубило бедствия войны.

Вместе с тем, война неизбежна, как неизбежна болезнь, - от нее не избавишься никакими бумажными договорами. Следовательно, человечеству надо устроиться так, чтобы сделать войны легче переносимыми, избавиться от гангрены морального разложения, болезненный процесс которой длится долгие годы после самой войны. Народное просвещение не может здесь помочь. Тысячи умственно развитых индивидуумов дадут при соединении невежественную и свирепую толпу. Лувенские поджигатели и динанские палачи принадлежали к самой грамотной нации в мире. Решающий фактор здесь - воспитание. И в этой области (как и во всех других областях военного дела) воспитание господствует над учением. Изжив психоз "вооруженного народа", придав вооруженной силе характер сколь можно более профессиональный и сообщив нашей жизни сколько можно более церковный дух, мы освободимся от петли, наброшенной на нашу шею доктринерами 1789 года и их последователями. Войне можно будет тогда придать характер "доброкачественной язвы" вместо злокачественного фурункула, и можно будет опять говорить о военной этике.

Воинская этика - это совокупность правил - писаных, но, главным образом, неписаных, - которыми члены

военной семьи руководствуются при сношении друг с другом.

Полноправными членами военной семьи - так сказать, “достигшими совершеннолетия”, - можно считать лишь **солдат по призванию - офицерский корпус**, сверхсрочных и охотников. Только к ним поэтому надо предъявлять требования воинской этики во всей их строгости.

Отношения младших к старшим, подчиненных к начальникам в достаточной степени очеркнуты уставами - “писаными” правилами воинской этики. Гораздо менее ясна область отношений старших к младшему.

Каждый начальник, какую бы должность он ни занимал (до Верховного Главнокомандующего включительно), **должен всегда помнить, что он не просто “командует”, а имеет честь командовать.** Он это обязан помнить как в мирное время, уважая в Подчиненном его воинское достоинство, так - и особенно - на войне, когда с честью вверенной ему роты, корпуса либо армии неразрывно связана и их личная честь, их доброе имя в глазах грядущих поколений.

Общее оскудение народного духа в продолжение второй половины XIX и начала XX века повело к постепенному, но чрезвычайно ощутимому снижению воинской этики, - и мы имели в Мировую войну сдачу командира XIII корпуса генерала Ключева, сдачу командира XX корпуса генерала Булгакова, сдачу в Новогеоргиевске генерала Бобыря, бегство командира VI корпуса генерала Благовещенского, бегство командовавшего Кавказской армией генерала Мышлаевского, бегство коменданта Ковны генерала Григорьева.

Исследуем с точки зрения воинской этики наименее тяжелый из этих случаев - сдачу генерала Ключева.

Генерал Ключев по справедливости считался блестящим офицером Генерального Штаба и выдающимся знатоком германского противника. Его настоящим местом был бы пост начальника штаба Северо-западного фронта. В июле 1914 года он командовал Кавказским корпусом в Карсе и был вызван по телеграфу в Смоленск для принятия XIII корпуса, командир коего, генерал Алексеев, был назначен начальником штаба Юго-западного фронта. Свой корпус он

нашел уже в пути. Ни начальников, ни войск он не знал, управление корпусом обратилось для него в решение уравнения со многими неизвестными.

Сильно распущенный предшественниками генерала Ключева, корпус вообще не пользовался хорошей репутацией. Мобилизация окончательно расстроила его, лишив половины и без того слабых кадров и разбив на три четверти запасными. По своим качествам это были второочередные войска - не втянутые и неподтянутые. В недельный срок ни Ключев, ни Скобелев не смогли бы их устроить. Вся тяжесть боев 2-й армии легла на превосходный XV корпус генерала Мартоса. XIII корпус, до самой гибели не имевший серьезных столкновений, пришел с начала похода в полное расстройство. Генерал Ключев - только жертва своего предшественника. Он оказался в положении дуэлянта, получающего у самого барьера из рук секундантов уже заряженный ими и совершенно ему незнакомый пистолет. Проверить правильность зарядки он не может, бой пистолета ему совершенно неизвестен... И вот, заряжен он был небрежно, и вместо резкого выстрела получился плевок пульей. Стрелок совершенно невиновен. Но если он затем смалодушничает под наведенным на него пистолетом противника, - то пусть пеняет на себя.

А это как раз то, что случилось с генералом Ключевым. Он сдался, совершенно не отдавая себе отчета в том, что он этим самым совершает, в том, как повысится дух противника и понизится наш собственный при вести о сдаче такого важного лица, как командир корпуса. Он знал, что командует корпусом, но никогда не подозревал, что он еще *имеет честь командовать*. Чем выше служебное положение, тем эта честь больше. А командир корпуса - человек, при появлении которого замирают, отказываются от собственного "я" десятки тысяч людей, который может приказать пойти на смерть сорока тысячам, - должен эту честь осознать особенно и платить за нее, когда это придется, - платить, не дрогнув.

Когда за шестьдесят лет до сдачи генерала Ключева, в сражении на Черной Речке, командир нашего III корпуса генерал Рead увидел, что дело потеряно, что корпус, кото-

рый он вводил в бой по частям, потерпел поражение, - он обнажил саблю, пошел перед Вологодским полком и был поднят зуавами на штыки.

Честь повелевала генералу Ключеву явиться в Невский полк храброго Первушина и пойти с ним - и перед ним - на германские батареи у Кальтенборна. Он мог погибнуть со славой - либо мог быть взят в плен с оружием в руках, - как были взяты Осман-паша и Корнилов. Беда заключалась в том, что он слишком отчетливо представлял себе конец своей карьеры без сабли в крепостном каземате и никак не представлял его тут же - на кальтенборнском поле. Подобно Небогатову, он сдался "во избежание напрасного кровопролития", не сознавая, что яд, который он таким образом ввел в организм Армии, гораздо опаснее кровотечения, что это "избежание кровопролития" чревато в будущем кровопролитиями еще большими, чем в Армии, Флоту и Родине легче перенести гибель в честном бою корпуса либо эскадры, чем их сдачи врагу.

Мы подошли теперь к вопросу о капитуляциях. Лучше всего этот вопрос был разработан французскими уставами после печального опыта 1870 года. За сдачу воинской части в открытом поле - все равно, при каких бы обстоятельствах и на каких бы условиях она ни состоялась - командир подлежит смертной казни.

Что касается капитуляции крепостей, то у нас есть два примера: безобразная сдача Новогеоргиевска генералом Бобырем и почетная капитуляция генерала Стесселя в Порт-Артуре. Не будем бесчестить этих страниц описанием преступления Бобыря. Рассмотрим лучше сдачу Порт-Артура.

Общественное мнение было чрезвычайно сурово к генералу Стесселю, обвиняя его в преждевременной сдаче крепости со всеми запасами боевого снаряжения. Если бы гарнизон состоял из металлических автоматов, крепость, конечно, могла бы продержаться еще, до истощения всех запасов, но это были люди - и притом люди, бессленно выдерживавшие восемь месяцев осады, неслыханной в Истории.

В том, что японцам был сдан материал, виноват не Стессель, - Устав, допускающий такую очевидную несообразность, как "почетная капитуляция". Дело в том, что, при заключении таковой, победитель первым и неременным условием ставит сдачу в полной исправности всей артиллерии и снаряжения и, в обмен на воинские почести - на салют саблей - получает сотни орудий и миллионы патронов.

Мы считаем, что единственным выходом из положения может быть не "капитуляция" - т.е. договор, заключаемый парламентарями, а просто сдача без всяких условий, но, предварительно, со взрывом всех верхов и приведением в полную негодность всего вооружения. Так поступил в Перемышле генерал Кусманек, благодаря чему наш Юго-западный фронт не смог воспользоваться богатым перемышльским арсеналом в критическую весну 1915 года, тогда как немцы долгие недели гвоздили французские позиции на Изере артиллерией Мобежа, а новогеоргиевскими пушками экипировали свой эльзасский фронт... Благородный противник отдаст воинские почести и в этом случае. А от неблагородного почестей вообще принимать - не след. Они лишь оскорбили бы нашу честь. Защитники форта Во и крепости Лонгви отказались принять свои шпаги из рук динанских убийц.

Наравне с капитуляцией следует вынести из воинского обихода такое издевательство над присягой, как согласие на привилегированное положение в плену за честное слово не бежать. Это придумал сибарит для сибарита, а не офицер для офицера.

В общем, воинская этика "снизу вверх" - подчиненных в отношении начальников - заключается в соблюдении "писаных" правил. Сверху вниз - от начальников к подчиненным - в соблюдении правил "неписаных". Соблюсти требования воинской этики начальнику труднее, чем подчиненному: с него больше спрашивается, ибо ему и больше дается.

Два качества лучше всего выражают сущность воинской этики: благожелательность к подчиненным - таким же офицерам, как начальник - и сознание величия "чести командовать".

☑ *Ум и воля*

Все рассмотренные нами качества военного человека - как основные, так и вспомогательные - в своей основе имеют два начала - “умовое” и “волевое”. Равновесие этих двух начал, изумительно полно выраженное в Петре I, Румянцеве и Суворове, дает нам идеальный тип военного человека, идеальный тип вождя.

Обычно перевешивает один из двух этих элементов, дающий начало “по преимуществу умовое” (Беннигсен), либо “по преимуществу волевое” (Блюхер). В первом случае - составители планов, во втором - исполнители.

Бывает гипертрофия одного элемента за счет другого. Чисто умовое начало, при атрофии воли (Куропаткин, Алексеев). Чисто волевое, при атрофии рассудка (Карл XII). Это явление уже патологического характера, неизбежно влекущее за собой катастрофу.

Ум без воли - абсолютный нуль. Воля без ума - отрицательная величина.

В сфере полководчества преобладание волевого элемента над умовым дает лучшие результаты, чем преобладание умового элемента над волевым. Посредственное решение, будучи энергично проведено, даст результаты всегда лучшие, чем решение идеальное, но не претворенное в дело, или выполняемое с колебаниями. Медная монета, непрерывно циркулирующая, полезнее червонца, зарытого в землю. Научная подготовка и интеллект Шварценберга гораздо выше таковых же Блюхера, но огненная душа и неукротимая воля “генерала Вперед” ставят его полководчество (несмотря на Бриенн и Монмираль) гораздо выше дел Шварценберга. Не имеющий высшего военного образования Макензен оказывается куда выше эрудита - академика генерала Ключева.

Волевое начало, исходящее от сердца и потому иррациональное, свойственно деятелям военного искусства. Поэтому оно выше умового начала - начала рационалистического и свойственного деятелям военной науки. Воля

встречается реже ума - и ее развить труднее, нежели ум. Воля развивается воспитанием, ум - обучением.

Волевое начало свойственно русскому народу, создавшему мировую державу в условиях, при которых всякий другой народ погиб бы. История дает нам таких исполинов воли, как Александр Невский, патриархи Гермоген и Никон, Петр Великий. Оно свойственно и русскому полководчеству.

Салтыков отстоял свою армию от посягательств Дауна и петербургской “конференции”. Румянцев довел до конца, казалось, безнадежную осаду Кольберга, хоть созывавшийся им военный совет трижды высказывался за снятие осады. Суворов явил нечеловеческую силу воли под Измаилом, сверхчеловеческую в Муттенской долине. Кто сможет по достоинству оценить волю Барклая, шедшего против течения и спасшего страну помимо ее стремлений? Кутузов, пожертвовавший Москвой, выявил большую силу духа, чем Наполеон, принявший Лейпцигскую битву. А Котляревский под Асландузом? Гурко двинул в лютую зиму российские полки за Балканы.

Уклад, сообщенный нашей Армии Александром I по окончании наполеоновских войн (эпоха, неправильно именуемая “аракчеевщиной”), не способствовал образованию, а главное - выдвигению сильных характеров. Паскевич заморозил Армию, Милютин привил ей растлевающий “нестроевой дух”, Ванновский обезличил, Куропаткин деморализовал... Это оскудение воинского духа было лишь одной из граней общенародного нашего духовного оскудения, общего ущерба российской государственности.

Волевые натуры встречались и в Восточную войну (Корнилов, Нахимов, Муравьев, Бебутов), и в Турецкую (Радецкий, Гурко, Скобелев, Таргукасов). Но безволие уже началось брать верх на Дунае и в Крыму - (совершенно обезличенный Горчаков, в 1877 году едва не проигравшие войны Великий Князь Николай Николаевич Старший и Лорис Меликов). В Японскую войну суетливый и слабовольный Куропаткин подсекает крылья волевому Гриппенбергу и, наконец, в Мировую войну абсолютно безвольный Алексеев свел на нет блестящие успехи кампании 1916 года своими колебаниями, уговорами, переговорами и разговорами.

Волевые натуры были и в Мировую войну: Лечицкий, Плеве, Юденич, Брусиллов, граф Келлер. Но русскому полководчеству определили и сообщили ему характер катастрофический военачальники упадочного типа - Алексеев, Рузский и Эверт. Результат ущерба российской государственности: Алексееву в Ставке соответствуют Беляев на посту Военного Министра, Хабалов на посту командующего войсками Петроградского Округа и Протопопов на посту министра Внутренних Дел.

Превосходство полководчества “преимущественно волевого” типа над полководчеством “преимущественно умовым” особенно рельефно скажется при сравнении русских военачальников с германскими в 1914 году.

У наших начальников отсутствовала вера в свое призвание, вера в великое будущее Родины и Армии, воля схватиться с врагом и победить - победить во что бы то ни стало. Ни горячие, ни холодные - легко и без усилий получившие чины, отличия и высокие должности - они не чувствовали чести и славы воинского звания, не чувствовали, что они не только “командуют”, но и имеют честь командовать - и что за эту честь надо платить.

2 июня 1807 года - в день Фридланда, - занимавший Кенигсберг отряд Каменского 2-го был окружен корпусом Бельяра. 5000 русских были окружены 30000 французов. Бельяр лично отправился к русскому начальнику, изложил ему обстановку и предложил капитуляцию на самых почетных условиях.

Удивляюсь вам, генерал, - холодно ответил Каменский. Вы видите на мне русский мундир и смеете предлагать сдачу!

И побился... Вот о чем не подозревал бедный Ключев!

Германские командиры 1914 года напоминают в этом отношении наших командиров великого века. Под Сталлупеном генерал Франсуа на приказание отступить ответил: “Скажите, что генерал Франсуа отступит, лишь когда разобьет русских!” - совсем как Каменский 2-й под Оровайсом (“ребята, не отступим, пока не разобьем шведов в пух!”). Правда, Франсуа отступил, не разбив русских, тогда как под Оровайском Каменский победил. Тот же Франсуа при Соль-

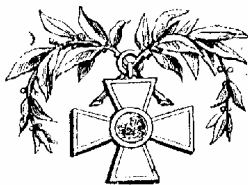
дау бросился в бой, не дожидаясь сосредоточения всех своих сил - какой-то незримый немецкий Суворов шепнул ему на ухо: “А у Артамонова нет и половины - атакуй с Богом!” Генерал фон Морген, наступая на Сувалки, доносит Гинденбургу: “Если я и буду разбит, то завтра снова схвачусь с врагом!” Слова, которые мог бы сказать Багратион при Шенграбене. А Лицман под Брезинами проявил себя подобно Дохтурову под Аустерлицом.

Силу духа немцы черпали из своей национальной доктрины - из “Deutschland uber alles” (Шарнгорст, Мольтке, Шлиффен - лишь выразители; Фихте, Клаузевиц, Трейчке - вдохновители). Совершенно как Дохтуров, Каменский и Милорадович черпали свою силу из суворовского “мы русские, с нами Бог!”

Развитию же воли у немцев способствовали чрезвычайно высоко поставленное на верхах их воинской иерархии чувство офицерской этики, система взаимоотношений между старшими и младшими, отлично проведенная организация офицерского корпуса и порядок прохождения службы, позволявшей выдвижение сильных характеров.

Проблема воли - в первую очередь проблема воинской этики, воспитания и организации офицерства.

Керсновский А. Философия войны. - Белград: Царский Вестник, 1939. С. 53-66.

В. Доманевский

СУЩНОСТЬ КОМАНДОВАНИЯ

Командовать - значит, прежде всего, уметь повиноваться начальнику от всего сердца для выполнения поставленной задачи, охватывать его намерения и идти навстречу, входить в его мысли и виды, принимать все всевозможные меры, чтобы их осуществить.

В армии командуют и подчиняются. Командование и подчинение - две стороны одной и той же функции.

Во время преследования, после пограничной битвы, правофланговая - 1-я - германская армия Клука, с 31 августа, уклонялась все более и более на восток от данного ей направления.

3-го сентября, вопреки приказанию Мольтке - следовать на уступ за правым флангом 2-й армии Бюлова, чтобы обеспечивать фланг всего фронта, Клок выдвинулся уступом вперед; он наступал на юго-восток с целью глубокого охвата англо-французов, а не на юго-запад, как указывал Мольтке.

Обеспечение фланга было возложено всего на один корпус (IV резервный) и одну вымотанную кавалерийскую дивизию (4-ю), оставленные на р. Урке. Первые же бои этого корпуса с бросившейся на него из Парижа 6-й французской армией Монури, 5 сентября, "сорвали повязку с глаз" Клука. Он, наконец, понял, какой опасности подвергался фланг всего германского фронта, и форсированным маршем поспешил оттянуть свои корпуса с юга на север, чтобы вывести их через Урок против Монури.

Но маневр этот оголил правый фланг 2-й армии, неожиданно для Бюлова, в минуту, когда союзники как раз перешли в наступление и началась Марнская битва.

Между 1-й и 2-й германскими армиями образовался разрыв, дошедший до 50 километров и прикрывавшийся лишь слабой кавалерийской завесой. Англо-французы получили возможность вклиниться между армиями Бюлова и Клука. План Мольтке был искажен. Его идея - повернуть 1-ю и 2-ю армии фронтом на восточный фас укреплений Парижа, между Узой и Сеной - осуществлена не была. Крук не умел и не хотел подчиниться. Он проявлял почин вразрез с намерениями верховного главнокомандования, что привело к срыву основного плана, а затем и к полному его крушению.

Однако, подчиняться - не значит молчаливо исполнять заведомо неправильно замышленную операцию.

В этом отношении в полной силе остается взгляд Наполеона: каждый командующий генерал, беспрекословно принимающий к исполнению план, который он считает неверным или опасным, - преступен. В этом случае долг повелевает представить доказательства ошибочности плана и настоять на изменении его. Лучше - в отставку, чем обращаться в орудие бесцельного расстройств своих войск.

Так именно. Но недостаточно решительно, поступил генерал Самсонов, настаивая перед Жилинским об изменении направления наступления 2-й армии с тем, чтобы приблизить ее к железной дороге Малва-Сольдау и лучше обеспечить левый фланг. Самсонову не удалось убедить главнокомандующего. Изменения свелись к полумерам, которыми 2-ю армию еще больше разбросали. Самсонов, несмотря на это, остался на своем посту и приступил к проведению неудачно задуманной операции с уже надломленной волей.

Командовать - значит заставлять повиноваться, проявлять волю для осуществления своих намерений; уметь предвидеть, т.е. оценивать вероятное взаимодействие моральных и материальных факторов; заботиться о наиболее полном удовлетворении потребностей и нужд войск; строго соблюдать установленную

организацию, действовать целыми соединениями и принимать меры для их восстановления в случае расстройств.

С 23-го августа 1914 года генералы Иванов и Алексеев неоднократно призывали Рузского протянуть правый фланг 3-й армии на север с тем, чтобы ударить во фланг и тыл австрийцам (Ауфенберга), развивавших наступление на Люблинском и Томашовском направлениях.

Главкомандование стремилось вывести 3-ю армию, возможно скорее, на общий фронт с 4-й и 5-й, признавая, что участь Галицийской битвы и всей операции против австрийцев решилась не на юге, а на севере, и что никакие победы “под Львовом не могли искупить поражения северного крыла”.

Но главнокомандование фронта не умело заставить Рузского подчиниться своему решению. Рузский продолжал держаться Львовского направления и только после победы на Зол. Липе, да и не сразу, начал выдвигать XXI корпус на север.

В результате Ауфенберг получил возможность, без оглядки назад и на фланг, всеми силами обрушиться на Плеве, а 1 сентября, заслонившись против отступавшей армии Плеве, спокойно перебросить свою 4-ю армию на юг, в район Рава-Русска.

Участь всей операции висела на волоске из-за упрямого проявления Рузским неумелого почина и неумения главнокомандующего подчинить его своей воле.

Отсутствием проявления воли для осуществления своих намерений характеризуется вся деятельность Мольтке в первый период кампании 14 года, особенно на Западе.

К сожалению, в последующие за Галицийской операции и русскому главнокомандованию часто не хватало воли и дара предвидения, что влекло к разнобою в исполнении, к расплывчатости в решениях, к потере времени и к несоответствию результатов усилиям.

Стремление согласовать непримиримые и противоречивые интересы фронтов привело к слишком позднему установлению нового плана после Галицийской победы (только 22 сентября), а вследствие этого - к необходимости фор-

сировать свою же Вислу, оказавшуюся уже занятой германо-австрийцами.

Отчетливая идея следующей - привислянской - операции - бить противника сильным крылом из Варшавы, долгое время не осуществлялась, потому что Рузский, вступивший в главнокомандование Северо-западным фронтом, не хотел выделить корпусов с восточно-прусского участка. Пришлось, по предложению М.В.Алексеева, прибегнуть к странной мере: передать Варшавский район и две армии Юго-западного фронта (2-ю и 5-ю) в подчинение Рузскому, чтобы принудить его заинтересоваться усилением правого крыла наступавших армий.

Особенно ярко сказалось отсутствие умения заставлять подчиняться в 1916 году, во время весенней и летней кампаний, задуманных, как никогда, широко.

Основной план операции, составленный М.В.Алексеевым, был прост, ясен и логичен: главный удар на Вильно (Эверт), демонстрация на юге (Брусиллов) и на севере (Куропаткин). Но от этого плана скоро осталось одно воспоминание.

Совещания в Ставке, куда приглашались главнокомандующие для обсуждения плана, носили отпечаток академических собеседований, на которых, после отстаивания каждым фронтом своих интересов, принимались соглашательные решения, приводившие к полумерам.

Участники разъезжались без твердого убеждения, что решение должно быть проведено до конца. Во время хода операций "торговля" продолжалась. Западный фронт главного удара не нанес. Эверт произвел ряд наступлений "на бумаге". Действия, часто в последнюю минуту, откладывались "из-за неготовности". Ставка "просила", "советовала", почти совсем "не повелевала". Центр тяжести операции стихийно перенесся на юг. Летняя кампания, не объединенная одной идеей, не скованная одной твердой волей, после блестящего и эффективного наступления Брусиллова завершилась бесплодным долблением на Стоходе по Ковелю...

Русская армия оказала помощь героическому Вердену, выручила, может быть, даже спасла итальянцев, но боль-

шие потери обескровили Юго-западный фронт, не внося существенного изменения в общее стратегическое положение России.

Мало того, наступления в 1916 году обратились в прелюдию марта и ноября 1917 года.

Таковы были последствия политики “оказания помощи союзникам”, не соразмеряя с возможностями и линией поведения союзников; таковы были последствия отсутствия способности идею не только дать, но провести ее до конца.

Итоги 16-го года позволяют с полной уверенностью сделать другой вывод: велика разница между требованиями к полководцу и к начальнику штаба: полководец - олицетворение волевых начал, штабначальник - умственных - расчетов и подсчетов. М.В. Алексеев - исключительно образцовый начальник штаба, в новом положении верховного главнокомандующего, и начальника своего же штаба - не мог дать того, что от этого генерала больше ожидать можно. Командовать - значит уметь представлять подчиненным выбор средств для выполнения поставленной задачи, пробуждать самодеятельность, но не останавливаться перед вмешательством для исправления ошибок и согласования действий. **Командовать - значит согласовать требования с нравственным уровнем подчиненных, учитывая их особенности, характер и пр.** Силы психологические руководят событиями. Приказывать же неисполнимое равносильно посягательству на дисциплину.

И в стратегическом, и в тактическом творчестве на войне все расчеты производятся под влиянием душевного состояния, настроения.

Неудача немцев под Гумбиненом, 20 августа 14 года, поражение образцового XVII германского корпуса чрезвычайно понизило “психику” командующего 8-й армией генерала барона Притвица. Это привело к преувеличенной оценке русских сил. Притвицу “казалось”, что в В. Пруссию вторглись три русских армии из пяти корпусов каждая: Неманская, Белостокская и Нарвская. Отсюда решение отступить за Н. Вислу.

То же преувеличение опасности, грозившей В. Пруссии, явилось результатом “настроений” Мольтке и его окруже-

ния, упоенного быстрыми успехами в Бельгии и во Франции. Оно привело к переброске на р. Алле части германских сил из-под Намюра, что ослабило ударное германское крыло на западе в решительную минуту общей битвы: пограничной и Марнской. Силы эти прибыли в В. Пруссию уже после катастрофы Самсонова, бесполезно пробродив между двумя театрами войны. Эта мера явилась, быть может, спасением Франции.

Русская ставка с начала войны считала стратегически необходимым, предварительно операциям вглуби Германии и даже вообще наступлению по левому берегу Вислы, обеспечивать правый фланг армии занятием В. Пруссии. Без этого, по мнению руководителя русской стратегии, “правый фланг продолжал висеть в воздухе” (Ю. Данилов).

Чем глубже на запад удалось бы проникнуть, тем острее должна была чувствоваться рискованность операции - угроза правому флангу (Лодзь). Но после неудач 1-й и 2-й армий идея овладения В. Пруссией стала непопулярной даже в армии. Задачу эту впредь нельзя было ставить в полном объеме, по причинам чисто психологическим.

Все операции на правом берегу Вислы против В. Пруссии приобрели характер “бессистемных полумер, и на выполнении их лежал отпечаток вялости и нерешительности” (Ю. Данилов).

Недоверие и “суеверное” предубеждение против наступления в В. Пруссию царило не только в командном составе, но и в войсках, в толще армии. Сказывалось психологическое влияние неудач первых операций. Даже убежденные сторонники плана овладения В. Пруссией до Н. Вислы были вынуждены, под влиянием психологических сил, отказаться от своих намерений.

Командовать - значит избирать простейшие пути и способы действий, чтобы достигать целей с наименьшими трениями.

При всех обстоятельствах, задача командования - поднимать “военную ценность” войск и добиваться в бою “малой кровью” наибольшей пользы.

Одним из самых высоких качеств начальника является готовность взять на себя ответственность - “вкус к ответственности”.

По существу деятельность командования сводится к непрерывному решению задач.

Решение каждой задачи приводит к “замыслу”, “подготовке” и “исполнению”.

Замысел - сущность решения - основа каждой операции. В нем проявляется воля начальника, который ставит своим подчиненным частные задачи.

Право и обязанность решения (замысла) принадлежит исключительно только войсковому начальнику, единственному за него ответчику. Таков основной принцип управления - единоначалие. Всякое нарушение единоначалия неизбежно приводит к расслаблению воли командования, к трениям, неудачам и даже катастрофам. Вот почему так вредны и опасны “советы”, “солдатские комитеты”, “комиссары” и прочие способы ограничения единоначалия или проявления недоверия к ответственным командирам, призванным располагать жизнью подчиненных. Вот почему так вредно вмешательство высшего командования в распоряжения подчиненных, вмешательство, убивающее самостоятельность, которую всячески надо развивать, создающее обычно очень нервную атмосферу там, где прежде всего нужны спокойствие, уравновешенность. Бесперебойное ведение операций, которые длятся ныне недели, а то и месяцы (Верден, битва Франции), требует уважения к ограниченному времени, какое каждому удастся выкроить для необходимого отдыха. Да и редко “вмешательство в работу “исполнителей” может принести пользу. Действительно, сведения о происходящем там, где дело решается “кровью”, доходят “наверх” через ряд промежуточных инстанций с неизбежным запозданием. В войне маневренной высшее командование, при хорошо налаженной связи, может быть осведомлено, и то лишь приблизительно, о происшедшем в боевых линиях только через 20-24 часа. В войне позиционной Людендорфу удавалось получать сведения о прорывах союзников (в 1918 г.) через 7 часов после их начала.

Распоряжения по этим сведениям, с кажущимися необходимыми поправками, могут иметь практическую ценность только в том случае, если они будут соображены с важнейшими переменами за промежуток времени между передачей сведений и приведением в исполнение распоряжений.

Летом 1915 года Риго-Шевельский район начал приобретать все большее и большее значение. Германская кавалерия, а потом и пехота здесь отвлекали внимание русского командования на севере. В район был переброшен XIX корпус генерала Горбатовского. Он вошел в состав 10-й армии, штаб которой стоял в Гродно, в 200 километрах от войск корпуса. Генерал Алексеев, тогда главнокомандующий фронта, был неприятно удивлен, что управление войсками в районе хромало и, несмотря на сосредоточение значительных русских сил, немцы продолжали распространяться к северу. Чтобы разобраться в положении на месте, Алексеев командировал Ф.Ф. Палицына, который очень быстро понял, в чем дело: Горбатовский был буквально "подавлен" неустанной опекой командования 10-й армией. Его бомбардировали запросами, указаниями, инструкциями, и из Гродно вмешивались во все мелочи. Генерал Палицын, со свойственной ему деликатностью, мягко попросил начальство армии "не посылать Горбатовскому никаких указаний и, вообще, не вмешиваться в действия и в жизнь XIX корпуса в течение, по крайней мере, трех дней". Гродно совету последовало, и польза не преминула сказаться сразу.

Способность решаться - производная знаний и воли, характера. Поэтому, важнейшие качества начальника - волевые - Наполеоновский прямоугольник из воли и ума.

Решение вытекает из указаний высшего командования (подчинение) с тем, чтобы поставленная задача была выполнена во что бы то ни стало.

При подготовке и выполнении решения командование соотнобразует с тактическими возможностями и моральным состоянием войск. Подготовка складывается из моральной и материальной. Моральная подготовка достигается дисциплиной, доверием, своевременными поощрениями и наказаниями, неусыпной заботой о благосостоянии

войск. Значение ее огромно: “дух войск создает победу”. В приемах моральной подготовки сказываются национальные особенности. Нельзя подходить ко всем армиям с одинаковой меркой. Вера в успех и доверие к командованию - важнейшие результаты подготовки, к которым надо стремиться.

Немцы были поражены, с какой легкостью отступившие французские армии остановились 5 сентября 14 года, а 6-го перешли в общее наступление.

Довольно верно оценивая французов, немцы не понимали их дисциплины. Они говорили: французский солдат легко перенесет лишения и тяготы, необходимость которых он понимает и пока живет еще вера в успех. Напротив, он сразу закричит “измена!”, как только его подвергнут тяготам, целей и причин которых он не понимает. Француз склонен также быстро к упадку, как и к подъему духа. Он может многое сделать в руках искусного вождя, но будет без труда разбит под руководством бездарности.

Картина верная, но дальше, судя по виду французских солдат на улице, немцы заключали, что настоящей дисциплины во французской армии не было. В действительности дисциплина у французов выражается только в других формах, и к ней нельзя подходить с мерками немцев. Французский солдат внешне свободен до распушенности, но дисциплина, сознание долга в нем сидит крепко, глубоко, поддерживается воспитанием, а когда нужно, то и строгими наказаниями. Храбрый, интеллигентный, исполненный действительного патриотизма французский солдат способен на самые большие подвиги.

Материальная подготовка - сбор и распределение средств для операции, боя. Командование осуществляет ее приказами войскам и службам.

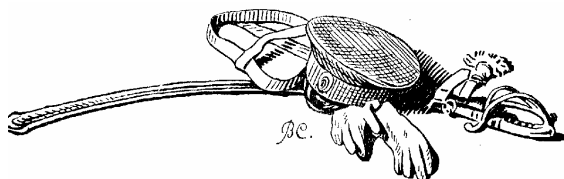
При выполнении решения командование обеспечивает развитие операции соответственно плану, примеряясь к обстоятельствам, чтобы достичь поставленной цели.

Чрезмерное упорство, вопреки складывающейся обстановке, может привести к роковым ошибкам - Жилинский, Самсонов.

Непреклонность воли заключается не в сохранении взятого направления вопреки логике, а в том, чтобы не упускалась из вида конечная цель.

Искусство и заключается в умении определить, когда решение следует изменить или дополнить.

Часовой. - 1931. - № 67. - С. 3-6.

Е. Новицкий

НЕИЗРЕЧЕННАЯ КРАСОТА ПОДВИГА

Уто такое подвиг? Казалось бы, не мне, убеленному сединами, сделавшему две кампании и являвшемуся оценщиком бесчисленных геройских деяний чинов моего полка, дивизии и корпуса, задавать этот вопрос. А вот поди-те же! Переживая на склоне дней своих прошлое, перебирая вновь бывлые факты героических деяний, бесконечной лентой текущих ныне предо мною, - я испытываю глубокую неудовлетворенность моей, хотя строго основанной на законе, былой оценки.

Кроме того, все мы, не говоря уже о случаях уродливой, явно несправедливой оценки деяний, плохо разбираемся в красоте истинного подвига или, вернее, эта красота слишком часто заслонялась от нас туманом бесконечно разнообразных и часто чуждых деяниям соображений, а равно спешки, вызываемой боевой работой, нагромождавшей перед нами все новый и новый материал.

Прежде всего, какую несообразность с современным боем являл собою наш Георгиевский статут, составлявший основу классификации подвигов! Составленный столетие тому назад и лишь слегка подновленный перед войной людьми, которые не имели понятия о современном бое, статут внес положительный сумбур в дело награждения тех деяний, которые по справедливости могли быть классифицированы как подвиги.

Отсюда - не только ряд несправедливых оценок, но более того - потеря без надлежащей отметки ряда подвигов выдающейся духовной красоты. Иначе оцененные, эти подвиги, казалось бы, должны были светить миллионам людей, как те звезды на черном небе, которые дали людям так много нравственного удовлетворения, притягивая к себе их взоры и устремляя их мысль к высоким подвигам. Ведь истинный подвиг всегда блеска, а человек, как дитя, всегда стремится к блестящему, духовная красота коего отвлекает

его от серости материальных будней и заставляет его делаться и чище, и лучше.

Но в чем же, в самом деле, состоит подвиг?

Один простой факт жертвенности, выражающейся в решимости идти навстречу опасности, не может еще сам по себе составить содержание подвига. Для превращения этого факта в подвиг нужно еще и внутреннее духовное его освещение, которое состоит в добровольности подвига и его сознательности.

И действительно. Начальник отдает приказ. Тысячи людей во исполнение этого приказа идут навстречу опасности и вступают в зону, где реет смерть... Спрашивается, могут ли они уклониться от этого, раз аппарат принуждения, именуемый дисциплиной, не разрушен? Конечно, нет. И если закон и признает право на награждение простого факта глядения в лицо смерти по принуждению, то он руководится исключительно эгоистическими целями поощрения, мало думая о классификации этого факта как "подвига". Таковы, например, награждение георгиевским крестом первого вскочившего на бруствер, награждение начальника части, "венчавшей воронку", награждение несколькими крестами роты по приговору нижних чинов и т.п. Мы все привыкли это называть подвигом. Но это не есть подвиг в моем понимании: это есть не более как добросовестное исполнение долга службы, произведенное под давлением аппарата принуждения.

Уклонение невозможно: все идут. Остается только исполнить это лучше или хуже. И закон прав, когда он награждает лучшее.

И я сам радовался, когда по моему приказу шли в огонь десятки тысяч людей. И гордился их деяниями, особенно когда в результате их деяний получалась победа, создавшая славу Родине. Я их хвалил, благодарил, награждал. Но, в сущности, я оценивал эти деяния как простое исполнение долга.

Я лично проводил целые дни, недели и месяцы под огнем, в сфере непрерывной опасности, но я так же точно оценивал и мое поведение. Должен!

И это понятие, давая мне силы исполнять то, что повелевал мне долг, вместе с тем давало это простое исполнение долга характера подвига, в моем его понимании. И это при условии, что я мог, как крупный начальник, свободно выбрать другое безопасное место моего нахождения или даже уйти совсем с полей сражений на должность начальника штаба армии. И никакого геройства я в моем поведении не видел. Ведь нельзя же считать героем всякого раба, приносимого в жертву. Его участь его не минует. А ведь мы, солдаты, такие же “рабы долга”. Не рискуя позором, мы не можем уклониться от деяния, как бы оно ни именовалось. Остается выполнить его возможно добросовестнее и получить за это награду.

Для того же, чтобы служебное деяние превратить в подвиг, *прежде всего нужна добровольность*, но добровольность, не скомпрометированная никакими другими соображениями. И, приведя в пример самого себя, я отнюдь не противоречу изложенному: просто “аппарат принуждения” в данном случае находился не вне меня, а внутри меня, так как я считал, что лучше исполню обычный свой долг перед Родиной не в тылу, где и без меня найдется достаточно охотников служить, а на фронте.

Так же точно я высоко ставлю “добровольность” тех добровольцев, которые шли в войска, не желая быть расстрелянными большевиками, или тех “охотников”, которые все равно подлежали бы призыву в армию.

Правда, во многих случаях признак истинной добровольности не так-то легко учитывается. Но внимательный и чуткий начальник всегда разберется в этом вопросе.

Но это еще не все. Нужно, чтобы добровольность подвига была сознательна. Нужно, чтобы лицо, решившееся на подвиг, ясно бы сознавало не только всю опасность предстоящего ему деяния, но и добровольность его. Как бы велик подвиг ни был, но если лицо, его совершившее, не сознает его опасности или возможности без вреда для себя уклониться от этой опасности, то это - истинный подвиг. Например, с моей точки зрения, подвиг капитана Тушина, описанный в таких сочувствующих тонах в “Войне и Мире”, не есть истинный подвиг. Тушин стоял на позиции только

потому, что это было ему приказано, и хотя он не мог видеть опасности своего положения, но думал, что действует по приказанию. А вот спасение князем Андреем батареи Тушина - вот это настоящий подвиг: тут налицо не только простая готовность жертвовать своей жизнью для исполнения приказа (передал приказание на батарею), не только ясное сознание опасности того дела, на которое князь Андрей пошел совсем добровольно (содействие снятию и вывозу батареи), но и ясная для князя возможность уклониться от опасности (как поступили все прочие ординарцы).

Прав ли я или нет в понимании истинного подвига, награждая за то, что называется официально "подвигом", я всегда чувствовал, что делаю что-то не то, и все мои мысли были устремлены в сторону желаемой для меня жертвенности, и притом добровольной и сознательной. И когда я вспоминаю прошлое, мне всегда представляются подвиги "малых сих", не думавших ни о наградах, ни о славе, а шедших на подвиг по каким-то неведомым внутренним побуждениям. Конечно, были и офицерские подвиги моего понимания, но в офицерском подвиге очень трудно увидеть блеску истинной бескорыстности подвига: подвиг офицера всегда на виду. А маленький, серенький человек редко на что -нибудь рассчитывает, и подвиг его есть чаще истинный подвиг, нежели только жертвовать себя сознательно и добровольно...

Не к громким и прославленным деяниям, украшенным общепринятыми наградами, тянется моя мысль. А именно к этим сереньким, неведомым миру и часто ничем не награжденным деяниям.

Почему это? Почему сердце мое и душа умиляются этим чуть мерцающим искрам? Почему я отдыхаю душой именно на этих скромных блесках? Не потому ли, что я становлюсь чище и лучше при этих именно воспоминаниях? Не потому ли, что среди серых и тяжелых будней **эти воспоминания зажигают во мне веру в человека и красоту его души?**

Почему все это?

На это могу дать лишь один чисто субъективный ответ. Моя благодарная память устремляется к этим скромным

деяниям потому, что в тех деяниях, как в капле воды, искрятся мне все цвета Божьей радуги и светит мне сквозь годы *неизреченная красота действительного подвига*.

Военный Сборник. - 1930. - № 11. - С. 133-136, 147.

ВОСПИТАНИЕ АРМИИ И ИДЕИ ГРАФА Л.Н. ТОЛСТОГО

Опыт всех войн, как тех эпох, когда военная техника только зарождалась, и потому была весьма слабой, так и тех времен, когда эта техника сильно развилась и усовершенствовалась и потому стала могущественной, свидетельствует, что **духовные начала, нравственный элемент имеют первенствующее значение перед всеми материальными средствами.** Поэтому естественно, что руководители армии всегда и всеми мерами должны стремиться к тому,

чтобы при боевой подготовке ее **развитию духовных начал, нравственному элементу уделялось бы возможно более внимания.**

При этом нужно помнить, что в этом отношении имеют значение не только прямые средства, способствующие твердому установлению в войсках тех положительных моральных оснований, на которых зиждется нравственный элемент, но не меньшее значение имеет также и все то, что непосредственно противодействует укоренению обратных влияний, способных заглушить добрый в этом отношении посев и вырастить зловередные плевелы.

На мерах положительных и противодействующих в этой области основывается моральная подготовка армии, ее воспитание.

Двадцатипятилетие со времени начала войны 1904-1905 г.г. дает основание вспомнить, как обстоял этот вопрос перед указанной войной, и **из таких воспоминаний извлечь необходимый урок для будущего.**

Моральная подготовка русской армии, ее воспитание, как это было и раньше, перед войной с Японией, велась на основании формулы: “За Веру, Царя и Отечество”. Другими словами, основами воспитания русской армии явились: религия, воплощенная в православии; преданность существующему государственному строю и порядку, в частности преданность Верховной власти в лице Монарха и патриотизм, т.е. сознательная любовь к Родине с ее физическими свойствами, государственным устройством, достижениями материальной и духовной культуры и бытовым укладом. Эти основы наиболее отвечали исторически развившейся идеологии русского народа, были понятны ему, сделались ему дороги и вполне удовлетворяли его сознание и его духовные запросы, вытекающие из строя его души.

Вследствие этого воспитание, моральная подготовка армии давали хорошие результаты, и **наша армия всегда, вообще говоря, могла считаться обладающей нравственным элементом, стоящим на должной высоте.**

Но наряду с этим армия с некоторых пор испытывала и другие воспитательные влияния, которые перед войной с Японией стали весьма настойчивыми и сильными.

Влияния эти явились следствием деятельности различных революционных группировок и прогрессивно-либеральной интеллигенции.

Преследуя свои антигосударственные и антиправительственные цели, эти элементы прежде всего старались подорвать правительственную власть и ее законный источник, дискредитировать их и уничтожить их авторитет.

Для этого нужно было расшатать те нравственные устои, на которых покоилась вся **государственная и бытовая идеология русского народа, а значит и армии.** Религия, исповедуемая большинством народа, правительство, как исполнительный орган Монарха - Царя, и патриотизм, как выражение идеи Родины, Отечества, - вот против чего

были направлены все усилия революционеров разных толков и либеральной интеллигенции, идейным вдохновителем, нравственной опорой и духовным вождем которой явился граф Лев Николаевич Толстой.

В своей статье “Письмо к фельдфебелю”, напечатанной в 1902 году, граф Толстой писал: “Вопрос в том, как могут здравомыслящие люди верить, как верили и верят теперь все служащие на военной службе, таковому очевидному обману, т.е., что убивать нельзя людей вообще, но можно по приказанию начальства?”

Ответ на этот вопрос, - дальше говорит граф Толстой, - в том, что обманываются люди не одним этим обманом, а с детства подготовляются к этому целым рядом обманов, целой системой обманов, которая называется православной верой и которая есть ничто иное, как самое грубое идолопоклонство.

В дальнейшем изложении этого письма граф Толстой православную веру иначе не называет, как “ложной верой”, “ложным учением”, а все изложенное в книгах Нового и Ветхого Заветов считает ничем иным, “как грубым смешением суеверий еврейского народа с обманами духовенства”.

Эти мысли графа Толстого, напечатанные и распространяемые, при его признаваемом передовыми людьми авторитете естественно могли служить источником противорелигиозного яда, развращающе действующего на основу духовного естества человека, на религиозные чувства и религиозную настроенность людей, расшатывая их нравственные устои, заставляя их не признавать велений совести и долга, приучая их не считаться с какими-либо моральными требованиями и позволяя им с легкостью перескакивать через всякие “нельзя”.

Такая проповедь графа Толстого могла быть тем более вредной, что она была направлена непосредственно к лицам низшего командного состава и несомненно подрывала авторитет высших начальствующих лиц и веру в них и, таким образом, разлагала дисциплину и вообще те основы, на которых зиждется сила армии. В своих брошюрах: “Патриотизм и Правительство”, изданной в 1900 г., “Рабство

нашего времени”, напечатанной в 1898 г., и “Единое на потребу”, вышедшей в 1905 г., граф Лев Николаевич Толстой чрезвычайно отрицательно и даже поносительно относится к правительству вообще, безотносительно какого государства и к какому патриотизму какого бы то ни было народа.

Так, относительно правительства, как власти, управляющей государством и охраняющей в нем тот или иной правопорядок, граф Толстой в разных местах названных брошюр пишет:

“Власть над другим человеком есть ничто иное, как признанное право не только предавать других людей мучениям и убиениям, но и заставлять людей мучить самих себя...”

“Если правительства были нужны прежде для того, чтобы защитить свои народы от нападения, то теперь правительства искусственно нарушают мир, существующий между народами, и вызывают между ними вражду.”

“Правительства заставляют свои народы разрушать то единое, которое существует между ними и ничем бы не нарушалось, если бы не было правительств”...

“Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение. Оно умственно и нравственно развращает свои народы.”...

“Француз, русский, поляк, англичанин, ирландец, немец, чех - поймите, что спастись от всех наших бедствий вы можете только тогда, когда освободитесь от отжившей идеи патриотизма и основанной на ней покорности правительствам...”

Этих выдержек, казалось бы, достаточно, чтобы обрисовать то направление, в котором граф Лев Николаевич Толстой вел свою пропаганду против правительств, а значит, против всякой власти. Эта пропаганда имела особенно отрицательное значение для России, где источником всякой власти является Самодержавный Монарх.

В связи с государственно-идеологическим сознанием громадного большинства русских такая пропаганда вела не только к подрыву авторитета всякой власти и к стремлению освободиться от внешних принудительных ее влияний, но она способна была в полной мере дезорганизовать людей

внутренне, давая волю их анархическим началам, которые присущи каждому человеку и которые, не сдерживаемые внутренним чувством необходимости подчинения для общего блага государства той или иной власти, происходящей из законного источника, приводят к уничтожению солидарности, несогласованности, к разъединению усилий всех. К разброду, развалу, к исчезновению всякого порядка, к установлению общего анархического беспорядка.

При таких условиях, особенно в случае войны, армия не может выполнять своего назначения, она не может даже существовать, как армия.

Вот такая-то пропаганда и велась революционерами разных толков и либеральной интеллигенцией, вдохновляемой и воодушевляемой великим писателем земли Русской среди разных слоев населения, от которых передавалась в армию, стремясь заложить и разрушить все, составляющее духовный ее элемент.

Так подтачивалось перед войной 1904-1905 г.г. все то, что выражалось вторым членом формулы, заключающей в себе три основных начала, на которых воспитывалась армия.

Не был оставлен в покое радетелями народного счастья по своему образцу также и третий член этой формулы, включающий в себя понятия Родины, Отечества и выявляющий себя в чувстве патриотизма.

И революционеры, и передовая интеллигенция с полным безразличием и даже с враждебностью относились к Родине, Отечеству и презрительно трактовали понятие патриотизма, которое питало чувство любви и привязанности к Родине, желание ее отстаивать от всех, кто на нее так или иначе покушается, кто затрагивает ее материальные и моральные интересы.

И в этом походе на патриотизм, связующий в одно целое отдельные личности народа и дающий ему силы защищать все дорогое, все святое для него, тон задавал граф Лев Николаевич Толстой. Его повторяли, ему следовали в этом, в его писаниях находили обоснования для соответствующих утверждений, на его авторитет опирались, ведя определенную пропаганду.

А граф Лев Николаевич Толстой в своей уже названной брошюре “Патриотизм и Правительство” относительно патриотизма развивал следующие мысли:

“Патриотизм в наше время есть чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество, и поэтому чувство это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разумных людей средствами...”

“Все народы так называемого христианского мира доведены патриотизмом до полного озверения...”

Вряд ли к этому нужно что-нибудь прибавить для того, чтобы признать **весь вред для армии такой пропаганды графа Толстого** и его последователей относительно патриотизма, пропаганды, отвергающей один из самых могущественных стимулов для высокого служения армии, для выполнения ею ее священных обязанностей, для следования ею суровому и тяжелому долгу, требующему величайшей жертвы от воина - его жизни - в интересах своих соотечественников и того, что составляет для него самое дорогое, самое святое - его Родины.

Таково в общем учение графа Толстого, которое можно формулировать в противоположность учению “За Веру, Царя и Отечество” - “Против Веры, Царя и Отечества” и которое граф и его просвещенные, полупросвещенные и совершенно непросвещенные последователи и поклонники распространяли в народе и в армии, - он, веря в истинность своих идей, или быть может из оригинальничания или озорства, а другие - пользуясь ими, как одним из средств для ниспровержения существующего государственного строя ради своих личных интересов.

Но на этом не останавливались гр. Толстой и его единомышленники. В своих стремлениях они ополчались против войны вообще и против исполнения их служебного долга офицерами и солдатами.

Так, в своих брошюрах: “Против войны”, изданной в 1898 году, “Рабство нашего времени” (1898 г.) и “Одумайтесь”, написанной в 1904 г. по поводу Русско-японской войны, гр. Л.Н. Толстой войну иначе не называет, как “простым

убийством, сопровождаемым разорением, грабежом и притом таким убийством, которое предпринимается, вопреки желанию большинства народа, очень незначительным его меньшинством ради своих личных удобств и комфорта, ради возможности этому меньшинству жить в роскоши и праздности.”

Здесь же гр. Л.Н. Толстой убеждает всех не участвовать в этих убийствах, разорении и грабежах и отказываться от военной службы.

Причем утверждает, что такой отказ и наказание за него - тюрьма или изгнание - есть только выгодное страхование себя от тех опасностей, которые несет с собой военная служба и, как результат ее, вероятное участие в войне.

Но, кроме расчета, выгоды отказа от военной службы гр. Толстой видит в последнем еще исполнение нравственного долга, т.е. таким отказом каждый служит великую службу Богу и людям и потому удовлетворяет требованиям своего нравственного долга и велениям своей совести.

И поэтому гр. Толстой восхваляет всех тех, кто отказался от военной службы и участия в войне.

В своих статьях: “Офицерская памятка” и “Солдатская памятка”, напечатанных в 1901 г., гр. Толстой по поводу военной службы и войны обращается непосредственно к офицерам и солдатам и прежде всего говорит им, что та солдатская памятка, которая, будучи составлена знаменитым генералом М.И. Драгомировым, в общедоступной и образной форме содержит все основные обязанности каждого солдата и которая была вывешена во всех казармах, что “она лишь доказывает ту ужасную степень невежества, рабской покорности и озверения, до которых дошли в наше время русские люди”; и ввиду этого граф Толстой написал обращение к солдатам и офицерам, в котором, как он сам говорит, “старается напомнить им о том, что они, как люди и христиане, имеют совсем другие обязанности перед Богом, чем те, которые выставляются в этой памятке.” В общем, службу офицера граф Толстой называет “бесчестной” и потому рекомендует бросить ее и даже советует, как это сделать, - он говорит: “собрав часть, которой вы командуете, выйдите перед нею и попросите у солдат прощения за

все то зло, которое вы им сделали, обманывая их, - и перестаньте быть военным”.

Такая проповедь Толстого и иже с ним, идущая вразрез с тем воспитанием офицера и солдата, которое является единственно соответствующим их высокому назначению и отвечающим свойствам, запросам и исторически сложившемуся сознанию правильно мыслящего, здраво рассуждающего и нормально чувствующего человека, принадлежащего к определенной национальности, имеющего свою Родину и свое Отечество, - такая проповедь графа Толстого способна была только действовать развращающе и разлагающе заменить сознание тех, к которым она относилась, извратить их чувства и в результате крайне вредно отразиться на нравственном элементе армии, подорвать его и сделать армию менее способной успешно вести войну.

Как же в действительности пропаганда изложенных выше идей гр. Толстого отразилась на армии перед войной с Японией в 1904 г.?

В своей брошюре “Одумайтесь”, изданной по поводу Русско-японской войны, граф Толстой в связи с неодобрительным заявлением одного крестьянина относительно этой войны писал: “Да, совсем иное отношение людей к войне теперь, чем то, которое было прежде, даже недавно, в 77 году. Никогда не было того, что свершается теперь”.

Таким образом, сам граф Толстой устанавливает большой успех своей пропаганды против войны, против военной службы.

Мы должны, однако, сказать, что проповедь графа-анархиста к 1904 г. еще не дала тех результатов, которых он ожидал и которых желал. Но все же, несомненно, она произвела свое действие.

Она возбудила сомнение и недоверие, она влила яд отрицания, она подготовила почву и создала благоприятные условия для восприятия разрушительных учений, она поколебала твердые устои нравственного элемента в армии и, если еще не развалила окончательно, то расшатала настолько, что малейшая благоприятная обстановка, легко создаваемая в войне невзгодами физическими и моральными и тяжелыми переживаниями, могла заставить вос-

торжествовать эти учения и уничтожить, или хотя бы в значительной степени парализовать все то, что давалось солдатам воспитанием и чем, главным образом, и сильна была солдатская масса. В общем, она подрывала в основе моральную подготовку армии, чем в громадной мере уменьшала ее нравственную силу и ее физическую мощь.

Небывалое в прежних войнах проявление некоторыми войсковыми частями в японскую войну недостаточной нравственной упругости, сказавшейся в малом проценте потерь, при которых они теряли способность вести бой; случавшиеся иногда массовые сдачи в плен, а также беспорядки и волнения после заключения мира в войсках, как находившихся в Маньчжурии, так и пребывающих внутри России, служат ярким подтверждением этого и **являются чрезвычайно поучительными для дела будущего строительства армии.**

Новое Время, (Белград). - 1929. - №№ 2552, 2553.

О СТРАТЕГИИ ДУХА И ПРЕЖНИХ ОШИБКАХ

Война такая вещь, над которой теперь призадумываются самые воинственные дипломаты и самые тонкие стратеги.

Мы, умышленно, придаем дипломатам воинственность, а стратегам тонкий учет положения.

Война для государств, опирающихся на могущественную, преданную правительству армию, при полном сочувствии всего населения, нормальной постановке государственного хозяйства, торговли, промышленности и всех ресурсов является все же экзаменом.

Современная война не есть только комбинация маршей и сражений, но большая подготовительная работа в смысле воспитания духа и борьбы против пропаганды.

Нам отлично известно, что современные большие государства выписывают колоссальные суммы на дредноуты, подводные лодки, авиацию и все что угодно, но до сих пор еще не коснулись обработки духа всей нации, а без этого невозможно вести никакую войну.

Происходит же вся эта музыка от того, что в креслах дипломатии, у портфелей министров, на высших командных должностях сидят люди прошлого столетия, не понимающие абсолютно в родившемся новом властном двигателе войны, ставшей сейчас на первое место.

Это стратегия духа.

Для того же, чтобы учитывать значение духа и использовать его, надо понимать и воспринимать воздействие этого великого фактора на окружающую обстановку.

История тем хороша, что она никого ничему не научила, и сколько бы ни было революций, побед и разгромов, на смену одному маньяку придет другой идиот для того, чтобы уступить свое место сумасшедшему в самую критическую минуту борьбы.

Люди ассигнуют миллионы фунтов стерлингов, долларов, франков: строят пушки, стреляющие на 25 километров,

подводные крейсера, армию воздушного флота, танки, представляющие собою крепости. Но они забывают ассигновать на самое главное, - на воспитание души тех, кто стоит у этих пушек, кто водит подводные лодки, кто скрыт за броневыми плитами танков и кто без этого воспитания повернет против них и танки, и пушки, и всю силу оружия.

Нет стратегии и нет политики в том смысле, как понимали их прежде, а есть новая, господствующая над той и другой и носящая название стратегии духа, о которой до сих пор еще не знают ни в училищах правоведения, ни в лицеях и университетах, ни в академиях и штабах и которая сокрушит их всех и сотрет в порошок всю культуру.

Если завтра вы придете и предложите любому государству чертеж новой пушки или секрет нового удушливого газа, то вас осыпят золотом, но бетонные черепа современных *главарей* военного дела и блиндированные головы дипломатов улыбались бы с сознанием своего превосходства, если бы вы им предложили секрет или какое-либо изобретение в области духа.

Это равносильно тому, что бы вам предложили из математической формулы сшить шубу.

Вот почему, несмотря на то, что со времен глубочайшей древности, от Александра Великого, Ганнибала и Цезаря, пройдя сквозь все революции, крестовые походы, религиозные войны, видя и ощущая на собственной шкуре бури духа человеческого, - это человечество все спит.

Оно полагает, что Прометей, похитивший огонь с неба, принес этот огонь исключительно для кухонь, чтобы можно было жрать и спать в тепле и в крайнем случае, ночью, освещать отхожие места. <...>

Действительно, наступают сумерки культуры и нет никаких оснований ожидать громадной ломки психологии двуногих миллиардов, гордо выводящих свое происхождение по Дарвину от горилл и орангутанга.

Агитация и пропаганда, несомненно, великая вещь, и, разумеется, честь открытия этого средства принадлежит не большевикам, а имеет начало в глубокой древности.

У Арриана, Квинта, Курция, Плутарха вы можете найти те способы, которыми Александр Великий подготовлял общественное *мнение* и воздействовал на массы.

Все величайшие политики и стратеги им пользовались, но только Германия, в эпоху мировой войны, использовала это средство в том масштабе, каком мы видим. Нельзя отказать в гениальности выполнения задуманного плана.

Большевики - ученики Германии - восемь лет расширяли, дополняли и совершенствовали это страшное орудие и, надо признаться, достигли в этом еще больших результатов.

Во всяком случае, как Германия, так и СССР, до настоящего времени широко использовали это средство, удачно применили и работают им, но как те, так и другие *пока еще только кустари*, и до настоящего времени никем *не создана наука об агитации и пропаганде*.

Работая с 1908 года по вопросам исключительно *духа*, мне приходилось сталкиваться с трудами Гоше, Демурьи, Геруа и, наконец, профессора Головина, но это уже была не система, а лишь этюды в области *духа*.

...Господа, за восемь лет в свет родилась *наука*, которая создала свои законы, сделала выводы, установила аксиомы.

Из хаоса немецких и большевистских экспериментов, из их печальных опытов должны появиться *доктрина* и *учение*, базирующиеся уже не на *проблемах*, а на *фактах* и *истории*.

Явилась новая кафедра в человеческих храмах знания и, отодвинув на второй план политику и стратегию, властно поставила новую науку, и имя ей “*стратегия духа*”.

* * *

...Прошло много лет с того времени, как толпы матросни, рабочих и различного сброда сражались против нас, устлая своими трупами поля сражений. Белые армии, руководимые, казалось бы, цветом царских полков, были разбиты и вышвырнуты из страны. Причины? О, об них говорить не полагается, ибо у нас, как при империи, есть свой “Олимп”,

которому можно курить фимиам, но критиковать не разрешается.

Ведь в сущности, со смертью Суворова, кончилась блестящая эпоха российской славы и военного гения. Отечественная война с самого начала обнаружила полную бездарность управления, разделившего все силы на две армии. Севастопольская кампания была войной России против *десанта*. Турецкая война особенно бесталанна именно в полководческой области (оставление в тылу Плевны, первый переход Балкан и послушный отход от стен Константинополя). Русско-японская война еще ужаснее, нелепее и, если хотите, позорнее. Недаром блестящий немецкий военный писатель генерал Фридрих фон Бернгарди, написавший ряд выдающихся трудов, безжалостно хлестал бездарность нашего командования, признавая единственным светлым явлением генерала Скобелева.

История Мировой войны также не выделила полководцев и, несмотря на осторожное расследование наших специалистов, заставляла вскрывать такие язвы и такой ужас, что совершенно ясно становилось, что мы были безграмотны и руководить не могли... Ведь фактически мы не имели добросовестного освещения наших войн (перечисленных выше). Критический анализ не признавался, а официальная история писалась в стиле “гром победы раздавайся, веселися храбрый росс”. Ну и веселились. В Крымскую кампанию выползли с парусным флотом, гладкоствольным оружием и безграмотными генералами...

Еще более сомнительны наши лавры и в Мировую войну в смысле идеального полководчества и вождения войск. Стоит только посмотреть труды профессора Н.Н. Головина “Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва” и “Начало войны и операции в Восточной Пруссии”.

Что же касается Русско-японской войны, то, позорно провалившись, мы долго молчали, зато о нас так писали все, что глаз девать было некуда. Ну и расписали же! Вот кончилась Гражданская война. Вожди написали целые библиотеки мемуаров, воспоминаний и прочих хороших вещей, но почему-то упорно помалкивают о том, как же это так слу-

чилось, что их - талантливых, осведомленных, компетентных и дипломированных - наголову разбила та самая "сво-лочь," на которую они смотрели через плечо, и только здесь в эмиграции, поняв нескладность такой оценки противника в отношении лично себя, осторожно и постепенно рассказывают о своих приключениях. И, увы, опять ничего не изменилось, и слова турецкого генерала Иззет Фуада не потеряли до сих пор своего значения.

Но война неизбежна опять, и нас снова поведут провалившиеся вожди на перезкзаменовку, а потому **мы хотим знать правду, только голую, пусть даже жуткую страшную правду. Это наше право, и мы его не уступим никому. Люди, льющие кровь, имеют право знать не только то, за что они льют эту кровь, но с каким врагом сражаются, что из себя он представляет, в чем его сила и слабость и на что можно рассчитывать.** При нашей общей политической расхлябанности, интригах и моральном падении тех устоев, которые когда-то отличали сильных волей и духом людей, мы отлично учитываем возможность провокации, подтасовки, передергивания в отношении этой своевременной статьи, а потому для лиц, имеющих эти цели, а также для стадного элемента, вводим добавочное разъяснение. Мы совершенно ясно и определенно видим расцвет нашей боевой славы, блеск полководчества, талантливое управление войсками и гений военного искусства в деятельности Великого Петра, Елизаветы и Екатерины.

Из них Петр Великий сам являлся крупнейшим полководцем, а в царствование особенно Екатерины мы видим Румянцева, Суворова, Орлова, Потемкина и др. Последние вспышки этой эпохи были еще видны в творчестве Кутузова, Багратиона, Ермолова и др. Палка, рутинка, аракеевщина и плац-парад убили дух Петра, Елизаветы и Екатерины.

Мы говорим о высших постах, о командном составе высшего порядка, о руководителях армии, но не о рядовом офицере и солдате. Весь ужас и был в том, что наша армия по духу, силе, мужеству, изумительному терпению, самопо-

жертвованию, храбрости офицеров и солдат являлась исключительной.

Генерал Е.И. Мартынов в своей нашумевшей книге “Из печального опыта русско-японской войны” прямо говорит: “Посреди развалин нашей старой военной системы, при падении несокрушимых до тех пор авторитетов, при полном банкротстве идей, еще недавно бесспорных, одно лишь стоит непоколебимо - это мужество русского солдата” (стр. 63).

Генерал Геруа в своем прекрасном труде “Офицерский корпус” совершенно верно указывал, что солдаты, в сущности, при современном коротком сроке службы не являются фундаментом армии, а только истинные солдаты профессионалы сейчас офицеры, служащие по тридцати пяти лет до отставки или смерти... Когда же были перебиты они в мировую войну, то уже тот дух 1914 года, с которым мы вышли в бой, скоро сменила усталость временных заместителей, фрондерство тыла и пассивность революционному натиску.

Итак, все написанное выше имеет целью указать полное неблагополучие в верхах в Мировую войну. Все осталось без перемены и в Гражданскую войну. **Великолепие штабов, громоздкость тыла, несуразные обозы, неумелое руководство и нищя, оборванная, полуголодная армия с ее героизмом и жертвенностью, с ее мученичеством, подвигами и легендами.** Но не в этом, конечно, дело. Прав всегда победитель, а виноваты побежденные. На стороне белых армий были миллионы золотого запаса (более 600 миллионов золотом), союзники, специалисты военного дела, иностранное снабжение (артиллерия, танки, пулеметы, ружья, патроны и т.д.), а против них сражались бродяги, рабочие, фанатики-партийцы, партизаны, матросня и все то, что вливалось в отряды Красной гвардии и армии... и они-то нас разбили.

Ведь вот до сих пор еще нет правдивой “истории Гражданской войны” и исключительно потому, что еще живы руководители, что большинство из них до сих пор руководит и влияет на группировки, вносит свои коррективы и выносит неумолимые приговоры всякой попытке подойти к освеще-

нию печального прошлого, безнадежного настоящего, чтобы посмотреть на загадочное будущее.

Будем справедливы: белое движение есть гордость каждого из нас, в нем есть красота протеста и подвиг любви к Родине. У нас есть святые могилы адмирала Колчака и генералов Духонина, Каледина, Алексеева, Корнилова, Маркова, Врангеля и Кутепова. У нас есть уважаемые деятели в лице генералов Деникина, Краснова, Миллера и др.

Все это так! Но неужели же мы, готовясь к другой войне, не имеем права знать свои ошибки, трезво оценить врага, прикинуть возможности и учесть правду жизни? Сколько книг написано о Красной армии, сколько лиц говорит от имени ее, какие мифы приписывают ей, и все-таки она стоит загадкой перед миром, непонятым сфинксом нашего лихолетья и той таинственной силой, с которой мы должны скрестить оружие. “Красная армия - это русская армия”, - так теперь уже говорят не только в политических группировках, но и среди военных авторитетов эмиграции. Может быть это, отчасти, и так. Будем осторожны. “Красная армия воевать не будет, станут переходить целыми полками...” Это уже область малообузданной фантазии, не нуждающейся ни в фактах, ни в доказательствах, ни в анализе. Это в сущности желание, перенесенное в область ожидаемых предположений. В отношении силы, техники и обучения этой армии они убеждены, что японцы ее “мигом расчешут”, а другие говорят, что она “японцам пить даст”. Где же правда? Одни политические группировки говорят, что народ ушел в храмы, замыкается в скиты, ждет царя, только царя, хозяина земли русской, а другие говорят о том, что старая деревня рухнула, религия потрясена, традиции, обычаи вытравлены, народилась боевая комсомольская молодежь с энтузиазмом революционного экстаза, жаждущая войны... Где же правда? Сколько раз говорили о том, что Буденный хочет совершить переворот, что Ворошилов против Сталина, что Тухачевский метит в Наполеоны... Это тоже правда? Ведь прошло четырнадцать лет, а мы Красную армию не знаем, питаемся о ней разными баснями, а в эмигрантской прессе радостно подхватывают всякий слух о проворовавшемся комиссаре, о солдатских беспорядках, о глупости

политграмоты, о ленинских уголках, о разных скандалах, очевидно, ожидая, что все это само сгниет и рухнет. Чепуха все это.

Ну а у нас за что сидели в военных тюрьмах и дисциплинарных батальонах? Разве в крепкой царской армии не было бунтов, забастовок, покушений... Разве не долбили бессмысленную “словесность”? Ведь это же сплошной кошмар эта литература. И ничего, ведь после этого Эрзерум и Перемышль брали. Карпаты переходили... Стало быть и это чепуха.

Служа в армии с 1902 года как в строю, так в военном училище курсовым офицером и преподавателем, в штабах, участвуя в Русско-японской, Мировой и Гражданской войнах как строевым офицером, так и офицером Генерального штаба, я считаю этот стаж вполне достаточным, чтобы высказать оценку некоторых областей военного дела как в царской, так и в белой армиях.

Оставляя в стороне строевое обучение, стрелковое дело и т.д. как отделы, поставленные после Русско-японской войны отлично, **не могу умолчать о невероятной по дикости, нелепости и преступности области военного воспитания.** Да разве кроме самого офицерства, получавшего в корпусах и частях атмосферу военного духа путем традиций, истории и обстановки (музеи, знамена, портреты и т.д.), чисто автоматическим путем восприятия самой атмосферы без участия воспитательной школы, системы и пропаганды... Буду более понятен. Разве кто-либо когда-либо в войсках читал или слышал о таких лекциях, как: “Родина”, “Присяга”, “Армия”, “Знамя”, “Современный солдат”, “Нация и народ”, “Суворов”, “Румянцев”, “Скобелев”, “Петр Великий”, “Православие и русская армия”, “Враги России” и т.д.? Да никогда! Офицерам говорили: “Беседуйте!”, а как это сделать, по каким источникам, каким образом и что сказать - молчали. Почему? **Да потому, что пробовать щи, смотреть портянки легче, чем воспитывать душу.** Сами не знали, не умели, не понимали, да и не подозревали значения этого воспитания.

Разумеется, это не вина офицера, а тех органов высшего управления, которые должны были это делать. Бессмыс-

ленно твердили фразу Наполеона, говорившего по этому поводу: “На войне победа на три четверти зависит от морального элемента и лишь на одну четверть от материального”. Даже в Академиях не было кафедр по вопросам **“Военной психологии”**, **“Философии войны”**, **“Стратегии духа”**, не говоря уже о том, что это нужно в наши дни даже в ротных школах (таких нет), учебных командах, а не только училищах.

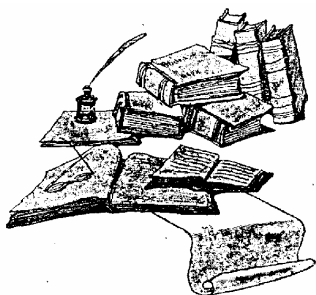
Помнится выпуск по приказанию генерала Сандецкого его знаменитого вопросника. И это - после того, когда в высочайше утвержденном “Положении об обучении пехоты”, издание 1911 года, в части I “Обучение молодых солдат”, в § 22, пункт Е, определенно указано (стр. 15): “Избегать делать вопросы в форме раз и навсегда принятой, ибо это ведет к бессознательным и заученным ответам (далее следует курсив устава); особенный вред в этом отношении представляют так называемые вопросники”. Однако всевластный сатрап генерал Сандецкий, этот легендарный держиморда Казанского военного округа, игнорировал слова устава, и не только солдаты, но юнкера и офицеры заучивали наизусть невероятную дичь. Не помню досконально этих шедевров и цитирую по памяти: - “Что такое Родина?” - “Та земля, на которой я родился и живу, где могилы моих отцов и дедов!” Следовательно, деревня Косоротовка и ее кладбище и есть Родина рядового Ивана Петрова? Ведь за это же повесить мало... Не будем говорить о чудовищно дикой формулировке понятия знамени. “Знамя есть священная воинская хоругвь, под которой собираются все верные долгу воины”. Ведь это же ужас! Да разве же можно так говорить про знамя! Вот потому то, что была херугь (так и выговаривали), они продавали немцам святые лохмотья боевых шелков России. Красные ввели политграмоту. Не смейтесь и не улыбайтесь преждевременно. Конечно, 90% всего материала абсолютная и нудная чепуха обо всех этих программах, платформах, партиях, секциях, но есть и несомненно боевой материал, который не может не восприниматься массами с пониманием, сочувствием и, может быть, даже (почему нет?) с фанатизмом...

Красная армия - враг грозный, сильный, но это еще не гарантия ее непобедимости.

Народные массы, каторжный гнет, нужда и, наконец, неувязка фантазии коммунизма с жизнью еще скажут свое слово.

Россия (Шанхай). - 1926. - № 330; 1925. - № 171.

Армия и Флот (Шанхай). - 1932.- № 7-1168. - С. 39-44.

Е. Шелль

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ АРМИИ

Наше время - эпоха социальных сдвигов и борьбы миров. Старый - построен на рационализме и либерализме, породивших капитализм, социализм и коммунизм. Новый - строится на христианском понимании государства и потому стремится к социальной справедливости.

Эти два мира непримиримы. Борьба ведется с фанатизмом? подобным охватывающему человечество во времена религиозных войн. Новый политический фанатизм захватил широкие круги населения государств.

Идее демократии, вернее лже-демократии, противопоставлена идея нового национального неклассового государства. Сейчас совершенно невозможно себе представить государство, где идея не явилась бы элементом управления.

Борьба идей привела к необходимости политического обеспечения государства. В каждом государстве ведется борьба на внутреннем идейно-политическом фронте. К этой борьбе привлекаются и войска. Войска вмешиваются в политику на стороне правительства. Помимо партийных войсковых организаций и армия является той силой, на которую опирается режим данного государства. Когда эта вооруженная сила народа становится на сторону противников режима, то происходит революция. Может ли армия в таких условиях оставаться вне политики?

Если в мирных условиях армия участвует в политической жизни страны, поддерживая существующий режим, то мо-

жет ли эта армия быть вне политики во время войны, когда государство предельно напряжено, когда под угрозой находится сама жизнь страны. Современная армия - это вооруженный народ. Война захватывает все области жизни, все слои населения, все хозяйство воюющей страны.

Политика - прежде всего искусство управлять государством. Идея - одно из существенных орудий управления. Армия служит государству кровью. Можно ли от нее требовать крови во имя идей, которым она не верит или которым она враждебна?

Политика, т.е. руководство нацией и стратегия - управление вооруженной частью нации, должны сейчас представлять одно целое.

Армия - это концентрированная нация, армия - военно-политический центр. Армия это живой организм, имеющий свою душу. Армию нельзя оценивать по количеству находящихся на ее оснащении лошадиных сил и военных машин. Армия, не объединенная единым началом, не есть армия, а вооруженная толпа. Дисциплина заключается не только во внешней субординации, но и в той внутренней силе, которая спаивает всю иерархию армии. Сила армии во внутренней дисциплине. Внутренняя же дисциплина - это уже сторона идеологическая, вне общей для всех чинов армии идеи она невысказана. Недаром лучшее определение дисциплины дано Лойолой, католиком-иезуитом.

Поражение может наступить не только на военном фронте, оно может наступить и на других фронтах, на которых сейчас ведется война, - на фронте внутривладевательском, хозяйственном или финансовом.

Сейчас внутривладевательский фронт - особенно чувствительное место всякой внешней борьбы.

Если не вся армия, то, во всяком случае, ее лучшая профессиональная часть всегда являлась носителем той или иной государственной-политической идеи. В расцвете демократических начал на Западе, политиками - профессионалами был выдвинут несуровый и совершенно не государственный принцип - "армия вне политики". Это

было сделано ради удобства вести свои эгоистические партийные дела в условиях парламентаризма. Армия не могла быть фракционной или узкопартийной по самому своему существу - концентрированной нации. Армия всегда и прежде всего национальна. Попытка создать интернациональную, рабоче-крестьянскую армию трудящихся всего мира переживает на наших глазах полный крах.

Наше командование в гражданскую войну не доросло до государственно-политического творчества. Оно подхватило эту идею западных демократий и всемерно проводило ее даже до времен существования армии за границей.

Современные армии, вооруженные коллективным оружием и широко оснащенные мотором, в полной мере зависят от сравнительно большой группы профессионалов-шоферов. Мотор обслуживается новым типом бойца. Это высококвалифицированный рабочий. Его политическая благонадежность является основой военно-политического обеспечения армии. Чем гарантируется политическая благонадежность? Принадлежностью к идейному фронту данного государства, т.е. приятием его политической идеи и подчинением ей. Теория подчинения учитывает три вида подчинения - подчинение действия, воли и ума. Подчинение ума это высшая степень подчинения, ибо ведет к отрешению от собственных убеждений и является самым трудным видом подчинения, но зато и безусловно верным.

Наконец, сам современный боевой порядок, состоящий из групп разной величины до звеньев включительно, требует от каждого одиночного бойца сознательного исполнения своих обязанностей в отношении государства. Контроля командного состава или влияния массовой психики времен линейных или каррейных боевых порядков сейчас быть не может. Ныне каждая почти группа бойцов не столько находится во власти начальников, сколько в Божьей Воле.

Сейчас действительной является только внутренняя дисциплина, основанная, как сказано выше, на деле.

Вместе с тем, **чем большие контингенты народных масс вливаются в армию, тем больше она теряет свои профессиональные воинские качества.** Большая часть бойцов не служит по призыванию, дисциплина у призыванных

из запаса в достаточной мере выветрилась, современные роды занятий мало способствуют культивированию храбрости, бескорыстия и самопожертвования (необходимых элементов воинского подвига).

Военная этика - совокупность писаных и неписаных законов войны, терпит от разжижения профессионального состава армии. Варварство современных народных армий возвращает нас ко временам гуннов. Воинская этика - неписаный статут данной армии, подобный особому укладу большой семьи, тоже оказывается недостаточно устойчивой.

Сейчас мало прививать понятия о воинской чести и воинской этике только профессионалам военного дела. Необходимо воспитание всего народа и в течение времени более длинного, чем современные короткие сроки действительной службы. Нужно создать граждан с чувством личной воинской чести. Граждан, способных в любой момент стать "вооруженными гражданами" - армией.

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что современный вооруженный народ не будет боеспособным, если не будет проникнут единой идеологией. Идеологией политической. Если всякий воин должен понимать свой маневр, то подавно он должен знать, за что проливает свою кровь. Цели войны должны быть ему совершенно определенно известны и понятны. Мало того, **целый народ должен быть духовно военизирован, чтобы лучше перенести тяготы, чтобы повысился его духовный военный потенциал.** Наконец, весь народ должен быть воспитан на понятиях добродетели. Отсюда недалеко и до воинской чести и военной этики. "Богу единому слава!" (Воинских Артикулов Гл. I).

Политическое обеспечение армии не может быть построено, как мы сейчас видим, на институте политических комиссаров, ведущем только к двоевластию и анархии в организме армии, всегда построенной на началах единовластия и иерархичности.

Пора покончить с чуждым русской армии принципом: армия вне политики. Армия политична, ибо она народ, ибо

она лучшая часть своего народа, и ей не может быть безразлично, кто и куда ведет ее страну.

■ Армия в государстве

Армия и политика. Попытка начертать, как мы представляем себе участие армии в политической жизни будущей Российской империи, составляет предмет настоящего раздела.

Предварительно должен лишний раз оговориться, что под участием армии в политике мы отнюдь не разумеем ее участие в борьбе партий, да и вообще мы не представляем себе будущую Россию страной, в которой будут существовать политические партии. Кроме того, участие армии в политике не рисуется нам в виде периодических “пронунциаменто”, т.е. такого порядка, когда армия, сколоченная в “касту” силою оружия, дает верховную власть своему ставленнику. Такое положение решительно противоречило бы нашему принципиальному подходу к верховной власти.

Мы стремимся к тому, чтобы носитель верховной власти был, по возможности, предельно независим от любой категории граждан. Это одно из соображений, которое мы выдвигаем в защиту монархии.

Итак, ни политиканства, ни дворцовых переворотов; но положительная работа в политическом творчестве Империи.

Начнем с внутренней политики.

Внутри государства армия прежде всего опора существующего режима, она же, в значительной мере, воспитательница нации. В силу этого вопрос о политическом обладании армией, об ее внутренней верности режиму и о том, чтобы армия знала, понимала и сочувствовала творчеству своего правительства, **составит первейшую заботу власти.**

В самом деле, можно ли почитать правильным такое положение, когда преподавание основ режима, его идеология вверяется в армии некультурному унтер-офицерскому составу в форме пресловутой “словесности”? А далеко ли за

пределы этой “словесности” ушло знание и понимание рядового офицера в предреволюционной России?

В будущей России политическое обеспечение армии должно быть поставлено иначе. Оно должно быть поручено особому кадру офицеров, имеющих для этого специальную подготовку. Речь не идет о красноармейском институте “политруков”, который приводит к двоевластию, ибо правительство, не доверяя командному составу, делает из “политруков” своих соглядатаев при командирах. Такое положение нетерпимо ни в одной нормальной армии. Однако, при командире наряду с разными помощниками (по строевой части, по хозяйственной части) **должен быть и помощник по политической части.** На обязанности такого офицера, который специально подготовлен для этой службы, лежит учебно-воспитательное политическое дело, при полном, разумеется, подчинении его командиру.

Вопрос о том, начиная с какого низшего соединения нужен такой офицер политической службы, вопрос технический.

Мы выдвигаем только самую идею.

Нам кажется, что офицеры, предназначающие себя для службы по политической части, должны быть специально подготовлены и пройти особые курсы, а может быть, особый отдел академии Генерального штаба, подготовляющий высших руководителей этого государственно важного дела.

В Главном генеральном штабе будущей Императорской Российской Армии мы полагаем совершенно необходимым особое политическое управление армии.

Внешняя политика государства и стратегия столь связаны в современной войне, что трудно разграничить эти две области.

Готовность к войне, политическое задание данной войны, экономическая подготовка войны, дипломатическая обстановка и дальнейшая зависимость ее от хода событий на вооруженном фронте - все это вопросы, с которыми командованию приходится иметь дело с первого и до последнего дня войны.

При старом порядке армия в мирное время была совсем не в курсе этих вопросов и консультировалась зачастую только тогда, когда дипломатия уже создала необходимость войны. Такая трагическая неувязка между дипломатией и армией неизбежно ведет к поражению в современной “тотальной” войне.

Теперь дипломатическое действие не прекращается с открытием военных действий; часто уже в течение войны победы на дипломатическом фронте не менее значительны, чем победы войск на земле, в воздухе и на морях. Единство командования на всех фронтах (дипломатическом, вооруженном) так же необходимо, как и в армии. Взаимодействие фронтов дипломатического и вооруженного - существенный элемент успеха.

Мы думаем, что участие армии во внешней политике также нужно, как во внутренней. Участие это должно быть регулярно и систематично как в мирное, так и в военное время. Для такой работы в армии нужен особый кадр офицеров, сотрудничающих с министерством иностранных дел.

Задача такого кадра - держать непрерывную связь между командиром и дипломатией страны. В таких условиях армия, участвуя в какой-то мере в дипломатической подготовке войны, всегда будет к ней готова и, главное, всегда ясно будет сознавать цели данной войны.

Армия и школа. Эта проблема разбивается на ряд самостоятельных задач: организация связи и сотрудничества с гражданской школой (церковной, государственной, земской и частной); организация воспитания и образования (в том числе и политического) кадров нации, проходящих через армию, и, наконец, новая организация военно-учебного ведомства самой армии для подготовки специальных кадров для несения разносторонних служб современной армии.

Кадры нации, ее отбор, попадающий в армию, должен быть в значительной мере подготовлен школой. Таково требование армии не только в силу краткости сроков службы в современных армиях, но и вследствие того, что главная сила армии - ее дух, - производ-

ное духа всей нации. Армии трудно, чтобы не сказать невозможно, даже в долгий срок службы сделать из невера, пацифиста и либерала подлинного воина Белой Империи. Из этого положения вытекают те обязательства школы перед армией, которые не были выполнены в старой России и которые должны лечь в основу взаимоотношений армии и школы в будущем.

Моральные начала, на которых воспитывается настоящий воин, должны пронизывать все воспитание нации, должны быть основой и школьного воспитания. Вместе с этими основами молодой человек из школы же должен принести в армию и сознание особо ответственного места, которое армия занимает в государстве, - он должен понимать, что ответственная служба армии дает ей особо почетное место; служба в армии для него должна быть не неприятной повинностью, но почетным долгом, к которому допускается только лучшая часть нации, какая-то ее элита.

Попадая в армию, молодой человек должен быть не только воспитан в воинском деле (в лучшем, настоящем смысле этих слов), но и минимально технически подготовлен, чтобы оставалось лишь “военизировать” его знания, если можно так выразиться. Иначе говоря, все виды национального обучения (от всякого технического до общего включительно) должны учитывать то обстоятельство, что их ученику предстоит использовать свои знания на военной службе. Школа должна быть пронизана воинским духом (введение шагистики еще не создает воинского духа!) и мыслью о предстоящем применении школьных знаний на предстоящей военной службе. Другими словами, нужна школьная и внешкольная военная подготовка, в спортивных и юношеских организациях.

Для того чтобы провести в жизнь такую военизацию школы, нужно широкое проникновение в школу военных.*

Армия должна суметь выделить для этого достаточное количество офицеров со специальной спортивной и педаго-

* Вопрос о собственно военно-учебных заведениях низшей и средней ступеней образования - вопрос особый, относится по преимуществу к закрытым учебным заведениям и здесь нами не затрагивается.

гической подготовкой. Видимо, и эта область потребует от армии создания особых курсов (спортивно-педагогических), которые будут поставлять одновременно вообще кадр работников военно-учебного ведомства.

Создание такого достаточно обширного кадра позволит армии с успехом разрешить задачу и воспитания, и образования внутри армии. Особенно поначалу армии придется уделить много внимания этой задаче, и разрешение ее нельзя, конечно, по старинке возложить на полуграмотный унтер-офицерский кадр, который к тому же еще надо будет создать. Во главе учебно-воспитательной части в войсках должны стоять офицеры, обладающие педагогическими наклонностями и прошедшие специальную подготовку.

Мало того, современное проникновение техники в армию требует очень большого количества специалистов самых разнообразных областей.

...Армия должна будет иметь соответствующих специалистов, на обязанность которых ляжет приспособление специальных знаний пришедших по призыву молодых людей к армейским требованиям; это дело специального педагогического офицерского кадра, технически подготовленного.

Из намеченной нами схемы явствует, что в новых условиях армия должна будет иметь ряд новых специальных офицерских кадров. Задача подготовки этих кадров ложится на военно-учебное ведомство, которое таким образом будет значительно отличаться от прежнего.

Будущей Российской Императорской Армии будут нужны специальные офицерские кадры:

1. "Педагогический" с подразделениями:

а) для руководства воспитательно-учебной частью в войсках;

б) для проведения военизации школы и руководства допризывной подготовкой в спортивных школах и юношеских организациях;

в) для проведения военизации приходящих в войска различных нужных армии специалистов.

2. "Службы по политической части" или "политического обеспечения войск".

3. "Службы сотрудничества с министерством иностранных дел".

4. "Службы имперских путей сообщений".

5. Ранее существовавшие кадры по части военно-юридической, военно-медицинской, военно-инженерной, разведывательной и контрразведывательной и т.д. и т.п.

Нужны будут отделения академии Генерального штаба, специальные школы и курсы, чтобы армия справилась со стоящими перед ней ныне новыми задачами.

Церковь и армия. Вопрос об отношении церкви и государства в нашей схеме государственного устройства будущей Российской Империи определяется принципом сотрудничества этих двух установлений.

В силу такого сотрудничества мы кладем мысль о взаимной независимости властей церковной и светской, - каждой в своей области. Мы стремимся установить такое сотрудничество, когда ни церковная власть не подчиняет себе светскую (клерикализм, папизм), ни государство не подчиняет себе церковь (цезаре-папизм).

Здесь мы попытаемся определить, в чем должно выразиться осуществление принятого нами принципа в жизни армии?

Удачное решение этой задачи подчинено двум основным условиям: 1. Окажется ли она посильной русской эмпирической (созданной людьми на земле) церкви и 2. сумеет ли будущая армия установить новое отношение к духовенству вообще и военному в частности?

Первое условие может быть удовлетворено только общим духовным обновлением России, в которое мы верим. Выполнение второго условия должно явиться результатом новых методов воспитания будущих военных и новых условий, в которые надо будет поставить военное духовенство.

Можно ли себе представить, чтобы и впредь полковой "батя" был бы неким неопределенным чином, - едва ли даже "классным чином," - каким он был в большинстве старых полков?

В большинстве случаев полковой священник был чиновником, отправляющим в полку требы, почитавшиеся обяза-

тельным казенным установлением. Формальное, казенное отношение в армии к вере не могло, конечно, укреплять и авторитет того, кто должен бы быть **духовным руководителем** большой полковой семьи. Культурному уровню многих батюшек такая задача была не под силу. Рутинная жизнь, весьма распространенное безверие и насмешливое отношение г.г. офицеров к “попу” располагали к тому, чтобы ограничить свои действия служением молебнов и панихид в положенных случаях.

Только в боевой обстановке стали вспоминать в армии, что полковой священник - прежде всего духовник чинов полка. Только там, где под влиянием страха смерти люди стали по-настоящему помнить о Боге, священник стал оказывать больше влияния на жизнь полка.

Часто в новых условиях сам батюшка проявлял скрытые до того душевные качества и духовные силы, наличие которых раньше и сам, быть может, в себе не подозревал. Отсюда столь многочисленные подвиги военного священства, нередко являвшего высшие образцы христианского служения своей пастве, в тягчайших условиях современной войны.

Вместо с тем почти не известны случаи, когда священники в частях подымались бы до уровня **духовных руководителей**: именно такое положение священника в воинской части мы почитаем нормальным.

Духовный руководитель воинской части, по нашему разумению, не только священник, окормляющий ее требам, не только духовник ее чинов, но и высший моральный авторитет, признаваемый как средой (в частности, обществом офицеров), так и начальством. Этот моральный авторитет должен духовно направлять жизнь части.

Мы отдаем себе отчет в том, сколь трудно создать такую авторитетность полковому священнику. Кроме того, что для этого сам священник должен обладать достаточным культурным уровнем и личными качествами, нам кажется необходимым создать ему для того в полку условия рядом мер.

К числу таких можно, например, предложить введение полкового священника в состав полкового суда, суда чести, предоставление ему права быть ходатаем перед начальством за нужды подчиненных.

Если мы признаем, что высший духовный авторитет в государстве принадлежит церкви, то голос этого авторитета должен звучать и в армии. Самых радикальных успехов в этом направлении удастся достичь, конечно, лишь тогда, когда офицерский состав будет воспитан в духе церкви.

Установление в войсках духовных руководителей, в нашем понимании этих слов, взамен прежних полковых священников встречает ряд других значительных трудностей.

Не всегда легко согласовать понятия офицерской среды и ее представление о чести с требованиями христианской и православной морали. В этом, в частности, будет трудность вопроса о введении полкового духовного руководителя в суд чести. Мы же думаем, что такие противоречия только кажущиеся или наносные.

Если, например, постановление суда чести могло приводить к самоубийству, то такое противоречие между требованиями церкви и требованием офицерской чести должно быть устранено созданием нового кодекса чести. В большинстве же остальных случаев противоречия, как мы уже отмечали, только кажущиеся и должны преодолеваются соответствующим воспитанием как будущих военных священников, так и будущих офицеров.

Офицерское служение, более всякого другого, совместимо со служением церкви. Для примера достаточно вспомнить известных всей русской армии братьев Панаевых, явивших пример одновременно доблестных офицеров и образцовых сынов церкви.

Вопроса о новом кодексе чести мы коснулись лишь попутно, - он должен составить предмет особого труда. Здесь мы только отмечаем, что в нашем представлении новый кодекс чести должен стараться устранить возможные противоречия между своими требованиями и требованиями церкви. Для этого его составители должны будут больше руководствоваться вечными, христианскими понятиями о

допустимом и не допустимом для воина, чем западным представлениям о чести.

Изложенное наше представление о будущем духовном руководителе части определяет и обязательства армии перед церковью. **Армия должна создать духовному руководителю такие условия, чтобы он мог выполнять свои, лишь намеченные нами, обязанности.**

Необходимость же создания института духовных руководителей кажется нам не подлежащей сомнению. Ведь даже французская республиканская армия, до своего поражения, вопреки желанию масонских возглавителей государства, вынуждена была ввести у себя институт штатных духовников, а после поражения, - французский военный офицер "La France Militaire" (от 3-VIII-40) не мыслит восставления французской армии иначе, как на основе религии. В доказательство того, настолько такое представление об основах духа армии одновременно и вечно, и своевременно, можно еще упомянуть, что в сильной духом протестантской финляндской армии введено пение псалмов на общей молитве вечером и утром.

Старая же русская армия знает тысячи примеров, когда дух частей был подымаем до необычайной высоты священниками. Известны также случаи, когда той же цели достигали муллы. Во время конной атаки 3-й бригады Туземной дивизии у д. Цу-Бобина мулла скакал впереди своих пасомых, потрясая Кораном.

Одновременно с требованиями, которые церковь ставит в этом вопросе армии, ставятся и некоторые требования церкви.

Она должна суметь и смочь выделить кадр священников, которым оказались бы по плечу задачи духовных руководителей таких сложных организмов, какими являются воинские части, со всей многосторонностью их жизни.

Будущая армия ожидает от церкви еще и иного содействия, вне жизни самой армии. Речь идет о воспитании нации и особенно молодежи, идущей в армию.

Православие приемлет необходимость воинского служения, воздаст должное воинскому подвигу, оно почитает Отечество несомненной ценностью и в служении Ему (в том

числе и воинском) видит одну из форм служения Богу, придавая таким образом этому служению даже вечное абсолютное значение.

Церковь всегда значительно влияет на народное воспитание; вместе с тем можно сказать, что в последнее перед революцией время она недостаточно боролась с распространявшимся мнением о недостойности воинского служения Отечеству.

Из сделанного сопоставления ясно, что армия ждет от церкви в будущем поддержки ее авторитетом непреложности тех начал, во имя которых государство зовет к служению в армии и в силу которых это служение почитает достойным и почетным.

Мы сознательно начали с того, что подчеркнули взгляд самой церкви на интересующие нас вопросы. В наших требованиях в отношении церкви нет ничего противоречащего ее собственным взглядам, следовательно, нет и призыва к насилию над ней со стороны государства. **Мы только настаиваем на том, что, живя в сотрудничестве с государством, церковь не может умыть руки в деле духовной подготовки будущих воинов Империи, воинов, которых само государство хочет сделать воинами христоролюбивыми, - в идеале - Воинами Христовыми. Церковь не может в этом случае остаться в каком-то смысле “аполитичной”.**

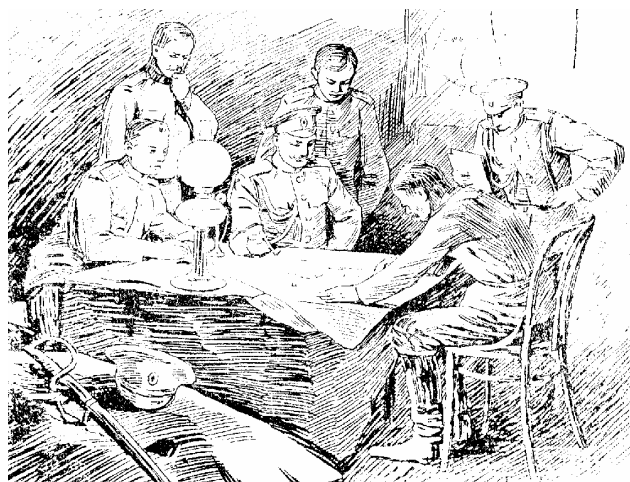
Нет, в православной Империи церковь будет интересоваться судьбами государства - сосуда самой церкви, - следовательно, и судьбами армии.

Все сказанное - мысли рядовых русских офицеров, **которые хотят учесть опыт пережитой революции и понять глубинный смысл этой трагедии.**

Закачивая главу “Армия и империя”, мы хотим лишний раз подчеркнуть, сколько новых задач встанет перед будущими устроителями Российской Императорской Армии. Мы лишь ставим сами задачи и намечаем вехи, как можно их разрешить в духе православного мировоззрения и нашей идеологии, выраженной словами: **Бог, Отечество, социальная справедливость.**

Современная армия - концентрированная нация, поэтому ей приходится разрешать много новых задач, - **почти все, что касается нации, касается и армии.** Армия должна быть во всеоружии, а мы - подготовлены к разрешению всех этих задач в недалеком будущем. Ведь они перед нами встанут.

Военный Журналист. - 1940. - № 8. - С 6-7;
№ 20. - С. 2; № 21. - С. - 3-5; № 22. - С. 2-4.

ДУХ ОФИЦЕРА В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Генерал Драгомиров М.И. писал, что война вызывает напряжение всех духовных свойств человека и показывает меру его воли, как никакая другая деятельность. То же выразил и штатский писатель Штайнмитц в книге “Социологические войны”: “Ничто не могло больше развить дарование человека, как борьба с себе подобными”. Это относится прежде всего к тем, кто, посвятив себя военной службе, **унаследовал через воинское воспитание дарования предшествовавших офицерских поколений и развил их в себе военной боевой деятельностью и подготовкой к этой деятельности.**

Это не относится к тем, кто получает ныне офицерское звание, не воспринявши **офицерской духовной наследственности.** Хрущев стал, без всяких к тому оснований, кавалерийским генералом, а аргентинский анархист Гевара (д-р Че) сам себя на Кубе наименовал майором. Такие паразиты офицерского корпуса могут обладать командными способностями и тактическим чутьем, но не могут быть обладателями истинно воинского духа беззаветного самопожертвования во имя долга. “Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов” - эти слова солдатской песни были нерушимыми “верую” для офицеров. И остались, как бы ни врывались машины в военное дело, как бы ни принижал военное искусство материалистический подход к пониманию войны.

Если в конце прошлого века такой почитатель военного разума, как генерал Мольтке, мог утверждать, что “на войне особенности характера имеют больший вес, нежели особенности разума”, то и сейчас, при воевании ракетами, джетам, радарам и электронными мозгами, свойства офицерского духа доминируют над техникой и техническим знанием. В минувшем веке офицер не нуждался в обширных

технических познаниях; в начале этого века он, не желая стать “огнепоклонником” (по Драгомировскому выражению), осторожно расширял свой технический кругозор, но теперь он должен быть во всеоружии военно-технического знания, сохраняя в то же время **военно-духовное сознание**.

О ф и ц е р с к и й д у х. Американский генерал Брэдли утверждает, что солдат Соединенных Штатов - наисовершеннейший индивидуалист в мире, то есть, что он отвечает современному требованию, предъявляемому к каждому воину: быть самостоятельным бойцом. Германский солдат в конце своего обучения проводит 7 дней в лесу, где учится ориентироваться без компаса, маскироваться и бесследно передвигаться, питаться тем, что есть в лесу годного в пищу; затем его высаживают в незнакомой местности километрах в 100 от казармы, и он, выполняя в пути тактические задания, должен за трое суток достичь казармы. Так развиваются индивидуальные способности. А склонность к их развитию не исчезла в народах. Хотя и кажется, что ее больше нет, но 10000 молодых немцев ежегодно поступает во французский Иностраный Легион, повинувшись **охоте к военной жизни**.

Если каждый солдат должен быть самостоятелен и инициативен, то офицер и подавно. Активность, “деятельность есть важнейшее из достоинств воинских”, - писал Суворов. Офицеру нужна деятельность и самодеятельность, то есть активность и инициатива для командования и выполнения задания, во-первых, и, во-вторых, для указания примера подчиненным. “Идя за офицером, Иван неустрашим”, - пишет о советском солдате Гарткопф. А генерал Манштейн требует и от генералов, включая и корпусных командиров, чтобы они в бою были со своими войсками - тогда боец не будет о них говорить презрительно: “Те, там позади...”

Офицер не должен бояться ответственности, должен любить ответственность. Бессмертны для офицеров слова, которые сказал генерал Зейдлиц в Цорндорфском бою, получив от Фридриха суровый окрик: “Пусть король располагает моей головой после битвы, а в битве пусть мне позволит пользоваться ею”. Ответственность и инициатива ходят в паре. В офицере они неразделимы. И современному офицеру они в большей мере необходимы, нежели в прежних войнах с

их сомкнутыми строями и в недавних войнах с регламентированными боевыми порядками: в мятежевойне, полной беспорядка, импровизация боевых построений и действий будет законом.

Однако, как ни огромна разница между прежним выполнением приказа и нынешним творчеством в рамках приказа, остается и сейчас в силе Суворовский завет офицеру: “Отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение”. Последние три слова включены великим полководцем и психологом на основании опыта, добытого им в двух гражданских войнах и одной революционной (против Пугачева, против поляков и против революционных французов в Италии). И эта часть его завета весьма годится для **мятежевойны**. А что касается инициативности, то Суворов был революционером в глазах генералов того времени, поучая: “Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный”. В современной войне каждый местный командир будет часто иметь случай лучше судить, нежели его высокий, но отдаленный начальник.

Возрождение поучений Суворова не означает, что офицер должен возвратиться к духу XVIII века - оно лишь означает, что Суворов на два столетия опередил свой век. Без риска впасть в ретроградство офицер должен блюсти завет еще более отдаленных времен и иметь, как учил Петр Великий, “любление чести”. **Честь - драгоценнейшее свойство офицерского духа.**

8-го января 1943 года генерал-полковник Рокоссовский предложил окруженному у Сталинграда генералу Паулюсу “прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать”. Немецкий генерал отказался, и по этому поводу генерал-фельдмаршал Маннштейн пишет: “Армия не смеет капитулировать, пока она еще как-нибудь в состоянии бороться. Отказ от этого взгляда значил бы конец воинского сознания вообще... Пока будут солдаты, должно быть сохранено это состояние воинской чести”.

Полвека тому назад честь, как и встарь, была синонимом достоинства и гордости. Достоинство требовало соответст-

вующего поведения в бою, в службе, в жизни. Гордость побуждала к дуэли при малейшем умалении чести. Бутафорские дуэли политиков перед объективами фоторепортеров сделали дуэли смешными, а гражданские законы воспретили и военным лицам дуэлировать. И гордость офицера стала в условиях нынешней общественной жизни менее вызывающей, сдержаннее реагирующей: за невозможностью надлежаще реагировать на непочтение приходится, чтобы не дать повода к непочитанию, вести себя с безукоризненным достоинством. Достоинство жить, достоинство служить и достоинство умереть. Припоминаются слова философа Сенеки: “Достоинство умереть это значит избежать опасности недостойно жить”. Офицер избегает опасности жить своею готовностью достоинство умереть, повинувшись своему священному долгу. На памятнике спартамцам, погибшем в неравном бою у Фермопил, стояло: “Путник, коль придешь ты в Спарту, оповести там, что видел ты нас здесь полегшими, как того требует Закон”. Закон долга от времени Спарты и до сего дня остался неизменным для воина-офицера.

Гражданский дух в офицере. Консервация традиционного офицерского духа необходима и в условиях современности. Но эти условия требуют и воспитания в офицере гражданского духа. “Войско есть средство, а не самоцель, оно подчинено государству, из него взято”, - говорит Штайнмитц, исследуя социологию войны. Кастовое офицерство давно исчезло, исчезло и сословное офицерство, а все сословное офицерство перестало быть изолированным организмом в обществе, в народе. Перестало по двум причинам: во-первых, профессиональный офицер перестал быть существом особенным, предназначенным для героизма и смерти ради родины; теперь такими же защитниками родины становятся сотни тысяч обывателей, мобилизованных для выполнения офицерских обязанностей;

во-вторых, воинство перестало быть государством в государстве и офицерство перестало быть абсолютным властелином воинства, ответственным только перед главою государства; воинство - в особенности во время войны - всенародно и поэтому живет и действует, мыслит и чувствует вместе с народом, находясь под наблюдением ведущего слоя

народа, общественности; а поэтому и корпус кадровых офицеров погрузился до известной степени в общественность.

Священник, офицер, педагог, литератор, политик формируют душу народа. Отличие офицера от прочих четырех воспитателей состоит лишь в том, что те учат, как достойно жить для родины, а он учит, как достойно умирать за родину. Борьба с себе подобными, то есть война и подготовка духа народа к войне, развивает не только воинские качества, но и многие социальные добродетели: например, самопожертвование, подчинение своего “я” национальному “мы”, бескорыстное сотрудничество ради государственной пользы. Общество может этого не сознавать или не признавать, а если и признает, то не позволяет офицеру выделяться выше среднего общественного уровня. Не позволяет ему даже выделяться внешне и воспрещает ношение военной формы вне службы. Это причиняет огорчение офицерам старого закала, считающим, что внешний вид воина влияет на его мораль и что прежнее обязательное ношение формы побуждало офицера всегда быть на высокой моральной высоте. Однако, объективные условия службы и жизни современного офицера побуждают считать естественным принятие офицером гражданской внешности во внеслужебное время: форма выделяет его из среды граждан, препятствует гражданам считать офицерство всенародным и затрудняет офицерству чувствовать всенародность своего призвания. Высший чин нынешнего германского “бундесвера”, полковник князь фон Кальманнсегг, взращенный офицерскими и дворянскими традициями прежней армии, сотрудничал с военным министром Теодором Бланком, человеком из рабочего класса и, в прошлом, деятелем в профессиональных союзах; такое сотрудничество - необходимое в современной обстановке - возможно только в том случае, если офицерство не будет ни внешне - постоянным ношением формы, - ни внутренне - психологической самоизоляции - категорически отмежевываться от общественности.

Однако, не отмежевываясь от различных социальных слоев, **офицерство должно среди этих слоев составлять образцово-этическую группу:** если иные группы граждан мо-

гут в своей среде терпеть своекрыстие, шкурничество, беспринципную изворотливость, циничный эгоизм, то в офицерском корпусе такие болезненные явления не могут быть терпимы: офицерство должно быть доблестным, а “истинная доблесть проистекает только из чистого источника” (генерал Головин). Генерал Омер Бредли считает большим счастьем для американского воинства, что в нем, как и во всех прочих деятельности, каждый гражданин имеет возможность стать ведущей личностью. Таково сознание демократического полковника демократической страны: **офицер - не какое-то особенное существо; офицер - особенный вид гражданина.**

Офицер, ставши гражданином, лишился своей традиционной привилегии: не участвовать в политической жизни народа, не пользоваться избирательными правами. Эта привилегия давала ему возможность и возлагала на него обязанность стоять на страже только основных интересов, не снижаясь до участия в борьбе временных или частных, или антинациональных интересов. Отсюда проистекала **возможность для офицерства брать на себя роль арбитра при обострении в стране партийной борьбы, при опасности нарушения основных законов государства или ломки национального единства народа.** Политическим партиям мерещился призрак **бонапартизма**, мак-магонизма, и они всеми силами боролись за снижение роли офицерства в государстве. Самым действенным средством в этой борьбе было предоставление офицеру избирательных прав: кто голосует и тем самым втягивается в партийность, тот не может быть надпартийным арбитром. Однако, жизнь оказывается сильнее политического фантазирования, и в последние годы во многих землях - Франция, Аргентина, Египет, Иордания, Судан, Пакистан, Турция, Индонезия, Сиам, Лаос, Южная Корея и т.д. - **офицерство увидало себя вынужденным взять власть в свои руки или своей мощью поддержать власть.** И людям, приходящим в отчаяние от всеобщей неустойчивости властей в наше время, перестает казаться недопустимым прекращение “военщиною” партийной распри в народе. В июне 1960 года заседавший в Берлине “Международный Конгресс Куль-

турной Свободы” продебатировал тему “Интеллигенция и военные в современном государстве”, причем докладчиками были колумбийский дипломат Г. Арсиньегас, американский профессор социологии М. Бергер и пакистантский высокий комиссар Брохи; была принята резолюция о совместимости власти военных со свободолобивыми принципами демократии; такое властвование - сказано в резолюции - должно вести к социальным реформам, народу желательным, к отмене тоталитарных методов и к установлению работоспособной парламентской демократии.

Здесь спорны понятия “демократия”, “работоспособный парламент”, “тоталитарные методы”, “желательные народу социальные реформы”, но бесспорно и **разумно признание, что бывают случаи, когда военные должны подпереть государство и когда государство вынуждено опереться на военных.** Известна фраза Кавура: “Штыки кое для чего годятся, но только не для сидения на них”. Но Кавур глубоко заблуждается, думая, что власть, нашедшая опору в войске, сидит на штыках - нет, она стоит на моральном основании, на верности офицерства государственной идее. Офицер, перестав быть обособленным существом, приблизившись к иным группам граждан, даже (есть и такие государства) ставши гражданином-военным-специалистом, остается гражданином образцовым в смысле осознания своего долга перед государством и только перед государством, но не перед какой-либо социальной, партийной, племенной и т.д. частью его. Как бы демократична ни была структура государства и общества в нем, как бы современно и демократично ни было его офицерство, оно остается наиболее ярким, по сравнению с иными группами, выражением государственного мышления и служения.

Э т и ч е с к а я б а з а о ф и ц е р с к о г о д у х а. На пушках Фридриха Великого стояли слова “Ultimo ratio regiorum” - последний довод королей в международных спорах. **Последним доводом государственной идеи бывали и будут офицеры.** Но не преторианцы, по своему буйному хотению низвергающие и возносящие правителей, не авантюристы, пытающиеся во главе одного полка, или только батальона,

совершить переворот в свою пользу, не офицеры-политиканы, ставящие себя в распоряжение партии, рвущейся к власти. **Только такие офицеры имеют право в революционной обстановке нынешнего времени вступить за державу, которые исполнены державного сознания и рыцарской этики.**

Вот облик офицера-рыцаря: "...В нем не было фальши. Скромнен, доброжелателен, всегда готовый помочь; серьезен в своих понятиях, но в то же время весел; без эгоизма, но с чувством товарищества и более того - любви к людям. Его ум и его душа были открыты всему доброму и красивому. В нем наследие многих поколений солдат; но потому именно, что он был воодушевленный солдат, он был в то же время и носителем благородства в полном смысле этого слова, был человеком и христианином" (Ф. Маннштейн, "Проигранные победы"). Было время, когда все или, во всяком случае, многое благоприятствовало выработке рыцарства в офицерах. Сейчас, если не все, то многое не благоприятствует этому: Всемирная Революция, нивелируя всех по уровню средних и ниже средних, старается упразднить духовно высших. Поэтому культивирование рыцарства, не требовавшее прежде больших усилий, стало теперь требовать от каждого рыцаря большой и непрестанной работы над собой, а от рыцарства в целом - заботливого и скрытого сбережения рыцарского духа. Скрытого потому, что **массу ныне раздражает чье-либо духовное превосходство: его надо влагать в дело, не выставляя его напоказ. "Больше быть, чем казаться" было лозунгом офицеров Генерального штаба. Быть рыцарем, не нося знаков рыцарского достоинства, - лозунг современного офицерства.** В этом - одна из трудностей офицерской профессии в современных условиях. Другая трудность существует в войсках народов, которые, будучи по природе своей монархичны, лишены (вследствие современного политического поветрия) монархии. В войске воплощением воинского долга является иерархия: командир, полководец, верховный вождь. В монархических народах ни "культ личности", ни доверие к избранному правителю не могут заменить верности государю, как символу государства и

верховой военной власти. На этой верности основывается у них сознание долга воинов. И честь офицеров, офицерская этика.

Теперь офицеру стало легче быть этичным, чем встарь, потому что **этика офицера стала облегченной**. Прежде этика говорила: не убивай безоружных, беззащитных. И офицер избегал на войне действий, которые вели к неоправданному убиению, перебарывал в себе эмоции, которые могли бы побудить к свирепости, мстительности, кровожадности. А сейчас этика рекомендует: **п о в о з м о ж н о с т и** избегай убийства безоружных и беззащитных, а если этого избежать нельзя, то избирай такие цели, чтобы эффект был достигнут со сколь можно меньшим истреблением. Эта облегченность этики проистекает не от снижения морального уровня офицера, а от свойств современного оружия и способов нынешнего воевания: ракеты дают рассеивание, достигающее километров, а потому, направляя ее на военный объект, нельзя избежать попадания в пункты, населенные беспомощными людьми; атомная бомба, даже удачно нацеленная на военный объект, покроем вредоносными излучениями значительное пространство, поражая старцев, младенцев, инвалидов; воевание не одним лишь воинством, а целым народом делает необходимым нанесение ударов не только по вражескому воинству, но и по населению вражеской страны, независимо от пола и возраста; коварные действия иррегулярно воюющих групп населения побуждают воинство (уже хотя бы в целях самообороны) к принятию таких контрмер, как карательные экспедиции, расстрелы заложников и т.п.

Однако, **снижение этических требований не должно вести к упразднению этических требований**. Безнравственен принцип англичанина: Right or wrong - my country (худо ли, хорошо ли - это моя родина). **Должна быть мера в оправданиях худых действий из патриотических побуждений**. И эту меру ставит евангельский завет солдатам: "Никого не обижайте" (Луки 8. 14). Это требование, как и многие иные заповеди, возглашенные Евангелием, являются идеальными, не вмещающимися полностью в практику жизни. Поэтому

практическая этика офицера выразится в словах: не убивайте, не обижайте без необходимости.

В те времена, когда меч казался единственным оружием, Суворов мог возгласить принцип: **благородством побеждают**. В нынешнюю эпоху, когда идея стала мощным оружием, офицер не должен пренебрегать благородством как средством достижения победы. Если даже такое абсолютное учение, как христианское, не могло уберечь христианский дух от колебаний (были века подъемов и века снижений), то рыцарский дух и подавно не может быть абсолютом: **как бы высок или низок ни был моральный уровень данного народа в данную эпоху, рыцари этого народа - офицеры - должны стоять на более высоком моральном уровне, нежели лучшие группы или слои народа**. Платон сказал в древности: “Существуют более красивые безумства, нежели мудрость”. Нет сомнения (во всяком случае, для офицеров нет сомнения), что **краше мудрости, краше всех прочих “безумств” рыцарское “безумство” - честь**.

Месснер Е. Современные офицеры. - Буэнос-Айрес: Южно-Американский Отдел Института по исследованию проблем войны и мира имени генерала профессора Н.Н. Головина, 1961. - С. 25-34.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П. Краснов

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ **Отношения с офицерами**

<...> **П**режде всего, как это ни грустно, но надо признать, что в армии был антагонизм между ее частями... "Из гвардии!.." "Третий командир полка в дивизии из гвардии!.." "Что же в армии разве наши хуже?.." "Из школы!.. Мудрит... В руках как-то работать лошадей заставил... Офицерская езда каждый Божий день... На чистку ходи!.. Покоя нет... И обращение... Не по имени-отчеству, а "хорунжий такой-то", "сотник такой-то..."

Так уж повелось, что какой бы прошлый командир ни был, - он хорош! "Что прошло - то будет мило"... Новый же никуда не годится. Мой предшественник, Генерального штаба полковник Лащилин, и точно был прекраснейшим человеком. Он командовал полком "на ценз", любил семью, карты, собрание, милую беседу и, главное, чтобы "все по-хорошему", без обиды.

У меня же - всякая вина виновата. Казак провинился, а его вина на командире сотни взыскана. Всякая мелочь попадает в приказ, задевает самолюбие.

Началась борьба.

Сначала ждали, сжимаясь. "Новая метла". Подождем - ошарпается. А "новая метла" нажимала все сильнее, все туже.

Первое столкновение не замедлило произойти.

Я был очень занят. Прием полка, налаживание по-новому занятий, необходимые и неизбежные визиты чинам всего гарнизона отнимали все мое время и не удавалось поговорить с офицерами и дойти до "точки".

Между тем наступили праздники Рождества Христова. В офицерском собрании для детей зажжена была елка, мо-

лодые дамы и барышни танцевали, трубачи играли - все шло по-хорошему.

На крещение, 6-го января, на реке Лабуньке была приготовлена крестообразная прорубь для водосвятия. Мы были в Холмской епархии архиепископа Евлогия. Епархия была сложная и трудная - тут и воинствующие, поддержанные богатыми помещиками католики, и придавленные, угнетенные униаты, и православные, которым от Владыки был дан приказ высоко держать знамя Православия. Водосвятие должно было сопровождаться большой церемонией, с пушечной пальбой. Оба казачьих полка должны были стать шпалерами от церкви до реки, а потом участвовать в параде.

Я был в церкви. К концу обедни полковник Хорошилов должен был построить полк и приготовиться для встречи крестного хода. После "Отче Наш" я вышел из церкви, чтобы осмотреть полк и поздороваться с казаками.

Был порядочный "Крещенский" мороз. Длинные шеренги сотен в новых шинелях, в папах с алыми тумаками и начерненных ремнях амуниции под ярким солнцем и голубым Замостским небом, - а оно, по отзывам о. Бекаревича, Ницскому не уступит, - выглядели прекрасно. Но перед взводами никого. "Смирно" мне скомандовал вахмистр 1-й сотни.

- Где господа офицеры?..

- Ушли в собрание, ваше высокоблагородие, погреться.

Мне очень трудно было в присутствии казаков сдержаться и ничего не сказать. Я послал сопровождавшего меня дежурного по полку за офицерами, а сам пошел вдоль полка. Ни одного офицера не было ни в сотнях, ни в батареях. Очевидно, это "так и полагалось".

По окончании церемонии, когда сотни расходились по казармам, я приказал офицерам собраться в полковой артели и построиться по сотням. И был "разнос" в холодной, очень вежливой, очень корректной и потому наиболее обидной и неприятной форме с напоминанием о святости строя, о долге офицера быть всегда при своей части и никуда не отлучаться от команды, словом, было сказано все, что полагается в таких случаях сказать. После парада

предполагался общий завтрак; я сухо поблагодарил пригласившего меня старшего полковника и ушел к себе.

Лед установился между мною и г.г. офицерами. Я знал, что меня в полной мере оправдывал только Иван Николаевич Фарафонов, да заступался за меня, впрочем, только по обязанности полкового адъютанта, Бочаров, да они двое и ближе узнали меня за этот первый месяц моего командования полком.

Но это прохладное отношение не только не смутило меня - оно во многом мне помогло. Я устанавливал новое расписание занятий - каждую неделю у меня один день, и зимою, посвящался маневру в поле. Одну неделю маневр был дневной - выступали со светом, возвращались к ночи, другую неделю маневр был ночной - выступали перед сумерками, возвращались к рассвету. Я завел, кроме того, специальные ночные занятия для команды связи, с разведчиками, а иногда и целыми сотнями. Если не было общего конного учения, то обязательно бывала офицерская езда или в манеже (открытом, конечно), или в поле, раз в неделю бывала стрельба офицеров из винтовок или револьверов, причем я постоянно напоминал, что в Сибирском казачьем полку, которым я командовал, эта стрельба неизменно давала полные сто процентов, моя мишень была тому наглядным доказательством - 5 пуль из винтовки, 7 из нагана всегда лежали в ней кучно и близко к центру. Для младших офицеров были три раза в неделю по вечерам гимнастика и фехтование, ну и, конечно, были и тактические занятия, очень скоро вылившиеся в захватывающую военную игру на той самой местности - кто тогда мог о том подозревать!.. - где через полтора года пришлось играть уже со смертью.

Следуя духу тогдашнего "перед военного" времени, я упрямил в офицерском собрании буфетную стойку, уничтожил продажу водки и вина и заменил их квасами и фруктовыми водами. Такая мера на моих глазах была проведена в Офицерской стрелковой школе ее начальником генералом Розеншильд-Паулиным и дала благие результаты. Здесь, у меня, эту меру оценили сразу только полковые дамы, бюджет которых увеличился почти вдвое.

Проводить все это при прохладном ко мне отношении г.г. офицеров было легче. Никто не пытался меня убеждать, отговаривать, доказывать, что “это невозможно”, словом, делать все то, что полагается делать с “хорошим человеком”. Я сразу попал в плохие, неприятные, неудобноносимые начальники, может быть и хуже ругали меня еще за глаза мои “господа” - но все воспринималось покорно и без возражений.

- Слушаюсь, господин полковник!..
- Будет исполнено, господин полковник!..
- Как прикажете, господин полковник!..

“Господину полковнику” провести все эти очень тяжелые и трудные мероприятия было много легче, чем “Петру Николаевичу” - отцу-командиру, душе общества.

Лед, однако, начал постепенно таять. Когда тугоуздые, дурноезжие, не идущие на препятствия офицерские лошади, после работы по Школьной системе начали становиться мягкими на повод, послушными и стали прекрасно прыгать, - офицеры после езды не расходились, молча, но подходили ко мне, спрашивали совета, указаний, расспрашивали о школьной работе или смотрели, как я работал свою лошадь и как мягко ходила она у меня на уздечке, делая высшую школу.

Еще подался и стал мягче лед после следующего случая. Однажды, после гимнастики, меня обступила молодежь, и лучшие мои гимнасты хорунжие Шляхтин, Протопопов, Тропин и Беляев стали говорить о том, что они готовят “шикарный” гимнастический номер к нашим “конкурам” и что хорошо было бы показать этот номер в гимнастических фуфайках с вышитыми гербами, легких панталонах (тогда еще не было бесстыдной моды ходить в трусиках) и башмаках.

Я им ничего не сказал и не обещал, но, придя в канцелярию, где ярко горели лампы над столами Фарафонова, адъютанта и делопроизводителя, где было светло, тепло и как-то озабоченно, не сел за свой командирский стол, а пока адъютант зажигал мне лампу, подсел к хозяйственным столам.

- Иван Николаевич, - сказал я Фарафонову, - не выйдем мы из сметы, если закажем на всю нашу офицерскую молодежь гимнастические костюмы?

- А вот, посмотрим, - сурово сказал мой помощник. Он выглядел в очках особенно неприступным и серьезным. - Дайте-ка мне, - кинул он в писарскую комнату, - каталоги, что прислали намеренно из Варшавы.

Как я и знал, полк мог дать мне эти несколько десятков рублей.

Тут уже пристал ко мне адъютант, чтобы для такого случая я разрешил всем хорным трубачамшить наплечники, белые с алою строчкой. Это было совсем незаконно. Штатного хора полку не полагалось, а нештатным трубачам, естественно, нельзя было носить наплечники. Я разрешил - это же почти ничего не стоило. Тогда адъютант стал просить, чтобы были куплены фанфары...

- Господин полковник, уже, пожалуйста, с синими бархатными подвесками, с вышитыми серебром цифрами "10" и с серебряной бахромой.

Дело в том, что в 9-м Донском казачьем полку такие фанфары с подвесками уже были.

Фарафонов пощелкал на счетах.

- Что же, - суровым басом сказал он, - можно купить и фанфары... С подвесками... Денег хватит.

- Пошлите-ка, Константин Помпеевич, - сказал я, - за хорунжим Шляхтиным.

На другой день хорунжий Шляхтин поехал в командировку в Варшаву, а дня через три у нас гимнасты оделись в костюмы, а трубачи начали разучивать фанфарные марши.

Как ошибаются те, кто думает, что, обряжая армию в уныло-серый цвет, лишая ее всяких отличий, имен, званий, шефов, пестроты красок, он следует духу времени - применение к местности!.. защитный цвет! Он только угашает живой дух, мертвит армию... В унылой, беспросветно скучной жизни глухого местечка, вдали от железной дороги, где нет никаких развлечений, сколько радости доставляет всякая мелочь, выделяющая нас от других.

- В 10-м полку фанфары!.. С подвесками!
- В 10-м полку офицеры гимнастику делают. Да ка-а-к! В костюмах!..
- В 10-м полку трубачи наплечники надели. Кр-р-расиво как!..

Об этом говорит весь гарнизон. Об этом щебечут барышни, генеральские дочери Поляковы, об этом сказала сама Зинаида Алексеевна Вершинина, дочь Начальника дивизии. Об этом на переменах говорят гимназистки и гимназисты, об этом говорят все евреи местечка и валом валят к гарнизонному саду смотреть, как будут играть трубачи с наплечниками и с фанфарами с подвесками...

Лед сильно подался.

Он подался еще сильнее, когда в неизбежных столкновениях между чинами полка и еврейским населением командир полка круто стал на сторону офицеров и казаков, и были сказаны, а потом и подтверждены приказом “сакраментальные” слова: “Звание казака-солдата высоко и почетно. Сам Государь Император носит это высокое воинское звание. Предписываю беречь его. Казак обязан уступать дорогу женщине, ребенку и старику, какого бы звания они ни были, хотя бы - нищие. Все прочие должны давать дорогу казаку”...

Дело в том, что после беспорядков 1905-го года еврейское население обнаглело, начальство же, не получая поддержки сверху, растерялось и во всяком столкновении между “штатскими” и “военными” - **всегда попадало военному, как легко достижимому дисциплинарной руке начальника.**

Столкновения были часты. Они почти всегда носили вызывающий, теперь сказали бы - “провокационный” характер. Приведу пример. Офицер, уже не помню кто именно, но помню, что кто-то из самих смиренных и скромных сотников, вел взвод мимо мужской гимназии. Взвод шел строем по шести, только что подсчитали ногу, и ее четко отбивали по мостовой. Великовозрастный гимназист-еврей, сын, кажется, городского головы или кого-то другого, словом, сын кого-то богатого, а потому считавший, что ему все позволено,

подстрекаемый своими товарищами, ворвался в ряды казаков, чтобы через них перейти на другую сторону улицы.

Мы учили всегда - фронт святое место, куда посторонний не может залезать. Еврею дали по загривку так, что он турманом вылетел из фронта.

Это было часов в 10 утра. От 12 до 1 ч. у нас была офицерская стрельба из револьверов. Мы стреляли в старом крепостном валу под штабом дивизии. Я только что выпустил свои семь пуль, как оружейник, выдававший патроны, доложил мне, что какие-то “господа жидаы” желают меня видеть.

- Скажи им, что я от 2-х часов буду в канцелярии и там приму их.

- Я им уже резонил это, ваше высокоблагородие, да они дюже наступают, и они уже здесь.

Я обернулся от “линии огня” - и точно, три почтенных иудея направлялись ко мне на самую линию огня.

- Господа, - сказал я им, - на стрельбище посторонним лицам ходить не разрешается.

- Господин полковник, мы к вам с жалобой... На вопиющий, возмутительный поступок, на зверское поведение ваших офицеров, избивших сына господина...

- Очень хорошо... Вы мне все это скажете в канцелярии, а сейчас потрудитесь удалиться со стрельбища.

Они, ворча что-то под нос, ушли. Ко мне в канцелярию они не заявлялись, но вечером я был вызван к Начальнику дивизии. На меня уже была подана жалоба, скрепленная многими подписями, за то, что я допустил избиение казаками сына такого-то и что, когда ко мне пришли с жалобой, на это я, “угрожая револьвером”, прогнал жалобщиков.

Медицинский осмотр, произведенный частным врачом, не подтвердил того, что гимназист был избит, на нем и синяков не оказалось. Что касается до угроз револьвером, то их, конечно, не было, ибо я знаю, как надо держать револьвер, когда он в руках и хотя бы и не заряжен. Все это я сказал Начальнику дивизии.

- Все это так, Петр Николаевич, но у вас был револьвер в руках?

- Так точно, ваше превосходительство, был. Я был на стрельбище и только что кончил стрелять. Революеры были у всех офицеров.

- Ну вот видите... Что вы думаете делать с офицером, который вел взвод, и с казаками?

- Отдам в приказе благодарность за сознательное ощущение святости воинского строя.

- Ах, Петр Николаевич!.. Оставьте все эти взгляды. Не в такое время мы живем... Я вас понимаю, но поймите и вы меня, я устал с вами возиться... Я сам ничего предпринимать не буду. Но и пошлю жалобу по команде. На обоих Лазаревых с субботы лежат жалобы... Управляющий имением графов Замойских жаловался уже прямо на вас...

- Этот-то на что?

- Вы ездили с офицерами по графским лесам?

- Да, ездил... Позапрошлый четверг... Я делал полевую езду. Был глубокий снег, и мы ничего не могли потоптать.

- Управляющий говорил, что вы могли потоптать молодые посадки.

- Я видел посадки, и мы их объехали.

- Управляющий и не говорит, что вы их потоптали, он сказал: вы их могли потоптать. Я послал жалобу в штаб корпуса.

Я знал, что у Начальника дивизии опасно больна жена, и сам он очень страдал от тяжелой хронической болезни и уже подал прошение об отставке. Я понимал, что ему нелегко, но сотнику, ведшему взвод, и казакам я отдал благодарность в приказе и напомнил о святости фронта и о нашей обязанности этот фронт защищать от всяких посягательств.

Лед окончательно подался, но растаял он совершенно лишь в феврале, когда полк праздновал 100-летний юбилей своего существования.

* * *

На 23-е и 24-е февраля выпадала 100-летняя годовщина сражения с французами под Краоном-Лаоном, когда в снежную вьюгу казачьи полки Мельникова 4-го и Мельникова 5-го, родоначальники 9-го и 10-го Донских казачьих

полков, с “превеликим мужеством” атаквали французские пехотные каре, рассеяли и порубили их, чем способствовали общей победе, за что были награждены особыми знаменами.

Государь Император в ознаменование столетнего юбилея этого сражения пожаловал 9-му и 10-му Донским казачьим полкам новые знамена с юбилейными лентами. На эти дни в полку намечались большие торжества. Начальник дивизии разрешил ассигновать на устройство юбилейных празднеств 5000 рублей из хозяйственных сумм полка.

Это теперь, когда мы познакомились с “керенками”, с украинскими карбованцами, Донскими рублями, Добровольческими “колокольчиками”, Северо-западными “крылатками”, когда привыкли жить на динары, леи и франки, - мы потеряли ощущение настоящего полновесного Русского рубля. Тогда, в довоенное время, покупательная сила рубля была громадна, и пять тысяч рублей были суммой, позволявшей широко отпраздновать полковой юбилей.

Между мною и командиром 9-го полка было решено, что в знак общей работы полков Мельникова 4-го и Мельникова 5-го под Краоном полки обмениваются подарками.

Вот здесь-то, в подготовке к юбилейным торжествам, мне очень помогли мои петербургские связи. Не в том смысле, как принято разуметь это слово, но мои знакомства и дружба с людьми талантливыми, с художниками, музыкантами, печатниками и вообще со сведущими людьми. Я их широко использовал.

Мой друг и товарищ по Л.Гв. Атаманскому полку генерал-майор в отставке Николай Павлович Карпов был прекрасным художником и скульптором. Он окончил Академию Художеств с большой серебряною медалью. По моей просьбе он вылепил из воска статуэтку Донского казака на лошади времен Отечественной войны и в форме 1814-го года. Эту прекрасно вышедшую статуэтку исполнил в серебре известный Петербургский ювелир и гравер Кортман. Она была поставлена на каменный пьедестал с накладными буквами соответствующих случаю надписей.

Полковник Л.Гв. Казачьего полка Сергей Александрович Траилин, известный композитор, автор многих симфоний и

оперы “Тарас Бульба”, по моей просьбе написал для полка встречный юбилейный марш, в который темами вошли - Русский гимн Александровских времен, мотивы Марсельезы и казачья песня “Войско Платова героя”. Я провел этот марш по команде, и он был утвержден для полка. Это было новшество, так как до сего времени свои полковые марши имели только гвардейские полки, все же армейские полки имели один общий “Войсковой” марш, составленный при генерале Хрещатицком из казачьих песен. **Свой полковой марш поднимал полк в глазах офицеров и казаков.** Мы очень волновались, утвердят ли его за полком... навсегда?.. **Когда была Империя, мы верили, что есть такое слово - навсегда!**

Другой мой товарищ по Атаманскому полку есаул Алексей Акимович Карпов, служивший в это время в Москве, по моей просьбе снял копии в Лефортовском архиве со всех наградных дел, касавшихся полка Мельникова 5-го, что дало мне возможность составить краткую памятку столетнего существования полка и особенно подробно все сделанное полком во время сражения под Краоном. Мои хорошие отношения с Р.И. Голике помогли мне заглазно издать в типографии Голике и Вильборг, одной из лучших Петербургских типографий, эту памятку, снабдив ее портретами Государей, командиров полков, изображениями старого и нового знамен и сцен полковой жизни. Мой друг, художник Н.С.Самокиш, украсил книгу своими рисунками и виньетками. Вышла очень приличная книжка, которая была роздана всем офицерам и казакам полка.

Командированный в Петербург офицер отыскал в Интендантском музее формы полка 1814-года, образцы оружия и снаряжения, и мои портные, знавшие меня с первого моего чина, и поставщики снаряжения - Каплан, Скосырев и Шаф изготовили мундиры, портупей, банделеры и сабли того времени, а из Артиллерийского музея были получены карабины и пистолеты.

До юбилейных дней оставалось каких-нибудь полтора месяца, и всем моим друзьям, всем офицерам и казакам нужно было лихорадочно напряженно работать. Занятия и

маневры в полку не прекращались. Сам я работал по ночам, чтобы все успеть сделать к сроку.

Наш юбилей был событием не только в Замостьи, но и во всей округе, ожидалось гости из частей гарнизона, от 9-го Донского полка, от 7-го уланского Ольвиопольского полка из Грубещова, нашего соседа... Прибивка знамени, парад, торжественный официальный обед, бал и казачий спектакль, который готовила пулеметная команда, - все это нужно было подготовить, разучить, срепетировать, чтобы не ударить в грязь лицом, чтобы нигде не было ни сучка, ни задоринки.

Вот в эти-то дни, когда весь полк сверху донизу работал с полным напряжением, и растаяли последние льдинки между мною и господами офицерами.

Краснов П. Накануне войны / Русский Инвалид (Париж). - 1935. - №№ 86, 87.

**ПО ПОВОДУ РАССКАЗА А.И. КУПРИНА
«ПОСЛЕДНИЕ РЫЦАРИ»**

Мы не стали бы останавливаться на этом рассказе, если бы он не был написан нашим блестящим писателем, к чьему голосу мы привыкли прислушиваться и чей прекрасный талант с давних пор любить и уважать.

Рассказ написан в дидактической форме и имеет целью показать тяжкие грехи *императорской* Армии. Плохо поставленная военная академия, учившая не тому, что нужно; отсутствие хорошей военной литературы, могущей увлекать описанием блестящих подвигов; безобразие, пьянство и кутежи некоего Великого Князя; “красная опасность”, состоявшая, по словам одного из персонажей рассказа, ген. Л., в том, что “едва обыкновенный человек надевал красные генеральские лампасы, как немедленно же глупел, терял память, соображение, умение обращаться с человеческой речью и обращался в надменного истукана”... В рассказе говорится о “дырах в *императорской* Армии, наделанных правящим классом и подхалимством теоретиков”. Оканчивается рассказ печальными рассуждениями о том, что “героические планы и вдохновенные бои отошли в область преданий. Теперь масса давит массу, теперь шпионаж и телефон решают исход сражений”... С желчью повествуется и о “великих стратегах Генерального штаба, заседающих в Петрограде и никогда не видавших войны, даже издали”... И, так как герой рассказа кавалерист, то рассказ заключается следующим замечанием о кавалерии: “Вскоре (после начала войны) кавалерия стала ненужная и совсем бесполезна”...

Повторяю: мы не стали бы останавливаться на этом рассказе, если бы он был написан каким-нибудь штатским пацифистом, ничего не понимающим в военном деле, - но написанный А.И. Куприным и напечатанный в самой распространенной и лучшей русской эмигрантской газете*, - он требует

* Речь идет о парижской газете “Возрождение” (№№ 3196, 3198 за 1934 г.). - Сост.

серьезного разбора. В эмиграции много молодежи, или совсем не знающей *императорской* России и ее армии, потому что она родилась за границей, или знающей о них только понаслышке, потому что выехала она из России в раннем детском возрасте.

Между тем, определенные даты рассказа, упоминание в нем о Великом Князе, о ген. Леере, о ген. Л., “командующем окраинной армией”, в котором читатель невольно увидит ген. Лечицкого, - заставляют считать, что этот рассказ написан неспроста, что в нем изображена некоторая историческая быль, т.е. то, что действительно было и наводит на очень грустные размышления о русском прошлом.

Но... Так ли это было?..

Когда писатель творит из головы, руководствуясь только своей фантазией, он может изображать людей такими, какими он пожелает. Создавая свой художественный “*Поединок*” и в нем некий пехотный полк, А.И. Куприн мог наполнить его только отрицательными типами: полковник Шульгович, Лбов, Веткин, Николаев, Бобетинский, Ромашев, Назанский - и, наконец, самый полк - это фантазия автора. А.И. Куприну могут сказать:

“Такого полка в Русской армии не было”; он ответит: “Я и не говорю, что такой полк был. Этот полк создан моим художественным замыслом, и потрудитесь принимать его таким, каким я его изобразил”...

Как только в художественный замысел входит подлинная жизнь, части и люди, действительно существовавшие, - художник уже связан правдой, он может писать только то, что было, в худшем случае - то, что могло быть. Таков А.И. Куприн в “*Юнкерах*”. И вот, вместо ничтожных героев “*Поединка*” появляются тепло изображенные, любовно выписанные типы юнкеров и училищных офицеров. И чувствуется, что их автор любит искренней любовью и пишет о них только правду. Генерал Анчутин, Хухрик и Дрозд, Володька Рославлев и капитан Ходнев - со всеми достоинствами и недостатками отразились в творчестве автора, как в зеркале. В ярком изображении юнкеров и их жизни нет искажения.

Совсем другое в рассказе “*Последние рыцари*”. Рассказ написан, как бы некое отражение давнего - до Японской вой-

ны - и недавнего - времен Великой войны - времени. Но в нем не только то, чего никогда не было, но то, чего и не могло быть.

Начнем с мелочей. Герой рассказа - капитан кн. Тулубеев, к-р эскадрона Липецких драгун. В кавалерии капитанов не было, но были ротмистры... Мелочь... пустяк... но для писателя, пишущего на военную тему, - существенная... "Еще будучи "зверем" в Петербургской кавалерийской школе, Тулубеев вызвал на дуэль одного из товарищей"... "в наказание разжалован в солдаты в пехотный полк"... "Петербургской кавалерийской школы" не существовало, но было Николаевское кавалерийское училище. Дуэли между юнкерами были вообще невозможны, но, если бы такая дуэль и была, юнкер Тулубеев не мог быть разжалован в солдаты, потому что юнкера - нижние чины унтер-офицерского звания, т.е. солдаты. Такой юнкер мог быть лишен унтер-офицерского звания и отправлен рядовым в какой-либо полк... Тулубеев поступает в Академию Генерального штаба и у него хватает "терпения окончить оба академических курса"... В Академии было три курса: младший, старший и дополнительный. Тулубеев говорит ген. Лееру, начальнику Академии: "Меня тянет в мой Липецкий драгунский полк с его амаратовым ментиком и коричневыми чикчирами"... Драгуны ни ментиков, ни чакчир не носили - это была принадлежность формы гусар. Коричневых чакчир вообще ни в одном полку не было. В описываемое время - время, когда генерал Леер был начальником Академии Генерального штаба - восьмидесятые и начало девяностых годов прошлого столетия - вся наша конница была драгунская и гусар было только два гвардейских полка...

Рассказывая полковым товарищам об Академии, Тулубеев говорит: "Что за черт, молодые тренируют себя, чтобы быть водителями планетарных армий и ни один не умеет сесть на лошадь"... "Тайна победы будет принадлежать изобретателям, химикам, физикам"... "какую роль вы отведете самой отважной кавалерии в такой войне, когда эскадрилья бомбососов будет способна в течение одной ночи разрушить в прах такой город, как Берлин, или Лондон, когда разведка и командование дивизии и корпуса будут перебрасываться на сотни

верст с бешеной скоростью в колоссальных автомобилях” и т.д.

В Николаевской Академии Генерального штаба все офицеры пехоты, легкой артиллерии и инженерных войск обучались верховой езде, во времена генерала Леера - в манеже 1-го кад. корпуса, а во время полевых поездок были верхом. Ездить они, во всяком случае, умели... В конце восьмидесятых годов только-только появился двухколесный велосипед!! Летали только на сферических, неуправляемых шарах. Даже проволочных полевых телефонов не знали и, конечно и не подозревали о возможности телеграфа беспроводного!.. Ни автомобилей, ни самолетов не было, и самая возможность их казалась, до изобретения двигателя внутреннего сгорания, проблематичной. Самого слова “эскадрилья” - не существовало!

По окончании Академии Тулубеев не мог быть корнетом: он был поручиком, или вернее, - штабс-ротмистром.

Книгу “Рейды и набегі Американской конницы”, о которой с таким неодобрением отзывается словами Тулубеева А.И. Куприн, написал не Сухомлинов, а полковник Сухотин, - и написал ее блестяще. Она была великолепно издана Березовским, со многими планами, схемами и портретами вождей Американской конницы. Читалась она, как роман, все мы ею увлекались. То же самое и о какой-то таинственной книге о войне Северян и Южан, о которой говорит генерал Леер, что ее нигде нельзя достать, что единственный экземпляр этой книги находится в Вашингтоне, - все это странная придумка самого А.И. Куприна. “Война Северян и Южан” существовала и на русском языке и была подробно описана, и всякий, кто ею интересовался, мог ее изучить, просто, в России.

И так - на каждой строке!..

Между прочим, в рассказе повествуется о ген Л., который в бытность свою ротным командиром в одном из гвардии пехотных полков “изумил весь военный Петербург своей независимостью и самостоятельностью”... “К роте полковника Л.” (ротами командовали не полковники, но капитаны) “был причислен младшим офицером один из юных Великих Князей, уже успевший прославиться в Питере кутежами, долгами, скандалами, дерзостью и красотой”... Этот Великий Князь -

“князек”, как называет его А.И.Куприн - опоздал на “строевой плац на целых три минуты” и явился пьяным к роте. Полковник Л. прогнал его с плаца. “Этот скандал, - пишет А.И. Куприн, - “не дошел до ушей посторонней публики. Офицеры дали слово хранить о нем вечное молчание и сдержали его, солдаты же в офицерские дела никогда не вмешивались”... Этого случая просто никогда не было. В описываемое в рассказе время вообще не было ни одного молодого Великого Князя, причисленного к пехотному полку. Кроме того - такого случая и не могло быть. При каждом молодом Великом Князе состоял воспитателем генерал, который, если бы Великий Князь и точно прокутил всю ночь, - просто не пустил бы его в полк...

Вся эта “великокняжеская” история отзывает грубым лубком, созданным на потеху толпе. “Великие-то князья каковы!.. Га-га-га!.. А? Князенок!.. Га-га!!” И, простите, после того, как столько наших Великих Князей было замучено, - не убито, но замучено большевиками, - писать так о Великих Князьях - просто неприлично...

Непристойно и рассуждение генерала Л. о том, что “дал маху вел. кн. Владимир Красное Солнышко, когда из всех религий не остановился на магометанской”... Оно оскорбительно для православного человека. И, тем более, таких слов никак уже не мог сказать генерал Лечицкий!.. Впрочем, ген. Л., при всех намеках на то, что это Лечицкий, - не Лечицкий. Генерал Лечицкий начал службу в армии, отличился в Японскую войну, был выдвинут Государем Императором, командовал гвардии пехотной дивизией, а во время Великой войны - IX армией. Генерал Лечицкий, да и вообще никакой генерал, не мог урядника, отрезавшего пуговицы от штанов пленных, чтобы они не могли бежать, - представлять к чину хорунжего и к ордену Св. Анны. Это был не подвиг, а смекалка, за которую в *императорской* Армии чинами и орденами нельзя было жаловать. Не мог генерал Лечицкий и сказать крылатое слово о “красной опасности”, ибо кто как не он знал, что в Японскую войну были такие доблестные генералы, как Гернгросс, Горбатовский, гр. Келлер, Кондратенко, Леш, Мищенко, Самсонов, Слюсаренко и многие другие, которые не “глупели, не тупели, не теряли памяти, соображения, уменья обращаться

с человеческой речью и не обращались в надменных истуканов”...

Зачем было все это писать - полное неправды и оскорбления нашей старой армии?!

Как видите - от мелочей военной службы и быта до ее глубин - все в рассказе “Последние рыцари” - придумано, сочинено и неверно...

Все это пишу вовсе не для критики писателя А.И. Куприна - далек от этой мысли. Мне ли критиковать его - “генерала от литературы”, нашего “лучшего писателя”?.. Но пишу, чтобы сказать “малым сим”, что “на всякую старуху бывает проруха”, что беда, если о военном деле, таком в общем тонком, сложном и глубоком, будет писать даже и гениальный писатель, но военного дела не знающий и не изучивший - выйдет только полная соблазна неправда.

Краснов П. Так ли? По поводу рассказа А.И. Куприна “Последние рыцари”. /Русский Инвалид.- 1935. - № 86.
(В оригинале подпись - Гр. А.Д., - один из псевдонимов П.Н.Краснова).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“ДУША АРМИИ”

ВЗГЛЯДЫ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Настанет некогда день - и на страже национальных интересов России вновь будет русская армия, душа которой живет и бережно сохраняется ее верными сынами вдали от Родины, в условиях тяжелого лихолетья.

Роман Дрейлинг.

Наследие военной мысли Русского Зарубежья объемно и разнообразно. Философия войны, военная наука, русская военная доктрина, история русской армии, история 1-й мировой войны, история Гражданской войны, устройство “будущей русской армии”, армия и политика - таков неполный перечень предметов ее интереса.

Будучи неотъемлемой составной частью двухвековой русской военно-теоретической мысли, она остается наименее исследованной и малодоступной для читателей. Правда в наши дни часть мемуаров и беллетристики изгнанников уже переиздана (1). Трудов же аналитического характера - несоизмеримо меньше (2). В последние годы написанное военными эмигрантами привлекло внимание главным образом тех, кто занимается изучением истории 1-й мировой и Гражданской войн, проблем социологии войны и военной доктрины (3). Однако имеются области, почти не затронутые исследованиями. Одна из них - работы по военно-духовной проблематике, по сей день во многом сохранившие свою актуальность (4).

Военные писатели Русского Зарубежья рассматривали эту тему всесторонне, порой делая ее философски “тяжелой” (5), открывая то, над чем в Советской России подчас не задумывались.

Три основных побуждающих момента обусловили внимание авторов к “душе армии”. *Первый мотив* - наиболее сильный психологически, это, с одной стороны - острое стремление изгнанников разобраться в причинах духовного порядка, вызвавших крушение старой армии и приведших к поражению белого фронта в гражданской войне, с другой стороны - извлечь из этого анализа максимум уроков и с их учетом оставить заветы (проекты) для строительства будущей русской армии. “Если мы хотим в будущем исправить недочеты, которые привели нашу Армию к крушению, то мы прежде всего должны иметь мужество - хотя бы и с сокрушенным сердцем - в них откровенно признаться”, - писал один из старейших генералов эмиграции В.Флуг (6).

Порой мнения о слабых свойствах императорской армии принимали яркую эмоциональную окраску: “Не могу умолчать о невероятной по дикости, нелепости и преступности области военного воспитания... Не знали, не умели, не понимали, да и не подозревали значения этого воспитания”, - восклицал в сердцах полковник Н.Колесников и призывал, поглядев правде в глаза, учиться (7). Весьма характерно в этом отношении убеждение генерала

П.Краснова, почти во всех произведениях которого, по меткому замечанию известного в эмиграции общественного и научного деятеля В.Даватца (8), описывалась именно “Душа Армии”: “Та тема, на которую я пишу, - бесконечна и разнообразна. О ней всего не переговоришь... Но говорить на эти темы надо всегда, даже теперь, когда кажется и не видишь, когда по-настоящему-то строиться будет Русская, не красная, армия, не классовая, не партийная, но Государственная... Многим моим читателям придется принять участие в этом строительстве, в образовании и воспитании армии, и надо знать все слабые и сильные места старого, погибшего, знать и то, что, может быть, способствовало самой гибели” (9).

Действительно, изгнанники испытывали острую “тоску по правде”, жажду духовного обновления, отчетливо понимали, что нельзя возвращаться в Россию со старым “багажом” (10).

Второй мотив заключался в лично осознанной военными писателями эмиграции потребности оперативного, своевременного осмысления крупных перемен в военной сфере и на военно-политическом фронте, на основе убежденности в том, что социально-психологический, идеологический фактор вышел на первый план в современной войне и деле военной организации. Уже в 1921-23 гг. исследованием проблемы занялся А.Геруа (11). Над “Стратегией духа”, вопросами теории агитации и пропаганды работал полковник Н.Колесников (12). Изучавшие теорию гражданской войны Е.Месснер, Б.Штейфон, А.Керсновский и др. первым направлением в ней считали познание жизни масс и законов их вождения (13).

Военная мысль Русского Зарубежья и в свой поздний период (1946-1960 г.г.) однозначно определила, что современная война из трех сред - суши, воды и воздуха перешла в четвертую - “душу солдата, душу воюющих наций” (из трех видов противоборства - экономического, дипломатического и огневого - в четвертый - психологический) (14).

Третий мотив связан с традиционной для русской военной мысли идеалистической установкой “Дух преобладает над материей” и состоял в стремлении изгнанников к горячей проповеди военного идеализма. “Идеи всегда были и всегда будут первопричиной побед и поражений, ибо только они одушевляют материю, только они дают действиям те или иные импульсы,”- писал Б.Штейфон (15). “Исходя из того, что духовная сторона, нравственный элемент имеет большее значение, чем элемент материальный, необходимо признать, что человек на войне главенствует

над каким бы то ни было оружием, ему принадлежит важнейшее значение, он первенствует над машиной”, - убежденно говорил А.Баиов (16). А.Керсновский в превосходстве духа над материей видел сущность русской национальной военной доктрины (17).

Иного взгляда на существо данной проблемы в эмиграции фактически не встречалось. Некоторые разногласия имелись только относительно *понимания* “первичности” духа... (18).

Таковы главные причины постоянного интереса военных писателей эмиграции к военно-духовной проблематике, или, выражаясь образно, - “душе армии”.

О ПОНЯТИИ “ДУША АРМИИ”

В современном русском военном лексиконе этот термин не применяется, и для нас он - архаизм. Что же подразумевалось под этим кратким словосочетанием, которое постоянно использовалось и в эмиграции, и в старой России? Строго определенного ответа у авторов нет, в том числе тех, кто употреблял термин в названиях своих работ (19). Многие применяли это обозначение к совершенно различным объектам как само собой разумеющееся. П.Краснов представлял “душу армии” как “военную психологию”, но, как следует из контекста, не столько в смысле науки, сколько в смысле самой духовной жизни армии, психологии социального организма. В другом, частном случае, с “душой армии” он отождествляет знамя: “Знамя - душа армии. Знамя - великий символ бессмертной идеи защиты Родины” (20). “Душа армии есть коллективная душа всех воинов; ее сила, бодрость и возвышенность - в силе, бодрости и возвышенности характера всех входящих в состав войска солдат”, - писал А.Попов (21). Он же как “душу армии” определял воинскую дисциплину: “Давно уже стало ходячим выражение, что дисциплина есть душа армии и что именно она делает ее тем, чем армия должна быть по идее” (22). Столь же категоричен И.Патронов: “Дисциплина - душа армии. Эту формулу твердили нам в военно-учебных заведениях, в войсках; она обратилась в такую же общеизвестную истину, как основные геометрические аксиомы” (23). “Как для живого организма нужна душа, так и для армии необходима дисциплина. Почему и говорят: дисциплина - душа армии”, - заключал В.Сигарев (24). Частое уподобление армии организму расширяет ассоциативный ряд у военных писателей: “Если дисциплина есть душа армии, то командный состав по справедливости может быть назван ее сердцем” - говорит А.Мариюшкин (25). Как о “душе армии” говорил о специа-

листах Генерального штаба Е.Месснер (26), на весь офицерский корпус распространял это понятие А.Керсновский (27). Различные смысловые варианты термина встречаются в работах Е.Новицкого (28), Н.Головина (29), П.Брюнелли (30), М.Титова (31) и других военных писателей. Таким образом, очевидно, что термином *“душа армии”* военная эмиграция пользовалась весьма широко и применяла его в различных значениях. В то же время попыток как-то “развернуть” это понятие было немного. Одна из них принадлежит П.Брюнелли, который пытался заглянуть в метафизические истоки души армии и показать их на примере бытия родного полка, ибо полк вообще - “единица духовная”, в полку куется дух армии:

Непрерывное, трехвековое существование соборного духовного целого, которому имя полк, может быть правильно понято и объяснено только в свете философской мысли. **Единение людей в полку на основе соподчинения и повиновения, во имя общего блага Отечества, при глубокой вере в Бога - прямая противоположность многомятежному, метущемуся человеческому морю, обуреваемому “себялюбивыми хотениями”.** Это противопоставление - основа жизни полка.

Каждая философская система объясняет явления жизни с точки зрения своей основной идеи. В своем стремлении к уразумению смысла жизни философские системы чередовались, сменяя одна другую. Мы живем в век господства реалистического мировоззрения. Марксизм,- и его проводник в жизнь, диалектический материализм,- овладевает умами. Ни одна философская система не имела такого успеха как в образованном классе, так и в массах. Удел философии - кабинеты ученых. Эта вышла на улицу и приобретает адептов благодаря своей заманчивой и удобной тезе - все объяснять материальным интересом, понятным самым примитивным умам. “Борьба классов” - во имя материальных благ, - провозглашает марксизм, и наша родина строит жизнь по велениям этой философии. И главным фактором борьбы в современном строе объявляет армию, как бесспорную носительницу грубой материальной силы, дающей победу. Диалектические положения воплощаются в реальность: огромные, миллионные армии и чудовищные средства разрушения для борьбы. Для нас, военных, воспитанных в иной философии и целым рядом поколений создавших в борьбе великое Царство, невольно возникает вопрос: “Так ли это? Может ли быть построена армия на материалистической основе, без веры в Бога, без Отечества?” Кардинал Crouot в своей книге “Philosophie de la Guerre” дает прямой ответ: “Военному делу присуща самая возвышенная философия романтизма, на почве высокого идеала Христианства”. Немецкий философ Гегель дал основу современной европейской жизни в виде системы, по которой явления жизни, люди, события, природа и вещи не являются случайным соединением разнородных, ничем между собой не связанных явлений, а наоборот, все имеет свое место в одном большом целом, в мироздании. Основы бытия

нам неведомы, недоступны нашему пониманию и объяснению, это тайна. Надо отличать отвлеченные основы бытия, превышающие силы разума, - мистическое начало в жизни, - и переходящие явления, события, участники которых являемся мы сами. Явления вечные, неизменные и текущие. Переходящие явления не только не являются случайными событиями, но они есть прямое следствие тайной сути мира. И если подлинное бытие мира для нас остается тайной, то переходящие перед нами явления, которых творцами и участниками являемся мы, вполне определены и реальны и поддаются рассмотрению и оценке. И чем возвышеннее явления, вытекающие из метафизических основ жизни, тем сильнее они приковывают внимание исследователя, ищущего объяснения красоты и возвышенности в повседневности.

И именно военная сфера особенно привлекает человеческие сердца не материальной своей силой, а возвышенным идеализмом, самоотверженным философским стимулом христианской цивилизации европейских народов: отдачей “души за други своя”. Красивейший подвиг любви, этого мистического источника жизни.

Когда я читаю страницы истории нашего полка, непревзойденной философией Гегеля веет от каждой страницы. На протяжении трех столетий нашей истории философия Гегеля нашла свое удивительное выявление. Правильнее сказать - незыблемые законы бытия, т.е. связь неизменного с переходящим, уловленные гениальным умом философа, проявлялись ярко в той именно сфере, где царят возвышенные дары человеческого духа: любовь и совесть, самоотверженность и смелость, чувство долга и доблесть - в сфере военного дела. Рядовому бойцу, конечно, не приходило в голову, что умирая за Веру, Царя и Отечество, он являлся проводником в жизнь философии Гегеля. И что история полка - непревзойденная иллюстрация к философии немецкого философа. **В этой философской основе жизни соборного духа, которому имя Армия, и заключается и мощь и красота военного дела и его, возвышающее, во все века и у всех народов, восхищение военными подвигами, возносящими военных гениев на недосыгаемую высоту:** Петра I, Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ермолова, Скобелева. Самый яркий пример мистического начала - Жанна Д'Арк, наряду с Наполеоном и Фридрихом Великим, который говорил, что “Бог всегда присутствует в самом храбром батальоне”. А наш Суворов уступал Ему свой фельдмаршальский жезл: “Бог нас водит - Он нам генерал (32).

В трудах эмигрантов родственным “душе армии” является термин “дух армии”, употребляемый гораздо чаще. Это понятие лапидарно и глубоко раскрывается С.Доборольским, утверждавшим, что высокий дух армии, или ее бодрое душевное настроение, всегда считались главнейшим залогом достижения победы, и полагавшим: “Этот признак - особого порядка и его нельзя ставить рядом с... качествами армии, группирующимся преимущественно вокруг материальной природы войны. Душевное состояние войск есть результат многих сложных причин и

тесно связано с чувствами, которыми охвачен весь народ... Дух армии можно определить как синтез всего ее устройства..." (33). В данном суждении, как видим, практически отождествляются "дух армии" и ее "душевное настроение" ("душевное состояние войск"), а последнее уже гораздо ближе к "душе армии".

Постоянное обращение военной мысли к данным терминам, отражающим особо важную сферу ратной жизнедеятельности, и отсутствие до настоящего времени более или менее четкой их формулировки актуализируют попытку определения этих понятий.

Современные отечественные научные словари отмечают, что в понятии "души" отражались исторически изменявшиеся воззрения на психику человека и животных, а в религии, идеалистической философии и психологии она представляется особой нематериальной субстанцией, животворящим и познающим началом, в повседневном же словоупотреблении соответствует словам "психика", "внутренний мир человека", "сознание". Имеется и ремарка о том, что в современной научной литературе термин, как правило, не употребляется. В военно-научной литературе не применяется термин "душа армии", доказательство тому - его отсутствие в военно-энциклопедических изданиях, учебниках, пособиях, словарях по военной педагогике, психологии, морально-психологическому обеспечению. Что касается "духа", то он понимается, как "нематериальное начало", по-разному трактуемое различными философскими течениями и религией. В иных значениях, на бытовом уровне, подразумевается "моральная сила", "истинный смысл чего-либо", "отличительная особенность"... (34).

Поскольку "душа" соотносится с "духом", а в словарях об этом не говорится, обратимся к И.Ильину, который в работе "Духовный смысл войны" писал: "Условимся называть душою весь поток наших внутренних переживаний во всем его объеме и разнообразии. Душа - это вся совокупность того, что происходит в нашем "сознании", а равно и нашем "бессознательном" на протяжении всей нашей жизни: это наши чувства, болевые ощущения, приятные и неприятные состояния, воспоминания и забвения, впечатления и помыслы, проносящиеся в нас мимолетно, а также деловые соображения и заботы, приковывающие нас к себе надолго. Если мы будем называть все это "душою", то "духом" мы назовем душу только тогда, когда она живет своими главными силами и глубокими слоями, устремляясь к тому, что человек признает высшим и безусловным благом. Следовательно, "дух" это прежде всего то, что значительно в душе" (35).

Базируясь на вышеперечисленных точках зрения и источниках, можно уточнить значение термина, уже давно *запечатленного* в военном языке. Причем условием его употребления должно быть восприятие вооруженной силы как единого организма, соответственно имеющего материальную и нематериальную составляющие.

Душа армии - совокупность всего духовного, происходящего во внутреннем мире армейского организма, нематериальное, животворящее, познающее начало, обеспечивающее преемственную связь поколений воинов, веками вырабатывающее и закрепляющее в войске морально-нравственные качества (добродетели), позволяющие армии осознанно выполнять долг по защите Отечества, одерживать победы и возродиться в случае поражений или упадка.

Морально-нравственные добродетели - центральный элемент данной субстанции - соборно составляют воинский дух, или дух армии.

Синонимами “души армии” можно считать и такие распространенные словосочетания как “моральный дух”, “нравственный элемент”.

Таким образом, понятие “души армии” достаточно широко. Оно охватывает: и дисциплину как основной организующий признак военного организма, делающий возможным само его существование и управление им; и “военную психологию” как внутренний мир, духовную жизнь армии - психологию воинских коллективов и психику индивида (бойца), также изучение всего психически происходящего в военной среде; и качества офицерского корпуса - главного “генетического носителя” и хранителя души армии; и знамя как материально зримый символ чести, доблести, мужества войск - лучших проявлений их духа...

В многочисленных гранях души армии ярко отражаются самобытность отечественной военной культуры, национальные черты русского военного искусства, особенности жизненного уклада и характера народа, его духовно-православное естество. “Мы русские - с нами Бог!”, “Жизнь положить за други своя”, “Кто к знамю присягал единойды, у оного и до смерти стоять должен”, “Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву”, “Офицер не молодец не может быть терпим”, “Победа малой кровью одержанная” и другие евангельские, петровские, суворовские, скобелевские заповеди и заветы - суть исторические основы идеологии российского воинства, нравственные законы души Русской армии.

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

Военные писатели эмиграции не раз признавали, что в старой армии в работе с людьми имелась масса упущений. Примечательно звучит высказывание А.Болтунова о дореволюционном времени: “Мельком, вскользь упоминалось и в военных училищах, и в академии, упоминается и сейчас в нашей специальной литературе, что “дух армии”, “моральный элемент ее”... играет на полях сражений всегда первенствующую роль, но в чем заключается этот “дух”, каковы должны быть моральные качества бойца и как их вырабатывать - редко кто обмолвился словечком” (36).

Сетования на беспредметность, примитивность, недостаточность знания о моральном элементе встречаем у А.Деникина, П.Залесского, А.Попова, Н.Колесникова, у того же П.Краснова и других. С одной стороны это выглядит странно, так как в конце XIX - начале XX века в этой области делалось очень много, о чем свидетельствует колоссальный объем соответствующей литературы, часть которой имела достаточно глубокий теоретический характер (37). С другой стороны - вполне достоверно, поскольку практически все военные писатели эмиграции были военачальниками, обладали большим боевым и служебным опытом и знали, о чем говорили. Противоречия нет: несмотря на продуктивность военной мысли, результаты и выводы ее работы не доходили до войск, слабо внедрялись в военный быт, оставаясь во многом вне жизни армии. Это подчеркивал, к примеру, А.Деникин, утверждавший, что голос военной печати был “недостаточно влиятельным в вопросах устройства армии” (38).

Потому “детализация” духовно-нравственной стороны военного дела для эмиграции, думавшей о будущей русской армии, имела довольно важное значение. И когда, например, вышла работа П.Ольховского “Воинское воспитание” (см. хрестоматийную часть), А.Болтунов среди достоинств с удовлетворением отметил *раскрытие* автором “элементов духа армии” (39).

За этими словами - стремление уяснить, конкретизировать, продемонстрировать проявления того метафизического целого, что именуется душой армии. Каждый из писателей по-своему решал эту задачу. Нам, обобщая их взгляды, также необходим определенный “ключ”. Правда, всякое структурирование знания о сложном внутреннем мире армии весьма условно (не случайно

П.Краснов оговаривал, что наука о душе не может по самому свойству исследуемого предмета, хрупкого и не поддающегося непосредственному наблюдению, быть точною (40). Но, исходя из содержания источников, их смысловых приоритетов, *душу армии целесообразно раскрыть через наиболее зримые, конкретные ее проявления*, те, о которых чаще всего велась речь в изгнании. Они выражены в *категориях, определяющих моральный облик и боевое качество вооруженной силы - ее морально-психологических основах*, таких как: а) государственно-политическое и военное сознание воинов; б) национальный характер военного дела; в) воинский дух; г) воинское воспитание; д) военная психология; е) воинская дисциплина; ж) традиции; з) искусство командования, моральная сила вождей; и) идеалы борьбы и “стратегия духа”. Рассмотрим их отражение в работах представителей военной эмиграции.

Государственно-политическое и военное сознание армии

Армия представляет собой ту организованную вооруженную силу, которой государство вверяет охрану своей независимости, целостности, своего правового порядка. Она должна одухотворяться сознанием своего высокого долга по сбережению унаследованной от предков территории, мира на родной земле, свободы и имущества граждан. *Осознание воинством своей военно-государственной роли есть ключевая для армии основа морально-психологического характера, без нее теряется смысл служения.*

О предназначении армии военные писатели не спорили. Их понимание было ясным: обеспечение мирной жизни, оборона Родины от порабощения извне и от унижения и разорения изнутри (П.Краснов) (41). Относительно внешней функции вопросов не возникало, но обсуждение внутренней - вызывало дискуссии. Именно в свете сопоставления мнений, споров по проблеме “армия и политика” выявлялся государственно-политический смысл бытия армии. Может ли она участвовать в политической жизни страны и если да, то в какой форме и в каком объеме? Вопрос не был праздным: слишком большой болью в сердцах изгнанников отдавалось крушение старой России. Преобладала точка зрения тех, кто утверждал, что армия есть инструмент политики и не может находиться вне ее поля (А.Шавров, А.Керсновский, Е.Месснер, Е.Шелль и др.) (42). Их доводы заключались в сле-

дующем. Политичность армии - особого рода. Служить государству - значит служить политике этого государства. Конечно, своей политики армия не делает, но выполняет ту политику, которую ей диктует правительство, и не просто выполняет, а впитывая ее, через солдат передает в толщу народа.

Национальный характер современных армий, комплектование на основе всеобщей воинской обязанности делает их сколком нации и обязывает к пониманию и осознанию национально-исторического пути своей страны. Это, в частности, подчеркивал **Н.Галай**, который писал:

...Обычно считают, что только весьма ограниченный круг лиц, стоящий на самом верху управления, является связующим звеном политического аппарата с военным.

По этим представлениям, лишь в лице верховного командования армия соприкасается с политикой, вся же армия является лишь профессиональным аппаратом, предназначенным только быть средством в руках политики.

Подобная схема является грубым упрощением сложнейшего вопроса в политической доктрине.

Ведь политическая доктрина, т.е. тот идеал и те цели, к которым направлена практическая деятельность, предопределяющая на долгие времена судьбы и пути государства, не бывает плодом творчества одного лица или ограниченного круга лиц.

Если временами она имеет ярких персональных выразителей, то вынашивается политическая доктрина многими поколениями и громадная сумма влияний участвует в ее кристаллизации.

Церковь, ученые, литература, культурные и политические общества, союзы и партии, весь исторический быт и уклад - все участвует в ее постепенном формировании.

Свое призвание и распространение эта политическая доктрина находит во все большем круге, проникающемся определенными политическими и государственными идеалами.

Так создается тот ведущий слой, который дает кадры служивых людей на все посты государственного управления; таковы были: наше дворянство послепетровского периода, цензовые элементы западноевропейских государств и ныне - правительственные партии в тоталитарных государствах.

И естественно, что армия в силу требований наибольшей жертвенности в служении привлекает самую лучшую часть этого ведущего отбора. Такой частью и является основной костяк армии - ее офицерские и унтер-офицерские кадры.

И эти кадры уже приходят в армию с определенным политическим идеалом, одухотворяющим тот ведущий слой, представителями которого они являются в армии.

Если идеал этот здоров и жизненен, такова будет и питаемая им армия; в случае фальши и ложности его армия неизбежно сдает при первом тяжелом испытании.

Не сверху, через единственную точку соприкосновения в лице верховного управления, должна вливаться вдохновляющая армию политическая доктрина, а через миллионы незримых нитей, связывающих армию, особенно ее кадровый состав, с живым духом нации.

Тогда осознание армией исторического пути своего народа не явится только пассивным подчинением армии политическим директивам.

Армия будет верить и знать, что данная линия политики есть наилучшая и единственно возможная.

Армия будет не пассивно подчиняться, а испытывать тот политический идеал, который предопределяет исторические имперские пути народа.

Чем ярче будет это исповедание, т.е. чем “политичнее” будет армия, тем большее напряжение сможет дать она в минуту тяжелых испытаний как внешнему врагу, так и внутренним разлагателям.

В 1905 году русская армия с кадровым составом, одухотворенным определенным политическим идеалом - монархической идеей, несмотря на проигранную войну, задушила первую вспышку русской революции.

В 1917 г. внепартийная, но аполитичная русская армия, потерявшая монархический идеал, молча присутствовала при отречении Государя под давлением кучки политиканствовавших генералов и интеллигентов.

Но политиканство еще не политика!

Произошло это потому, что потускнел политический идеал, выразившийся в трехчленной политической формуле “за веру, Царя и отечество”.

Армия перестала исповедовать монархическую идею, новой же животворящей политической идеи не оказалось. “Свобода, равенство и братство” оказались пустыми побрякушками.

Проходимцы завладели *душой потерявшей политическую настройку армии.*

Избежать этого можно, не превращая армию в аполитичных профессионалов, а внедряя в нее единую четкую, вытекающую из ее национальной истории политическую доктрину.

Лозунг “армия вне политики” должен быть заменен другим - “в армии единая политика”, ставящая ее на службу национальному политическому идеалу, вдохновляющему имперский путь нации (43).

Как видим, автор с полной определенностью указывает на *зависимость морально-психологической стойкости армии от характера политического идеала (государственной идеологии), которому служит армия, и глубины ее веры в этот идеал.*

Развитие темы обнаруживается в материалах семинара югославянского отдела “Русского Союза Участников Великой Войны” (РВСНУ): “Вехи государственного устройства будущей Российской Империи” (см. статьи Е.Шелля в хрестоматийной части).

Здесь уже проводятся мысли о необходимости для армии не только знания государственно-политической идеи, но и понимания “творчества своего правительства” и сочувствия его деятельности. Но поскольку политическая сфера знания необычайно сложна, вполне логичен вывод о необходимости качественного политического обеспечения вооруженной силы, серьезной подготовки специального офицерского кадра для службы “по политической части”. Некоторые авторы поднимали планку требований к политической грамотности военных, полагая, что все “от солдата до полководца” должны глубоко ознакомиться с общими принципами политики и научиться государственно-политически думать (Б. Хольмстон-Смысловский).

Утверждая политичность армии как органа политики законной власти, военные писатели эмиграции предостерегали военных от *партийно-политической* активности, от участия в политической жизни народа, ибо такое участие вносит раздор и распри в армейскую среду, подрывая ее основы. Из лишения воинства политических (в частности избирательных) прав, по мнению Е. Месснера, вытекала возможность и обязанность военных, в случае нарушения основных законов государственности или “ломки национального единства народа”, брать на себя роль арбитра для прекращения “смуты” (см. его работу в хрестоматийной части). Таким образом признавалось, что армия в критические моменты может “подпирать государство”. Власть, которая найдет опору в войске, не будет “сидеть на штыках”, а будет покоиться *на моральном основании верности офицеров государственной идее*. Армия не может быть настолько “аполитичной”, чтобы спокойно и терпеливо взирать на развал государства или не пресечь “новых экспериментов над измученным телом своей родины”. Последнее говорилось о будущей Российской вооруженной силе.

Осознание военными своей государственной роли и державного значения неразрывно связано с чувством глубокой личной ответственности за свой профессиональный уровень, свою способность к выполнению военно-государственных задач. Для правильной оценки военных вопросов надо быть военным не только по своим знаниям, но и по своим чувствам, по своим взглядам, по своему характеру. Надо иметь то, что можно назвать *военным сознанием* и о чем писал еще после Русско-японской войны светлейший князь вице-адмирал А. Ливен, честно анализируя печальные ее итоги для России. Неурядицу и ошибки он объяснял преимущественно отсутствием такового сознания у военной верхушки, плохо руководившей более “не по незнанию, а по нерадению”.

“Множество грехов заглушило нашу совесть, и она притупилась. Вот почему мы и в теории врали, и удивили мир своими распоряжениями. Мы не сознавали себя военными”, - заключал Ливен (44).

Спустя два десятилетия схожие выводы вновь сделали эмигранты. Известный своими критическими оценками П.Залесский говорил о военном невежестве в старой армии, об отсутствии заботы об истинной боевой подготовке, классическом, вьезшемся в кровь начальников всех степеней очковтирательстве (45).

Не уходили от нелицеприятных оценок и другие военные писатели. Рецензируя очередной том труда Н.Головина “Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Галицийская битва”, в котором автор показывал бесталанность и даже безграмотность нашего высшего командования, авторитетнейший Е.Новицкий заметил: “Бедную Русскую Армию преследует сквозь века какой-то рок. Куда не поглядишь - везде какая-то недоделанность, расчет на авось, бедность мысли...” (46). П.Краснов, в известной мере часто идеализировавший старую армию, в качестве “уроковой” напечатал в 1934 году замечательную работу “Военная служба в мирное и военное время”, где заострил внимание именно на *нерадивости* по отношению к элементам и “мелочам” сложного ратного дела. В заключении - приговор: “нарушили принципы, стали творить “отсебятину”, распустились... и - погибли” (47).

Пережив своего рода “катарсис”, значительную переоценку ценностей, большинство военных писателей эмиграции обосновывало необходимость профессионализации вооруженной силы, разрабатывало основы концепции “малой армии”, которая должна строиться на принципах *“качества”, “отбора”, “призвания”*. *Следование этим принципам*, по убеждению А.Геруа, А.Керсновского, Б.Штейфона, Е.Месснера, А.Баиова, *позволит* составить армию из людей, одаренных силой духа, энергией, удалью и путем воинского воспитания развить в них эти качества до предела, а начальникам даст возможность - *быть артистами военного дела* и в боевую схватку и в повседневный быт вносить дыхание вдохновения как высшее проявление *военного сознания* (48).

Национальный характер военного дела

Военное дело в значительной степени имеет национальный характер, ибо неизбежно подвергается мощному воздействию

“национальной стихии”. Прежде всего потому, что армия страны состоит в подавляющем большинстве из лиц численно господствующей национальности данного государства, а также в силу того, что ее устройство напрямую зависит от национально-государственного уклада и особенностей социально-политической обстановки. Военное искусство в широком смысле, согласно точки зрения профессора А.Баиова, есть способность к высокой организации вооруженной силы и умение искусного ее применения, и оно, по существу, не просто зависит от характера и уровня культуры и духа народа, но в значительной степени является их следствием. Человек, выступая главным элементом военного искусства, его субъектом, в своем ратном творчестве, деланье неизбежно проявляет особенности своей психической организации, задевает свои нравственные качества, формирующиеся в конкретной культурно-национальной среде. Тем самым военное дело имеет национальную окраску и его “национальность” в значительной мере определяет морально-психологический облик армии.

Военная мысль эмиграции стремилась еще раз переосмыслить этот фактор, уяснить значение своего национального “я”, все его плюсы и минусы. Наиболее активно по этим проблемам высказывались такие писатели, как А.Баиов, Б.Штейфон, А.Керсновский, А.Драгомиров, В.Флуг ...

Следует отметить две тенденции в освещении этого вопроса. Одни авторы, в процессе анализа состояния военного дела в дореволюционной России, преимущественно старались показать недостаточное использование военными и государственными правителями *национальных достоинств* русского народа, отход от почвеннических позиций. Другие же считали, что всего важнее сосредоточить внимание на наших *национальных недостатках* и мерах по их преодолению.

Но прежде всего взгляд эмигрантов устремился на психологическое проявление самой сути национального начала - национальное чувство. Многие военные писатели обращали внимание на то, что понадобилась страшная катастрофа - обращение родной “Святой Руси” в поле для атеистического и интернационального опыта, чтобы проснулась тоска по христианскому укладу и чтобы ярко стало перед изгнанниками, как ближайшая задача, извлечение из-под спуда тех коренных элементов, которые составляют историческую и традиционную основу русского народного духа и которые должны быть воскрешены и положены в основу будущего строительства России. **А.Драгомиров**, известный

военачальник, один из руководителей белого движения на юге России, сын знаменитого русского военного деятеля генерала М. Драгомирова, в работе “Наука Побеждать” Суворова” писал:

<...> Национальное чувство есть голос нашей природы, который говорит в нас тем громче, чем долговечнее была наша минувшая история и чем сильнее были те стихийные факторы, которые неудержимо толкали народ к объединению. Искусственно создать национальное чувство нельзя. Оно есть результат чрезвычайно сложного и упорного взаимодействия всех исторических факторов, в течение долгого времени неуклонно действовавших на душу народа и, в свою очередь, вызывавших народ на те или иные действия. Национальное чувство есть духовное наследие, которое оставлено нам миллионами миллионов наших предков, из которых каждый что-нибудь вносил свое в духовную сокровищницу. Только тот народ может устоять перед историческими бурями, у которого этот голос наших предков не заглушен, у которого вся его повседневная государственная, общественная, семейная и личная жизнь строится на этом незыблемом фундаменте, который дает смысл всему существующему и нравственную опору в минуты исторических катастроф. **Национальное чувство является тем общим языком, который дает возможность народу найти выход в минуты общего развала, когда государственное его существование висит на волоске.**

Понятно, поэтому, постоянное стремление Суворова всемерно поднимать национальное чувство, развивая его до степеней *национальной гордости*. При этом Суворов уже тогда понимал, что национальная гордость, национальное достоинство не могут существовать без чувства собственного достоинства каждого гражданина. Чувство личного достоинства - основной камень для постройки достоинства национального. Без чувства собственного достоинства и неразрывно с ним связанной духовной автономии - не может быть и подвига, ни воинского, ни иного, в высочайшем значении этого слова...

Какими бы неоспоримыми и ясными ни казались нам эти положения, однако мы должны признать, что до самого последнего времени ни в нашем военном обиходе, ни в жизни общественной этот основной принцип далеко еще не вошел в нашу плоть и кровь. Много в минувшей нашей жизни более походило на отрицание этого принципа, чем на его утверждение (49).

Отрицание и забвение национальных начал всячески выявляли и обличали Б.Штейфон и А.Керсновский. Для их творчества характерно следование первой тенденции освещения данной проблемы.

Б.Штейфон в труде “Причины постепенного упадка русского военного искусства”, который издать не удалось (50) отмечал, что подъем военной культуры России достиг предельного величия в XVIII веке, когда военное творчество вдохновлялось русской православной культурой, когда Петр создал всесловную и глубоко

национальную армию, а Суворов осознал необходимость индивидуализации национального начала. Забвение опыта и заветов этих двух полководцев привело к подражанию чужим образцам, а сколь бы ни были высоки эти образцы, если они не применялись к духу, понятиям и быту русского народа, - положительного результата не давали. В десятках других работ автор развивал и конкретизировал свои выводы, опираясь на множество примеров из нашей военной истории. Он полагал, что лучшие черты и духовные достижения нации с наибольшей силой олицетворяются военными вождями. Вот, к примеру, его оценка Скобелева: "...После 80 лет культа рационализма Скобелев вновь выдвинул на первое место духовную природу войны и боя. Как и Суворов, он вновь доказал, что военное искусство не есть нечто самодовлеющее, а находится в теснейшем взаимодействии с моральной культурой нации. И что для русского военного искусства единственно прочной базой, обуславливающей расцвет этого искусства, может быть только русская культура. И если главнейшей ценностью военно-философских выводов Суворова является утверждение основного военного закона, что военное искусство национально, то в лице Скобелева мы встречаем наиболее чуткого, проникновенного и убежденного последователя этой истины" (51).

Выдающийся писатель Русского Зарубежья А. Керсновский осуждал "ересь *анациональности* военного искусства". Он проповедовал, что военная доктрина всегда национальна и составляет лишь одну из сторон, одну из многочисленных граней доктрины общенациональной, является отражением духовного лика конкретного народа, производной его психологии (52). Фактически весь его выдающийся труд "История Русской Армии" (1933-1938 гг.) есть ничто иное, как обширная иллюстрация подтверждения этого положения. Через все четыре тома красной нитью проходит мысль о самобытности русского военного искусства, "неизреченной его красоте, вытекающей из духовных его основ и мощи русского военного гения". В заключении книги автор написал выстраданное: "Суворов учил: "Мы - русские. С нами Бог". Его не поняли, стали по-дикарски перенимать чужеземные "доктрины" и "методы", расчитанные на сердца чужих армий. Мы перестали быть русскими... Бог перестал быть с нами".

Проявлением тенденции заострения внимания на национальных недостатках могут служить взгляды В. Флуга. Исследуя качества высшего командного состава российской армии, он рассмотрел отрицательные черты русского национального характера, сказывавшиеся в действиях военачальников. Среди них - пассив-

ность и умственная апатия, неспособность к продолжительному напряжению воли, беспечность и небрежность (русское “авось”), отсутствие солидарности и взаимное недоверие, отсутствие гражданской дисциплины, нервность (на войне выражалась в паниках, “отскоках”) и др. Не боясь прослыть “очернителем”, хотя и понимая угрозу своей “патриотической репутации”, автор в подтверждение наблюдений приводил массу примеров из своей (и не только) служебной, боевой практики. Среди главных средств исцеления предлагал тщательный отбор и соответствующее воспитание офицеров (53).

Так или иначе рассмотрение этих проблем предпринималось с целью выработки наиболее верных положений для строительства будущей русской армии. Следовать при этом национальным путем призывал **А.Баиов** (54):

Каждое искусство достигает наивысшего своего совершенства, когда источник - духовные силы человека - проявляет себя наиболее напряженно. Такого наивысшего напряжения духовных сил можно достигнуть тогда, когда они действуют совершенно свободно, в полном согласии с интеллектуальной и психической организацией человека и вообще в условиях, наиболее для этого благоприятных.

То и другое может быть лишь тогда, когда проявление духовных сил происходит под влиянием национальной стихии...

Утверждение, что военное искусство национально и что развитие его должно идти в национальном духе, сохраняя его национальный характер, не может быть поколеблено теми двумя истинами, в силу которых военное искусство, где бы оно ни культивировалось и ни проявлялось, всегда опирается на одни и те же принципы, вытекающие из его природы, и что одно из главнейших средств военного искусства - оружие, вследствие идейного и технического общения между собою всех народов и государств, ныне в различных армиях почти одно и то же.

Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всех национальностей. Но, вследствие различного характера мышления у разных национальностей и различного по силе и характеру проявления одних и тех же эмоций, эти одинаковые принципы воспринимаются не совсем одинаково, взаимно расцениваются иначе и применяются различно. Одна национальность применяет принципы слишком прямолинейно и узко, другая обращается с ними более гибко и шире...

Займствуя что-либо из области военного искусства как в его идейной, так и технической частях необходимо заимствованное приспособить к национальной обстановке, переработать, пронизать его национальными особенностями, согласовать с национальными условиями. Только при таких условиях заимствованное даст при его использовании желаемый результат. В противном случае оно не привьется, не войдет в плоть и кровь, останется чужим и, даже при наибольших усилиях извлечь из него хотя бы какую-нибудь пользу, не даст желаемых результатов.

При всем том должно помнить, что дарования нашего народа, сила его умственных способностей, его большие творческие возможности, его всесторонняя талантливость, его высокие качества, вообще вся его высокая духовная организация, его исторический опыт, его обширная многовековая и многообразная практика в военном деле не должна допускать мысли, что мы, русские, в самостоятельном развитии военного искусства во всех его областях можем оказаться позади других национальностей, можем проявить меньше творчества, чем они, и, таким образом, можем быть поставлены в необходимость только заимствовать у других, слепо подражать этим другим и тем самым отказываться от своей самобытности (55).

Принцип национальной самобытности нашел яркое отражение и в материалах дискуссии по поводу военной доктрины, развернувшейся в эмиграции в 30-е годы (56). Большинство ее участников сходились во мнении, которое кратко можно резюмировать следующим образом. Военная доктрина России должна быть собственной, национальной, органически соотноситься с историей и характером русского народа, традициями и бытом русской армии, культурой страны. Доктринальные положения призваны нести отпечаток высшей гуманности, утверждать превосходство духа над материей, основываться на религиозном начале и чувстве национальной гордости...

Таким образом, с очевидностью ясно, что военные писатели Русского Зарубежья показали тесную связь общей и военной культуры страны, огромное моральное значение национального своеобразия для армии, *настоятельную необходимость в военном деле опираться на лучшие свойства народа, всячески развивать и культивировать их проявления, а также трезво видеть отрицательные черты нашего национального характера, организационными и воспитательными мерами нейтрализуя их пагубное действие.*

Воинский дух

Воинский дух - традиционно одна из центральных морально-психологических основ нашей армии. Он всегда понимался как сумма нравственных качеств войск и колоссальный источник их боевой мощи. Еще Петр I осознанно использовал этот сильный рычаг и закрепил в Уставе Воинском положения воспитательного характера. "Честное исполнение гражданского долга перед родиной, дух мужества и чести, воинская доблесть и постоянное проявление инициативы насаждалось отныне в русскую армию, и под таким воздействием она стала улучшаться качест-

венно, постоянно проявляя примеры необычайной стойкости и чрезвычайных воинских свойств. Эти качества армии сыграли затем выдающуюся роль в дальнейшей исторической жизни страны”, - подчеркивал в статье “Русская военная культура” Р.Дрейлинг (57).

А.Драгомиров акцентировал внимание на том, что во все времена стратегия и тактика опирались прежде всего на нравственные качества войск; эти качества солдат и начальников всех рангов, составляющих войсковые части, “лежали в основе нравственной упругости армии”. Опытный боевой генерал уверял, что на отчаянные и рискованные предприятия можно решаться только тогда, когда мы имеем в своих руках войска, уверенные в себе, не боящиеся никаких неожиданностей, проникнутые убеждением, что для них нет противника, которого они не могли бы разбить, и нет такого тяжелого положения, из которого бы они не нашли достойного выхода; наконец, войска, в которых чувство чести развито до такой степени, что в минуту, когда для них иного выхода нет, они твердо проникнуты одним решением: *погибнуть с честью* (58).

Размышляя о моральном элементе, военные писатели, безусловно, не ограничивались общими рассуждениями, а указывали конкретно, какие именно качества или воинские добродетели составляют моральную силу армии. Вот перечень основных из них:

храбрость, чувство долга, честь, благородство, совесть, сила воли, устойчивость (хладнокровие), дисциплинированность, товарищество (взаимовыручка), вера в свои силы, энергия (активность), инициатива, чувство принадлежности к части, национальная гордость, государственная гордость, доблесть, добросовестное отношение к обязанностям, творчество, предусмотрительность, стремление к знаниям, служебный такт, умение хранить военную тайну, работоспособность (охота к работе), религиозное чувство, мужество, самообладание, бодрость, душевное равновесие, готовность к самопожертвованию, требовательность и забота о подчиненных (заботливость), красноречие, призвание, прямодушие, честолюбие, славолюбие, личное достоинство, милосердие, любовь к ответственности, гражданское мужество, дерзновение, отвага, войсковая солидарность, здравый смысл, преданность делу, находчивость и смекалка, предприимчивость, христолюбие, военно-духовное сознание и др.

(Большая часть понятий раскрываются в словаре терминов “Духовные качества российского воинства” в конце книги).

Авторы по-разному комбинировали совокупность качеств, отдавая *приоритет* тем или иным, так или иначе обосновывая иерархию добродетелей. Так, А.Керсновский подразделял их на две категории: общие - должны быть присущи всегда; специфические - необходимые при определенных обстоятельствах. К основным общим качествам он причислял *дисциплинированность, призвание, прямодушие*. Среди других выделял инициативу, честолюбие, славолюбие (см. его работу в хрестоматийной части). А.Зальф во главу угла ставил *чувство долга, честь, совесть и волю* (59). А.Баиов указывал на способность преодолевать инстинкт самосохранения, сильную волю, твердость характера, храбрость, настойчивость, уверенность в своих силах, душевный подъем, называя это *духовными элементами качества войск, инициативу* считал ключевой добродетелью при воссоздании будущей русской армии (см. его статью в хрестоматийной части). В.Флуг, применительно к командному составу вводил понятие “*военной энергии*”, почти отождествляя ее с силой духа, но прежде всего представляющую сумму следующих “душевных сил”, которые могут входить в состав целого в различной степени и пропорциях: мужество, непреклонная воля к победе, самоуверенность, решительность, смелость, находчивость, предприимчивость, дух почина, упорство, самообладание (60).

А.Арсеньев полагал необходимым, особенно в будущей России, сделать упор на такое качество, как *служение*, в основе которого - традиционная для русского народа религиозность, следование заповеди “душу свою - за други своя”. *Служение*, по его мнению, следовало бы трансформировать в *главную идею для будущей Русской Армии*, и это позволило бы развивать и культивировать все лучшие моральные качества, без наличия которых в руководящем и служивом слое Россия не сможет вступить на путь возрождения (61).

Фактически вся военная мысль эмиграции сходилась во мнении, что будущая система нашего военного устройства должна “на первое место ставить заботу: духа не угашать, а наоборот - всеми силами его поднимать”. Важная роль в этом процессе отводилась воинскому воспитанию.

Воинское воспитание

Важной морально-психологической основой армии, специфическим способом формирования ее души, является воинское воспитание. Без продуманного, эмпирически и научно обоснованного целенаправленного воздействия на сознание людей невозможно выковать в них и привить им весь сложный комплекс качеств, необходимых бойцу для выполнения стоящих перед ним и армией в целом задач.

В понимании значения и задач воинского (военного) воспитания, его основного содержания и средств эмиграция исходила, в первую очередь, из своего богатого опыта (62). Достаточно просто выражал цель воспитания П.Ольховский: из человека вырабатать воина-солдата. Иначе, истинно в самобытном духе своего отца, писал об этом **А.Драгомиров**:

Перед нами, военными, ставится задача - в атмосфере мирной обстановки, с ее серенькими, как тина засасывающими буднями, с ее мелкими интересами, с неумеренными заботами о здоровье, покое, сытости, удовольствиях, - воспитать воина, горящего священным огнем героизма, забывающего для славы и чести и упоения победой самого себя, своих близких, все что у него есть самого дорогого в жизни, и готового на перенесение самых тяжелых трудов, лишений, страданий и опасностей, сопровождающих каждый его шаг в боевой обстановке.

Здесь дело идет не о мелких исправлениях или улучшениях, путем воспитания, духовной природы мирного обывателя, но возникает необходимость вызвать *целый духовный переворот*; вызвать к жизни те героические элементы духа, которые имеются в душе каждого самого мирного человека, даже самого убежденного апостола пацифизма, но которые, за отсутствием должного упражнения, почти атрофировались и спрятались где-то в таинственных глубинах подсознательного мира” (63).

С.Добrorольский “воспитанность и обученность войск для боя” считал первым принципом их существования, полагая, что без военного воспитания нельзя создать настоящей армии. Оно, по его мнению, является “наиболее важным отделом обороны государства” и главным устоем военной системы любого типа (64).

Наиболее широкий взгляд демонстрировал **А.Болтунов**, который заключал, что *воинское воспитание есть только одна из частей государственного воспитания нации*, планомерно проводимая в жизнь во всех проявлениях. Отсюда - его широкое представление о содержании воинского воспитания в правовом государстве:

а) развитие религиозного чувства (веры в Бога и загробную жизнь) (мистика); б) развитие морального чувства (честности материальной и умственной); в) развитие государственно-национального чувства; г) развитие любви не только к родине, а и к отечеству, что далеко не одно и то же (родина - Вологда, Малороссия, Дон, Кубань, а отечество -

Россия; родина - Бретань, Шампань и т.д., а отечество - Франция; родина - Бавария, Саксония, а отечество - Германия. На смешении этих двух понятий сплошь и рядом строились и строятся сейчас обвинения в сепаратизме людей, совершенно им не зараженных как политической идеей, но ревниво любящих свою родину, что вносило вражду в стены казармы); д) развитие активной гордости принадлежности к государству; е) развитие любви к армии в общем и к своей части в частности; ж) развитие любви и доверия к своему начальству; з) развитие воинского послушания; и) развитие физических сил и умения пользоваться ими; к) развитие воинской воспитанности” (65).

Средства, методы и факторы достижения целей и решения задач воинского воспитания назывались различные. Большое внимание отводилось: разъяснению воспитательного значения и воздействия всего военного уклада жизни войск (внутренний порядок, муштра, строй, субординация и т.п.), организационно-атрибутивным факторам (традиции, ритуалы, знамя, присяга, мундир, приказ, офицерские собрания, суды чести и др.), таким методам, как личный пример начальника, словесность, поощрение и принуждение (наказание).

П.Краснов, Н.Головин, А.Драгомиров, Р.Дрейлинг, Б.Штейфон, Н.Колесников, А.Гулевич, А.Керсновский страстно проводили идею о необходимости в этой сфере “возвращения к истокам”: глубокому познанию и действенному применению положений и принципов поучений и практики Петра Великого и, в особенности, Суворова, которые опирались *на православную религиозность русского народа, его национальный дух и особенности*. Создание Суворовым военно-воспитательной системы Б.Штейфон считал одним из двух важнейших достижений русского военного дела в XVIII веке (первое - организация Петром I регулярной армии), идейная и моральная ценность которой прежде всего в том, что она принимала “человека” как христианский абсолюте (66).

О педагогическом значении в XX веке наследия великого русского полководца **А.Драгомиров** писал:

Суворовская “Наука Побеждать” пережила все политические катаклизмы, все многочисленные и сокрушительные войны XIX века, нашу Дальневосточную войну и, наконец, последнюю мировую войну и ныне остается еще столь же свежей и жизненной, какую она вышла из рук своего творца. Более того, она никогда еще не была столь жизненно необходимой, как именно в наше время, когда чудовищное развитие техники все настойчивее и настойчивее стремится оттеснить на второй план область духовного влияния и ценностям материальным придает большее значение, чем ценностям нравственного порядка. Это явление наблюдается во всех сферах жизни всего цивилизованного мира, является настолько всеобщим, настолько глубоко проникающим в широкие

народные массы, что не может не наложить своего пагубного отпечатка и на современные нам вооруженные силы. На этой почве и происходит тот *упадок военного искусства*, о котором мы уже упоминали. В частности, происходящий на нашей родине, чудовищный по своей дикости и бессмысленности, коммунистическо-интернациональный опыт есть ничто иное, как доведенное до абсурда стремление построить государственную и общественную жизнь на отрицании того Божественного неписаного закона, таящегося в глубине души каждого человека, который важнее всяких писанных человеческих законов. Ни одной минуты сомнения не может быть в том, что Божественный нравственный закон, как властный голос самой природы, рано или поздно, возьмет верх над материалистическими соображениями, и с этой минуты начнется возрождение нашего отечества и воскрешение русской армии - белых Суворовских "чудобогатырей". Тогда, **будем надеяться, и Суворовская "Наука Побеждать" войдет в нашу армию во всей ее полноте, в такой полноте, в какой, после Суворова, она еще никогда у нас принята не была.** Но войдет не путем бессмысленного и слепого подражания отжившим формам XVIII века, а тем путем, какой нам завещал Суворов на своем личном примере, перенеся высокие идеалы своего великого учителя древности на современную ему русскую почву.

Исполнить такую же работу в условиях времени, ныне нами переживаемого, - наш общий священный долг, в особенности долг молодого, идущего нам на смену поколения, которому мы можем только посоветовать:

"Возьми себе за образец Суворова, поравняйся с ним, обгони его... Слава тебе!" (67).

Военная психология

Военная психология - это научное изучение, "измерение" души армии, своего рода самопознание последней. Без этой рефлексии невозможно целенаправленно и эффективно воздействовать на сознание воинов - заниматься воинским воспитанием, руководить войсками и выполнять поставленные боевые задачи. Поэтому мы вправе сказать, что и *это одна из морально-психологических основ вооруженной силы.*

Целый ряд ученых, исследователей, писателей эмиграции в своем творчестве тяготели к военной психологии: Н.Головин, П.Краснов, Р.Дрейлинг, Н.Краинский, Н.Бигаев, П.Симанский, А.Драгомиров и др. Прежде всего они обосновали объективную необходимость изучения этой научной дисциплины, четко определили ее задачи, методы, основное содержание, указывали на первостепенную роль психических факторов в бою, анализировали состояние этого вопроса в Советском Союзе, освещали ис-

пользование эмпирической психологии в искусстве русских полководцев (68).

Военная мысль эмиграции, указывая на повышение удельного веса психических факторов в век автоматического оружия и техники, усложнения форм вооруженной борьбы и массовости армий, делала вывод о том, что важность усвоения военной психологии кадровым офицерством приобретает особое значение. Это понимание выразилось уже в том, что ее изучения предусматривалось программой Высших Военно-Научных Курсов генерала Головина в Париже и Белграде, где были разработаны соответствующие программы. Лекции читались специалистами: П.Красновым, Р.Дрейлингом, профессором Н.Краинским и, конечно, самим профессором Н.Головиным - автором одного из первых научных военно-психологических трудов в России (69). Роль некоего импульса в повышении интереса к психологии сыграла книга П.Краснова "Душа Армии. Очерки по военной психологии", написанная летом 1927 года в качестве основы для преподавания этого предмета на Высших Военно-Научных Курсах. Конечно, труд не представлял собой строгой теории, но явился своеобразным пособием по практической военной психологии, в сочетании с элементами педагогики и сразу был замечен эмиграцией (впрочем, как все, что выходило из-под пера Краснова). "Вот книга, которую нашему брату - офицеру следует читать и перечитывать... Эта небольшая книга в 150 страниц - горячий призыв к нашему уму и совести, призыв военного писателя, который благодаря своему боевому опыту, своей тонкой наблюдательности, своей интуиции художника сумел проникнуть в душу воина как отдельного лица и члена "психологической толпы, а потому имеет возможность указать и способы влияния на эту душу в таком направлении, чтобы Армия была всегда готова к исполнению своего долга..." - так отзывался в рецензии на работу Краснова В.Флуг, хотя указывал и на спорные моменты, выражал несогласие с некоторыми утверждениями автора (70). "Книга интересна и тем, что заставляет невольно свои собственные воспоминания классифицировать по схеме ген. Краснова, отчего они становятся более осмысленными", - отзывался один из летописцев белого движения профессор В.Даватц (71).

Историю эмпирического постижения и умелого использования военно-психологических начал русскими полководцами исследовал Р.Дрейлинг, ярко и убедительно показав "психологизм русской военной школы XVIII века" (см. его работу "Петр Великий и Суворов" в хрестоматийной части) и провозглашая: "В отличие от

более материалистического, более формально теоретического военного искусства Запада, эту нашу русскую школу хотелось бы назвать психологической, так как в ее основание заложена идея развития личности человека - бойца, усовершенствования психических качеств этого бойца... наконец, построена она на глубоких психологических началах" (72).

В середине тридцатых годов в Белграде был издан курс лекций Дрейлинга "Военная психология", который он вел на Курсах Головина (см. в хрестоматийной части), и это издание мы вправе рассматривать как один из первых отечественных курсов в этой отрасли (73). В тот же период яркие, содержательные военно-психологические этюды печатал крупный врач-психиатр и ученый Н.Краинский (74).

Примечательно, что эмиграция наряду с изучением психики индивидуальной много внимания уделила и коллективной (социальной психологии). Большой интерес представляет выдвинутое положение о том, что применение военной психологии в исторических исследованиях призвано изменить самое содержание нашего знания в области военной истории (75). Дальше других в этом шел Н.Головин. Он, как крупный военный ученый синтетического склада (специалист не только в военной психологии, но и в области военной истории, военной теории, социологии), разрабатывал основы науки о войне, которая должна исследовать войну как сложное социальное явление и призвана изучать законы статистики, динамики, эволюции войны. Одна из опор этого знания, наряду с критической военной историей и статистикой, по мысли **Н.Головина**, должна была иметь военно-психологический характер, быть некой "вспомогательной наукой" в виде "психологии войны". Вот как ее представлял ученый:

Социология войны требует для своего обоснования не только большой работы в области индивидуальной психологии, но еще более обширной работы в области *коллективной военной психологии*. При этом рамки последней должны быть раздвинуты и охватывать не только изучение психики "толпы", но и всю область явлений, для которой мы не можем найти более подходящего наименования, как "*социальная психика*".

В чем должна заключаться работа в этой, пока не обследованной, области? Опять обширнейший материал лежит сокрытым в трудах по Военной Истории. Для того чтобы найти его, потребуется тщательная разработка и картотечная классификация.

Одним словом, здесь придется произвести работу, аналогичную с той, на которую мы указывали выше, говоря о разработке индивидуальной военной психологии. Однако, в самых методах использования собранного материала психологией будет некоторая разница. Первая уде-

лит большое внимание психоанализу, иначе говоря, “качественной” стороне наблюдаемого явления; коллективная же психология, в особенности в ее части, изучающей “социальную психологию”, может уделить большое внимание “количественному измерению изучаемого явления”. Имея дело не с отдельными индивидуумами, а с их массой, она может широко использовать метод статистический и при помощи последнего чаще, чем в индивидуальной психологии, находит выявления “закона большего числа”.

Параллельно с вышеуказанной разработкой военно-исторического метода, создание “специальной военной психологии” требует составления ряда монографий. Работы последнего рода ждет опыт, пережитый человечеством в 1914-1918 г.г. К таким монографическим работам должно быть приступлено безотлагательно, пока пережитые впечатления еще свежи. Скромная попытка такого рода сделана автором в его труде “Russian Army in the World War”, напечатанном Carnegie Endowment for International Peace. (Yale University Press. New-Haven. Connecticut. USA. 1931.)

В последних двух главах этой книги автор пытается сделать эскиз процесса разложения Русской армии, приведшего к большевизму. Но автор сознает, что этот абрис должен быть значительно расширен анализом первоисточников. Таковые же существуют в изобилии. Упомянем хотя бы о так называемых “военно-цензурных отчетах”, которые изо дня в день внимательно следили за малейшими оттенками изменений в настроении войск. Внимательный анализ хотя бы этого первоисточника требует многотомной монографии, которая несомненно явилась бы ценнейшим вкладом в “социальную психологию”. **Индивидуальная военная психология должна рассматриваться лишь как вспомогательный отдел “военной психологии”, которая в основной своей части не может быть иной, как “психологией социальной”.**

Невыполнением этого основного, по нашему мнению, положения и грешат все те малочисленные попытки создать военную психологию, которые были до сих пор сделаны.

Война создает условия, при которых деятельность людей каждого из воюющих народов связывается между собою гораздо теснее, нежели в мирное время. Поэтому сколько-нибудь обобщающие выводы, сделанные в одной только области индивидуальной военной психологии, неминуемо осуждены на односторонность.

Однако, только что указанная опасность односторонности, которая грозит индивидуальной военной психологии в том случае, когда она попытается приписать своим выводам более широкое значение, чем они этого заслуживают, грозит также и всей военной психологии. Явления психической стороны войны, которую должна исследовать военная психология, протекают не только в духовной, но и в материальной обстановке. При этом взаимная зависимость духовной и материальной сторон каждого явления войны настолько тесна, что они органически неразделимы. Например: наличие лучшего вооружения повышает дух армии, обладающей им, и понижает дух противоположной стороны; такой же моральный эффект производит и осознанное численное превосходство.

Как часто приходится встречать у военных писателей, желающих выделить первостепенное значение духовного элемента на войне, упущение этой тесной, неразъединимой, взаимной зависимости между духовной и материальной сторонами явлений войны. Не избег подобной ошибки даже такой выдающийся военный ученый, как генерал М.И. Драгомиров. Для доказательства главенствующего значения духовного элемента в армии он противопоставляет духовный элемент материальному: храброго бойца с менее совершенным оружием - трусу с лучшим оружием. Ошибка подобного противопоставления заключалась в том, что наличие отличного вооружения вовсе не обязательно должно совпадать с трусостью. Наоборот, как мы только что говорили выше, наличие лучшего вооружения, при умении владеть им, не только ведет к повышению духа войск, но и к понижению такового же у неприятеля. Результатом подобного ошибочного рассуждения явился следующий парадокс: мы, которые гораздо более говорили до 1914 года о главенствующем значении духовного элемента в войсках, нежели немцы, выступили на войну с артиллерийским вооружением наших дивизий в два раза больше слабым, чем было таковое в германских полевых дивизиях, - и этим самым понизили дух наших войск, понизили веру в свою непобедимость.

Вот почему, хотя военная психология и исследует важнейшую сторону явлений войны, ее выводы не могут почитаться окончательными.

Таковы могут быть сделаны лишь тогда, когда духовная сторона явлений будет вновь воссоединена с материальной стороной. Если принять выводы, сделанные военной психологией за тезу, а выводы, полученные из изучения материальной стороны, за антитезу, то окончательный вывод может быть только синтезом (обобщением), а не противопоставлением.

Отсюда следует, что военная психология, даже в широко раздвинутых рамках, может быть лишь вспомогательной наукой для социологии войны, являющейся высшей синтетической наукой о войне. А потому, если, с одной стороны, создание социологии войны требует скорейшего создания психологии войны, то, с другой стороны, последняя сможет получить правильные руководящие начала только при достаточном развитии социологии войны (76).

Таким образом, очевидно, что русская эмиграция ясно осознавала непреходящую роль военно-психологического знания, стремилась к его развитию и обогатила его своеобразным наследием, доселе малоизученным.

Воинская дисциплина

Воинская дисциплина - одна из основополагающих морально-психологических категорий, которую русская военная мысль наиболее часто отождествляла с душой армии; это то, что прежде всего отличает армию от остальных государственных институтов, то, по чему узнают военную организацию.

Редко кто из военных изгнанников, выступавших в печати со своими работами, не затронул этого вопроса. Весьма примечательно, что начальными редакционными строчками первого номера воссозданного в эмиграции в 1921 году “Военного Сборника” (Белград) были следующие: “Характерной чертой русской революции 1917 года было настойчивое стремление с первых дней ее возникновения расшатать, разрушить и уничтожить армию... Армию терзали извне и изнутри. Вынули ее душу - дисциплину; террором офицерства - ее мозг и сердце. И свершилось... Со смертью старой армии последовало и постепенное умирание России” (77). В этих словах показано значение воинской дисциплины не только для армии, но и всего государства. В обстоятельной статье “Старая и новая дисциплина” соредатор журнала И.Патронов наглядно продемонстрировал всю несостоятельность и преступность попыток революционного времени придумать некую революционную “новую” дисциплину, “керенщину” - взамен традиционной, основанной на вековом опыте и закономерностях жизни армейского организма. При всей допустимой разнице деталей, вытекающей из национальных и бытовых особенностей, сущность дисциплины, по убеждению автора, должна оставаться одной - безусловное повиновение во всех случаях начальнику, который, в свою очередь, несет ответственность за приказание перед законом и действует исключительно в законодательных рамках. “Второе положение - признавал Патронов, - часто игнорировалось в старой армии и особенно в Добровольческой. Оно, - с сожалением добавлял автор, - составит камень преткновения и в будущей русской армии” (78).

В 20-30-х годах в Зарубежье ряд писателей предприняли попытки более глубоко разобраться в сущности, понятии, средствах дисциплины, как явления сложного, зависящего от многих факторов. Философски подошел к этой проблеме А.Попов, определивший воинскую дисциплину как воинскую нравственность, один из видов общечеловеческой нравственности (79). Она, по его мнению, должна рассматриваться в виде совокупности живущих в войске понятий о воински добром и злом, честном и бесчестном. От общей нравственности воинская отличается возвышенностью требований (см. его работу в хрестоматийной части).

Тему разрабатывали также Д.Ольховский и А.Болтунов. Они выразили сущность воинской дисциплины русским словом “*послушание*”. “Русский термин послушание обозначает общее понятие, включающее в себя и “повиновение”, и “подчинение”, и “уважение”, и вообще отдачу не только себя телом, но и своих воли и

ума в распоряжение известной идеи, а за нею и в распоряжение старших носителей ее”, - обосновывал А.Болтунов (80).

Отметим также любопытные размышления на тему “массовая армия и дисциплина”, высказанные А.Геруа в работе “О вооруженных массах”. Он полагал, что в эпоху возросшей активности социальных слоев и громоздких массовых армий дисциплина должна сообразовываться с требованиями времени и опять-таки с особенностями национального характера. Ее достижение должно обеспечиваться применением методов, действенных более в массовой организации, нежели при работе с индивидами. Геруа разработал проект организационной (методологической) части “Устава о воинской дисциплине”, где отразил методы создания и видоизменения дисциплины соответственно изменениям обстановки, показал разницу между дисциплиной индивидуальной и массовой, автоматической и сознательной, особенности дисциплины в разных ситуациях войны и мира, случаи и приемы пресечения и карания массовой преступной воли (81).

Впитавшей в себя выводы по данной теме многих авторов эмиграции можно считать работу “Воинская дисциплина” В.Сигарева, с которой он в 1935 году выступил на страницах “Русского Инвалида” и заключение которой приведем как некий смысловой итог:

Долг службы есть совокупность всех тех обязанностей, из которых складывается служба воина. Но обязанностей множество; одни из них положительные, а другие отрицательные, т.е. одни требуют делать “то-то”, а другие требуют не делать “того-то”. Как те, так и другие идут часто вразрез с установившимися убеждениями, желаниями, привычками исполнителя; они ограничивают его прежнюю свободу действий, стесняют его волю. Вот тут и приходит на помощь сознание необходимости побороть эти стороны своего характера и сделать так, как повелевает долг службы, т.е. подчинить их требованиям этого долга.

Следовательно, сознательная, добрая воля в исполнении всех требований службы и сознательная, а следовательно, и добровольная подчиненность параграфам закона, устава, приказа, т.е. воле начальника и есть тот основной принцип, на основе которого нужно воспитывать каждого воина, чтобы из общей массы их сложилась могучая сила - армия.

Если теперь припомним, что совокупность всех знаний, переживаний, обязанностей мы называем дисциплиной, то в окончательном результате и придем к заключению, что *сущность воинской дисциплины заключается в сознательном, добровольном подчинении своей воли воле начальника и в добросовестном исполнении всех требований, налагаемых воинской службой.*

Сводя все сказанное, приходим к таким, совершенно определенным выводам:

1) для определения понятия, что такое воинская дисциплина, ближе всего подходит такое определение: *воинская дисциплина есть воинское послушание*. Это послушание должен пройти в рядах армии каждый гражданин, чтобы стать воином, готовым отдать жизнь свою для защиты своей родины и гордого в своем сознании, что это он делает сознательно и добровольно.

2) Значение дисциплины для армии колоссально: а) *дисциплина - душа армии*. Без дисциплины армия существовать не может; это будет сборище вооруженных людей, страшных для своих же сограждан; б) *дисциплина - это цемент, связь, та железная сила*, которая спаивает миллионы людей в одно целое; она дает возможность верховному вождю силы всех частей и единиц армии, разбросанных на громадных пространствах театра военных действий, направить в русло своей единой воли; в) *дисциплина - это тот фундамент*, который служит основанием для существования такого сложного организма, как армия.

3) Для прочного, твердого существования армии необходима *дисциплина разумная*, основанная на добровольном, сознательном исполнении каждым своих обязанностей.

4) Чтобы проникнуться духом воинской дисциплины, нужно пройтиковую школу армии, перерождающей волю и разум гражданина и обращающей его в воина.

5) Сущность воинской дисциплины, ее принципы таковы: а) *сознательное и добровольное подчинение своей воле воле начальника* и б) *добросовестное выполнение обязанностей службы*.

Дисциплина для армии - все; становится поэтому совершенно понятным, почему каждому, вступающему в ряды армии и одевающему воинский мундир, говорят: *дисциплина - прежде всего*" (82).

Традиции

Душа армии крепка священными традициями, "остатками духа и характера предков". Огромно значение этих неписаных законов войскового братства, *не только обычаев, но и взглядов, способа рассуждать и действовать, перенимаемых от предыдущих поколений* (83).

В наследии военных изгнанников не удалось обнаружить каких-либо значительных специально теоретических работ, посвященных этому вопросу. В то же время практически всюду, где шла речь о проблемах морально-психологического плана, в тех книгах и статьях, которые здесь уже упоминались, обращалось внимание на необходимость опираться на силу традиций в деле формирования души армии. Правда, при этом изгнанниками чаще

всего подразумевались традиции полков, воинских частей, учреждений, то “особенное”, чем они отличались.

“Передаваемые из поколения в поколения традиции придают воинским частям, носителям их, особое, отличное от других лицо”, - говорилось в разделе “Основы воинского духа” справочника “Армия и Флот”, подготовленного редакцией журнала “Часовой” к 200-летию А.В.Суворова (84). Всячески подчеркивались и культивировались такие традиции, как жертвенная любовь к своему отечеству, верность присяге и знамени, суворовской заповеди “сам погибай, а товарища выручай” и т.д.

Надо сказать, что *понимание смысла и силы традиций выразилось в эмиграции более на практике, нежели в теории*. Более того, на традициях держалась сама организация зарубежного воинства, объединенного в десятки и десятки союзев и обществ именно по принадлежности к полкам, бригадам, дивизиям, родам войск... Их огромным вкладом в военно-историческое знание послужили посильно, но скрупулезно собранные и изданные материалы по историям частей, соединений, военных училищ, кадетских корпусов (85). Многие из эмигрантских военных корпораций издавали свои журналы или газеты: “Александровец” (юнкеров Александровского военного училища), “Вестник Гвардейского объединения”, “Вестник Кавалергардской семьи”, “Вестник Кирасир Его Величества”, “Всезарубежное Объединение Виленцев”, “Жизнь Изюмских Гусар”, “Измайловская Старина”, “Кексгольмская Быль” и множество других, в том числе по полкам Добровольческой (Русской) армии (86). При объединениях и союзах организовывались музеи, библиотеки, военно-исторические кружки... (87). Это помогало изгнанникам выжить психологически в чуждой социально-этнической среде. Не случайно журнал “Часовой” писал: “...Духовно несравненно лучше сохранились те офицеры и солдаты, которые состоят в объединении” (88). Таким образом, традиции - духовная верность России, армии и родному полку, товарищество, любовь к истории и другие явились реальной морально-психологической основой существования “армии” в условиях особых, никогда прежде ею не испытываемых. Военная эмиграция знала цену традициям, но работники пера не считали лишним еще и еще напоминать о них читателю, как это делал, например, П.Краснов в свойственной ему художественной манере:

По небу летят аэропланы. Может быть, в них сидят даже не люди, а таинственные механические роботы и кто-нибудь на земле, зарывшись и укрывшись в сталебетонную башню, управляет ими при помощи невидимых лучей? Ими он заставит роботов бездушно и механически сбросить

где нужно бомбы страшной разрывной силы, или начиненные смертоносными газами... Ни красоты, ни подвига не будет в его поступке.

По земле, кряхтя и скрипя железными цепями, в непроницаемой стальной броне медленно и настойчиво ползут, все сокрушая в своем движении, тяжелые танки. Управляемые невидимой рукой, точно усики каких-то громадных, страшных насекомых, ворочаются в них длинные дула пушек и несут смерть.

Безобразные, в старых, обвалянных грязью мешках, поднялись люди. На их лицах какими-то хоботами свисли маски противогазов. За спинами резервуары огнететов, в руках стальные наконечники.

Такова современная западная война. Ни красоты, ни яркого, влекущего подвига. Тяжелое исполнение долга, более того, - неизбежность: - или я пойду и убью, или меня убьют - выбора нет... и грозная смерть.

В парижском Grand Palais большой день, отмеченный в рекламах, расклеенных по городу красными буквами: выступление Сомюрской офицерской кавалерийской школы. Высшая школа манежной езды, выступление прыгунов (Sauters) и барьерная езда. Цены повышены. Громадный манеж, вмещающий несколько тысяч народа, битком набит публикой.

Оркестр 46-го пехотного полка играет Марсельезу. Вся публика встает. Мужчины обнажают головы. Через манеж по мягкому песку, мимо высоких белых барьеров, окруженный генералами в голубых френчах с длинными юбками и в красных круглых фуражках, расшитых золотом, и штатскими в черных официальных цилиндрах проходит президент господин Думерг.

И эта многочисленная публика, и присутствие президента, и парадность скакового дня показывают, что то, что будет, считается нужным, важным и необходимым<...>

В этом маленьком манежном представлении большой смысл, а для нас, Русских, смысл особенный. Мы живем в период революции, тогда, когда с таким легким сердцем кричат всевозможные "долгой". Докричались уже до того, что отреклись от Бога и самому имени России прокричали: - долгой!

Пусть этот урок республиканской и демократической Франции пойдет и нам на пользу, когда после дикой свистопляски всяких "долгой", стоя перед голым полем, заваленным мусором, станем мы выбирать из прошлого то, что нужно для армии: - армии роботов, удушливых газов, масок, нажимов, номеров, стали и смерти - пусть вспомним мы тогда, что красивые традиции прошлого родят красивые поступки, а красивые поступки сродни героизму. И только героизм может остановить тяжелую поступь машин и победить любого врага.

Перед лицом смерти, - если нужно - наденем уродливую маску, провоняем керосином и бензином и всякой химией, но там, где только можно будет, - будем красивы и благородны в своих поступках. Умирать легче в парадной форме - и парадная форма вернее ведет к победе - это понимали наши предки. Современная война не позволяет этой роскоши, но там, где мы к ней готовимся, где мы о ней думаем - будем думать о ней

красиво, будем внушать, что сладко умереть за Родину и последуем примеру уже пережившей не одну революцию Франции, ставшей республиканской и демократической, но свято хранящей в своих школах и особенно школах, где дух первенствует, старые традиции императорской и королевской Франции.

И у нас есть свои не менее славные традиции, связанные с именами наших Императоров и Императриц...

Будем их свято хранить и беречь. Это то, что никогда не умирает, - это от Бога (89).

Искусство командования. Моральная сила военных вождей

Способность армии побеждать, ее нравственное состояние и облик в значительной степени зависят от уровня, качества, культуры руководства войсками - еще одной из морально-психологических основ вооруженной силы. Военная история и современность полны примеров, когда войска не просто осознанно, но порой слепо повинуются своим вождям, когда одно лишь имя полководца окрыляет их и ведет на смерть.

В отражении искусства командования военной мыслью эмиграции можно выделить *два аспекта*. Первый - акцентирование внимания на нравственно-деловых качествах начальников, дающих им возможность действовать, влиять на подчиненных силой личного примера. С.Добrorольский подчеркивал, что в обстановке современного боя главным средством управления служит пример начальника, а чтобы подавать этот пример, нужно не только основательно знать военное дело, но обладать комплексом духовных свойств, внушающих к себе уважение людей (90).

Известный русский военный теоретик А.Свечин (с которым изгнанников - генштабистов связывало многое - от скамьи академии до горнила боев и которого большинство из них ценило как выдающегося военного писателя, несмотря на его службу "Советам"), в своей "Стратегии" говорил: "Заботливость о сохранении человеческих жизней, выдвижение вперед интересов общего блага и неумолимое преследование всяких проявлений личного эгоизма... создают и на войне высокую моральную устойчивость. Армия... в самоотверженности своего командного состава может почерпнуть огромный моральный импульс" (91).

И у Добrorольского, когда он говорит о знании дела, и у Свечина, подчеркивающего заботу начальников о сохранении жизни солдат, заложена мысль уже не только о личном примере, но и о том, без чего весь набор их высоких нравственных добродетелей

окажется бессильным. Речь уже - об умении командовать. Это *второй* аспект рассматриваемого вопроса.

Искусство руководства войсками талантливо сжато раскрывается В. Доманевским в работе “Сущность командования” (см. хрестоматийную часть). В ней ясно и убедительно показаны составляющие успеха командира, где опять-таки на первый план выходит духовная сторона: “Командовать, значит согласовать требования с нравственным уровнем подчиненных... силы психологические руководят событиями”.

Между тем, детально и откровенно анализируя русское полководчество в Первой мировой войне, военная мысль эмиграции делала безотрадные выводы. Жесточайшей критике подвергли стратегическое управление российской армией Н. Головин, В. Флуг, В. Драгомиров, А. Керсновский и др. Последний, признавая отдельные достижения на оперативном уровне, о стратегии писал: “Переходя к оценке русского полководчества, будем кратки: его не существовало” (92).

В. Драгомиров и В. Флуг, кстати, лично проявившие в ходе войны блестящие образцы военного искусства при командовании соответственно корпусом и армией, написали в эмиграции работы, где предметом были преимущественно недостатки нашего командного состава (93). **В. Драгомиров** (также сын М. И. Драгомирова) в конце своих размышлений заостряет взгляд именно на психологических аспектах влияния начальника на массу, его умение вести ее к победе, используя власть экстаза:

Этот экстаз можно испытать на деле после победы, но его можно и предвкушать. Сознание своих сил, своей подготовки, память о прошлых победах распяляет экстаз. Они возбуждают стремление удовлетворить его во что бы то ни стало. Ум, играющий подчиненную роль, подскажет способы удовлетворения господствующей страсти. Всякая извне встречаемая слабость только подливает масла в огонь. Разум перестает быть беспристрастным и подсказывает угодные решения.

Если такова власть экстаза, то обратно: полководец, не умеющий дать удовлетворения этой душевной потребности, будет безвластен над людьми, идущими в бой. Часто он ничего не добьется, кроме формального подчинения. Его могут любить, если он заботлив, отечески относиться к подчиненным, но за ним не пойдут и слушаться его не станут. Роль Куропаткина в Маньчжурии характерна в этом отношении.

Инстинкт массы в этом непогрешим. Она сразу узнает, кто ведет к победе и кто руководится эгоистическими побуждениями, не знает дела, вольно или невольно играет кровью людей. Это единственное преступление, которое масса никогда не прощает. Кто повинен в этом - теряет власть над людьми. Масса реагирует на это всякими способами, от чисто

пассивных до активных, от формального повиновения до открытого неповиновения.

То, что сказано выше относительно полководца при нынешних условиях, относится вообще к командному составу. Его самоотвержение и знание им дела совершенно аналогичны роли полководца в прежнее время.

Со скорбью следует признать, что *русский командный состав не был чужд греху: он играл кровью людей*. Причины этого указаны выше и повторять их излишне. Но неудовлетворенная жажда победы, разочарование, утомление, ужас перед новыми жертвами, оскорбление неуважением к проливаемой крови повели как в армии, так и в стране к забвению евангельской истины: "Претерпевший до конца, - спасен будет". Вместо самоотвержения заговорил голос дурных страстей, со всеми последствиями, которым подвергаются человеческие общества, поддающиеся этому голосу и забывающие, что их существование возможно только при следовании закону самоотверженного взаимного обслуживания друг друга (94).

Отмечая фактически отсутствие в России начала XX века военных вождей общенационального значения, военная мысль эмиграции обращала свой взор в историю. Имена Петра I, Суворова, Скобелева не сходили со страниц военной печати Русского Зарубежья, особенно на стыке 20-х и 30-х годов, когда эмиграция, в отличие от советской России, широко отмечала 200-летие со дня рождения Суворова (1930), 50-летие со дня смерти Скобелева (1932). Поклонение памяти первому из них вызрело среди писателей Зарубежья почти в культ. Вновь и вновь возвращались эмигранты к суворовскому гению, неизменно подчеркивая его непреходящее значение, "*мистическую силу над душами людей*", сотворившую из полководца легенду. Н.Головин, Н.Колесников, А.Драгомиков, Б.Штейфон, А.Геруа, А.Баиов и другие авторы посвятили Суворову большие и малые работы (95).

Подобным Суворову считали "белого генерала" Скобелева. Последним, приблизившимся в своем искусстве к легендарным именам, по праву признавали генерала Н.Юденича - героя Сарыкамыш и Эрзерума.

В светочах русского военного дела изгнанники видели идеал искусства вождения войск, нравственный пример и национальную гордость. Подчеркивалась не только военная, но истинно государственная мудрость полководцев. Как пример почитания их изгнанниками - блестящее слово **А.Керсновского** к 50-летию со дня кончины М.Скобелева:

Белому Генералу сейчас было бы 87 лет. Он на два года старше фельдмаршала Гинденбурга и ровесник благополучно здравствующего

генерала фон Клука.. В генералы он был произведен на двенадцатом году службы, а служил родной армии всего лишь девятнадцать лет...

Мы не будем здесь касаться его прохождения службы - польского восстания, Академии, туркестанских походов - хивинской и кокандской экспедиций. Скажем лишь, что Скобелеву кампания 1877 года, столь неудовлетворительно проведенная, обязана большей частью того, что было в ней блестящего, в частности сокрушительной победой - пленением армии Весселя-паши при Шейнове в единственном маневренном сражении за всю кампанию на Балканах.

Ничтожные люди, с завистью и неприязнью относившиеся к 34-летнему генералу с Георгиевской Звездой, не дали возможности его гению развернуться в полном своем блеске. Получи Скобелев в день 18-го июля отряд, соответствовавший его тогдашнему чину, не было бы "второй Плевны" и последовавшего за ней национального унижения. 31-го августа он овладел редутами - ключами Плевны (верхом на белом коне повел на них Владимирцев и Ревельцев). Тщетно умолял он генерала Зотова (был такой) поддержать его частью многочисленных, не бывших еще в деле, резервов. Получи тогда он хоть бригаду - и Плевна была бы взята штурмом, и престиж русского оружия поднялся бы на недостижимую высоту. Война была бы окончена до наступления зимы, и мы не имели бы замороженных дивизий на Шипке и тифозных кладбищ у Соголанлуга...

Затем презренная дипломатия, испугавшись дымков английских броненосцев, остановила его у самых ворот Царьграда!

В первый, и, увы, в последний раз Скобелев получил самостоятельность в ахалтекинскую экспедицию. Эта наиболее крупная и наиболее трудная из наших колониальных войн была проведена им так блестяще во всех отношениях (сказался колоссальный его организаторский талант), что до нее далеко трансваальским походам Китгенера и Френча.

Скобелев и Макаров обменялись Георгиевскими Крестами. Крест Скобелева теперь на дне Тихого океана. Вечный ужасный рок, преследующий Россию, подобно египетской казни поражающий ее первенцев, ее лучших сынов!

Суворов умер 70-ти лет. "Он был стар, но, конечно, не мог считаться "глубоким стариком" - он мог бы еще разбить Наполеона при Аустерлице! Кутузов мог бы дожить до вступления в Париж и не дать возможности иностранным полководцам присвоить себе победы, одержанные русской кровью.

Суворов и Кутузов умерли в старости. Но что же сказать о безвременной смерти других?

В красивом бою у Кайнарджи, где дивизия генерала Вейсмана с налета опрокинула пятеро сильнейшую турецкую армию, у нас был лишь один убитый офицер - сам Вейсман, сраженный пулей прямо в сердце. Ему было 36 лет. Вся армия оплакивала того, в ком видели второго Румянцева. "Вейсмана не стало, я остался один", - писал Суворов.

33-летний главнокомандующий Дунайской армией, Каменский младший, после блестящих кампаний в Финляндии и в Добрудже умирает от

скоротечной чахотки. Его весенней кампании 1811 года - походу на Царьград - не суждено было сбыться.

Багратион смертельно ранен 47 лет от роду. Творец Кавказской Армии Котляревский 34 лет растерзан картечью под стенами Ленкорани и вынужден навсегда покинуть службу... Колчак погиб 45 лет, Врангель 49, Кутепов на 48 году...

Ни один из этих вождей и героев не дожил до пятидесяти лет. Одни лишь прусские фельдмаршалы неукоснительно переваливают за девяносто.

Скобелеву было бы 60 лет к началу Японской войны. Его верный Куропаткин по-прежнему был бы его начальником штаба. Маршал Ояма жил бы в Калуге в том самом доме, где до него квартировал Осман-паша.

А в 1914 году белый Генерал (бывший бы к тому времени, конечно, фельдмаршалом) повел бы Русскую Армию к новым бессмертным победам...

Но Бог судил иначе.

Орлиный век короток. И Скобелев ушел на 38 году. Это был более чем военачальник - полководец, и более чем полководец - он сочетал в себе военный гений с той истинно государственной мудростью, которой недоставало нашим патентованным политикам и дипломатам.

Своими духовными очами он за тридцать лет прозрел сараевский выстрел. В 1882 году он предвидел 1914 год. Его парижская речь сербским студентам, речь, открывшая глаза славянству, является большей заслугой перед Родиной, чем победа при Шейнове.

Скобелеву было дано то, что не было дано его современникам, за исключением Достоевского. И этих двух величайших русских людей XIX века нам суждено было оценить вполне по достоинству лишь в изгнании (96).

Идеалы борьбы и стратегия духа

В XX веке на арену вооруженной борьбы полномасштабно выступили народные массы, классы, целые нации. А они могут сражаться только за понятные идеалы и близкие сердцам принципы или выгоды. Театры военных действий с пространств земли, воды и воздуха в значительной мере переместились в четвертую стихию - души людей. Войны, являясь следствием не только политико-экономических, но и идейно-духовных противоречий, во многом стали иметь психологический характер. Следовательно, армия, ведомая в сражения или готовящаяся к ним, должна быть вооружена еще и идейно, и закалена психологически. Идеалы, идеи, во имя которых люди идут на возможную смерть, - это та

сила, которая придает высший смысл духовному напряжению борцов. Привитие таких идей армии, а также ограждение ее от идеологического контрдействия противника - одна из главных морально-психологических основ армии.

Военная мысль эмиграции не могла пройти мимо идеологического фактора современной войны. В период с 20-х по 50-е годы она неоднократно ставила и теоретически пыталась разрешить вопросы агитации и пропаганды, “психологической войны”, идейно-психологического измерения “малых”, “партизанских” войн.

Прежде всего подчеркивалось, что яркой иллюстрацией силы идейно-политического и агитационно-пропагандистского оружия стали разложение и гибель русской армии в 1917 году, а также Гражданская война в России, участниками которой было большинство изгнанников. Такие авторы, как А.Геруа, Е.Месснер, Б.Штейфон, А.Мариюшкин и другие отмечали, что гражданской войне “более близка борьба словом, нежели борьба мечом”, что в ней полагаются больше не на сухую логику, умовой расчет, а на “порывы в чувствах и впечатлениях, в страсти, обаянии и настраениях”. “В гражданской войне операции на социальном театре столь же важны, как и военные операции”, - заключал Е.Месснер (97).

Заметим, что в годы братоубийства в России обе стороны активно применяли средства агитации и пропаганды. Опыт здесь был на стороне революции, и принято считать, что красные и в этом оказались на голову выше (так считали и многие эмигранты). Однако некоторые новые исследования историков свидетельствуют о достаточно профессиональном уровне работы политических и информационно-осведомительных отделов белых; главные причины их поражения в идейно-психологической войне усматриваются не в просчетах специальных служб, а во внешних по отношению к ним обстоятельствах (98).

Большинство писателей, заостряя внимание на духовно-политическом факторе войны, обосновывая всю его первостепенность, тем не менее почти не углублялось в технологию этого вопроса. Несколько конкретнее высказывались по этому поводу исследователи, занимавшиеся военной психологией. Например, Н.Краинский (см. его работы в хрестоматийной части) полагал, что как раз эта наука должна не только *изучать дух армии*, но и *указывать способы его создания, поддержания и разложения*.

Однако наиболее предметно на этом направлении трудился Н.Колесников, многолетний редактор-издатель военно-научного журнала “Армия и Флот” (Шанхай). Все его творчество, выражен-

ное в тысячах статей и десятках книг, пропитано мыслями о “воспитании духа”, о системной работе по целенаправленному воздействию на сознание воинства, привитие ему понятий о долге, чести, Родине... Наивысший интерес мог бы вызвать его труд “Стратегия духа”, посвященный, по словам автора, изучению вопросов духа в систематической, научно обоснованной форме, с выведением соответствующих аксиом и законов (исследование дела агитации и пропаганды) (99). Но, к сожалению, до России он не дошел, во всяком случае, в фондах хранения наследия эмиграции его следов обнаружить не удалось. Исходя из многочисленных разрозненных статей Колесникова на эту тему, можно утверждать, что под “Стратегией духа” он подразумевал не только опыт исследования агитации и пропаганды, но всю совокупность вопросов, связанных с борьбой идей, формированием идеалов, морально-психологической подготовкой как армии, так и всего народа (См. его материал в хрестоматийной части). Он вел речь о “новом властном двигателе войны”, предрекая именно то, что впоследствии получило наименование психологических войн. О них эмиграция в полный голос заговорила уже после мировых потрясений 1939 - 1945 г.г.

“Война психологическая ужасна тем, что средства ее действия не содержат призыва к насилию, к грубости материальной или физической, но *действуют коварно-разлагающе на души людей*”, - писал Н. Солодков. Его представления об этом виде войны кратко можно выразить в следующем. Психологическая война - это испытание нравственных устоев нации. Она подрывает мораль как бойцов, так и всего населения, убеждая своими доводами, что их дело не правое. Ее приемы базируются, как правило, на подкопе под нравственные чувства человека, игре на самых низменных человеческих инстинктах. Эффект при этом не может быть мгновенным, поскольку нарастание соответствующих убеждений происходит довольно медленно и требует непрерывности и методичности. Усилия психологических ударов почти всегда направлены на возбуждение и стимулирование таких актуальных для людей чувств и инстинктов, как страх за персональную жизнь, беспокойство за близких, ощущение недостатка питания, боязнь потери личных благ, половой голод и т.п. Главный метод здесь - *активная пропаганда*, в основе которой - использование средств массовой информации и спецсредств. Пропаганда должна базироваться на научных основах, опираться на факты и реальные события. Достижение этой задачи невозможно без специального контингента профессионалов (100).

Чрезвычайно интересные разработки велись в 50-е годы и позже Б.Хольмстон-Смысловским и Е.Месснером. Их внимание было сосредоточено на изучении “лика” современной войны и предвидении характера будущей. Месснер утверждал, что “третья всемирная” война уже вступила в свою первую стадию, имя которой - “мятеж”, подразумевая под этим непрерывную цепь всевозможных локальных войн и конфликтов, а также террористические крупномасштабные акции. Он писал о том, что атомная бомба перевернула многое в военном деле, но политика перевернула все: она поднимает против воинства массы иррегулярно воюющих врагов, поднимает в тылу часть собственного народа, иррегулярно борющуюся против власти и армии, поднимает в самом воинстве идеологическое дезертирство, измену, неповиновение. “Воинство, борясь против “комаров” иррегулярности, - говорил Месснер, - должно в то же время беречься от “паразитов” политики, проникающих в его организм” (101). Современная вооруженная борьба, по убеждению ученого, есть психологическое воевание и потому требует от каждого офицера в каждый момент его деятельности психологического подхода к решению каждой перед ним возникающей проблемы.

“Идеи рождают психику, а психика создает бойца и новую форму боя” - такой формулы придерживался в своих суждениях Б.Хольмстон-Смысловский, полагавший, что идеи революций, различных “социальных брожений” порождают “малые” или “партизанские” войны, которые становятся основной формой военных действий. Причем автором современной военно-политической доктрины “малой” войны он небезосновательно называл Советский Генеральный штаб. Писатель, наряду с тактической, оперативной и стратегической сторонами такой войны, исследовал ее политические и психологические аспекты, в полной уверенности, что “малая” война - прежде всего психологическая война. *Психология “малой” войны - это сумма психологий толпы, политических движений и войсковых масс* и потому очень сложна. Тяжесть командования и управления в подобной войне сосредоточена в большей мере на политически-психологическом фронте, нежели на фронте традиционном. “Для подготовки Малой Войны политика должна обеспечить командованию все идеологические, политические, пропагандные и социальные аспекты ведения этой революционной огневой кампании. Без выполнения государственной политикой своего национального дипломатического долга нельзя рассчитывать, что вооруженное столкновение, даже ус-

пешное, не будет куплено ценою большой крови”, - заключал Б.Хольмстон - Смысловский (102).

Как видим, военная мысль в изгнании совершенно ясно осознала, что душа армии в наш век сама превратилась в объект борьбы и требуется разработка “стратегии духа”, без которой стратегия материального действия становится бессильной. Неизменно подчеркивались “психологический” характер современной войны, необходимость идейно-политического воспитания воинов, “психологической гигиены”, приоритетность “политического крещения” перед “крещением боевым”.

* * *

Сущностью жизни и творчества, средством выстоять в тяжелых условиях изгнания, принципиальной мировоззренческой позицией русской военной эмиграции был ее военный идеализм. Он неизменно утверждал превосходство духа над материей в вооруженной борьбе, полагал дух во главу угла ратного дела, а душу армии превозносил как животворящее начало. Душа главенствует над “телом” армейского организма, ибо в ее глубинах живут “гены”, обеспечивающие преемственную связь поколений воинов, веками вырабатывающие и закрепляющие в войске морально-нравственные качества (добродетели), определяющие национальный характер армии, позволяющие ей осознанно выполнять долг по защите Отечества, одерживать победы и возрождаться в случае поражений или упадка.

Знание о душе армии (совокупность работ по данной проблематике) достаточно системно и раскрывается через морально-психологические основы вооруженной силы: государственно-политическое и военное сознание воинов, национальный характер военного дела, воинский дух, воинское воспитание, военную психологию, воинскую дисциплину, традиции, искусство командования и моральную силу вождей, идеалы борьбы.

Творчество и научно-образовательная деятельность русской военной эмиграции имели ярко выраженную духовную направленность. Изгнанники проявили устойчивый интерес к духовному фактору в военном деле, создали множество работ, посвященных “нравственному элементу”, включили психолого-педагогическое знание в программу обучения на высших военнопедagogических и военно-училищных курсах.

Значение огромной духовной работы русской военной эмиграции прежде всего состоит в том, что в течение десятилетий советского периода нашей истории изгнанники бережно сохраняли для будущих поколений защитников Родины сам дух русской армии и память о ней. Скачкообразному развитию военно-психологических и педагогических знаний в Советском Союзе 20-

30-х годов, коммунистической партийности, атеизму, интернационализму воспитания Красной Армии военные эмигранты противопоставили последовательную преемственную проработку духовных аспектов военного дела, проповедь внепартийного, религиозного, национально-исторического формирования души будущей российской вооруженной силы.

Поэтому сегодня, в момент ощутимой идеологической растерянности армии, поиска ею надежных духовных оснований — самое время трезво и вдумчиво изучить творчество и заветы последнего поколения воинов императорской России и учесть их в создании качественно нового морального облика вооруженных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В последние годы в различных издательствах вышел ряд трудов. Среди них: Деникин А. Поход на Москву: (Очерки русской смуты) / Белое движение: начало и конец. - М.: Московский рабочий, 1990. - С.104 - 346. Он же. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль - сентябрь 1917. - М.: Наука, 1991. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское /Белое дело: Дон и Добровольческая армия. - М.: Голос, 1992. - С.5 - 209. Богаевский А.П. 1918 год /Белое дело. Ледяной поход. - М.: Голос, 1993. - С.5 - 112. Врангель П.Н. Записки. Часть первая /Белое дело. Кавказская армия. - М.: Голос, 1995. Он же. Записки. Часть вторая. Последний главком. - М.: Голос, 1995. Шкуро А.Г. Записки белого партизана / Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.:Голос, 1996. - С.75 - 246. Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Там же. С. 247 - 350. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. - С.-Пб.: "Logos", 1994. Туркул А. Дроздовцы в огне / Я ставлю крест... - М.: Воениздат, 1995. - С.5 - 182. и др.

Все они носят мемуарный характер (с большим или меньшим элементом исследования) и посвящены почти все лишь теме Гражданской войны.

2. Труды военной эмиграции теоретического, специального характера переизданы в следующих изданиях: Керсновский А.А. История русской армии, в 4 томах. - М.: Голос, 1992 - 1994. Российский военный сборник. Вып. 3,5,6,9,11,12. - М., 1994 - 1997. Философия войны: (Серия "Библиотека российского офицера"). - М.: Издательский центр "АНКИЛ - ВОИН", Российский военный сборник, 1995. Российские офицеры (серия "Библиотека российского офицера"). - М.: Издательский центр "АНКИЛ - ВОИН", 1995. и др.

3. Образцов И.В. Концепция "Социологии войны" в трудах Н.Н.Головина. Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. - М.: МГУ, 1992; Ушаков А.И. История Гражданской войны в литературе Русского Зарубежья. - М., 1993; Домнин И.В. Военная грань российской эмиграции /Российский военный сборник. Вып. 6. Русское Зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. - М.: ГАВС, 1994.- С.12-48; он же. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли /Вопросы истории. - 1995.- №7. - С.112-120; Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии: монография. - Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995; Дырин И.А. Военно-политическая мысль русского зарубежья 20-40-х годов о военной доктрине. Автореф. дис. ... канд. политол. наук. - М.: Военный университет, 1996.

4. Только в работах И.Домнина и С.Устинкина более или менее полно затрагиваются вопросы отражения в трудах военной эмиграции духовно-этической жизни армии.

5. Выражение М.Хайдеггера о предназначении философии: “делать вещи более тяжелыми (трудными)”. См.: Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге... - М.: Высш. школа, 1991. - С.146.
6. Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. - 1937. - № 130-132. - С. 33.
7. Армия и Флот (Шанхай). - 1932. - № 7 (1168). - С. 41, 44.
8. Новое Время (Белград). - 1928. - № 2016. - С. 2.
9. Русский Инвалид (Париж). - 1934. - № 72.
10. Диский А. Утопическая идея и ее реальное осуществление /Корниловцев (Горно-Панчирево, Болгария). - 1922. - № 2. - С. 6-7.
11. Геруа А. Полчища. - София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1923.
12. Колесников Н.В. Примитив /Россия (Шанхай). - 1925. - № 171. - С. 1.
13. Штейфон Б. Ценность опыта Гражданской войны. /Новое Время. - 1929. - №№ 2451, 2464. Он же. Психология гражданской войны /Царский Вестник. - 1930. - № 123. Геруа А. Стихия гражданской войны /Новое Время. - 1929. - №№ 2573, 2581, 2590. Керсновский А. Ко второй гражданской войне /Царский Вестник (Белград). - 1930. - № 116. Месснер Е. О гражданской войне /Вестник Военных Знаний (Сараево). - 1930. - № 7. - С. 22-24.
14. Хольмстон-Смысловский Б. Избранные статьи и речи. - Буэнос-Айрес: “Российское военно-национальное освободительное движение им. Ген. А.В.Суворова”, 1953. Он же. Война и политика. Часть I. Партизанское движение. - Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1957. Солодков Н. Психологическая война /Часовой (Брюссель). - 1956. - № 366. - С. 6-8. Месснер Е. Всемирная мятежьюна. - Буэнос-Айрес: Издание Южноамериканского Отдела Института для исследования проблем войны и мира имени проф. ген. Н.Н.Головина, 1971. Он же. Мятеж - имя Третьей Всемирной. - Буэнос-Айрес, 1960.
15. Штейфон Б. Шесть недель. Военно-философский очерк /Военный Журналист. - 1940. - № 20. - С. 7. Геруа А. Полчища. - София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1923.
16. Философия войны. - М., 1995. - С. 218.
17. Там же. - С. 96.
18. Например, Н.Головин предостерегал от абсолютизации данного принципа, недиалектичности его проповедования (его главным оппонентом в эмиграции был Б.Штейфон). Об этом кратко см. во фрагменте из труда ученого на стр. 517 данной книги.
19. Краснов П.Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии. - Берлин: Медный Всадник, 1927. Брюнелли П. Душа Армии. Философские и психологические основы побед Великой Русской Суворовской Армии в войну 1939-1945 г. с Германией. - Женева: Издание Исторического Кружка Памяти Свиты Е.В. Генерал-майора З.А. Мдивани “Эриванская летопись”, 1946. Титов М.С. Душа армии /Сигнал (Париж). - 1938. - № 37.
20. Краснов П.Н. Душа Армии. - С. 27, 129.
21. Попов А. Понятие о воинской дисциплине /Военный Сборник. - 1924. - Кн. 5. - С. 147.
22. Он же. Там же. С. 142-143.
23. Патронов И. Старая и новая дисциплина /Военный Сборник. - 1922. - Кн. 2. - С. 221.
24. Сигарев В. Воинская дисциплина /Русский Инвалид. - 1935. - № 82. - С. 2.
25. Мариюшкин А. Помни войну /Философия войны. - М.: Издательский центр “АНКИЛ-ВОИН”, Российский военный сборник, 1995. - С. 119.
26. Месснер Е. Мысли о Генеральном штабе /Военный Сборник. - 1925. - Кн. 7. - С. 56.

27. Керсновский А. Чем нам быть? /Часовой. - 1939. - № 238-239. - С. 19. Он же. О нашем близком служении /Часовой. - 1940. - № 240-241. - С. 29.
28. Новицкий Е.Ф. Пощечина /Русский Инвалид. - 1931. - № 13. - С. 5.
29. Головин Н.Н. Предисловие /Краснов П.Н. Душа Армии. - С. 6.
30. Брюнелли П. Душа Армии. - С. 31.
31. Титов М. Душа Армии. Сигнал. 1938. - № 37.
32. Брюнелли П. Душа Армии. - С. 17-19.
33. Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России. Взгляд из истории. - М.: Военный университет, ассоциация "Армия и общество", 1995. - С. 83-84.
34. Психология. Словарь. - М.: Политиздат, 1990. - С. 112. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1989. - С. 185-186. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1986. - С. 157. Военный Энциклопедический Словарь. - М.: Воениздат, 1984. Военная педагогика. - М.: Воениздат, 1973. Военная психология. - М.: Воениздат, 1972. Краткий словарь основных понятий морально-психологического обеспечения деятельности войск (сил). - М.: Военный университет, 1996; другие издания.
35. Ильин И.А. Духовный смысл войны. - М., 1915. - С. 26.
36. Болтунов А. О воинском воспитании /Военный Сборник. - 1928. - Кн. 9. - С. 85. Тысячи книг и статей в периодике на эту тему опубликованы в конце XIX - начале XX веков. Широко известны такие авторы, как М.Драгомиров, Д.Трескин, Н.Бутовский, М.Бонч-Бруевич, П.Изместьев, Н.Ухач-Огорович, М.Галкин, С.Гершельман, А.Шеманский, Н.Головин, Г.Шумков и многие другие. Достаточно емкое представление о направленности и характере работ можно составить по источникам: О долге и чести воинской в Российской армии: собрание материалов, документов и статей. - М.: Воениздат, 1991; Феденко Н.Ф., Раздуев В.А. Отечественная военная психология (середина XIX - начало XX века): Библиографический указатель. - М.: ГАВС, 1992; Барабанщиков А.В., Иванов В.Н. История отечественной и зарубежной педагогики в трех частях. Ч. III - Голицыно: Голицинский военный институт пограничных войск РФ, 1995. - С. 4-69. Особенно следует отметить: Антология военно-педагогической мысли России. Часть I-IX. - Новосибирск: Новосибирское высшее военное командное училище МВД РФ, 1992. Авторы-составители Березин В.Ф., Каменев А.И., Рукавицын И.М. собрали хрестоматийный материал, охватывающий период от времен Древней Руси до 1941 года, в т.ч. некоторые источники, касающиеся белого движения, авторства отдельных военных эмигрантов (правда, более исторического, нежели педагогического характера).
37. Деникин А. Старая армия. - Париж, 1929. - С. 128.
38. Болтунов А. О воинском воспитании. - С. 85.
39. Краснов. П.Н. Душа Армии. - С. 27.
40. Краснов П.Н. Армия /Русский Колокол (Берлин). - 1928. - № 3. - С. 9.
41. Шавров А.В. Право частной собственности в возрожденной России: Открытое письмо генералу от кавалерии В.И.Гурко (Аполитичность армии: Армия вне политики). - Белград, 1930. - С. 122-123. Полемика между В.И.Гурко и А.В.Шавровым происходила в 1929-31 гг. на страницах "Царского Вестника" и "Русского Голоса". Позиция генерала Гурко заключалась в установке: после освобождения России от большевиков армия должна быть вне политики. Полковник Шавров утверждал, что армия не может стоять в стороне от политики, ибо она сама "вооруженная политика" и всякий военный служащий не только солдат, но и член государственной политической "партии", стоящей у власти. Эти и многие другие авторы указывали на государственный нигилизм старой армии и ее пресловутое "молчание" при отречении "любимого монарха".
- Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что значительная часть кадрового русского офицерства все-таки сказала свое слово государственных, став в ряды белого движения, которое *по сути* выступало против разрушения государствен-

ных основ (на деле не сумев государственно организовать). **И.А.Ильин** настойчиво подчеркивал именно государственный смысл белой армии, выражая его идеализированно и метафизично: *"И вот, на наших глазах весь путь белой армии приобретает единый и великий государственный смысл. Смысл, обращенный не к отвержению настоящего, хотя и проникнутый этим отвержением; смысл не стратегический и не политический, хотя оформленный и стратегически, и политически. Смысл, обращенный к будущему, к основам возрождающейся в будущем новой, великой и неодолимой России. Весь путь белой армии был выстрадыванием и закреплением нового духовного уклада, нового способа гражданственного бытия, нового строения души у воина и у гражданина. Все опасности, все неудачи, все испытания - делали одно дело: они выделяли, воспитывали, закаляли и спаивали - кровью и любовью, бедою и подвигом - гражданственные кадры для новой России. Самое бытие белого воина, - все претерпевшего и утвердившегося, уже содержит в себе духовно-государственную идею новой России: это идея автономного патриотизма; идея добровольной субординации; идея насмерть отстаиваемой чести; идея о том, что родина выше имущества, семьи и жизни; идея государственной ответственности личного атома за общее дело; идея о том, что государство строится не только приказом и законом, но любовью и долгом, сросшимися в живой подвиг; идея о том, что истинный гражданин живет не страхом и не алчностью, а силою убежденности и общим, единым для всех интересом; идея о том, что гражданин призван активно и вооруженно бороться с предателем и врагом своей родины; идея о том, что публичная дееспособность гражданина измеряется его способностью к самоотречению и верности..."* (Ильин И.А. Государственный смысл белой армии /Русская Мысль. - 1923-1924. - Кн. 9-12. - С. 242.).

43. Галай Н. Армия и политика /Сигнал. 1937. - №18.

44. См. Российский военный сборник. Вып. 11. Военно-Морская идея России. Духовное наследие Императорского флота. - М.: Военный университет, Общественный совет 300 лет Российскому флоту, Русский путь, 1997. - С. 526-527.

45. Залесский П. Возмездие: (Причины русской катастрофы). - Берлин, 1925. Фактически вся книга - о недостатках прежней государственной и военной системы.

46. Вестник Военных Знаний. - 1930. - № 5. - С. 11.

47. Русский Инвалид. - 1934. - № 72.

48. См. Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России. Взгляд из истории. - М., 1995.

49. Военный сборник. - 1930. - Кн. 11. - С. 34-35. О возрождении национального духа армии также смотри: Российский военный сборник. Вып. 9. - С. 316-318.

50. Судить о его содержании мы можем по отзыву генерала К.Апухтина "Причины постепенного упадка русского военного искусства Б.Штейфона" . (Царский Вестник. - 1934. - № 381. - С. 3.).

51. Вестник Военных Знаний. - 1932. - № 3 (16). - С. 7.

52. Керсновский А.А. История русской армии... - М., 1992. - С. 7. Заметим: к сожалению, в данном издании в начале книги на стр. 7 допущена грубейшая опечатка: Вместо словосочетания "ересь **анациональности** военного искусства..." дано "ересь национальности..."

53. Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. - 1937.- №130-132.- С.19-33.

54. Генерал А.Баиов был одним из апологетов принципа "национальности военного искусства". См., например, его известную работу "Национальные черты русского военного искусства в Романовский период нашей истории" (опубликована: Российский военный сборник. Вып. 9. - С. 13-23.). В контексте расширения знаний о существенной связи военного дела и культуры страны Баиов писал такие

работы, как “История русской культуры и ее значение”, “Достоевский и война”, “Война и идея национализма в учении Вл. Соловьева”, “Пушкин как поэт войны” и другие. Идеи “преобладания духа над материей” и решающей роли человека на войне Алексей Константинович отстаивал практически во всем своем творчестве.

55. Баиов А.К. Начальные основы строительства будущей русской армии / Философия войны. - М., 1995. - С. 222-224.

56. См. Российский военный сборник. Вып. 5. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911-1939 г.г. - М.: ГАВС, 1994. - 176-282.

57. Русская культура. Сборник статей. - Белград, 1925. - С. 72.

58. Военный Сборник. - 1930. - Кн. - 11. С. 3.

59. Зальф А. Научная тактика. Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники. - Таллинн, 1932. - С. 197-199.

60. Флуг В. Высший командный состав /Вестник Общества русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. - 1937. - № 128-129. - С. 11.

61. Арсеньев А. Идея служения в будущей Русской армии /Военный журнал-лист. - 1940.- №27.- С.11-12.

62. Почти все эмигранты, бывшие военачальники, сходились во мнении, что в старой армии этот “отдел” подготовки имел большие пробелы и был бессистемным. “Никаких обязательных для всей армии наставлений или инструкций по воспитанию солдат у нас не было, воспитание велось, если так можно выразиться, бессознательно”, - утверждал генерал Тараканов. (Тараканов. Служба Генерального штаба. - Белград, 1933. - С. 111.). Генерал А. Болтунов писал: “Армия обучалась на эмпирических началах, на началах наследственных навыков и приемов, а не на основании строго обдуманных научных методов... Попытки ввести в военных училищах курс военной психологии и педагогики нельзя было признать за что-либо серьезное.” (Военный Сборник. - 1928. - Кн. 9. - С. 84.). Такие же оценки и у П.Ольховского, Н.Колесникова, А.Деникина и др. Однако эти заключения основаны на воспоминаниях, впечатлениях, личном опыте службы. Фактически (а точнее, формально) воспитательная работа в царской армии имела не только эмпирический характер. Руководство ею было в определенной мере упорядоченно. Оно возлагалось на командиров, штабы и военное духовенство. В период между Русско-японской и первой мировой войнами в Главном штабе вопросами воспитания ведало седьмое отделение, взаимодействовавшее с Главным управлением Генштаба, Канцелярией военного министерства, Военно-походной Канцелярией Его Императорского Величества при Императорской Главной Квартире и другими органами.

Первым подобного рода документом в истории русской армии стала высочайше утвержденная директива “Меры содействия религиозно-нравственному, умственному и физическому развитию нижних чинов” от 16 февраля 1909 г. (Ранее, в XIX веке, имели место документы более частного характера, например, Инструкции по воспитательной части для военных гимназий, кадетских корпусов).

Кратко история развития органов воспитательной работы в Российской Армии отражена в справке кафедры истории Военного университета, составленной полковником О.Н.Забегайло (не издана), откуда почерпнуты приведенные сведения. К сожалению, полномасштабного труда по данному вопросу в нашей военной литературе не имеется.

63. Военный Сборник. - 1930. - Кн. 11. - С. 3-4.

64. Российский военный сборник. Вып. 9. - С. 76.

65. Военный Сборник. - 1928. - Кн. 9. - С. 87.

66. О религиозно-нравственном воспитании войск подробно см.: Российский военный сборник. Вып. 12. Христолюбивое воинство. Православная традиция

Русской Армии. - М.: Военный университет, Военно-научный центр "Отечество и воин", "Русский путь", 1997.

67. Военный Сборник. - 1930. - Кн. 11. - С. 53-54.

68. См. работы Н.Головина, П.Краснова, Р.Дрейлинга, Н.Краинского в хрестоматийной части данного выпуска, а также: Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. - Париж: Издание газеты "Сигнал", 1938. - С. 97-158; Бигаев Н. Психология бойца в марксистском освещении /Военный Вестник (Прага). - 1932. - № 2. - С. 9-13; № 3. - С. 3-6; Драгомиров А. О роли подсознательного мира в принятии военного решения /Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. - 1953. - №№ 189-191; Бек-Мурза. Вождь и вожак. (Психологический этюд) /Сигнал (Прага). - 1935. - № 2. - С. 21-25; Симанский П. Паника в войсках /Вестник Военных Знаний. - 1933. - № 1 (17). - С. 1-10; № 2 (18). - С. 17-26; 1934. - № 21. - С. 9-17; № 22. - С. 16-20; 1935. - № 23. - С. 14-21. К сожалению, эмигрантская страница в истории русской военной психологии до сих пор не нашла должного отражения в работах по истории отечественной военной психологии, между тем она значима уже потому, что эта дисциплина изучалась и преподавалась в Русском Зарубежье в тот период, когда на родине - попала под запрет как "буржуазная".

69. Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. - С-Пб., 1907.

70. Русский Военный Вестник (Белград). - 1928. - № 129. - С. 2-3.

71. Новое Время. - 1928. - № 2016. - С. 2.

72. Дрейлинг Р.К. Воинский Устав Петра Великого и Суворов. Отдельный отиск из Записок Русского Научного Института в Белграде. Вып. 3. - Белград, 1931. - С. 254. О военном "психологизме" Петра I, Румянцева, Суворова см.: Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII-XX веков. - М.: МО РФ, Главное управление по работе с личным составом, 1992. - С. 33-49, 65-107.

73. Как известно, в Советском Союзе этого периода военная психология в военных вузах преподавалась лишь эпизодически. Исследования по ней велись в центральных, окружных и школьных психофизиологических лабораториях, которые в 1937 году были ликвидированы. Статьи в военной прессе 20-30 годов по данной проблематике имели в основном дискуссионный характер. Известные книги А.Таланкина и Г. Хаханьяна допускались Военным отделом Госиздата с примечаниями вроде: "Значительная часть книги посвящена вопросам так называемой военной психологии" (Таланкин А. Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. - М.-Л., 1929. - С. 3.). При всей "классовости" подхода и прочих атрибутах марксизма Таланкин признавал дореволюционные труды Головина самым крупным, что на тот момент было сделано русской военной мыслью по части изучения психологической стороны боя (С. 42). Книга Хаханьяна редакцией Отдела военной литературы Госиздательства представлялась как "далеко несовершенная попытка построения военной психологии", но это была "первая попытка" (Хаханьян Г. Основы военной психологии. - М.-Л., 1929. - С. 4.).

74. См. работы Н.Краинского в хрестоматийной части данного выпуска, а также: Краинский Н. За Веру Царя и Отечество. - Белград, 1930; он же. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. - Белград, 1931 и др.

75. Дрейлинг. Военная психология. - Белград, 1935. - С. 7.

76. Головин Н.Н. Наука о войне... - С. 153-158. В наши дни этот труд переиздан в серии "Антология отечественной военной мысли", выпускаемой в Военной академии Генерального штаба под ред. И.С.Даниленко: Головин Н.Н. Суворов и его "Наука Побеждать". Наука о войне. О социологическом изучении войны. Репринтное издание. - М.: ВАГШ, 1995. - С. 165-388.

77. Военный Сборник. - 1921. - Кн. 1. - С. 3.

78. Военный Сборник. - 1922. - Кн. 2. - С. 243.

79. Это определение А.Попова явно перекликается с проникновенными и возвышенными словами крупнейшего русского публициста начала XX века **М.О. Меньшикова**, называвшим воинскую дисциплину особой школой нравственности, всюду создаваемую офицерами и поддерживаемую с величайшими заботами из рода в род, и далее писавшим: *Дисциплина есть более чем знание - это воспитание, это тонкая культура духа, требующая обработки очень долгой и тщательной. И методы этой обработки самые разнообразные. Ограниченная часть офицерства полагает, что достаточно ткнуть в зубы матросу, да накричать на него басом. Но это дикое суеверие, опровергаемое тщетно всеми авторитетами, кончая покойным М.И.Драгомировым. Дисциплина не нота, хотя бы басовая. Это особая и строгая музыка души, включающая все октавы. Я не отрицаю баса: как ultima ratio в известных, крайне редких случаях, насилие в дисциплине необходимо - не мерзкая зуботычина, а иногда даже смерть. Иначе не держите войско для насилья, несравненно более обширных и тоже необходимых. Но как нельзя сказать, что из нижнего до состоит вся музыка, так нельзя утверждать, что дисциплина состоит из насилья. Самые блестящих результатов добиваются серьезные, приветливые, участливые к нижнему чину офицеры, внушительные своим знанием и нравственным достоинством. Нижние чины искренно хотят видеть в офицере высшее себя воинское существо. Сами не твердые, они требуют твердости; сами иной раз с слабой честью, требуют в офицере человека чести. Дисциплина есть религия, где жрецы - рыцари.* (Меньшиков М.О. Письма к ближним. - С-Пб, 1905. - С. 497-498.).

80. Военный Сборник. - 1928. - Кн. 9. - С. 95-96.

81. Военный Сборник. - 1930. - Кн. 11. - С. 61-65. Этот проект, по словам автора, занимал около 200 страниц, состоял из 230 статей и объемной пояснительной записки. Издать его не удалось.

82. Сигарев В. Воинская дисциплина /Русский Инвалид. - 1936. - № 94. - С. 3.

83. Такие глубокие определения традиций, как "остатки духа и характера предков", "способ рассуждать и действовать" принадлежат вице-адмиралу, светлейшему князю А.А.Ливену. (См. Российский военный сборник. Вып. 11. Военно-Морская идея России. - С. 531-532).

84. Армия и Флот. Военный справочник. - Париж, 1930. - С. 7.

85. См.: Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. - Париж, 1968.

86. Перечень военно-периодических изданий эмиграции см.: Российский военный сборник. Вып. 6. Русское Зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. - С. 301-308.

87. Масса материала о жизни и деятельности этих объединений содержится в журнале-памятке, органе русского воинства за рубежом "Часовой" (1929-1988).

88. Часовой. - 1929. - № 1-2. - С. 22.

89. Русский Инвалид. - 1930. - № 3. - С. 2.

90. Российский военный сборник. Вып. 9. - С. 79.

91. Свечин А. Стратегия. - М.-Л.: Государственное военное издательство, 1926. - С. 167.

92. Цитируется по: Российский военный сборник. Вып. 3. История Русской Армии. - М.: ГАВС, 1994. - С. 166.

93. Флуг В. Высший командный состав; Драгомиров В.М. Подготовка русской армии к великой войне. Подготовка командного состава /Военный Сборник. - 1923. - Кн. 4. - С. 98-119; 1924. - Кн. 5. - С. 189-212; 1925. - Кн. 6. - С. 55-76.

94. Военный Сборник. - 1925. - Кн. 6. - С. 76.

95. Головин Н. Суворов и его "Наука Побеждать". - Париж, 1931; Колесников Н. Суворов. Военно-исторический очерк. - Шанхай, 1932; Драгомиров А. "Наука Побеждать" Суворова; Баиов А. Суворов и будущая война. Отдельный оттиск. -

Б.м., Б.г.; Геруа А. Суворов - мыслитель /Вестник Военных Знаний. - 1930. - № 7. - С.1-9; и др. Надо сказать, что в это время забвение имени Суворова на родине приобретало маразматический характер. Один пример. Некий Р.Кудрявцев, заглянув в справочник "Армия и Флот", изданный "Часовым", с разоблачительным пафосом вещал: "Вот... призыв, которым кончается одна из статей: "Все начинай с благословения божьего, и до издыхания будь верен государю и отечеству... Бог нас водит! - Он нам генерал! Слава, слава, слава". Такими безграмотными, кликушескими воззваниями белогвардейские генералы стараются поддержать боевой дух своих контрреволюционных банд." (Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. - М., 1932. - С. 26). Даже в цитате автор не мог оставить слов "Божьего", Государя", "Отечество" с заглавных букв. А бессмертное поучение Суворова назвал "безграмотными кликушескими воззваниями".

96. Керсновский А. Памяти Скобелева /Царский Вестник. - 1932. - № 292. - С. 1.

97. Месснер Е. О гражданской войне /Вестник Военных Знаний. - 1930. - № 7. - С.23.

98. Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии: монография. - Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 1995. - С. 252-294. Эмигрантский исследователь деятельности генерала Врангеля в Крыму Н.Росс делает вывод о том, что органы, ведавшие у белых пропагандой на юге России в 1918-1920 годах со своей задачей не справились, дает им резко негативную оценку (см.: Росс Николай. Врангель в Крыму. - Франкфурт на Майне: Посев, 1982. - С.265-266).

99. Россия (Шанхай). - 1926. - № 503.

100. Часовой. - 1956. - № 367. - С.6-8.

101. Месснер Е. Современные офицеры. - Буэнос-Айрес, 1960. - С.17.

102. Хольмстон Б.А. Война и политика. - Нью-Йорк, 1957. - С.177.

Автор-составитель И.Домнин

ХРАНИТЕЛИ ДУШИ РУССКОЙ АРМИИ

*Сведения о военных писателях эмиграции,
авторах работ, представленных в сборнике*

Печатные, да и рукописные труды русской военной эмиграции почти всегда более доступная вещь для исследователей, нежели сведения о жизни самих писателей и ученых. Их биографии и линии судеб зачастую теряются в десятилетиях зарубежных скитаний. Потому можно считать удачей, когда мы хоть что-то, кроме фамилий и званий, можем сказать о “воинах с котомкой”, нашедших в себе силы на чужбине размышлять о будущем духовном возрождении России и ее Армии.

* * *

Сначала - о генерале Краснове. О нем мы должны сказать особо и подробнее по нескольким причинам. Во-первых, он, пожалуй, ярче прочих воплощал в себе “союз меча и лиры”, в эмиграции был самым известным военным писателем. Во-вторых, его труд - ключевой в нашей книге, он и дал ей название. В-третьих, в 1997 году минуло полвека со дня его гибели, ставшей скорее не расплатой “за предательство”, но символом драмы, отчаяния и роковой ошибки многих русских патриотов.

КРАСНОВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (1869-1947)

Две жизни прожиты Петром Николаевичем Красновым. В военной и политической истории России он остался как генерал и атаман; в русской литературе - как известный романист и публицист. Ранее в массовом сознании нашего народа это имя вызывало одни негативные ассоциации, связанные с резким неприятием контрреволюции Красновым и его прогитлеровской позицией в годы второй мировой войны.

В последнее время историками, литераторами, издателями сделано немало, чтобы образ его предстал перед нами более

полно, отражая всю недюжинную натуру и сложную судьбу этого человека.¹

П.Н.Краснов родился 10 (22) сентября 1869 года в Петербурге, в семье потомственных военных. Его отец - Николай Иванович Краснов (1833-1900), генерал-лейтенант, служил в Управлении иррегулярных (казачьих) войск. Одновременно известен как казачий писатель и историк. Дед Петра Николаевича — Иван Иванович Краснов (1800-1871) также имел генеральский чин и тоже занимался публицистикой. Прадед — Иван Кузьмич Краснов в молодости состоял ординарцем при Суворове; в Отечественную войну 1812 года он, командуя соединениями Донских казаков, героически погиб накануне Бородинского сражения.

Знаменитыми людьми были оба старших брата П.Н.Краснова: Андрей Николаевич (1862-1914) — видный ученый в области ботанической и физической географии; Платон Николаевич (1866-1924) — математик, литературный критик, переводчик, публицист.

Таким образом, “работать пером” — считалось семейной традицией. Продолжил ее и Петр Николаевич. Вместе с тем юношу прельщало военное дело, и он решил идти по стопам отца, деда, прадеда.

¹ См: Королев В.Н. Старые вешки. Повествование о казаках. - Ростов-на-Дону, 1991. - С. 274-299.

Брежнев А. Певец войска донского. Книжное обозрение. - 1991- 5 апреля.

Полушин В. Поэт и рыцарь Тихого Дона. Колумна. - Кишинев. - 1991. - №3.

Ланин Б.А. Утопия, кровью умытая (П.Краснов. За чертополохом)Родина . - 1992. - №3.

Лупырев А., Михайлов О. Предисловие. / Краснов П. Цареубийцы. - Ростов-на-Дону, 1993.

Алехин Ю.В. “Я - Царский генерал” Россияне. - 1993. - №2-3.

Михайлов О. Краснов П.Н. / Писатели Русского Зарубежья. 1918-1940 . Справочник. Ч.П. - Москва, 1994 . - С.33-39.

Королев В.Н., Поливанов К.М. Краснов Петр Николаевич. /Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь . Т.III. - Москва, 1994, - С.133-135.

Переиздано: Краснов П.Н. Цареубийцы. - Ростов-на-Дону , 1993.

Он же. Екатерина Великая. - Москва, 1994.

Он же. Цареубийцы. - Москва, 1994.

Он же. От Двуглавого Орла к красному знамени. Роман в 3-х книгах. Кн.1-3.- Екатеринбург, 1994.

Он же. Памяти Императорской русской армии. Армия.Российский военный сборник. Вып.9. Какая армия нужна России. Взгляд из истории. - Москва. - ВУ, 1995. - С.219-229.; Он же. Армия. Там же. С. 225-229.

Он же. Казачество. Каковы обязанности - таковы и права / Независимая газета. - 1997. - № 12 (1337), публикация И.Домнина. То же. Станица. Общеказачья газета. Спец. выпуск. 1997. - № 1. - С.1,6. и др.

Готовится к печати в различных издательствах еще целый ряд книг П.Краснова.

О том, какими выдались служебный и литературный пути П.Краснова, читатель получит представление из помещенных ниже небольших статей генерала Н.Головина и капитана В.Орехова (многолетнего редактора журнала “Часовой”, в котором часто выступал П.Н.Краснов).²

Род Красновых: старинный, казачий, служивый. Отсюда прирожденная любовь Петра Николаевича к военной службе. Шести-семи лет он знал наизусть поучения Суворова.

19-ти лет от роду, по окончании Павловского военного училища, П.Н.Краснов был произведен 10/22 августа 1889 года в хорунжие, с прикомандированием к Л. Гв. Атаманскому полку. Сразу же он всей душой вложился в строевую службу и быстро стал считаться выдающимся строевым офицером. Увлёкся он и кавалерийским спортом. Посетители конкур-иппиков в Михайловском манеже и скачек в Красном Селе часто видели в числе победителей молодого красивого Атаманца, П.Н.Краснова.

Эти увлечения не помешали раннему проявлению у П.Н. унаследованного им от отца литературного таланта. Уже в 1891 году, на столбцах “Русского инвалида”, была напечатана его первая статья.

Единственная служебная неудача произошла в следующем году, когда хорунжий Краснов, поступивший в Николаевскую Академию Генерального штаба, провалился на одном из переходных экзаменов. Это было время, когда в Академии господствовала зубристика, и многие талантливые офицеры “резались” из-за незнания каких-либо не имеющих никакого значения деталей.

Эта неудача предопределила тот путь, по которому пошел далее Петр Николаевич, - путь казачьего офицера и литератора.

В 1896 году он женился на Лидии Федоровне Грюнейзен. В ее лице П.Н. приобретает верного друга и сподвижника в его полной скитаний героической жизни. Эти скитания начались на следующий же год, когда он, в качестве начальника казачьего конвоя Российской Императорской Миссии, был послан в малоизвестную тогда Абиссинию.

Его “Дневник” с описанием этой командировки, напечатанный в “Военном сборнике”, обратил на себя общее внимание. П.Н.Краснов был приглашен в “Русский инвалид” постоянным сотрудником, и на страницах этого военного органа еженедельно появляются фельетоны, подписанные псевдонимом — Гр. А.Д. (Град — так звали строевую лошадь П.Н.).

В 1901 году несколько таких фельетонов, под общим заглавием “Трое в одной палатке”, описывали большие маневры войск Красносельского лагеря. Эти талантливые очерки обратили на себя внимание Государя Императора, выразившего желание, — чтобы в такой же живой форме появилось описание жизни наших войск в только что приобретенной тогда далекой окраине — Маньчжурии.

² Эти материалы не знакомы широким читательским кругам, ранее в России не печатались.

По состоявшемуся Высочайшему повелению подъяесаул Краснов был командирован на Дальний Восток. Эта командировка продолжалась полгода. П.Н., в сопровождении своей супруги, проехал верхом вдоль и поперек Маньчжурии, побывал в Уссурийском крае, во Владивостоке и в Порт-Артуре. Путевые очерки печатались в виде фельетонов два-три раза в неделю в “Русском инвалиде”.

После этого путешествия последовала зимой 1902 года аналогичная командировка в Закавказье, на Турецкую и Персидскую границы, которые П.Н. объездил верхом с поста на пост.

Как только была объявлена Японская война, П.Н. был сейчас же прикомандирован к штабу Маньчжурской армии в качестве военного корреспондента “Русского инвалида”.

В промежутках между перечисленными выше командировками шла строевая служба. П.Н. с 1902 года состоял в Л. Гв. Атаманском полку полковым адъютантом. В ноябре 1907 года поступает в офицерскую кавалерийскую школу, по окончании которой был назначен начальником ее казачьего отдела.

Летом 1911 года полковник Краснов получил в командование 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк. Красочное описание этого командования вышло недавно в виде книги, под заглавием “На рубеже Китая”. Осенью 1913 года полковник Краснов был перемещен на австрийскую границу, в г. Замостье, для командования 10-м Донским казачьим генерала Луковкина полком. Во главе этого доблестного полка он и вступил в Великую Войну. Пробыв шесть месяцев командиром 3-й бригады кавказской туземной дивизии, ген. Краснов летом 1915 года получает в командование 2-ую сводную казачью дивизию. В августе 1917 года он был назначен командиром 3-го конного корпуса. На этой высокой строевой должности закончилось личное участие Петра Николаевича в Великой Войне.

1914 и 1915 гг. были для него временем почти непрерывных походов, стычек и боев, то авангардных - при наступлении наших армий, то арьергардных - при отходе. Наиболее значительными из всех этих многочисленных боевых действий были:

С 10-м Донским казачьим полком - 1/14 августа 1914 года, взятие с боя местечка Белжец и станции Любича, со взрывом железнодорожного моста у этой станции, за каковое дело П.Н. был награжден Георгиевским оружием.

Участие в составе XIX армейского корпуса генерала Горбатовского в Томашовском сражении, с 6/19 августа по 17/30 августа. П.Н. с 10-м и 39-м Донскими казачьими полками и иногда с 6-й Донской казачьей батареей на широком фронте многими сутками сковывал неприятеля, сдерживал пехотную бригаду австрийской армии Ауфенберга. При этом брались пленные, пулеметы и орудия. За эти дела П.Н. был произведен за боевые отличия в генерал-майоры.

— Ноябрьские бои под Дзвоницеми, где П.Н. был в рукопашном бою и где было за три дня взято около тысячи пленных.

— В феврале и первых числах марта 1915 года - бои у Незвиска, где П.Н. был ранен пулей в плечо, но остался в строю. С сотней, в зимний буран атаковал он венгерскую пехоту и взял в плен батальон с майором и офицерами. Тогда же было взято в плен при занятии Незвиска 14 германских кавалерийских офицеров, 45 нижних чинов, 4 пулемета и много лошадей.

— В марте — трехдневные упорные бои по обороне Залешиков и моста, переброшенного там через Днестр.

— В конце марта - взятие деревни Малинцы, причем было захвачено в плен до 3000 австрийцев и различное войсковое имущество.

С 3-й бригадой Кавказской Туземной дивизии:

— 29 мая (11 июня) - бои у станции Дзвиняч, завершившиеся конной атакой с 3-м и 4-м Заамурскими конными полками, спасшей положение 2-го конного корпуса. За это славное дело П.Н. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Со 2-й казачьей Сводной дивизией:

— 22 июля (4 августа) 1915 года — ночная конная атака 2-х сотен 1-го Волжского казачьего полка у посада Сивин.

— Взятие с боя деревни Железницы в сентябре 1915 года.

— В первых числах октября 1915 года - набег в тыл неприятеля в направлении на Ковель, когда П.Н. с 3-мя полками своей дивизии и 3-мя полками Кавказской казачьей дивизии, с четырьмя конными батареями был 3 дня в тылу германской армии, забирая обозы и тыловые учреждения и захватив штаб кавалерийской дивизии германского генерала фон Бернгарди.

— Упорный трехдневный бой в мае 1916 года у дер. Волька Галузийская и взятие штурмом спешенными казачьими полками, совместно с Верхне-Днепровским пехотным полком, сильно укрепленной австрийской позиции, причем было взято 800 пленных. Бои эти способствовали успеху генерала Каледина при Луцком прорыве.

— 6/19 августа 1916 года — конная атака Донской бригадой австро-германцев у селения Тобола, чем был спасен Червищенский плацдарм на реке Стоходе. Во время этой атаки было взято более 600 пленных и разное имущество.

— С 3-м конным корпусом — бои с большевиками с 26 октября (8 ноября) по 1/14 ноября 1917 года под Гатчиной, Царским Селом, Верхним Кузьминым и Пулковым, при движении на Петроград. Бои закончились разложением корпуса, мирными переговорами большевиков с казачьими комитетами, минуя “генералов”, и увозом П.Н. в Смольный институт на большевистскую расправу.

Казачи 1-й Донской казачьей дивизии выручили своего командира корпуса.

После демобилизации частей конного корпуса в Великих Луках, П.Н. отправился на Дон. Он прибыл в Новочеркасск 2-го февраля 1918 года, на другой день после похорон атамана Каледина. Атаман Назаров 11-го февраля отправил П.Н. с несколькими офицерами в станицу Константиновскую для организации отрядов против большевиков. Но, когда П.Н.

вечером 12-го февраля прибыл в Константиновскую, — там уже была “советская власть”. П.Н. и офицерам, бывшим с ним, пришлось скрыться и прожить до конца апреля в постоянном ожидании ареста и расстрела.

Одновременно с частями Степного отряда походного Атамана Попова и Добровольцами полковника Дроздовского, в конце апреля П.Н., частным лицом, прибыл в Новочеркасск.

Круг спасения Дона 4/17 мая избрал П.Н. Донским Атаманом.

Девять месяцев — с 4-го мая 1918 года по 2 февраля 1919 года - П.Н. пробыл на посту Донского Атамана. К ноябрю 1918 года все Войско Донское было очищено от большевиков. С января 1919 года большевики огромными силами, в десять раз превосходящими силы Донцов, повели наступление. Настроение казаков стало падать, и под давлением Войскового Круга П.Н. должен был покинуть пост Донского Атамана.

Весну и лето П.Н. провел в Батумской области, как бы в изгнании. Здесь его жена и он переболели черной оспой. В июле 1919 г., по ходатайству генерала от кавалерии Н.Н.Баратова, генерал Деникин командировал П.Н. в распоряжение командующего Северо-западной армией, генерала от инфантерии Юденича. Рядовым добровольцем П.Н. проделал поход из Нарвы до Царского Села, высадил всю осаду Нарвы, издавал ежедневную газету “Приневский край”. В январе 1920 года был назначен представителем Добровольческой армии в Эстонии и был членом комиссии графа Палена для ликвидации Северо-западной армии. В конце марта 1920 г., по требованию эстонских властей, покинул Ревель. Началось изгнание. Военная служба России была кончена.

В эмиграции П.Н.Краснов всецело посвятил себя литературной работе. Он продолжал служить потерянной Родине на этом поприще. В двадцати томах напечатанных в эмиграции романов и воспоминаний красной чертой проходит горячая любовь к России.

Будучи чрезвычайно скромным человеком, Петр Николаевич недооценивает себя как писателя: “Я казачий, кавалерийский офицер, и только”, — писал он автору этого очерка в одном из писем. “Я не только не генерал от литературы, но не почитаю себя в ранге офицеров. Так, бойкий ефрейтор, который, когда на походе устанет и занудится рота, выскочит вперед и веселой песней ободрит всю роту. Я тот ефрейтор, который ходит в ночные поиски, ладно строит окопы, всегда бодр и весел и не теряется ни под сильным огнем, ни в атаке. Он, несомненно, нужен роте, но гибель его проходит незаметно, ибо таких, как он, много — так и я в литературе, один из очень многих...”

Я позволю себе не согласиться с Петром Николаевичем. Я знаю много, много русской молодежи, которая буквально зачитывается романами и воспоминаниями Краснова. В них она научается любить старую Россию и через нее и будущую Россию. Я лично видел, как английский перевод романа Краснова “От Двуглавого Орла к красному знамени” увлекал американскую молодежь в Калифорнии; она познала правду о России, оклеветанной темными силами революции.

Описания Красновым быта и боевой жизни Русской Армии и, в особенности, казачьей - это перлы русской литературы и за одни только эти

страницы П.Н.Краснов будет причислен потомством к сонму русских классиков, так же точно, как в летописях Русской Армии он будет почитаться одним из ее героев-военачальников.

Головин Н. Генерал Краснов. К 50-летию в офицерских чинах Русский Инвалид. - 1939. - № 138.

Началом военно-литературного творчества генерала П.Н. Краснова нужно считать 17 марта 1891 года. В этот день в “Русском Инвалиде” появилась статья “Казачий шатер полковника Чеботарева”. С этого времени П.Н.Краснов сделался постоянным сотрудником “Русского Инвалида”. В начале П.Н. Краснов давал в нем хронику конного спорта, потом ряд очерков и фельетонов. В 1897 г. был напечатан в “Военном Сборнике” его “Дневник Начальника Конвоя Российской Императорской Миссии в Абиссинии”.

“Русский Инвалид” при редакторе полк. Поливанове становится из чисто официальной газеты - большим литературным органом, полно рисующим быт Армии. П.Н.Краснов привлекается в число самых деятельных его сотрудников. Появляются его фельетоны “На воде”, “Трое в одной палатке” (о Красносельских маневрах), подписанные Гр. А.Д. (псевдоним - имя его любимой лошади “Град”). Это время, когда молодой писатель начинает привлекать к себе общее внимание: его статьи живо интересуют офицерство, читаются на всем необъятном пространстве Российской Империи и поражают своей образностью и исключительным пониманием души военного.

На них обращает внимание Государь Император. В 1901 г., в период оккупации русскими войсками Маньчжурии, Государь в разговоре с Военным Министром ген. Куропаткиным выразил желание познакомиться и познакомить армию с жизнью русских войск в Маньчжурии, причем сказал, что хотел бы прочесть это так, “как описывает Гр. А.Д. в фельетоне “Трое в одной палатке”.

Следствием этого было командирование П.Н. Краснова в Маньчжурию, Японию, Китай и Индию. Его отчеты “По Азии” круглый год печатались в “Русском Инвалиде”. В 1902 г. П.Н. Краснов продолжает знакомить читателей “Р. Инвалида” с жизнью наших частей в Закавказье, в 1903 г. - описывает большие Курские маневры, а в 1904-1905 году корреспондирует в газету с театра Русско-японской войны.

Помимо этого, П.Н. продолжает в “Инвалиде” свою чисто литературную деятельность, помещая фельетоны под названием “Вторники у генерала Бетрищева”. После Русско-японской войны литературная деятельность П.Н. усиливается: “Инвалид” печатает без перерыва ряд его повестей и романов: “В житейском море”, “Волшебная песня”, “Фарфоровый кролик”, очерки Кит. Туркестана и др. Во время великой войны П.Н. поместил несколько описаний боев.

Статьи П.Н.Краснова кончились с закрытием “Русского Инвалида”; в его пародии “Армия и Флот Свободной России” П.Н. участия не принял.

В эмиграции ген. П.Н.Красновым были выпущены получившие исключительную известность: “От Двуглавого Орла к красному знамени”, “За чертополохом”, “Опавшие листья”, “Понять - простить”, “Единая Неделямая”, “Все проходит”, “С нами Бог”, “Белая свитка”, “С Ермаком в Сибирь”, “Душа Армии”, “Ларго” и “Выпашь”. Это, - не считая многочисленных статей историко-политического характера и постоянного сотрудничества в патриотических и военных журналах.

П.Н.Краснов - не только большой писатель, сумевший найти себе верных читателей во всех кругах общества, начиная с Покойного Государя и кончая мальчиком-кадетом, это в то же самое время и большой русский патриот, проповедник Славы Русской Армии и борьбы за честь Родины.

“Сомкнутый строй, - говорил ген. Краснов в своей “Душе Армии”, - команда, общий ружейный прием, торжественно принесенное к строю знамя... делают толпу людей единомышленной, собирают их чувства, их душевное “я” в одну большую коллективную единицу”.

Сомкнутого строя у нас нет, знамена хранятся в церквях-музеях, но *чувства долга и чести* продолжают руководить русским офицерством, испытавшим непередаваемые нравственные пытки. Эти чувства будят в нас наши духовные руководители. В первых их рядах стоит П.Н.Краснов. Стоит на страже русской совести и истинной правды.

История по достоинству оценит крупную роль П.Н.Краснова в деле сохранения Русского Имени за рубежом; мы же, его современники, поблагодарим Петра Николаевича за ту нравственную опору, которую он делает нам своей работой и пожелаем еще много-много лет здоровья, сил и энергии.

*

Если бы Петр Николаевич не отказался самым решительным образом от скромного чествования его юбилея, которые мы подготовляли совместно с его друзьями (“Родина распята, до юбилеев ли теперь”, - сказал П.Н.), и если бы на меня выпала большая честь приветствовать его речью, я, говоря о Петре Николаевиче и о его служении правде, вспомнил бы добрым словом глубокоуважаемую Лидию Федоровну Краснову, достойную подругу Петра Николаевича, сорок лет живущую одними мыслями, одними чувствами со своим супругом и поддерживающую его в его жертвенном труде.

Орехов В. Генерал П.Н.Краснов. К 40-летию его военно-литературной деятельности Насовой. - 1931. - № 57. - С. 11.

* * *

Для полноты картины необходимо добавить еще несколько штрихов. Известно, что П.Н. Краснов был убежденным сторонником монархии и ярким противником большевизма. Он с гордостью

произносил : “Я - Царский генерал”, являлся в изгнании членом Верховного монархического Совета, редактировал “орган монархической мысли” журнал “Двуглавый Орел” (1920-1922, 1926-1931). Писатель постоянно подчеркивал свою крайнюю антисоветскую позицию. Свержение коммунизма в России считал продолжением “белого дела”.

Эти мотивы находили художественное выражение на страницах его книг. Например, в романе “За чертополохом”, написанном в жанре политической фантазии, обрисован процесс реставрации в России монархии. В другом произведении того же жанра — “Подвиг” речь идет о создании в эмиграции боевой организации “для последующего открытого выступления против советской власти”. Описываются действия боевого ядра “будущей победоносной Русской армии”, открытое и явное содействие большевикам государств Европы.

За вымыслом, как отмечали некоторые критики, стояла убежденность Краснова: союзников у эмигрантов нет, и надо рассчитывать лишь на собственные силы.

Тем не менее, когда не в фантазии, а в жестокой реальности Германия напала на Советский Союз, старый генерал стал формировать казачьи соединения для участия в боевых действиях против Красной Армии, руководил Главным управлением казачьих войск вермахта. Его соратник по белому движению А.А.фон Лампе (как и многие другие эмигранты) считал ставку на немцев роковой ошибкой.³ Но, как бы там ни было, Краснов, которому было тогда уже за 70, принимал решения согласно своим убеждениям и своей правде. И если пытаться ее понять, то следует помнить высказанное как-то Петром Николаевичем в одной из его статей: “Все мы... часто впадаем в “интеллигентскую “ ошибку и становимся, отдаваясь духу времени, несправедливыми и жестокими в оценке людей и событий, которые, если приглядеться к людям — совсем уж не такие плохие люди, если правильно оценить события — далеко не такие простые события.”⁴

После краха гитлеровской Германии, в мае 1945 года, центр подготовки казачьих войск оказался в зоне оккупации англичан, близ г. Триеста в северной Италии. Англичане, “поджентельменски”, путем обмана передали доверившихся им казаков, в том числе П.Н.Краснова, советской стороне. Атамана самолетом доставили в Москву и поместили в Лефортовскую тюрьму. Потом - полтора года допросов, издевательств, болез-

³ Лампе А.А. Пути верных. - Париж, 1960. - С. 218.

⁴ Русский Инвалид. - 1933. - № 51. - С.8.

ней. 17 января 1947 г. газета “Правда” сообщила читателям (и всему миру), что Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила Краснова П.Н. , вместе с другими “главарями вооруженных белогвардейских частей”, к казни через повешенье и что приговор приведен в исполнение.⁵ В эмиграции **М.Ситников** на смерть генерала Краснова откликнулся такими стихами:

*...Не стало больше Атамана
Кумира вольных казаков,
Не слышно вещега баяна
О славе прадедов, отцов!*

*Во имя правды и свободы,
Во имя дружбы и любви,
Его культурные народы
К столбу позора привели.*

*И мир, отдавши столько крови
За торжество святых Начал,
Певца свободы, чести, воли
Петлей позорною венчал.*

Царскому генералу суждено было вернуться на Родину, чтобы столь мученически в Москве принять смерть. Произведения же его дошли до нас спустя полвека, чтобы обрести свою вторую жизнь и воскресить память о своем создателе.

Литературные достоинства и недостатки Краснова были и остаются предметом многих споров специалистов. Но вот факт: в 20-30-е годы П.Краснов, по сведениям крупных эмигрантских библиотек, неизменно числился среди самых читаемых из здравствовавших писателей, а периодами “держал пальму первенства”.⁶ Высокий талант писателя отмечали такие корифеи слова, как И.Бунин и А.Куприн. Краснов, в свою очередь, не очень прельщался признаниями авторитетов (иногда и не знал этих отзывов, дошедших до нас частично через публикации дневников классиков). Но сам ревностно выступал за соблюдение правил “литературной кухни” и этику творчества. (См. в приложении его рецензию на один из рассказов А.И.Куприна).

⁵ Подробнее о выдаче казаков и Краснова, содержании его в тюрьме и гибели см. в книге: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. - Москва: Русский Путь, 1996.

⁶ Л.К-зе. Что теперь читает эмиграция? Своими Путиями (Прага). - 1926. - № -10-11. - С. 36; Литературная газета. - 1990. - 10 января.

Для нас, военных, Краснов-писатель ценен по-особому. Это непревзойденный мастер картин жизни старой русской армии, досконально знакомый с ее “механизмом”, тонкий знаток ее “души”.⁷ О глубочайшем постижении автором военной профессии можно судить также по приводимому, в качестве приложения, фрагменту из его мемуарной книги “Накануне войны”. Перо бытописателя блестяще передает детали, приемы тяжелой, но почетной работы командира полка — воистину ваятеля боевого и духовного облика вверенной ему боевой части.

Надо сказать, что Краснова читали не только изгнанники и “заграница”. В бывших наших “спецхранах” находятся “отработанные” карандашом экземпляры его книг со штампами: “Библиотека НКВД”, “Канцелярия НКВД” и даже “Личный экземпляр тов. Чичерина” (ИНИОН). Думается, не одна “антисоветская сущность” интересовала читавших.

Написанное П.Н. Красновым не стареет и по сей день. Оно помогает разбираться в современных вопросах воспитания и обучения людей в погонах, вопросах, к горькому сожалению, сегодня до крайности запущенных. Постепенно выявляется правота слов соредактора “Часовой” Е.Тарусского (Рыжкова), сказанных 65 лет назад: “Самый пристрастный историк не сможет пройти мимо имени большого русского человека, писателя и воина — Петра Николаевича Краснова. По его романам будут изучать эпоху... И не одному поколению еще много и много лет будут рассказывать книги генерала Краснова о жуткой осени Великой России, о тоске падавших на холодную землю золотых осенних листьев. О славных победах сильного духа над слабым телом, о героических подвигах, о чести и гордости Русского офицера, о доблести и жертвенности русского солдата, которых он так хорошо знал и так горячо и преданно любил.”⁸

СПИСОК ТРУДОВ П.Н.КРАСНОВА*

⁷ В некоторых трудах советских военачальников можно найти иные оценочные суждения: “Краснов за границей баловался сочинительством и сумел издать несколько ярких антисоветских романов, не имевших, правда, заметного успеха у “белой публики” (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. - М., 1985. - С. 416.).

⁸ “Часовой”. (Париж), 1931. -№57. -С.10.

* Список включает только наиболее объемные художественные произведения и несколько военно - и историко-публицистических работ.

Общее количество статей, написанных П.Н.Красновым с 1891 по 1945 гг., вероятно, превышает две тысячи. До 1918 года лишь в “Русском инвалиде” и “Петербургской газете” было более 600 его публикаций.

1. На заре. (Сборник повестей и рассказов). - Спб., 1895.
2. Атаман Платов. - Спб., 1896.
3. Донцы. Рассказы из казачьей жизни. — Спб., 1896 (2-е издание, Спб., 1909).
4. Донской казачий полк сто лет тому назад. - Спб., 1896.
5. Казаки в начале XIX в. Исторический очерк. - Спб., 1896.
6. Казаки в Африке. Дневник начальника конвоя российской императорской миссии в Абиссинии в 1897-98 гг. - Спб., 1899 (2-е издание - Спб. 1900, 3-е издание Спб., 1909).
7. Ваграм. Очерки и рассказы из военной жизни. - Спб., 1898.
8. Атаманская памятка. Краткий очерк истории Л.-Гв. Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка 1775-1900. - Спб., 1898, 1900.
9. Суворов. Жизнеописание для войск и народа. - Спб., 1900.
10. Любовь абиссинки и другие рассказы. - Спб., 1903.
11. Борьба с Китаем. - Спб., 1903.
12. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. - Спб., 1903.
13. В сердце Закавказья. Очерки Русский Инвалид. 1902-1903.
14. Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 г. по апрель 1905. т. 1-2. - Спб., 1905-1911.
15. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. - Спб., 1909 (2-е изд. - Новочеркасск, 1913).
16. Российское победоносное воинство. Краткая история русского войска от времен богатырей до Полтавской победы (1709 г.) - Спб., 1910.
17. Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренгеном. - Спб., 1911.
18. Донцы и Платов в 1812 г. - М., 1912.
19. Выездка строевой казачьей лошади. - Пг., 1914.
20. Погром. Роман из русско-японской войны. - Пг., 1915.
21. Фарфоровый кролик. Волшебная песня. Сборник повестей. - Пг., 1915.
22. В житейском море. Роман. - Пг., 1915 (2-е издание - Париж, 1962).

Период эмиграции
Романы и сборники рассказов

23. От Двуглавого Орла к красному знамени. 1894-1921. Ч. 1-4 - Берлин, 1921-22.
24. Терунешь. Аска Мариам. Сборник рассказов. - Берлин, б.г.
25. На внутреннем фронте. - Берлин, 1922 (Издано также в Ленинграде в 1925 г.).

26. Степь. Сборник рассказов. - Берлин, 1922.
27. За чертополохом. - Берлин, 1922 (2-е издание - Рига, 1928).
28. Амазонка пустыни. - Берлин, 1922.
29. Опавшие листья. - Мюнхен, 1923.
30. Единая-неделимая. - Берлин, 1925.
31. Все проходит. - Берлин, 1926.
32. С нами Бог. - Берлин, 1927.
33. Понять - простить. - Лондон, 1928.
34. Белая свитка. - Берлин, 1928.
35. Мантык, охотник на львов. - Париж, 1928.
36. Подвиг. - Париж, 1930.
37. С Ермаком на Сибирь! - Париж, 1930.
38. Largo. - Париж, 1930.
39. Выпашь. - Париж, 1931.
40. Цесаревна. 1709-1762. - Париж, 1933.
41. Ненависть. - Париж, 1934.
42. Екатерина Великая. - Париж, 1935.
43. Домой! На льготе. - Париж, 1936.
44. Цареубийцы. 1 марта 1881г. - Париж, 1938.
45. Ложь. - Париж, 1939.

*Мемуарные, историко-публицистические
и публицистические работы*

46. Всевеликое Войско Донское. - Берлин, 1922.
47. Накануне войны. - Париж, 1937.
48. На рубеже Китая. - Париж, 1939.
49. Павлоны. - Париж, 1943.
50. Исторические очерки Дона. - Берлин, 1944.
51. Армия /Русский Колокол. - 1928. - № 3.
52. Казаки, их прошлое, настоящее и возможное будущее /Русский колокол. - 1928. - №4.
53. Опасные методы ведения войны Насовой. - 1936. - №163.
54. Сибирские казаки Насовой. - 1934. - №121.
55. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. - Варшава, 1924.
56. Памяти Императорской Русской Армии Русская Летопись. - 1923. - Кн. 5. - С. 5-64.
57. Военная служба в мирное и военное время /Русский Инвалид. - 1934. - №№ 65-72.
58. Качество или количество? (Мысли о будущей войне) Новое Время. - 1928. - №№ 2278, 2279.
59. Красная армия как она есть /Возрождение. - 1935. - №№ 3574-3591.
60. Традиции Русский Инвалид. - 1930. - №3.

* * *

БАИОВ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1871-1935). Генерал-лейтенант, военный ученый и писатель. Окончил Археологический институт, военное училище, Академию Генштаба. В 1904-1914 годах - правитель дел этой академии, профессор. Также редактировал "Известия Императорской Николаевской Военной Академии". С 1914 года - на театре военных действий (последняя должность - нач. штаба армии). В 1919 году эмигрировал в Эстонию, где преподавал в военно-учебных заведениях, занимался научной деятельностью, вел большую общественную работу в среде русской диаспоры. "Душой общества, хранителем духа и идеалов русской армии" называли его коллеги.

Основной мотив творчества - история отечественного военного искусства. По этой проблеме, вслед за Д.Ф.Масловским, создал наиболее значительные труды: "Курс истории русского военного искусства" (1909-1913), "История русской армии: Курс военных училищ". (1913).

Среди трудов, подготовленных в эмиграции: "Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры" (1927), "Начальные основы строительства будущей русской армии" (1929) и др.

ГОЛОВИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1875-1944), генерал-лейтенант. Окончил Пажеский Корпус и Академию Генштаба. Служил на командных и штабных должностях. Преподавал в военном училище. В 1905-1907 г.г. редактировал "Вестник Общества Ревнителей Военных Знаний". С 1908 года - профессор, преподаватель Академии Генштаба. В 1909-1912 г.г. - выдвигал идеи реформирования высшей военной школы. В Первую мировую войну вступил полковником в должности командира 2-го Лейб-Гв. Гродненского гусарского полка, закончил генерал-лейтенантом, начальником штаба Румынского фронта.

Революцию в октябрьском воплощении не принял. В лагере контрреволюции оказался не желая сотрудничать с советской властью. В 1919 г. по просьбе А. Колчака временно руководил обороной Омска. Основной же его деятельностью в годы гражданской войны была военно-дипломатическая миссия в Европе (во Франции и Англии).

Последние 23 года жизни - период эмиграции. В течение этого времени Головин занимался напряженной научной, преподавательской и организаторской деятельностью. Ему принадлежит главная заслуга в создании Зарубежных Высших Военно-Научных курсов (с 1928 г. - носивших его имя). Им написано более ста трудов и работ, многие из которых являются

дов и работ, многие из которых являются крупными исследованиями. Часть из них переведена на все основные европейские языки. Он преподавал на своих курсах, читал лекции в военных академиях Франции, США, Югославии, Чехословакии, состоял профессором Русского историко-филологического факультета в Парижском университете, редактировал несколько печатных органов, сотрудничал со многими эмигрантскими и заграничными изданиями. Умер в Париже. Основные труды в эмиграции: “Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы” (1925); “Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г.” (1937); “Военные усилия России в Мировой войне” (1939), “Наука о войне. О социологическом изучении войны” (1938) и др.

ДОМАНЕВСКИЙ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (1878-1937). Генерал-майор, окончил Пажеский Корпус, Академию Генштаба. Участник Русско-японской (1904-05) и 1-й мировой войн. В гражданскую войну - на стороне контрреволюции, затем - в эмиграции. В 1911-1913 г.г. активно выступал в печати по вопросу о военной доктрине. В 1927-30-х годах преподавал на Зарубежных Высших Военно-Научных Курсах генерала Головина в Париже.

Наиболее значительные труды: “Заметки о мире и войне”. (1912); “Мировая война 1914 г. Вып. I-II. (1928-1929)” и др. Умер в Париже.

ДРЕЙЛИНГ РОМАН КОНСТАНТИНОВИЧ. Генерального штаба полковник. Один из основателей (1921) и член Правления Общества Ревнителей Военных Знаний в Белграде. В 30-е годы преподавал на Зарубежных Высших Военно-Научных курсах ген. Головина (белградское отделение), вел семинары в рамках военной секции Русского научного института в Белграде. Умер, вероятно, в годы Второй мировой войны. Работы: “Русская военная культура” (1925); “Военный Устав Петра Великого и Суворов” (1931); “Военная психология” (1935) и др.

КЕРСНОВСКИЙ АНТОН АНТОНОВИЧ (1905-1944), уникальный русский военный писатель. К нему, по убеждению его издателя П.Н.Рклицкого, приложимы слова Достоевского о Пушкине: “...явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа и пророческое”.

Подростком воевал в Добровольческой армии. Эмигрировал. За границей получил блестящее образование, в том числе дипломатическое. Жил в Париже.

В 1940 году призван в армию Франции и отправлен на фронт. Тяжело ранен, демобилизован. Признание специалистов Русского Зарубежья и Европы приобрел с первых же публикаций в 1927 году. Его материалы неоднократно вызывали полемику на страницах военных журналов. Написал сотни военно-политических статей и не менее десяти книг (из последних удалось издать лишь две). Начертал основы военного возрождения России: самобытность, приоритет духа и качества, религиозность и национальная гордость, сознательное отношение к делу, инициатива “снизу” и поддержка “сверху” и др. В этом “ренессансе” видел необходимейшее условие воссоздания нашей государственной мощи. Главный его труд - “История русской армии” (1933-1938).

Скончался в Париже от болезни легких, усугублявшейся многолетней нуждой, перенапряжением.

КОЛЕСНИКОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1882-1937). Генерального штаба полковник. Окончил Ташкентское военное училище и ускоренный курс Академии Генштаба. Участник Русско-японской войны. Затем служил воспитателем и курсовым офицером в Казанском военном училище. На фронтах 1-й мировой войны - с 1916 года. В 1917 г. - начальник штаба 2-й гв. дивизии. После 1917 г. - в рядах белого движения: сначала на юге России, а с 1920 по 1922 гг. - в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Редактор газеты “Русская Армия” (Чита), сотрудничал также в журналах “Пути России”, “Воин”. С конца 1922 г. - в эмиграции: сначала в Харбине, затем в Шанхае. С 1925 по 1937 гг. редактировал газету “Россия”, военно-научный журнал “Армия и Флот”, а также несколько эпизодически выходивших других изданий. Возглавил 1-е Военно-Научное общество в Китае.

До революции издал около десяти книг и брошюр по военно-исторической и военной тематике. В годы Гражданской войны и в эмиграции написал и издал еще более 20 книг мемуарно-публицистического, научно-популярного и художественного характера. Основные из них: “Франция или Германия”, “Суворов”, “Диктатор”, “Вампиры революции”, “Философия войны” и др. Умер в Шанхае от “органического поражения нервной системы”.

КРАИНСКИЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1869-?). Крупный врач-психиатр. Окончил медицинский факультет Харьковского университета (1893) и математический факультет Петербургского университета (1912). На протяжении многих лет работал в психиатрических лечебных заведениях, заведовал лечебницами в Нов-

городе, Виннице, Вильно. Одновременно занимался научно-исследовательской деятельностью, автор более 200 работ в области патологии мозга и психофизики. Доктор медицины, с 1915 года доцент Киевского университета.

По личной инициативе, в качестве врача принимал участие в Русско-японской и 1-й мировой войнах, в Гражданскую войну был рядовым бойцом в Добровольческой армии, с остатками которой ушел в изгнание. После 1920 г. жил в Югославии. Состоял доцентом в Зарубежном университете, с 1930 г. - профессор криминальной психопатологии Белградского университета, в каковой должности оставался, по крайней мере, до 1944 года. В те же годы - преподавал военную психологию на белградских Курсах генерала Головина. Выступал в печати также на общественно-политические и военные темы. Издал книгу: "Без будущего. Очерки по психологии революции и гражданской войны" (1931), печатал статьи в "правой" периодике Русского Зарубежья.

МЕССНЕР ЕВГЕНИЙ ЭДУАРДОВИЧ (1891-1974). Причисленный к Генштабу полковник, участник 1-й мировой войны. Во время Гражданской войны - в Добровольческой армии (последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии). В эмиграции до 1945 года жил в Югославии, затем - в Аргентине. В Белграде преподавал на Высших Военно-Научных Курсах генерала Головина, где стал профессором. В Буэнос-Айресе с коллегами воссоздал институт по изучению проблем войны и мира им. Н.Н. Головина. Много публиковался в военной и общественно-политической печати. С 1943 по 1944 редактировал газету "Русское дело", до своей кончины вел "военный отдел" в журнале "Наши вести" (печатные органы чинов Русского Корпуса).

Основные труды: "Мысли о Генеральном штабе" (1925), "Декадентство в военном искусстве" (1928), "Качество или количество" (1930), "Мятеж - имя Третьей Всемирной" (1960) и др.

НОВИЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ (1867-1931). Генерал-лейтенант. Окончил Академию Генштаба. Участник Русско-японской войны, в годы 1-й мировой войны командовал 48-й пехотной дивизией. После 1917 года на стороне контрреволюции. С 1921 года в Югославии. Служил в инспекции пехоты югославянской армии, затем - в стрелковой школе в Сараево.

Фактический инициатор и один из создателей "Общества Ревнителеев Военных Знаний" в Петербурге (1898). В эмиграции - активный сторонник пропаганды и развития военной науки, один

из организаторов журнала “Вестник Военных Знаний”. Специалист в области стрелкового дела. Автор многих статей и рецензий.

ОЛЬХОВСКИЙ ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ (1852-1936). Генерал от Инфантерии. Окончил 1 Павловское военное училище и Академию Генштаба. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 г.г. В годы 1-й мировой войны командовал войсками Московского военного округа. После 1917 г. - в эмиграции. Публиковался в военной периодике. Умер в Париже, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ПОПОВ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ (1884-1968). Генерал-майор, военный юрист и историк. В эмиграции - директор 1-го Русского кадетского корпуса в Белой Церкви (Югославия). После второй мировой войны жил в США. Печатался в периодике Русского Зарубежья.

ШЕЛЛЬ Е.А. Ротмистр, окончил Высшие Военно-Научные курсы ген. Головина в Белграде. Принимал участие в военно-научной деятельности военной эмиграции в Югославии. Состоял в движении генерала А.Туркула “Русский Национальный Союз Участников Войны”. Выступал на страницах эмигрантской печати.

ШМЕЛЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ (1873-1950) - крупный писатель, видный представитель творческой интеллигенции Русского Зарубежья. Окончил юридический факультет МГУ, работал по специальности в Москве и Владимире. С 1895 года публиковал свои рассказы и очерки, позже - повести. В целом позитивно отнесся к Февральской революции, Октября же не принял; в 1918-1922 гг. жил в Крыму, затем навсегда покинул Россию и обосновался во Франции. Его книга “Солнце мертвых” о большевистском терроре в Крыму обрела широкую известность на Западе. Все его сборники рассказов и очерков, написанные в эмиграции, пронизаны чувством утраты родины и светом воспоминаний. С теплотой относился писатель к военным изгнанникам, принимал участие в их изданиях “Русский Инвалид”, “Галлиполиец” и др.

ШТЕЙФОН БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ (1881-1945), генерал-лейтенант. Окончил военное училище и Академию Генштаба. За Русско-японскую войну был награжден пятью орденами. Участник 1-й мировой войны. С 1918 года в рядах белого движения. После исхода из Крыма Русской Армии Врангеля - в Галлиполи (начальник штаба 1-го Армейского Корпуса генерала А.П.Кутепова). В дальнейшем - в Югославии (работал на руднике). С 1941 по 1945 г.г. там же командовал Русским Охранным Корпусом, сформированным немцами для борьбы с югославскими партизанами.

ми. Известный в эмиграции военный публицист и ученый (получил звание профессора). Страстно ратовал за сохранение и развитие русской военной мысли в условиях беженства. Главные работы: “Кризис добровольчества” (1928), “Национальная военная доктрина. Профессор А.К.Баиов и его творчество” (1937), “Штурм Эрзерума” (1928), “Генерал Юденич” (1941). В них и других Штейфон непременно подчеркивал “преобладание духа над материей” в военном деле.

**КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ АВТОРАХ,
УПОМИНАЕМЫХ В ЗАКЛЮЧЕНИИ**

Болтунов Александр Дмитриевич (1868-1933). Генерал-майор, участник 1 мировой войны, в Добровольческой армии и в Галлиполи начальник Кубанского Алексеевского военного училища (1918-1921). С 1920 г. - в эмиграции. Жил и умер в Болгарии.

Галай Николай Яковлевич (?-1969). Капитан, военный писатель, аналитик. Участник белого движения, после 1920 г. - в эмиграции. Преподавал на Высших Военно- Научных Курсах ген. Головина, после 2 мировой войны состоял научным сотрудником Института по изучению СССР в Мюнхене.

Геруа Александр Владимирович (1870-?). Генерал-лейтенант, известный военный писатель. Участник Русско-японской и 1 мировой войн, белого движения. В эмиграции жил в Румынии, где, вероятно, погиб в годы 2 мировой войны.

Деникин Антон Иванович (1872-1947). Генерал-лейтенант, известный военно-политический деятель и писатель. Участник Русско-японской и 1 мировой войн, белого движения - Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России (1918-1920). С 1920 г. - в эмиграции: большую часть времени - в Европе, в основном во Франции, после 2 мировой войны - в США, где и умер.

Добrorольский Сергей Константинович (1867-?). Генерал- лейтенант, известный военный писатель. Участник 1 мировой войны, после 1918 г. - в эмиграции, в середине 20-х годов вернулся в Россию.

Драгомиров Абрам Михайлович (1868-1955). Генерал от кавалерии, военный писатель, сын знаменитого военного и государственного деятеля М.И.Драгомирова. Участник 1 мировой войны, белого движения на юге России, где занимал ряд высших руководящих должностей. С 1920 - в эмиграции: сначала в Югославии, затем во Франции.

Драгомиров Владимир Михайлович (1867-1928). Генерал-лейтенант, сын М.И. Драгомирова, брат А.М. Драгомирова. Участник 1 мировой войны. После 1920 г. - в эмиграции, в Югославии.

Залесский Павел Иванович (1868-?). Генерал-лейтенант, известный военный писатель. Участник Русско-японской и 1 мировой войн. После 1920 г. - в эмиграции.

Мариюшкин Алексей Лазаревич (1880-?). Полковник, военный писатель. Участник 1 мировой войны и белого движения на юге России. После 1920 г. - в эмиграции. В 1944 г. из Югославии депортирован в СССР, где погиб.

Свечин Александр Андреевич (1878-1938). Генерал-майор, известный военный писатель, теоретик. Участник Русско-японской и 1 мировой войн. С 1918 г. военспец в Красной Армии, в 20-х - 30-х годах профессор Академии Генштаба. Дважды репрессирован, расстрелян.

Симанский Пантелеймон Николаевич (1866-1938). Генерал-лейтенант, известный военный писатель, историк. Участник 1 мировой войны, после 1920 г. - в эмиграции, в Польше.

Флуз Василий Егорович (1860-1955). Генерал от инфантерии, участник Русско-японской и 1 мировой войн, белого движения на юге и востоке России. После 1920 г. - в эмиграции: сначала в Югославии, после 2 мировой войны в США, где и скончался.

Хольмстон-Смысловский (Смысловский) Борис Алексеевич. Генерал, в 1945 г. командир одного из прогитлеровских формирований русской эмиграции, впоследствии военный писатель, председатель Российского военно-национального освободительного движения им. ген. А.В.Суворова (Буэнос-Айрес).

Подготовил И.Домнин

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ - ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

*Армии, лишённые военного ду-
ха,
заранее обречены на пораже-
ние.*

В.Недзвецкий

*Нам нужна армия, сильная сво-
им духом, сильная своей дис-
циплиной и знанием своего де-
ла, сильная верой в тех, кто
ею руководит.*

За пренебрежение духом (нравственностью, воспитанием) российская армия заплатила многократными государственными катастрофами, тяжелыми военными поражениями, забвением военного искусства и упадком военного дела. Прежде всего по этой причине русские офицеры оказались в 1918 - 20 гг. в изгнании, образовав военную эмиграцию. Вдали от Родины, на чужбине, пришло убеждение: без апостольской, подвижнической работы по духовному обновлению, без сознательного патриотизма и самопочинного служения, без воспитания высших духовных качеств в среде российского воинства нельзя надежно защитить Россию. Армия без души остается мертвой организацией. Она не способна к самосовершенствованию, не предотвращает войны, своей слабостью провоцирует противника, систематически разлагается и становится опасной для собственного народа. Армия должна быть прежде всего духовной силой: только в этом случае затраты на ее оснащение новейшей техникой и оружием окажутся полезными для Отечества, военная система станет прибыльной, то есть обеспечивающей надежную защиту, длительный мир и процветание, а не будет истощать Россию.

Главное в русской армии — Дух, а не Материя. Именно он приводит и ведет ее к победам, раскрепощает энергию, преодолевает препятствия, подчиняет обстоятельства, противостоит не только внутреннему, но и внешнему разложению. Без души армия только кажется боевой силой, и за эту видимость мощи народ расплачивается своей кровью в случае войны. Когда нет души, армия теряет стимулы к развитию и военные реформы не удаются. Но стоит воспитать (возродить) в ней дух, - и успех гарантирован. Поэтому начинать успешную военную реформу необходимо с духовно-нравственного возрождения, с воспитания духа, с создания для этого материальных и организационных условий.

Обо всем этом свидетельствуют исторический опыт и выводы русской военной мысли.

Петровская традиция

Армия XVIII века была сильна духом (национальным характером, наукой побеждать, верой в Бога, воинской нравственностью и гуманностью, преданностью не только царю и Отечеству, но и военному делу). Одушевленная, профессиональная (“воспитанная”) армия создала Российскую империю, национальную школу военного искусства, духовно-воспитательную военную систему, таких великих полководцев, как Петр I, П. Румянцев, А. Суворов, М. Кутузов, флотоводцев Ф. Ушакова и Д. Сенявина. Войска, предводимые ими, совершали чудеса и принесли бессмертную славу русскому оружию. Воинский дух был крепок и высок, а сами полководцы прекрасно использовали психологический фактор в достижении победы.

Они умели воодушевлять и воспитывать войска: осторожными и всесторонне подготовленными успешными действиями, победами, воспитанием, заботой о воинском быте, строгостью, красноречием, продуманной до мелочей военной службой, отраженной в таких бессмертных творениях, как Воинский и Морской уставы, различные инструкции Петра I, “Обряд службы” П. Румянцева, “Наука побеждать” А. Суворова.

Нравственному элементу войск (и его воспитанию) придавалось первостепенное и основополагающее значение: “бесконфузство”, “храбрые сердца” — “сие едино войско возвышает” (Петр I). На этом основании строилась система боевой подготовки (и велись войны) в XVIII веке, русские войска приобретали высокие нравственные свойства и способность выполнять службу “За Веру, Царя и Отечество”, за совесть, а не из-за страха жестокого наказания. В золотой век Петра I и Екатерины II победоносное российское воинство, несмотря на принудительность службы, считалось счастливой армией (русские воины сражались успешно и полагали за счастье умереть с пользой для Отечества). Национальный характер, высокая нравственность и крепкий воинский дух создали качественную боевую силу, способную побеждать, малыми трудами и малой кровью:

А.И. Верховский

Изучая борьбу России начала XVIII в., пусть каждый из вас поставит себя в обстановку после Нарвского поражения. Войско было построено по всем правилам тогдашней науки. С наилучшими из наличных генералов армия была выведена на поле сражения, обучена, вооружена и... разбита в первом же бою.

<...> Основное решение после поражения было, несмотря на тяжесть неудачи, продолжать борьбу и воссоздать вооруженную силу. С восста-

новлением материальной силы справились относительно легко, но как было сделать армию боеспособной, сделать ее, как говорил Петр, такой, чтобы двинуть ее “не под лапу, а в самую пасть неприятеля?” Как сделать ее, употребляя слово того же Петра, “бесконфузной”? Ведь, казалось, все, что требовали современная военная наука и практика Запада, было исполнено, когда собирались в поход к Нарве: и обучены, и одеты по-иностранному, и командовали иностранцы, а под первым натиском армия разбежалась. И Петр понял, что армии не хватило **души**, или кто не любит этого слова, — психологической спайки. Того невесомого, незримого, что составляет $\frac{3}{4}$ ее силы. Материально армия может быть вполне обучена и сформирована, но этого мало. Армия или выполняет все, чему ее научили, т. е. стреляет, маневрирует, атакует, оставаясь в руках своих начальников, или же не выдерживает страха смерти, в глаза которой нужно смотреть, и разбегается, спасая свою жизнь. Вот в чем суть. Сможет ли солдат, смотря в страшное лицо стоящей перед ним смерти, выполнить то, чему его учили, и то, что ему приказывали, или же он будет искать спасения в бегстве? Только что сформированная регулярная русская армия не выдержала напряжения боя и побежала, стихийно, панически, спасаясь от смерти на поле сражения и погибая от паники в реке; но бежала, проигрывая сражение. Труднейшей задачей было вдохнуть в эту армию то, что я называю “душу живую”, и в этом направлении началась огромная работа воспитания армии, — работа, в которой наши предки пошли своим оригинальным, совершенно самобытным путем. В то время как армии Западной Европы все внимание сосредоточивали на муштровке солдат, стремясь страхом наказания и верной смерти в тылу, под рукой палача, сделать солдата послушным механическим орудием в руках начальника, в нашей армии, кроме систематического обучения, началось еще воспитание духа в войсках... В то время как в вербованных армиях Запада с солдатами обращались, как со скотиной, петровский офицер подошел к нему не только с ученьем, не только со строгостью, но и как человек к человеку. И в этом заключалась особенность нашего военного искусства XVIII века, причина всего, блеска побед и решительных успехов всех войн Петра и Екатерины (1).

А.К. Баиов

В век Екатерины обращали внимание не только на обучение, но также и на **воспитание войск**. Как сама Екатерина, так и выдающиеся деятели ее эпохи (Румянцев, Потемкин, Суворов - Сост.) придавали громадное значение воспитанию армии, занимались им и достигали в этом отношении блестящих результатов. С уверенностью можно сказать, что только соединение рационального обучения с соответствующим воспитанием принесло у нас в царствование Императрицы Екатерины II те поразительные боевые результаты, о которых свидетельствует история. И здесь во главе шел почин свыше, проявившийся в “полковничьей инструкции”, которая восстанавливала некоторые из забытых в армии идей и постановлений Петра Великого, касающихся воспитания. В этой “полковничьей инструкции”, между прочим, говорится, что необходимо “объяс-

нять солдату силу и содержание воинского артикула, уставов и приказов, а паче, что до солдата касается, изъяснять должность службы и требующую от солдата неустрашимую храбрость и что никакие страхи и трудности храбрость и верность российских солдат никогда поколебать не могли, в которых число и он принят”.

Далее в инструкции указывалось, что солдатам должно быть внушено, что “солдат именем и чином от всех прежних его званий преимуществует”.

Затем инструкция, обязывая полковых и ротных командиров заботиться о подготовке хорошего солдата, указывает и путь к этому, а именно *нравственное воспитание личности и дисциплину*, основанием которых должны служить чинопочитание, сознательное отношение к воинскому долгу и развитие нравственных побуждений, на первом плане которых становится честолюбие <...>

Эта же эпоха весьма наглядно свидетельствует, что *в военном деле первенствующее значение имеет нравственный элемент*, но проявляемый не только в личной храбрости отдельных бойцов и начальников всех степеней, а в том высшем его состоянии, когда общее руководящее направление дает возможность свободно развивать и использовать умственные и волевые способности каждого в пределах разумного частного почина.

В связи с этим эпоха Екатерины больше, чем какая-либо другая, доказывает, что наиболее производительное использование принципов военного искусства в какой бы то ни было обстановке прежде всего и больше всего зависит от людей, а еще больше — от человека (2).

Значение морального фактора

С конца XVIII века российское войско начало приходить в упадок. После Отечественной войны 1812 года в нем затухло военное искусство, проявилась склонность к бездумным подражаниям иностранцам, участились поражения. Потребность в военных реформах стала очевидной, но, будучи плохо продуманными и организованными, они только на время восстанавливали вооруженную силу, не придавая ей импульса к постоянному совершенствованию. Все реформы, которые были проведены за последние два века (XIX и XX) носили поверхностный, мелкий, а нередко и разрушительный характер, в конечном результате еще больше подтачивая военную мощь России.

Павел I разрушил егерские (лучшие в то время) войска, ввел прусские порядки, деморализовал армию системой руководства, доведенной до абсурда.

Александр I не смог серьезно подготовиться к войне с Наполеоном, измотав и истощив страну и армию в бесконечных войнах. После великой победы боевая школа пришла в упадок, а ее место заняли муштра и военные поселения.

Николай I заменил живой дух армии “фронтовым строем”, причем даже во флоте, и, тем самым, окончательно разладил петровскую профессиональную армию, приведя ее к позорному поражению в Восточной (Крымской) войне 1853-56 гг.

Александр II и его военный министр Д. Милютин полностью отказались от идеи существования в России профессиональной армии. Они ввели всеобщую воинскую повинность (1874 г.) и систему “вооруженного народа”, которая оказалась неудачной и опасной для России, допустив в ней гражданскую войну 1917-1920 гг., а также неподготовленное участие страны в двух мировых войнах XX века.

Если раньше армия воспитывалась для победы, а войны велись так, **чтобы возвышался моральный дух войск**, то в XX веке все делается наоборот. Даже малые войны (русско-японская, афганская, чеченская) начинались как будто специально для того, чтобы еще больше истощить страну и нанести моральный вред духу армии “запланированными” поражениями и унижением. Лишенные боевого качества и духовных основ, вооруженные силы превратились в обузу для общества и самих себя, стали игрушкой в руках безответственных правительств, оправданием для существования огромного военно-промышленного комплекса, основным потребителем производственных ресурсов страны и средством “кормления” для беспринципных карьеристов.

Неудачи (неоконченность) военных реформ, после которых вновь следовали поражения и разложение армии, объяснялись нежеланием политического и военного руководства императорской, а затем и советской России следовать петровской традиции: создавать национальную, профессиональную, боевую армию и начинать этот процесс с формирования и воспитания “души армии”: организации ее нравственных сил, формирования высших духовных качеств, отбора личного состава, развития творческой военной мысли. Ни в одной военной реформе XIX и XX веков не ставилась цель духовно-нравственного и умственного возрождения армии, а также не учитывалось преобладающее влияние нравственного элемента на состояние войск и достижение победы в войне (бою) !!! Строились корабли, формировались дивизии, корпуса, армии, отряды, принималась на вооружение новейшая техника (вплоть до ядерного оружия), планировались мировые войны, создавались новые виды и рода войск, периодически менялись системы военного комплектования и управления, — но проблема “слабодушия” и вытекающая из нее **необходи-**

мость развития армии как духовной силы все время оставалась неразрешаемой. Конечно, командиры, военное духовенство, политработники (в советское время) обязаны были заниматься нравственным развитием подчиненных, но, во-первых, настоящими духовными руководителями они так и не стали (специально не готовились для этого и система “вооруженного народа” не позволяла), во-вторых, сверху не поощрялись нравственная энергия и самодеятельность, в-третьих, разлагающее влияла внешняя среда: перевороты, революции, строительство социализма в мировом масштабе, “перестройки” и другие факторы.

Так, уже милютинская военная реформа (1862-1874 гг.) могла бы быть успешной, если бы была принята во внимание основная причина разложения николаевской армии и поражения России в Восточной войне. Она заключалась в отсутствии военного искусства и неудовлетворительном духовно-нравственном состоянии войск, плохом качестве командного состава, что явилось, в свою очередь, следствием угашения творческого духа. Судя по авторитетным критическим запискам, в разное время адресованных царю и российской общественности, основным содержанием военной реформы в XIX веке должно было бы стать духовно-нравственное обновление и восстановление армии Петра I и Екатерины II.

Ф.П. Толстой

Нравственное состояние войск - суть причина тишины и спокойствия общественного в мирное время и блестящих успехов во дни войны. Напрасно думают, что механическое устройство решает судьбу браней, напротив, оно служит, так сказать, оболочкою успехов, так точно, как тело наше - оболочкою души бессмертной, без которой нет жизни и движения.

Что такое нравственность войск? Она не проявляется одним нравственным состоянием человека, но заключая в себе сие состояние, соединяется с благородством духа, с высоким понятием и любви к своему званию, с пламенной любовью к отечеству, с беспредельною привлекательностью к верховной власти, с вероисповедательными добродетелями. *Механическое устройство без нравственного состояния не принесет никакой существенной пользы государству и не послужит причиною его могущества. Напротив, нравственность войск, даже без механического устройства бывает залогом великих дел и блестящих подвигов<...>*

Армии Екатерины были немногочисленны и не приготовлены, как ныне, но производили дела великие, достойные Древней Греции и Рима. Румянцев с 17 000 разбил при Ларге 100 000 татар, обратился к туркам, поразил полтораста их тысяч. Суворов никогда не имел во время Турецкой войны более 20 000, но повсюду громил огромные силы, с одними почти казаками взял штурмом Измаил. В последнюю же Турецкую войну

(1806 -1811 гг. — Сост.) русских было 100 000 под ружьем, но все предприятия закончились стыдом и неудачами. Отчего произошло сие? Скажем, с Наполеоном: нравственное в армии исчезло. Мелочная немецкая тактика, испытанная, в превосходстве, своим вековым поражением, овладев у нас понятиями всех, устремила внимание людей, занимающих первые должности военного управления, к предметам едва ли заслуживающим внимание, отчего предметы важные и великие, на коих утверждается незыблемость престола и могущество государственное, совершенно исчезли из вида. Начальствующим известно было, который полк отлично марширует, который ставит твердо ногу, но знали ли они и знают ли состояние солдата, его душу, его нравственное положение? Утверждаю решительно - не знали и не знают (3).

Л.Н. Толстой

По долгу присяги, а еще более по чувству человека не могу молчать о зле, которое открыто совершается передо мной и очевидно влечет за собой гибель миллионов людей — гибель силы, достоинства и чести отечества<...>

Зло — это есть разврат, пороки и *упадок духа русского войска*. В России, столь могущественной своей материальной силой и силой своего духа, нет войска; есть толпы угнетенных рабов, повинующихся ворам, угнетающим наемникам и грабителям, и в этой толпе нет ни преданности к царю, ни любви к отечеству — слова, которыми так часто злоупотребляют, — ни рыцарской чести и отваги, есть, с одной стороны, дух терпения и подавленного ропота, с другой, - дух угнетения и лихоимства.

И скорбны и непостижимы явления нынешней (1853 - 56 гг. — Сост.) войны! Россия, столь могущественная силой материальной, еще сильнейшая своим духом — любовью к царю и отечеству, Россия, столько лет крепчавшая под мудрою, мирною державою, не только не может изгонять дерзкой толпы врагов, ступившей на ее землю, но при всех столкновениях с ними — скажу правду — покрывает срамом свое великое имя. *Нравственное растление войска: вот причина печальных явлений* (4).

Генерал-адъютант Глинка 2-ой

Для приобретения доверия начальников, уважения подчиненных и для сохранения в самом себе чувства личного достоинства, каждый военный должен быть поставлен в то положение, чтоб, при желании исполнять свои обязанности по долгу и чести, он мог найти твердую опору в законе и действиях начальства.

К сожалению, многие узаконения написаны неопределительно, или устарели и не соответствуют более нынешнему порядку вещей, или налагают ответственность, несообразную со средствами и положением каждого. К сожалению, также некоторые действия, уклоняясь от точного смысла постановлений, основываются на каком-то заведенном порядке, или, что хуже, на произволе. Таковое неестественное положение служит иногда поводом, а чаще предлогом к различным злоупотреблениям, роняющим военное звание <...>

Военное ведомство не может долее оставаться в том положении, в котором ныне находится; положение это слишком обременительно для казны, терпящей через то огромные убытки; оно слишком тягостно для всех благонамеренных людей, поставленных в необходимость действовать против убеждений совести, и выгодно лишь для людей корыстолюбивых и безнравственных.

Настала, по-видимому, пора *приступить к нравственному преобразованию войск и военных управлений*, не уступающему по важности своей другим преобразованиям. В России всякое благое направление должно проистекать от правительства, а потому и в этом деле призвание правительства — дать средства и возможность — офицеру честному служить по долгу и совести, а впавшему в заблуждения — обратиться на путь истинный <...> (5).

Генерал Ридигер

Злоупотребление властью центральной администрации в ущерб самостоятельности низших инстанций низвело последние к роли передатчиков донесений и приказов <...> Должности эти, естественно, занимались лицами посредственными; нет ничего более легкого, как быть слепыми исполнителями отданных приказаний... но нельзя требовать от этих марионеток ни характера, ни долга, ни знаний людей и обстоятельств <...>

Второй причиной, оказавшей не меньшее влияние на *отсутствие способных людей* на военной службе, является вырождение людей, обладающих военным духом, знающих, что такое тактика и война, в людей, занимающихся лишь одними военными упражнениями, чей кругозор ограничен уставами и парадами <...>

Подбирать людей — вот коренное слово, определяющее всякий успех: дайте командира, достойного и способного командовать полком, — и любой полк будет хорош или станет таковым; выберите способного главнокомандующего — и любая кампания пойдет хорошо. Екатерина Великая говорила: я посылаю в Польшу две армии — войска и Суворова <...>

Именно в полку находятся элементы, составляющие для младших офицеров подготовительную школу. Это демонстрирует всю важность выбора командира полка, который должен *управлять воинским духом* и служить примером для своих подчиненных, а для этого недостаточно быть только хорошим инструктором (6).

Ни Николай I, ни Александр II, ни позже Александр III, к советам этим и предложениям не прислушались.

Вчитываясь в “военные записки”, суть которых отражают приведенные умозаключения, знакомясь с прекрасными полемическими работами генерал-майора Ростислава Андреевича Фадеева (7) — основного оппонента Д.А. Милютин, приходишь к выводу, который сформулировал сам же престарелый Милютин после проигранной русско-японской войны: военная реформа 60 - 70-х годов XIX столетия “пошла не в том направлении”, вопросы, по-

ставленные в записках, так и не были по существу решены. Военные поражения продолжались, несмотря на появившиеся военные округа (1862 г.), всеобщую воинскую повинность (1874 г.), новую бригадно-корпусную и “отрядную” систему, военные гимназии и другие меры милютинской реформы. Проблема нравственного возрождения и духовного укрепления армии в XIX- XX веках так и не была решена.

Игнорирование первичных сущностных проблем: воспитания духа, нравственности, восстановления ратного достоинства и военного искусства - привело уже в начале XX века к опасному вырождению российской армии, к превращению ее в “мираж постоянной армии”, в “штатскую” армию без воинского духа, в “полчище”, которое способствовало возникновению самой кровопролитной и ожесточенной гражданской войны новейшей истории. Но и в этих тяжелых условиях, при ограниченных возможностях, русскому офицерству практически самопочинно удалось создать прекрасную военную литературу и тем самым в определенной степени поднять умственный уровень армии. В XIX-XX веках, на родной почве и в эмиграции, появились десятки блестящих военных журналов, были изданы тысячи книг по военной тематике, велась оживленная дискуссия о русской военной доктрине. Вся эта умственная работа способствовала развитию творческой военной мысли, но она, к сожалению, не оказала существенного влияния на укрепление духа, так как постоянно прерывалась, оставалась незаконченной (наглядный пример - дореволюционная “Военная энциклопедия”), имела разные пространственные измерения (велась в царской, советской и зарубежной Россиях). Ее выводы не отразились в практической военной политике, которая вела страну к национальной катастрофе.

В ходе неудачных войн и военных реформ первой половины XX века расколотому идеологически, но не корпоративно русскому офицерству вновь **пришлось привлекать внимание к проблеме возрождения духа армии**, ссылаясь на авторитет высказываний великих полководцев и военных деятелей:

- * *На $\frac{3}{4}$ победа зависит от нравственных сил и лишь на $\frac{1}{3}$ от материальных (Наполеон).*
- * *Нравственные силы имеют на войне самое важное значение (Клаузевиц).*
- * *Влияние боя не в убиении неприятельских войск, а в убиении их духа (Клаузевиц).*

- * *В военном деле первейший и важнейший фактор есть человек (М. Драгомиров).*
- * *Дух войска — никогда не покоящийся, могущественный, а в отдельные минуты - даже всемогущий двигатель войска... Он центр тяжести как целого войска, так и отдельного лица (Лоренц фон Штейн).*

Осознанию этих фактов с начала XX века стало способствовать быстрое развитие военной психологии. Центральное место, которое она заняла в системе наук о войне, объяснялось необходимостью изучения души армии, психологических явлений войны и боя, искусства управления (командования) людьми в интересах достижения наилучших результатов военной деятельности. Еще раз, теперь уже на научной основе, формулируются и пропагандируются (и вновь безрезультатно!) **важные истины: дух преобладает над материей; только наличие души позволяет армии нормально развиваться; нравственность лежит в основе военного дела; образование, и даже военное искусство, не могут заменить воспитания войск; бессмысленно тратить деньги и ресурсы на оборону без серьезного воспитания духа войск; военную реформу необходимо начинать с нравственного возрождения армии и поднятия воинского духа, с установления законности (справедливости) и уничтожения произвола.** В различных исследованиях о моральном элементе армии подчеркивается:

А. Резанов

Великие полководцы в то же время были великими психологами, умевшими в воинских массах будить моральные силы, скрытые от глаз посредственности. Стратегия и тактика, конечно, имеют значение на исход как целой кампании, так и отдельного боя, но важнейшим элементом, решающим участь сражения, нужно считать *психологическую* силу армии (8).

Д. Баланин

...Главнейшим условием силы и мощи армии является *развитие, укрепление и возвышение ее духа*, т.е. неустанное, упорное и умелое накопление этого бесценного богатства, которое именуется моральным элементом. Этот капитал даст наибольшие шансы для успеха на поле битвы (9).

И. Маслов

Нетрудно понять, почему во всех отраслях человеческой деятельности наибольшее значение имеют *нравственные силы*. Ценность работы как материальной, так и умственной силы человека всецело зависит, во-первых, от того, стремится ли человек к общей пользе, а во-вторых, от того, правильно ли он смотрит на пользу. И то, и другое обуславливается теми нравственными стимулами, которые руководят его поступками...

Вообще ни на мускульную, ни на умственную деятельность бойца в сражении нельзя надеяться, если он не имеет нравственных побуждений, направляющих его усилия к победе, или если эти побуждения так слабы в нем, что заглушаются чувством самосохранения и эгоистическим расчетом... Приведенное объяснение уже позволяет нам заключить, что боец должен быть возможно более и нравственен, и умен, и силен, но прежде всего он обязан быть нравственным (10).

В. Недзвецкий

Укоренение военного духа в армиях во все времена признавалось главной задачей военного устройства <...> Для создания сильной духом народной армии необходимо, чтобы и население, доставляющее ей укомплектование, было проникнуто теми моральными силами, которые образуют военный дух <...> Населению каждого государства, взятому в его целом, присущи, в большей или меньшей степени, любовь к родине, к земле, на которой оно живет, к домашним очагам; оно имеет привязанность к религии предков, не лишено сознания, - хотя бы и смутного, более инстинктивного, чем разумного, - своих исторических судеб; в нем есть чувство национальной независимости и даже гордости, есть мужество в перенесении тягостей жизни и ударов судьбы; есть сознание долга, обязанностей по отношению к ближним, к государству. Все эти и им подобные нравственные силы и образуют *военный дух*, являющийся источником военных доблестей. Чем силы эти могущественнее, тем крепче, устойчивее военных дух населения (11).

И. Энгельман

Сила армии и флота и успех в бою зависят на $\frac{3}{4}$ от нравственных сил бойцов и на $\frac{1}{4}$ от материальной части.

Для обеспечения $\frac{1}{4}$ успеха необходимо нижних чинов обучать всем техническим особенностям данного им оружия, для обеспечения $\frac{3}{4}$ успеха необходимо достичь соответствующего развития нравственных сил бойцов, что может быть достигнуто только воспитанием.

Итак, должное воспитание воинов - есть краеугольный камень всего огромного, могучего военного организма каждого данного государства; какие бы ружья, пушки, корабли мы ни имели, но если мы к ним не в состоянии приставить людей с соответственно развитой волей, душой и сердцем, то успеха мы все равно иметь не будем <...>

Если во всех государствах вопросы воспитания бойцов стали вопросами жизни или смерти не только армии и флота, но и самих государств, то для нас, русских, находящихся в периоде пересоздания как государственного, так и военного строя по призыву и предначертанию нашего обожаемого Монарха, все вопросы воспитания личного состава вооруженных сил государства приобретают особый, если можно так выразиться - крайне срочный интерес...

Дело воспитания, которое для нас должно быть залогом возрождения, дело очень сложное, очень трудное, и вести его можно только людям, воодушевленным высшими идеалами.

Напрасно думают, что офицером может быть всякий, средний, слабый человек; если допустить это, то армия умрет, так как ее основа - офицер перестанет ее одухотворять.

Поэтому офицер на свою деятельность, особенно теперь, должен смотреть именно как на *подвижничество, апостольство*, иначе он не выполнит своего назначения и своего долга (12).

М. Галкин

Офицеры должны проникнуться патриотической мыслью явиться в роли духовных и нравственных воспитателей армии <...> Пусть же современный руководитель проникнется идеей, что *армия трудами тысяч офицеров-воспитателей должна обратиться в огромный дом нравственного и умственного развития и гигиены, оставаясь в то же время школой чести, доблести, дисциплины, здорового, надежного патриотизма*. Армия должна возратить народу своих детей, братьев, отцов, которых он доверчиво дал ей в полное распоряжение, хотя и временно. И люди эти должны вернуться к сохе лучшими, чем они были. Тогда внутренняя связь между армией и нацией будет надежна, прочна, будет нерушима и ни одного тяжелого вздоха не раздастся в хате простолюдина, который благословит своего сына с облегченным сердцем на службу в армии, уверенный, что не зло, а семена добра принесет он домой. Это не идеальная теория, которая недостижима. Нет, это возможно выполнить, но *при громадной духовной работе* современных офицеров-воспитателей (13).

А. Ливен

По-моему, слишком уж ясно, что главный наш недуг кроется в неправильной и несуразной организации личного состава, который в военном деле играет еще более первостепенную роль, чем где -либо<...> Не только в бою, а и в мирное время, в период приготовления к войне, техника служит только безгласной исполнительницей указаний военных начальников, и если ей дано неверное направление, то это вполне зависит от ошибочных воззрений в среде строевого состава <...>

Для руководства военным делом одних знаний мало. Наполеон говорил, что для ведения боя надо изучить по крайней мере 50 сражений, но я думаю, что он был бы очень удивлен, если бы кто из этого вывел заключение, что, изучив 50 сражений, человек уже готовый полководец. *Для правильной оценки военных вопросов надо быть военным не только по своим знаниям, но и по своим чувствам, по своим взглядам и по своему характеру. Надо иметь то, что можно назвать, в отличие от знаний, военным сознанием, которое приобретается не образованием, а воспитанием<...>*

Военное воспитание есть основа деятельности всякого военного, от командующего до нижнего чина. Все остальные вопросы, как образование, обучение, вооружение и снабжение, — второстепенные. Они сами собой образуются, как только воспитание станет на должную высоту. Воспитание определяет работоспособность и направление, а без него старания напрасны. Единственные же воспитатели под луною — это крепкие духом, сплоченные и дисциплинированные строевые части <...>

Где наши традиции? Где наши войсковые части? Где наша сплоченность? Где наше начальство? Где наша власть над подчиненными? По всей линии отрицательный ответ. Удивительная у нас организация, прямо-таки все наизнанку. И получилась она такой везде и всюду по одной и той же причине. Мы во всех своих взглядах и действиях стали на неверную точку зрения (14).

А. Верховский

Люди военные, вдумчиво пережившие 1917 год, поняли на нашем примере, что такое психология армии. *Военное искусство состоит в том, чтобы развить эти духовные силы и, опираясь на них, добиваться победы <...>*

Мы можем сказать, что при равной технике побеждает более сильный духом. Мы можем сказать, что при равных духовных силах побеждает тот, в чьих руках более сильная техника. Еще не значит, что при более слабой технике дух обязательно будет подавлен; духовные связи могут дать такой перевес даже слабым технически, что победа останется за ними. Такова история всех победоносных войн революций — французской, английской, голландской и т.д. Видите, насколько этот вопрос для нас злободневен. И вот именно эту мысль о превосходном значении духовных факторов в борьбе, о довлеющей роли психологии на поле сражения нужно знать и верить в великие силы духа. *Не забывая развитие техники, мы должны обратить внимание на воспитание духа, сосредоточить на этом наши главные усилия, развить, организовать и обосновать на этом нашу победу (15).*

П. Залесский

Военная доктрина должна явиться результатом глубокого знания военного дела вообще, а своего отечественного в особенности, но не без скрывания недостатков прошлого, а наоборот - с твердым намерением отделаться, освободиться от этих недостатков. Прошлое должно быть изучено честно, с полным очищением от лжи, реляций и прикрас казенных историков; чтобы совершенствоваться и побеждать — надо знать свои слабые стороны и стараться уменьшить их число и силу влияния на наш организм.

Выработанная таким образом “военная доктрина” данной армии должна быть **катехизисом**, обязательным для всех. На нем должны базироваться все уставы, наставления, учебники и пособия для подготовки войск. *Отделу моральному должно быть предоставлено главное место, ибо воспитание войск и народа важнее для войны, чем обучение и материальная подготовка:* можно знать все и быть хорошо снаряженным и — не хотеть жертвовать собой, и даже не хотеть подвергать себя лишениям и тягостям, всегда сопряженным с добросовестным исполнением обязанностей на войне.

А потому — обучая и живя, надо пользоваться каждой минутой для воспитания войск в духе добросовестности, смелости и преданности интересам общего дела <...>

Воспитывать надо не только словом, но и делом — каждым требованием, предъявленным подчиненному лицу, и каждым шагом самого начальника (примером).

Всего этого в России не было (16).

Духовное измерение военной реформы

Практический военный опыт времен Петра I и Екатерины II, заветы лучших представителей офицерского корпуса России наглядно указывают на главное направление (цель) давно назревшей и перезревшей *предстоящей военной реформы*: **возродить и воспитать дух армии, сделать его альфой и омегой всей военной системы, создать сильное духом воинство — и тогда все проблемы будут, наконец, своевременно решаться.** Сосредоточение главных усилий на этом направлении принесет, по крайней мере, тройную выгоду. Во-первых, выработкой определенных духовных качеств, силы воли, преобразовательной энергии и понимания (“верного взгляда военного”) будут создаваться предпосылки для успешного реформирования армии, организации ее как боевой силы. Во-вторых, начнется специальная работа по повышению морального духа войск, что улучшит качество личного состава. В-третьих, будут, наконец, устраняться дефекты и хронические недостатки военного быта, которые многие десятилетия угнетали дух, портили и разлагали армию. **Только такая *духовная работа* позволит создать новое военное “сословие”, объединенное не принудительной службой (повинностью), а идеей самопочинного служения и беззаветной преданности России (военному делу).**

Практическая реализация данной целевой установки связана с решением нескольких принципиальных (масштабных) задач:

1. Чтобы выработать условия и возможности для пробуждения творчества, духовного возрождения (обновления) армии, необходимо **отказаться от существующей системы “вооруженного народа”**, всеобщей воинской обязанности (в мирное время) и в целом от традиции принудительной службы. За два последних столетия данная система, в разных ее видах, не смогла предотвратить ни одной войны; она превратила россиян в пушечное мясо, привела к полному упадку военного дела и, самое страшное, воспитала устойчивое нежелание служить в “такой” армии и самоотверженно защищать Отечество. Все это время честные офицеры, переживающие за судьбу России (Р.Фадеев, М.Меньшиков, А.Геруа, А.Баиов, Е.Месснер, практически все

представители военной эмиграции), указывали на опасный характер системы “вооруженного народа” в российских условиях. Но к их голосу не прислушивались, и он до сих пор не услышан (17). Многострадальный наш народ напрасно пролитой кровью, самоотверженными ополчениями, воинскими подвигами заслужил *добровольное* (по таланту и призванию) осуществление священной обязанности по защите Родины, причем в условиях привлекательной и не унижающей личного достоинства воинской службы. Принцип добровольности создаст предпосылки для служения, подвижнического ратного труда, без чего не преодолеть тяжелые “обстоятельства” и не залечить хронические язвы армии. Он вынудит даже нерешительное правительство **возродить на новой основе старорусскую и петровскую профессиональную армию** как единственное надежное средство защиты Отечества, создать на первом этапе решения этой масштабной исторической задачи **отборную армию** — своеобразную школу воинского духа и военного искусства (как гвардия при Петре), носительницу победоносной традиции, вернейшее средство против дальнейшего разложения вооруженной силы. И как бы мала ни оказалась эта армия, ее значение будет велико. Она станет Символом и Знаменем будущей Российской Вооруженной Силы, ее духовной крепостью:

А. Геруа

“Отбор”, проведенный последовательно, логически (в интересах качества — Сост.), должен привести и к решению вопроса об *“отборных войсках”*, как специальных частях, особо пропитанных традициями, составляющих *“моральный резерв”* всей армии.

Всякая из существующих современных армий, достойная этого имени, имеет в своих рядах некоторое количество частей, проникнутых особым духом самоуважения, основанного на выдающемся историческом прошлом этих воинских соединений. Эти части, сведенные вместе в одну организационную единицу - корпус, армию, отряд, — должны служить гарантией преемственности тех невесомых традиций, которые составляют фундамент всякой армии. *Все равно как будет называться этот “этический резерв” армии: гвардия, отборный легион, особый корпус, — важно одно, чтобы он существовал в общем организме армии в качестве исторического, морального, этического и традиционного резерва всего армейского механизма.* Он во всяком случае не должен быть рассадником для привилегий, но источником особо высоких понятий о воинском долге и его выражении. В соответствии с этим эти отборные войска должны состояться преимущественно из профессионалов и служить как бы практической школой, рассадником для кадров прочих частей армии. Совершенно так, как в каждой отдельной воинской части ее кадр является основой ее самой во всех отношениях, так должен

существовать такой же кадр и для всей армии; и этим кадром будет *корпус отборных войск*.

Сверх этого корпуса должен быть образован особый отборный учебный корпус, составленный из частей всех родов служб и предназначенный для постоянного технического усовершенствования их. Сюда войдут учебные унтер-офицерские части, офицерские школы всех видов и наименований с состоящими при них воинскими частями, испытательные полигоны и пр. Этот корпус должен фактически и на практике обеспечивать: 1) совершенство войсковой техники и 2) единство практической доктрины и общность усилий в этом отношении (18).

Б. Санградский

Ясно, что костяк армии создаст организацию *отбора* воинских сил страны; вот этот-то отбор и должен стать будущей Гвардией. Если раньше Гвардия была отбором сил лучших только в сословно-военном отношении, то теперь, учитывая печальный опыт революции, необходимо Гвардию сделать постоянной военно-политической организацией, своего рода школой Нации, причем она должна пополняться исключительно через индивидуальное привлечение выдающихся культурных и образованных людей <...>

Прежде всего, *Гвардия* — это система отборных учебных частей, готовящих военно-политические кадры армии, охрана стабильности внутреннего положения в стране. Гвардия будет надежной гарантией безопасности национальной государственности России от покушения на нее внутри государства, и можно сказать с уверенностью, что при таком ее положении, когда все ее члены проникнуты сознательным долгом служения нации, способны бороться и пропагандой против ложных учений, вооруженные силы страны будут надежно предохранены от проникновения агитации противника <...>

Состав ее должен быть насыщен сознанием высоких государственных Принципов Гвардии: преданности нации, преданности монархии, воинской чести, дисциплины, благородства и жертвенности интересам нации. Гвардия, являясь носителем национальных идеалов, может получить имя Национальной Гвардии. Она должна иметь свою прессу, свои культурно-воспитательные органы и учреждения.

Национальная гвардия не должна быть замкнутой кастой, а потому ее состав должен все время обновляться привлечением лучших сил из армии.

Разумеется, ничто не мешает учебные части Национальной гвардии называть историческими именами старых гвардейских полков, носителей блистательной славы российской (19).

2. Развитие военного искусства является важным условием укрепления духовной силы армии. Наличие военного искусства позволяет добиваться успеха “почти не сражаясь” (Сунь Цзы), “малыми трудами и малой кровью” (Петр I), моральным превосходством над противником и разрушением его моральных сил в ходе сражения и в период подготовки к нему. Нельзя забывать,

что армия предназначена для достижения Победы, которая уже сама по себе возрождает дух лучше всех воспитателей, вместе взятых.

В этом отношении важна не просто военная победа, а “**моральная победа**”, которая воспитывает дух, воодушевляет войско на новые подвиги, живет и “работает” в веках как источник новых ратных свершений. Таких побед в истории России было немало, и они известны. Но были и поражения, которые становились моральными победами! 19 декабря 1700 г. молодая русская армия была разгромлена под Нарвой. Наши потери составили: свыше 7 тысяч человек и вся артиллерия. Шведы потеряли около 2 тысяч человек. Петр и его сподвижники использовали данную неудачу как стимул, чтобы научить войска воевать осторожно и с расчетом на успех. Результат — взятие Нарвы (1704 г.), победа под Полтавой (1709 г.) и выгодное для России окончание Северной войны (1721 г.). Оценивая позже события под Нарвой, Петр, между прочим, сказал : “Но когда о том подумать, то воистину не гнев Божий, а милость Божию должны мы исповедовать. Ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, бывшим в таком искусстве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую беду после оное счастье нас низринуть могло... Но когда мы сие несчастье (или лучше сказать великое счастье) под Нарвою получили, то неволя леность отогнала и к трудолюбию и к искусству день и ночь прилежать принудила и войну вести уже с опасением и искусством велела” (20).

Более двухсот лет спустя, несмотря на поражение в гражданской войне, моральной победой завершилась борьба белой армии. Борьба, в которой русское офицерство проявило гражданское мужество, выступив против большевистского режима. И в эмиграции русские офицеры до конца выполнили свой долг перед Россией, оставив в наследие потомкам бесценный духовный капитал: осмысленную историю и творческую теорию Русского Военного Дела.

Традицию физических и моральных побед над обстоятельствами, рутинной воинской службы, военным невежеством, над более сильным и технически лучше оснащенным противником следует возрождать, причем делать это в соответствии с **законами военной психологии**.

В этой связи необходимо еще раз напомнить о том, что школа русского военного искусства характеризовалась умелым использованием психологического фактора, а русские военные полководцы были бесподобными психологами и педагогами. Они уме-

ли воспитывать солдат, внушать им непобедимость и уверенность в собственных силах. Все победы, даже в незначительных сражениях, отмечались в соответствующих реляциях, а участники награждались, как правило, от Высочайшего имени. О победах этих говорилось по всей России, им посвящались хвалебные слова, о них вспоминали и ими воспитывали.

В ходе многочисленных войн, прежде всего XVIII века, были выработаны эффективные способы и средства психологического воздействия на противника, своеобразные методы психологической войны (“неправильного военного искусства”). Достаточно напомнить, насколько устрашающе на психику противника действовали стойкость и упорство русских войск (русского солдата), суворовская штыковая наступательная тактика, не признающая отступления и не знавшая поражений, казачьи набеги и партизанские отряды.

В конце XIX — начале XX века русская военная психология серьезно занялась исследованием **“искусства командования”** (управления людьми и массами с учетом психологического фактора), рассматривая его как одно из главных средств повышения эффективности управления войсками и достижения ими военных целей. Новая дисциплина давала военнослужащему - руководителю чрезвычайно полезные практические знания. Он узнавал, например, о том, что войска управляются и воодушевляются не только приказами, указаниями, дисциплиной, но и авторитетом командира, а также общим сознанием принятых обстоятельств перед Царем, Богом, Отечеством, усиленным положительно окрашенными чувствами. Что можно и нужно управлять не только своими войсками, но и прямо воздействовать на неприятельские:

А.Зыков

При столкновении двух армий исход боя определяется всегда тем, которая из сторон поработит себе душу противника, т.е. *победа определяется всегда моральными причинами* <...> Так как победа является результатом морального превосходства к концу сражения победителя над побежденным, то и все искусство боя сводится к тому, чтобы расшатать моральные силы противника. Средством к этому расшатыванию служит угроза смерти, которую несет с собою армия... Боевая аргументация может оказать влияние на поведение неприятельских войск, воздействуя на эти последние через их начальников или воздействуя на них самих непосредственно <...> Главное же основание, которым управляется неприятельское войско, это авторитет начальника над неприятелем. Так, Суворов, требуя от своих войск исполнения назначенного во что бы то ни стало, тем самым подчинял себе и неприятельские войска и внедрял в них идею невозможности противостоять его распоряжениям <...>

Наконец, если войска совершают поступки, невозможные по мнению противника, то победа уже близка для них. В силу этого и создан афоризм: победить - значит удивить <...>

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что управление неприятелем сводится к: 1) разрушению созданного в нем единства идей, для чего: а) отнюдь не усиливать господствующей идеи, поступая соответственно ей, а наоборот, ослабить это господство, группируя события так, чтобы они шли вразрез ей; б) поднять подавленные идеи страдания и смерти и возбуждать страх; в) ослабить идеи, противодействующие страху, как то: честолюбия, веры, родины и т.д. 2) Когда единство разрушено, надо поставить главенство идеи необходимости подчинения и придать этой идее положительный чувственный тон сознанием, что только ею сохраняется жизнь (21).

Нельзя игнорировать морально-психологические аспекты боевой подготовки и ведения войны. Враждебные России силы (внутренние и внешние) в XIX-XX вв. неоднократно предпринимали попытки (в том числе и успешные) для разложения российской армии, лишения ее национального и воинского духа, боевого качества, способности защищать Россию. Необходимо учиться, в том числе и у противника, ведению психологической и информационной войн, использованию принципов устрашения, пропаганды и агитации в собственных интересах. В любом случае такие действия окажутся менее кровавыми, чем традиционные разрушительные войны, ведущиеся к тому же без серьезного идейного обоснования, ясности целей и без специальной подготовки.

Необходимо постоянно помнить, что офицер-командир является главным звеном одушевленной армии, организующим личный состав для выполнения ее боевой функции. Он — главный воспитатель и организатор военного дела в части. Если эта основная роль не выполняется, то армия разлагается, и ей не помогут специально создаваемые отряды комиссаров, политработников, воспитателей, педагогов и психологов. И тогда — посредственность и бесчестие начинают править бал там, где должны господствовать (по И.Ильину) дух чести, служения и верности.

Искусство командования призвано не допустить этого, а также многократно повысить коэффициент полезного действия армейского механизма:

П. Измestъев

Искусство командования с его практической стороны составляет профессиональное искусство. Можно без преувеличения сказать, что не вдумывающийся в него, не изучивший его, является носителем известных внешних отличий, но не более.

Рутине в командовании не может быть места, каково бы ни было служебное положение начальника. В каждом настоящем начальнике должна гореть божественная искорка. Так должно было бы быть, но на самом деле очень немногие способны были к этому нерутинному командованию, уступая место большинству, привыкшему к простому исполнению приказа и только <...>

Люди, не получившие образования, не имеют вполне определившегося духовного "я": рассудок у них не повелевает, или вернее, не способен управлять эмоциями. От них можно требовать мужества, энергию и восприимчивость к внешним импульсам. Для командования нужно нечто более. *Нужна привычка руководствоваться принципами военной науки, так как одной практики мирного времени на войне недостаточно...*

Командование должно быть проникнуто искренностью, лояльностью и серьезной вдумчивостью, так как только при этих условиях оно будет иметь воспитательное значение.

Оставляя в стороне личные интересы, *надо отдаваться целиком долгу*, памятуя только о такой трудной задаче, как подготовка части. Когда эта задача укрепится в душе начальника, у него не явится даже и мысли превратить командование в недостойную комедию, в какой-то парад, имеющий целью самопрославление.

Честолюбие, желание нравиться, угодливость, робость — все это не будет иметь места. Лучшая награда при этом будет сознание исполненного долга, спокойствие совести.

Не гнуть спины, создавать и поддерживать со страстным одушевлением те силы, которые должны защищать родину, воздействовать на свою часть властью обоснованной, справедливой, законной, мудро регламентированной — вот задача командного состава. Понять таким образом свою профессию — значит поддерживать в душе своей священный огонь <...>

Мощь начальника или представителя командного состава слагается из личных его достоинств, а затем из достоинства, мужества, преданности ближайших его сотрудников, наконец, из нравственных качеств солдат и их численности. Все это вместе взятое и создает мощь начальника. Эти слагающие силы надо пробуждать, развивать и концентрировать <...>

Посредственности любят больше бесцветных сотрудников: им нужно, чтобы их окружали люди слабые, не проявляющие самостоятельности. Люди энергичные, люди сильной воли — им не на руку. Люди мужественные и решительные всегда горды, а это для посредственностей также не удобно. Как заводские кони, такие люди готовы на все, но они не любят и не выносят неумелого, грубого дергания поводом. Иметь пылких, гордых, решительных предприимчивых сотрудников, возбуждать в них благородные порывы, но вместе с тем умело руководить ими, — вот задача начальника. Подчиненная начальнику та или другая часть — это орудие его мощи в бою, а чтобы она была им, надо должным образом развивать военные способности в каждой составной ее частице <...>

Армия — это организм, а функция его — война. Для правильного функционирования на войне организм должен быть соответствующим образом подготовлен в мирное время. *Инициатива должна быть в каждом из нас, от высшего руководителя до рядового бойца.* Армия, проникнутая духом инициативы, всегда готова к действию. В такой армии работа будет продуктивна и основана на свободном соревновании людей, стремящихся к одной цели. Все силы каждой отдельной молекулы будут приведены в движение, и горе тому противнику, который будет воспитан на иных началах <...>

Армия не боеспособна, если она не одушевляется и не проникнута во всей своей массе: инициативой, интеллектуальностью, честью, профессиональной гордостью и сознанием долга (22).

3. Важнейшей задачей духовно ориентированной военной реформы является умственное возвышение армии, достигаемое через: правдивое изучение военной истории России; формирование национального военного мировоззрения; познание России и Армии; усвоение духовного наследия предшественников — огромного капитала, который до сих пор не работает на военную реформу; развитие творческой военной мысли; понимание специфики и существа Русского Военного Дела; изучение и творческую переработку лучших достижений мировой военной культуры и, особенно, военного искусства.

Аналитическая деятельность по решению этой задачи становится также важнейшей предпосылкой для успешного проведения военной реформы. Она продуцирует информацию, позволяющую со знанием дела и продуманно принимать решения, не допускать грубых ошибок в военной политике. Малоэффективное использование, а точнее, длительное неиспользование данного фактора приводило не раз к порочному методу проб и ошибок, когда каждое предшествующее поколение открывало “свои” истины, а последующее забывало их, не развивало, по-новому начинало работу на данном направлении, естественно, не имея времени для ее завершения. Такой многозатратный и разновременный характер усвоения той или иной военной истины истощал дух армии, расточал ее нравственную энергию.

Уже после русско-японской войны мыслящим русским офицерам было понятно, что система “вооруженного народа” (кадровая военная система) не просто изжила себя в данном виде, но что она опасна, неудачна и вредна для России, ведет к деморализации и упадку вооруженной силы. И тем не менее эта система существовала, воспроизводилась и защищалась ее сторонниками еще 90 лет; с ней же они хотят войти и в XXI век, чтобы, видимо,

окончательно истощить и обескровить народ. Сколько было нужно провести ненужных и неподготовленных войн, чтобы усвоить петровскую истину: “Надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с Монархией Греческой!” Нужно ли было в 1994-96 гг. вновь возобновлять 400-летнюю войну с Чечней, чтобы опять вернуться к предшествующей ситуации, еще худшей с точки зрения территориальной целостности России? И подтвердить еще раз истину о неэффективности военной политики.

Непоощрение собственной военной мысли, научных поисков, творчества, изгнание и даже уничтожение лучших представителей русской военно-научной школы привели не просто к загниванию военного дела, но и к бездумному (и всегда отстающему) подражанию, механическому заимствованию идей и технологий у иностранных государств. В то же время продуктивные пути улучшения положения дел в армии всегда лежали на поверхности: самопознание и творческая переработка отечественного и западного опыта:

А. Геруа

Наша Японская война и наша русская смута обнажили много язв родной армии. Их нужно лечить, руководясь двумя методами. Основа первого из них — чистый отвлеченный принцип организации современной вооруженной силы, основа второго — быт *русской* армии, ее особенности.

Первый путь познается даже простым и легким приемом заимствования у иностранцев, второй — постигается лишь неблагодарной аналитической работой в области “своего”, “родного”.

Мы, русские, всегда были особенно склонны к первому пути и ленивы идти по второму.

А между тем без согласного, вполне гармоничного, взаимно-корректирующего сочетания обоих методов лечения трудно ждать своего оздоровления (23).

Особенно необходима аналитическая работа для познания и нравственного усвоения поучительной и богатой событиями (примерами) военной истории России, которая до сих пор, в целом, так и остается недоизученной по существу, несмотря на наличие отдельных работ (24). Необходимо помнить, что история не только учит, но и помогает избежать непоправимых ошибок, воспитывает:

М. Галкин

История армии и ее народа, эта сокровищница памятников и пособий, предназначена для воспитания народного самопознания и для образо-

вания народного самосознания — этих краеугольных основ развития и утверждения истинного, а не мнимого военного духа” (25).

Ни одной современной проблемы нельзя решить без детального усвоения и изучения значимого духовного наследия русской армии и флота (теории военного дела в России). В многочисленных книгах, журналах и статьях, архивных источниках содержатся серьезные исследовательские работы по принципиально важной сегодня тематике: “История русской армии”, “Военная доктрина России”, “Какая армия нужна России”, “Русская военно-морская идея”, “Война и мир в истории России”, “Моральный дух армии”, “Офицерский корпус”, “Служба Генерального штаба”, “Стратегия”, “Военное искусство”, “Военная статистика” и другие. В них даются ответы на самые животрепещущие вопросы современности, так как многие военные проблемы остаются с тех пор нерешенными. Заслуживают специального изучения и издания в фундаментальных трудах (серия “Военная мысль в изгнании”) научные достижения русской военной эмиграции. Да и само это уникальное явление должно быть достойно представлено в сознании современного офицера и солдата. Венцом всей этой работы явится квалифицированное и систематическое изучение современных и перспективных проблем армии и флота, войны и мира.

В связи с особой ролью морального духа в военном деле и его запущенностью в российской армии, необходимостью срочного и капитального ее духовного обновления в условиях назревающей военно-информационной революции, требуется постоянная работа особого рода **“мозгового центра”**. Он должен объединить интеллектуальные силы и в кратчайшие сроки обеспечить реализацию программы “Духовное возрождение российской армии и флота”.

4. Необходимо изменить дух военного законодательства, разработать и принять *настоящие* военные законы, то есть не просто регулирующие военную жизнь, но и:

- имеющие “всегда стремление определить выгоднейшие способы устройства и поддержания единства и силы армии, а также выгоднейшие способы боевых ее действий” (26);

- не допускающие разложения духа армии и направленные на “нравственное и физическое усовершенствование вооруженных сил” (27);

- основывающиеся на высших идеалах, положительных обычаях и традициях русской армии, зафиксированные в Кодексе военного поведения как едином морально-правовом акте, обеспе-

чивающим ответственную (эффективную) военную политику и достойную военную службу в интересах России.

- “насаждающие” законность, справедливость и порядок в военной системе.

5. Следует восстановить систему религиозно-нравственного воспитания войск, как традиционную для русской армии, воссоздать в связи с этим институт военного духовенства. Требуется: стремление к превращению армии в божественную силу (инструмент исполнения воли Божьей) и в этой связи совершенствование армейской жизни, духовных качеств личного состава; добровольный отказ от негативных явлений, несовместимых с высоким званием российского воина.

Если армия вдохновляется целью быть инструментом воли Божьей, она стремится быть лучшей, бороться только за правое дело, самоотверженно и эффективно защищать не только территорию, но честь и достоинство России. Оливер Кромвель в свое время на этой основе сплотил и создал непобедимую армию, выработав формулу: божественная сила относится как бесконечность к одному (какая человеческая сила может противостоять божественной?). На этой же основе воспитывал свою армию Суворов, непобедимостью наглядно доказав, что армия, воодушевленная верой в Бога, творит чудеса. Именно на данный элемент мощи обращалось внимание, когда речь шла о “российском христоролюбивом воинстве”, без возрождения которого в современных условиях сложно решить основные задачи военной реформы (28).

6. Воспитание духа как необходимой предпосылки и импульса успешной военной реформы потребует бескомпромиссной борьбы не только с хроническими недостатками военной организации и службы, но и с негативными явлениями (качествами) духовной жизни и человеческой природы, которые накопились за многие десятилетия антивоспитательного и безответственного отношения к военному делу и военному человеку. Предстоит титаническая работа по поднятию престижа и привлекательности воинской службы, по искоренению из армии “традиций”, “методов” и “приемов” уголовно-рабской жизни. Под достойное духовное содержание придется вычистить “авгиевы конюшни”: мразь и грязь неуставных отношений, генеральские скандалы, невежество и непрофессионализм офицеров, измену Отечеству и военному делу, пьянство, разврат, беспринципный (холопский) карьеризм, малодушие, бесчестность, корыстолюбие, паразитизм, безразличие и т.д., — т.е. убрать все то, что нетерпимо в армейской жизни и не соответствует высокому званию воина российской армии. Необ-

ходимо также провести масштабную профилактику и оперативное лечение душевных (психических) расстройств личного состава (стрессов и синдромов), которые все чаще приводят не только к подрыву дисциплины, но и к самоубийствам офицеров и солдат.

Отравленный урожай длительное время разлагаемой армии должен быть собран и уничтожен, почва дезактивирована и подготовлена для посадок культурных ростков новой, духовной военной системы России.

7. Остальные задачи духовно-нравственной военной реформы определяются богатым и разнообразным содержанием проблематики “души армии”, представленной на предшествующих страницах данного выпуска.

Безусловно, требуется:

- изучать и формировать душу армии, развивать в связи с этим практическую военную психологию;

- осуществлять нравственное преобразование военной организации, укреплять морально-психологические основы российской вооруженной силы;

- развивать духовные силы и управлять духом войск; воспитывать личный состав на лучших исторических примерах и военных традициях;

- разрабатывать и воплощать в жизнь этический кодекс поведения военнослужащих(29).

- отбирать и подбирать духовно сильных и нравственно чистых людей, способных осуществить военную реформу.

Создание благоприятных для расцвета Духа объективных условий, подвижническая воспитательная работа военных руководителей и офицеров всех уровней, осмысление военной истории и творческого наследия лучших представителей военного сословия России, углубленное изучение мировой военной культуры и военного искусства, познание государственных и военных сил современной России, борьба с негативными явлениями — все эти целенаправленные усилия несомненно приведут к нерушимому воинскому духу — залог успешной военной реформы, преодолению упадка (кризиса) и к возрождению Российской Вооруженной Силы. Они позволят сформировать душу армии, во всем богатстве ее содержания, высокие духовные качества, которыми всегда славилось русское воинство: сознательный патриотизм, любовь к военному делу, дисциплину, рыцарство, мужество, стойкость, храбрость и другие воинские добродетели, без которых армия не может представлять собой ни живой организм, ни боевую силу, ни инструмент защиты Отечества.

Исторический дух предстоящей военной реформы

Вот уже два века Россия стоит перед нерешенной проблемой военной реформы, которая призвана, как при Петре Великом, создать для страны настоящую армию: духовно сильную, морально стойкую, профессиональную и боевую. Было упущено уже, по крайней мере, несколько возможностей проведения такой военной реформы: после Отечественной войны 1812 г., после Восточной войны 1853-56 гг., после Русско-японской войны 1904-05 гг., в 1917 году, при формировании Вооруженных Сил Советского Союза и в недавнем прошлом, при создании Вооруженных Сил Российской Федерации.

Сегодня Российские Вооруженные Силы могут прийти к последней стадии упадка и разложения, когда совсем исчезнут возможности проведения успешной военной реформы. Пока есть современная материальная база, духовные ценности и позитивные традиции, следует срочно приступать к Делу, помня о том, что военная реформа не состоится без объективного познания и понимания военной действительности, а также если не будет уделено должного внимания воспитанию и развитию воинского духа, усвоению общей военной культуры, если люди, отмеченные талантом, силой воли, горением духа и служением Отечеству, не будут находиться на ключевых позициях борьбы за новую армию.

Нельзя двести лет твердить о том, что военная победа на $\frac{3}{4}$ определяется моральными силами, постоянно находить подтверждения этому тезису в военной истории России... и ничего существенного не делать в этом направлении! Нельзя тратить огромные материальные ресурсы на массовое изготовление танков, самолетов, ракет, кораблей, на организацию и содержание "полчища"... и при этом воспитывать войска в анациональном марксистско-ленинском духе! Нельзя пять лет (1992-1997 гг.) говорить о военной реформе, о кризисе вооруженных сил как предвестнике национальной катастрофы, о необходимости перехода к профессиональной армии... и при этом полностью забывать о духовном возрождении армии, о моральном факторе, о том, что в войсках нет даже элементарного хорошего учебника по "словесности" и "отечествоведению" (общегосударственной подготовке)!

До сих пор нет понимания, что и как необходимо делать в военной сфере. Моральный дух армии, вместо укрепления, разлагается и из него "вымываются" высшие духовные качества. Нет программы духовного возрождения армии. Отсутствует воля

(энергия) к проведению успешной военной реформы. Все это заменяется бесконечными разговорами о военной реформе, ежегодными ее “начинаниями”, поверхностными концепциями военного строительства, кадровыми перестановками и оргштатными мероприятиями.

Вместе с тем, события последнего времени еще раз подтверждают: побеждают армии, национально сплоченные, воодушевленные высокими идеями, религиозно воспитанные, сильные воинским духом. Именно поэтому вооруженное ополчение Чечни смогло два года (1995-1996 гг.) оказывать успешное сопротивление российской армии и заключить в конечном итоге выгодный для себя мир. Силы были несоизмеримы, но моральное превосходство оказалось на чеченской стороне. В это же время и по этой причине, военное движение “Талибан” за короткое время смогло поставить под свой контроль значительную часть территории Афганистана, раздираемого гражданской войной более двадцати лет.

Опасно постоянно полагаться на “географические доспехи”, на количество войск, на народ как пушечное мясо, на техническую оснащенность, на ядерное оружие и т.д., забывая при этом “ассигновать на самое главное, на воспитание души тех, кто стоит у этих пушек, кто водит подводную лодку, кто скрыт за броневыми плитами танков и кто без этого воспитания повернет против них (тех, кто забывает эту простую истину - Сост.) и танки, и пушки, и всю силу оружия” (С.409). Необходимо прежде всего создавать не чудо-оружие, а чудо-богатырей, которые своей грудью, храбростью, искусством и умелым использованием новейшей техники надежно защитят Отечество.

Жизненно необходимо усвоить, наконец, главный завет и боль души старой русской армии: начинать военную реформу необходимо с восстановления преемственности (установления духовной связи с прошлым), с духовно-нравственного возрождения армии, с укрепления воинского духа. (Еще раз: “Какие бы ружья, пушки, корабли мы не имели, но если мы к ним не в состоянии приставить людей с соответственно развитой волей, душой и сердцем, то успеха мы все равно иметь не будем!” (30).

В интересах выживания нации и возвращения России статуса первоклассной мировой державы необходимо не только непрерывно учиться у истории, но и постоянно следовать ее ориентирам, ощущать связь времен. 300 лет назад, примерно на таком же историческом переломе, после смут, разложения армии и последующих попыток улучшить военное дело, Петру I удалось

провести успешную военную реформу, в результате которой: 1) была создана принципиально новая (национальная, регулярная, профессиональная) вооруженная сила; 2) победоносно закончилась Северная война, что позволило создать Российскую империю (новое государство); 3) зародилась новая военная политика, основанная на государственных интересах, серьезном отношении к военному делу и культивировании науки и военного искусства, которые достигли расцвета в царствование Екатерины II.

Сегодня не обойтись без своеобразной “эпохи возрождения”. Успех военной реформы, которую предстоит проводить почти с той же целевой установкой, как при Петре (создание профессиональной армии), **будет гарантирован**, если она осуществится с опорой на духовный капитал, накопленный под воздействием идей и дел великого преобразователя и его последователей. Вдохновляющим фактором могли бы стать не только позитивные содержание военного дела XVIII века (военное искусство + воинский дух), не только нравственное влияние лучших представителей русского военного дела, но и временная аналогия. Новая военная реформа должна проводиться с 1997 по 2021 годы и соответствовать духу и военным усилиям Петра Великого, который, как известно, создавал свою военную систему с 1696 г. (“морским судам быть”) по 1721 г. (время окончания Северной войны и создания Российской Империи).

“Исторический” метод проведения военной реформы позволит опираться на преемственность, духовные связи и патриотические чувства. Он полностью согласуется с необходимостью духовного возрождения армии и флота. Такой подход привлечет внимание к серьезному изучению наследия Петра I, достижений русского военного искусства XVIII века, к критическому осмыслению и творческому использованию военной истории России, к усвоению познавательного и нравственного капитала военной мысли XIX-XX века. При данной парадигме движущей силой предстоящей военной реформы России должен стать идеал духовно сильной профессиональной армии, воссоздаваемой в соответствии с заветами Петра I, Екатерины II, П.Румянцева, А.Суворова, М.Кутузова и других блистательных представителей и организаторов русской военной школы (практической и научной).

Организаторскую мощь Петра Великого можно в определенной степени заменить хорошими военными законами, определяющими основное содержание реформы, и коллективными усилиями людей, по-настоящему заинтересованными в возрождении “души армии” и военного профессионализма, объединенными, в

силу необходимости и сложности предстоящей задачи, в Орден Возрождения, о котором идет речь на страницах данного выпуска.

Военный ренессанс на основе духовного возрождения обеспечит даже и при слабости успешный характер реформы, которая будет осуществляться с использованием лучших достижений отечественной и зарубежной военной культуры, при духовной поддержке наших предков и преимущественно за счет духовных сил и средств: людей нового качества, нравственной энергии, аналитической работы. Духовная сфера потребует усиленного финансирования, но, в сравнении с огромными затратами на содержание устаревшей военной машины, незначительные расходы на “душу армии” будут оправданными и обернутся огромной прибылью: предотвращением войн, восстановлением настоящей армии, военного искусства и воинского духа — источника развития и совершенствования военного дела.

Во главе военной реформы должны стать люди *умные* (культурные, понимающие историю и современную обстановку, не заблуждающиеся), *сердечные* (честные, совестливые, любящие Отчизну и военное дело), *волевые* (способные преодолеть трудности, решить проблемы и создать профессиональную армию).

Вдохновляющим фактором предстоящей работы явятся примеры самоотверженного служения России и Русскому Военному Делу, которые показали нам предшествующие поколения российских офицеров, генералов и адмиралов, в том числе и те, кто на долгие годы оказался на чужбине. Обнадёживает и то, что в среде современного российского офицерства пока есть сильные духом люди, которые, несмотря на объективные трудности и вопреки им, способны служить, гореть и творить. От них, в конечном итоге, зависит успех предстоящей военной реформы. К числу таковых принадлежат и люди, самоотверженно трудившиеся над этой книгой. Особо отметим составителя, подполковника Игоря Владимировича Домнина, чье серьезное освоение духовного наследия эмиграции привело к созданию данного выпуска “Российского военного сборника”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Верховский А. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. - М.: Высший военный редакционный совет, 1922. - С. 34, 36 - 37. (*Верховский Александр Иванович (1886 - 1938), генерал-майор (1917). Первый военный министр Российской республики, провозглашенной А.Керенским 1 сентября 1917 года, комбриг Красной Армии (1936). Репрессирован при сталинском режиме.*)

2. Баиов А. Курс истории Русского Военного Искусства /Российский военный сборник. Выпуск 4. - М.: ГА ВС, 1994. - С. 148 - 149, 153.
3. О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса. Письмо и Записка графа Ф.П.Толстого Императору Николаю I, составлена в 1826 г. /Река Времени (книга истории и культуры). Книга 1. - М.: "Река Времени" - "Эллис Лак", 1995. - С. 40 - 43.
(Толстой Федор Петрович (1783-1873), граф, скульптор, живописец, медальер).
4. Проект о переформировании армии, написанный Львом Николаевичем Толстым в 1855 году /Л.Н.Толстой. Собрание сочинений в 22 Томах. Т.16. - М.: 1983. - С. 399 - 400.
5. О возвышении в войсках личного достоинства начальствующих лиц и офицеров. Всеподданнейшая записка генерал-адъютанта Глинки 2-го, представленная Императору Александру II в июле 1856 года /Столетие военного министерства. 1802 - 1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. 1. - С.-Пб., 1902. - С.52, 67.
6. Записки главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами генерала графа Ридигера, представленные Александру II 4 и 23 июня 1855 года / Там же. - С. 20 - 21, 30-31.
(Ридигер Федор Васильевич (1783-1856), генерал-адъютант, участник всех войн, введшихся Россией в первой половине XIX века).
7. См.: Фадеев Р. Вооруженные Силы России. - М., 1868; Наш военный вопрос: военные и политические статьи. - С.-Пб., 1873.
(Фадеев Ростислав Андреевич (1824 - 1883), генерал-майор, общественный деятель, военный писатель).
8. Резанов А. Армия и толпа. Опыт военной психологии/Офицерская жизнь. - 1910. - № 217. - С. 1739.
(Резанов Александр Семенович (1878-19(?)), военный юрист, психолог).
9. Баланин Д. Наброски из войсковой жизни. Моральный элемент /Разведчик. - 1914. - № 1214. - С. 88.
(Баланин Дмитрий Васильевич (1857 - ?), генерал от инфантерии (1914), участник первой мировой войны).
10. Маслов И. Научные исследования по тактике. Выпуск II. Анализ нравственных сил бойца. - С.-Пб., 1896. - С. 87.
(Маслов Игнатий Петрович (1840 - ?), генерал-лейтенант (1894), участник русско-турецкой 1877-78 гг., русско-японской войны 1904 - 05 гг.).
11. Недзвецкий В. О развитии военного духа у населения иностранных государств Военный сборник. - 1907. - № 2. - С. 293 - 294.
12. Энгельман И.Г. Воспитание современного солдата и матроса. - С.-Пб., 1908. - С. 1, 4, 148.
13. Галкин М. Новый путь современного офицера. - М.,1906. - С.43,140 - 141.
(Галкин Михаил Сергеевич (1866 - ?), генерал-майор (1915), участник первой мировой войны, военный писатель).
14. Цит. по: Российский военный сборник . Выпуск 11. Военно-морская идея России. Духовное наследие Императорского флота. - М.,1997. - С.525, 526, 531, 544.
(Ливен Александр Александрович (1860 - 1914), светлейший князь, вице-адмирал (1912)).
15. Российский военный сборник. Выпуск 4. История Русской Армии. - М.: ГА ВС, 1994. - С. 218, 232 - 233.
16. Залесский П. Грехи старой России и ее армии /Философия войны. - М. 1995. - С.176 - 177: (Библиотека Российского офицера).

(Залесский Павел Иванович (1868-1928 (?), генерал-лейтенант, участник первой мировой войны, затем в военной эмиграции, известный публицист).

17. См.: Российский военный сборник. Выпуск 9. Какая армия нужна России: взгляд из истории. - М.: Военный университет, 1995.

18. Там же. - С.139. Мысль об отборной армии приводится по работе "Полчища", изданной в Софии в 1923 году. Но еще раньше, после русско-японской войны 1904-05 гг., Александр Васильевич Геруа предложил упрочить неустойчивую, склонную к разложению и милиционированию кадровую военную организацию своеобразным "якорем" - возрожденной гвардией петровского типа: "Чтобы изменить такое положение, выход только один - среди современного "штатского" войска кратчайших сроков службы, которые правильнее было бы назвать не сроками службы, а лишь учебными сборами, создать хотя бы один корпус с длинным сроком состояния под знаменами. Естественно, этот корпус - Гвардия. Ее офицеры, где по возможности должно быть много обстрелянных, получая командные должности в армии, и ее солдаты, назначаясь на унтер-офицерские вакансии туда же, могли бы быть проводниками истинно солдатских традиций, в лучшем значении этого слова. Быть может, это единственный способ разрешить и наш больной унтер-офицерский вопрос <...> При этих условиях в рядах гвардии могли бы культивироваться те солдатские идеалы и понятия, которые, к сожалению, начинают забываться среди "вооруженного народа" современности или, точнее, среди "народа, поставленного под ружье". - Геруа А.В. К познанию армии. - С.-Пб., 1907. - С. 50 - 51.

19. Санградский Б.Н. Вооруженные силы и политика /Сигнал. - 1939. - № 49. - С.2.

20. См.: Военная энциклопедия. Т.16. - Петербург, 1914. - С.544.

21. Зыков А. Как и чем управляются люди. Опыт военной психологии. - С.-Пб., 1898. - С.169 - 173, 184, 186, 189 - 190.

(Зыков А.С. (1871-1916), полковник, убит в бою 12 августа 1916 г.).

22. Измestъев П. Очерки по военной психологии /Военное дело. - 1918 - № 28. - С.14-16; № 29. - С.14; 1919. - № 3. - С.126.

(Измestъев Петр Иванович (1873 - 1925), генерал-майор (1915), участник первой мировой войны, военный писатель).

23. Геруа А. К познанию армии. - С-Пб., 1907. - С.1.

24. О попытках решения этой задачи свидетельствуют следующие источники:

* Русская военная сила. Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней. Составлено группою офицеров Генерального штаба в Москве. Издание И.Н.Кушнерева. - М., 1890-92. Выпуск 1 - 11.

* Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до нашего времени. Изд. 2-е. Под ред. Генерального штаба генерал-майора А. Н. Петрова. - М.; 1887. - Т.1-2.

* Столетие военного министерства 1802-1902. - С-Пб., 1902-1908. - Т.1-13.

* Керсновский А. А. История русской армии в 4-х томах. - М.: Голос, 1993 - 1994.

* Военная история Отечества. С древнейших времен до наших дней. В 3-х томах. Под ред. В. А. Золотарева. - М.: Мосгорархив, 1995.

25. Галкин М. Новый путь современного офицера. - С.10.

26. Военные законы. Курс по программе, утвержденной для руководства в военно-учебных заведениях. Составил д.ю.н. наставник-наблюдатель М.М.Михайлов. - С.-Пб., 1861.- С.15.

27. Зайцов. Курс военной администрации. Выпуск I. - М., 1867. - С.268.

28. Данный вопрос подробно освещается в книге: Христоролюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии /Российский военный сборник. Выпуск 12. -

М., 1997. В присланном в редакцию Сборника материале священника Сергея Мельникова прозорливо отмечалось в частности:

“Нравственность в армии вообще занимает не последнее место, а для русской души, лишенной в той же мере организационного начала, каковое представлено у германской нации, нравственности принадлежит преобладающее значение не только как средства воспитания солдатского духа, но и как принципа построения основ воинского дела, имеющего в немалой степени отношение к боеспособности в широком смысле этого слова. Одной, если не главной, причиной гибели русской армии в 1917 году было невнимание к проблеме воспитания воинских чинов, а затем и прямая потеря нравственных ориентиров.

Если правда и справедливость делали русского солдата стойким в битве и выносливым в лишениях и невзгодах военной жизни, то нравственность — эта спутница справедливости и начало истины — наделяла его добродетелью великодушия. Христолюбивому русскому воину были чужды понятия мщения и обиды на своих врагов; не воздавать злом на зло, - следовал он евангельской истине.

Итак, победить силой оружия — несомненно важно. Но победить силою своего духа — это уже христианский подвиг для воинства христолюбивого”.

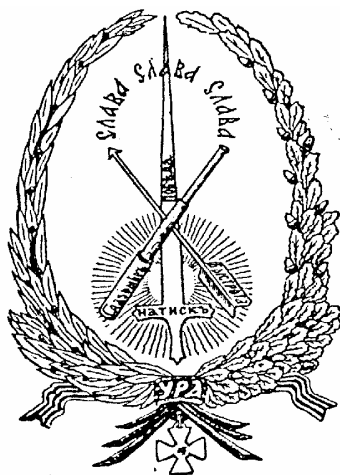
29. Этический кодекс поведения военнослужащих (в том числе и кодекс чести офицера) необходимо разрабатывать, естественно, на основе традиций и духовного богатства русской армии, но и в связи с достижениями западной военной культуры, отраженными в целом ряде специальных работ. См., например: Серринь. Размышления о военном искусстве. Перевод с французского М.П. Каменского. - Ленинград, 1924; Н. Коупленд. Психология и солдат. Перевод с английского А.Т. Сапронова и В. М. Катеринича. Под ред. В.М. Кулиша . - М.: Воениздат, 1960; Офицер Вооруженных сил. Перевод с английского. Под ред. В.Ф. Нэха. - М.: Министерство обороны, США, Информационная служба, 1996 и др.

30. См: О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей /Сост. Ю.А.Глушко, А.А. Колесников. Под ред. В.Н. Лобова. - М.: Воениздат, 1990. - С.100.

Автор-составитель А.Савинкин.

**ДУХОВНЫЕ КАЧЕСТВА
РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА**

СЛОВАРЬ

Сила русской армии прежде всего определялась духовными качествами личного состава. К их числу **Военная энциклопедия** (дореволюционная) относила: патриотизм и религиозность; мужество и храбрость до забвения опасности; воинственность; благородство (рыцарство); дисциплину (подчиненность, исполнительность, сознание своего долга перед престолом, церковью и Отечеством); самоотверженность (самопожертвование); веру в свои силы, в начальников и в свою военную среду (корпорацию); почин, самодеятельность; находчивость и решимость; бодрость; выносливость (труда, лишений и страданий) и другие.

В **Своде военных постановлений** Российской Империи отмечалась несколько иная система добродетелей:

“Общие качества каждого лица, состоящего на службе по военному ведомству, и общие обязанности, которые должны быть всегда зеркалом всех его поступков, суть: 1) здравый рассудок, 2) добрая воля в отправлении порученного, 3) человеколюбие, 4) верность к службе Императорского Величества, 5) усердие к общему добру, 6) радение о должности, 7) честность, бескорыстие и воздержание от взяток, 8) правый и равный суд всякому состоянию, 9) покровительство невинному и оскорбленному...”.

Отдельные военные исследователи обращали внимание на следующие элементы воинского духа: способность преодолевать чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергия, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознания, хладнокровие, душевное равновесие, терпеливость, воодушевление, бодрость, готовность жертвовать собою для общего дела (А.Баиов)(1).

Эти и другие основополагающие качества образно и красиво представлены в следующих письмах **А.В.Суворова**:

“Любезный мой крестник Александр !

Как военный человек, вникай прилежно в сочинения Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера. Будь знающ несколько в богословии, физике и нравственной философии. Читай прилежно Евгения, Тюренна, записки Цезаря, Фридриха II, первые тома истории Ролена и “Мечтания” Графа Сакса. Языки полезны для словесности. Учись понемногу танцам, верховой езде и фехтованию.

Достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала, но оные должны быть руководимы порядком и дисциплиной, управляемы неусыпностью и прозорливостью.

Будь чистосердечен с друзьями, умерен в своих нуждах и бескорыстен в поведении. Являй искреннюю ревность к службе своему Государю, люби истинную славу, отличай любочестие от надменности и гордо-

сти, приучайся сызмальства прощать погрешности других и никогда не прощай их самому себе.

Обучай тщательно своих подчиненных и во всем подавай им пример. Упражняй непрестанно глаз свой — только так станешь великим полководцем. Умей пользоваться положением места. Будь терпелив в трудах военных, не унывай от неудач. Умей предупреждать случайные обстоятельства быстротой. Различай предметы истинные, сомнительные и ложные. Остерегайся безвременной запальчивости. Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благоразумием в своих военных действиях. Неприятеля не презирай, каков бы он ни был. Старайся знать его оружие и способ, как оным действует и сражается; знай, в чем он силен и в чем слаб. Приучай себя к деятельности неутомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу. Счастье покоряй себе быстротою Цезаря, кой и средь бела дня умел своих неприятелей уловлять и окружать и нападал на них когда и где хотел. Не упускай пресекать неприятелям жизненные припасы, а своему войску учишь всегда доставлять пропитания вдоволь. Да возвысит тебя Господь до геройских подвигов знаменитого Карачая! (*франц*).

И.О.Кусису

Получил. Быть может, что обретется в тягость. Для того приобретать **достоинства генеральские**.

1. Добродетель, замыкающаяся в честности, которая одна тверда. Она — в содержании слова, в безлукавствии и осторожности, в безмщении.

2. Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество. Выше всего глазомер, то есть пользование положением места, — трудолюбие, бдение и постижение...

3. Непрестанная та наука из чтений; с начала регулярства — курс Марсов; а для единственных 6-ти ордеров баталии — старинный Вигеций. По Русской войне мало описания, а прежнюю и последнюю Турецкие войны с великим затвержением эволюций. Старинные ж, какие случатся. Монтекукули очень древен и много отмены соображать с нынешними правилами Турецкой войны. Карл Лотарингский, Конде, Тюрен, маршал Де Сакс, Виларс, Катинат, какие есть переводы и також поясняется текущему с французами войною. В ней много хороших правил, особливо к осадам! Стариннейшие ж, возбуждающие к мужеству, суть: Троянская война, комментарии Кесарева и Квинтус Курциус — Александрия. Для возвышения духа старый Ролен...

Дражайший Павел Николаевич!

Посылаю тебе копию с наставления, писанного к одному из моих друзей, кой родился в прошлую кампанию среди знаменитых побед, одержанных его отцом, и при крещении моим именем наречен.

Герой, о котором я говорю, весьма смел без запальчивости; быстр без опрометчивости; деятелен без суетности; подчиняется без низости; начальствует без фанфаронства; побеждает без гордыни; ласков без

коварства; тверд без упрямства; скромн без притворства; основателен без педанства; приятен без легкомыслия; единомравен без примесей; расторопен без лукавства; проникателен без пронырства; искренен без панибратства; приветлив без околичностей; услужлив без корыстолюбия; решителен, убегает неизвестности. Основательное рассуждение предпочитает он остроумию; будучи врагом зависти, ненависти и мщениа, низлагает своих недругов великодушием и владычествует над друзьями своею верностью. Он утомляет свое тело, дабы укрепить его; стыдливость и воздержание — закон его; он живет, как велит религия, его добродетели суть добродетели великих мужей. Исполненный чистосердечия, гнушается он ложью; прямой душою, рушит замыслы двуличных; знаетса он только с добрыми людьми; честь и честность составляют его особенные качества; он любезен командиру своему и всему войску, все ему преданы и исполнены к нему доверенности. В день сражения или похода размеряет он все подлежащее, берет все нужные меры и вручает себя совершенно промыслу Вышнего. Он никогда не отдает себя на волю случая, но, напротив, покоряет себе все обстоятельства по причине прозорливости своей; он во всякий миг неутомим (*франц.*) (2).

* * *

В словаре речь пойдет о положительных свойствах, состояниях и качествах, которые составляют содержание души армии (воинского духа) и возвышают, а не унижают российское воинство. Если следовать завету Александра Васильевича Суворова, то в российской армии не должно быть не только понятий “отступление” и “не могу знать”, но и низменных идей, чувств и поступков, так как они не согласуются с высоким предназначением армии, важностью военного дела и сущностью воинского звания.

Приведенные термины раскрываются на основе словарей русского языка (3) и иллюстрируются отдельными мыслями из богатого духовного военного наследия России. Качественные характеристики, которые они отражают, относятся к собирательному понятию “российское воинство”. Оно включает в свое содержание как военную силу в целом, так и отдельных воинов, обладающих определенными духовными свойствами.

БЕССТРАШЕ — отсутствие страха, робости; храбрость, мужество, решимость, отвага, твердость, смелость, молодечество, удаливость. Неустрашимость создается через нравственное воспитание, боевой опыт, героизм, развитие религиозного чувства, славолубие, честолубие, хладнокровие и другие чувства, а также посредством внушения страха противнику. Бесстрашный воин — идеал бойца в русской армии.”Победу решит военное искусство

во и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита и крепость Отечеству” (Петр Великий).

БЕЗЛУКАВИЕ — неспособность действовать лживо, коварно, злонамеренно, притворно, подло, хитро, двулично, криводушно. “Худой прок службы лукавой” (А.В. Суворов).

БЕСКОРЫСТИЕ — отсутствие корысти, сребролюбия, жадности к имуществу, желания скоплять богатство, приобретать неправо; отсутствие стремления к личной выгоде, к наживе; нежелание пользоваться чем-либо в ущерб, обиду или убыток другим; нежелание наград и “возмездий” за добрые дела.

БЛАГОРАЗУМИЕ — осмотрительность в поступках, обдуманность в действиях; “рассудительность в словах и поступках; житейская мудрость; полезная осторожность и расчетливость” (В. Даль).

БЛАГОРОДСТВО — самоотверженность, безукоризненная честность, высокое достоинство, способность жертвовать личными интересами в пользу других; великодушие, неспособность унижаться и унижать других; стремление действовать в согласии с истиной, честно, открыто, смело. Обращение к офицерам “Ваше благородие” было не просто элементом титулования, но и обязывало к соответствующему поведению. Также и “облагораживание простого солдата всегда вело к серьезному подъему могучести армии” (И. Маслов).

БЛАГОЧЕСТИЕ — истинное богопочитание (набожность, религиозность по настроению и поведению); благоговейное признание божественных истин и исполнение их на деле, стремление соблюсти в военном деле и военном быте законы и заповеди Господни. Благочестие — основное свойство воина христолюбивого, которым всегда был (считался) русский солдат. “Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От него победа. Чудобогатыри! Бог нас водит, он нам генерал” (А.В. Суворов). “Недостаточно быть храбрым, надо еще быть благочестивым” (А. Зыбин).

БОДРОСТЬ — полнота сил, здоровья, энергии; бойкость, живость, бдительность, смелость, мужество, храбрость. Не падать духом, быть бодрым — одно из основных требований к русскому солдату. “Так знает бодрый дух, искусством обладая, в чем храбрость состоит военная прямая” (В. Майков). “Побеждает тот, кто не теряет бодрости духа, кого не страшат бедствия и лишения” (И. Маслов).

ВЕЛИКОДУШИЕ — совокупность высоких душевных качеств и возвышенных чувств; самоотверженность, доброжелательность, снисходительность, милосердие; “свойство переносить кротко все

превратности жизни, прощать все обиды, всегда доброжелательствовать и творить добро” (В. Даль).

ВЕРА (верность) — твердая убежденность в существовании Бога; постоянство в убеждениях, взглядах, доверие в отношениях; неспособность к предательству; преданность. Отсутствие веры приводит не только к поражению войск, но и часто к гибели государств. Солдат русской армии обязан был служить “Верой и Правдой”, “верно и нелицемерно”. А.В. Суворов: “Бог — союзник неизменный”, “Дух укрепляй в вере отеческой православной, безверное войско учить, что железо перегорелое точить...”; “Угождай начальникам верною службою, а не кривою дружбою, не по пословице: куда ветер, туда и петел”; “В малом неверный, и в большом не верен”.

ВОИНСТВЕННОСТЬ — свойство истинного воина, проявляющееся в мужественном характере, склонности к войне и военному делу, постоянной готовности к бою, храбрости, непримиримости и военном духе. “При отсутствии войн укрепление военного духа в армиях становится главной воспитательной задачей мирного времени” (В. Недзвецкий).

Воля — способность властвовать над собой, сознательно и независимо управлять своими поступками и действиями; способность неуклонно добиваться осуществления поставленных перед собой целей и желаний; активная, деятельная сторона душевной жизни человека, проявляющаяся в его преднамеренных действиях; энергия, сила, решимость, самостоятельность. Воля к победе определяется моральным состоянием войск и степенью свободы военнослужащего. “Воспитание важнее образования, потому что военное дело в значительной степени более волевое, чем умовое” (М. Драгомиров). “Воля — фундамент военного человека” (А. Терехов).

Выносливость — способность переносить физические нагрузки и нравственные потрясения, много выносить; терпение, стойкость, закаленность.

ГЕРОИЗМ — способность к совершению подвига мужества, стойкости, самоотвержения; доблестное поведение на военном поприще в борьбе за общие высокие цели. Героические поступки совершаются храбрыми воинами, “чудо-богатырями”. “Подвиг — это не только красота, но и труд, полный лишений, жертвенность и добровольность, сознательность и внутреннее духовное горение” (Е. Новицкий).

Гордость — чувство собственного достоинства, самоуважения (сохранение этого чувства); чувство удовлетворения от сознания

достигнутых успехов; сознание своей силы, значения, превосходства. Истинная гордость не имеет ничего общего с высокомерием, надменностью, пренебрежительным отношением к противнику, другим людям. Гордость служит опорой военного патриотизма и поддерживается славными делами (победами) армии. “Мы русские, с нами Бог!” (А.В. Суворов).

Гуманность (человеколюбие) — чуткое, проникнутое любовью и уважением отношение к человеку, забота о его благе и достоинстве; милосердие к побежденному противнику, соблюдение обычаев и законов войны, норм международного гуманитарного права. Русская армия всегда характеризовалась высшей гуманностью. “Воину надлежит мощь вражескую сокрушать, а не безоружных поражать” (А.В. Суворов).

Дисциплина — выражение военной нравственности, ведущей к Победе и Подвигу; основное требование Долга, заключающееся в отречении от личной и проведении единой (общей) воли, осуществлении единодушия; обязательное для всех подчинение установленному порядку и правилам; знание и постоянное исполнение своих обязанностей. Дисциплина представляет собой краеугольный камень воинского духа. Она складывается из сознательности, добровольности, законности, воинского воспитания, повиновения, субординации и чинопочитания (внешнего проявления дисциплины). Дисциплина предполагает необходимость: любви к Отечеству, инициативы при умении повиноваться, военного товарищества, храбрости, сохранения порученного материального имущества, военного обучения и т.д. В дисциплинарном уставе Императорской армии записано: “Дисциплина состоит в строгом и точном соблюдении правил, предписанных военными законами. Поэтому она обязывает строго соблюдать чинопочитание, точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять поступков и упущений подчиненных без взыскания.” “Дисциплина заключается в том, чтобы вызвать на свет Божий все великое и святое, таящееся в глубине души самого обыкновенного человека” (М. Драгомиров).

Доблесть — высшее свойство души (великодушие); добродетель; готовность преодолеть все препятствия для достижения высокой цели; самоотверженность в деятельности; героизм, мужество, отвага, стойкость, благородство. Заботе о чести и доблести воинского звания уделялось в российской армии особое внимание. “Не ты ли сила душ свободных, о доблесть, дар былых небес, героев мать, вина чудес...” (К. Рылеев). “Основанием успе-

ха при столкновении с неприятелем служит порядок в бою, я называю его лучшим выражением доблести части” (М. Скобелев).

ДОБРОДЕТЕЛЬ — всякое похвальное положительное качество души; высокая нравственность и моральная чистота человека; стремление к добру, радение об общем благе; совершение хороших, добрых, честных и полезных дел; благотворение. Основные воинские добродетели перечислены на страницах данного словаря. “Непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных” (М. Кутузов).

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ — честное и тщательное исполнение своих обязанностей и взятых на себя обязательств; добрая совесть, праводушие, правдивость, богобоязненность, старательность, усердие. Добросовестность — главная обязанность военнослужащего во все времена.

ДОЛГ — душевное состояние и нравственная обязанность военнослужащего перед Богом и Отечеством; честное и неуклонное исполнение обязанностей по защите территории, чести и достоинства России. “Воинский долг заключается в покорности законам, правилам службы (дисциплина), в готовности исполнить принятые на себя обязательства, как бы они тяжелы ни были, и в сознании необходимости отказаться от личных интересов (и даже жизни) ради “долга” по защите Родины” (А. Сурнин). Воинский долг, который формируется нравственным воспитанием, включает в себя “сознание и убежденность в необходимости армии и флота, дисциплину, воинскую честь, благодарность и любовь к начальникам, старшим и равным; храбрость, смелость, отвагу; самоотречение, готовность самопожертвования и, наконец, готовность честно умереть на своем посту” (И. Энгельман).

ДОСТОИНСТВО — уважение к себе; сознание своих человеческих прав, чести, моральной ценности; должное, подобающее, приличное, образцовое поведение. Военнослужащий обязан защищать не только свое личное достоинство, но и достоинство России и ее вооруженных сил. На сохранении и развитии достоинства личности воина держится моральный дух армии, ее творческая сила. “Нигде значение отдельной личности не может быть так велико, как в армии” (А. Деникин).

ДУХ ВОИНСКИЙ — внутреннее состояние, сущность, истинный смысл и характер вооруженной силы как организации людей; сила души армии; союз ума (сознания), сердца (нравственности) и воли (энергии). Дух армии есть состояние психики, сохраняющее свой облик на протяжении веков. “Не развивая духа, сделать солдата легко, сделать настоящего воина — трудно” (Н. Обру-

чев). “Армия должна быть проникнута жизненной энергией и дее-способностью, что составляет воинский дух... Воинский дух состоит из слияния интеллектуальных и моральных стремлений, проявляясь в самостоятельных действиях, в инициативе” (П. Измestьев).

Духовность — психическое, моральное, умственное и энергетическое внутреннее состояние армии, конкретного военнослужащего; способность руководствоваться нематериальными интересами, высшими понятиями и чувствами, проявлять силу духа.

Душа — внутренний психический мир человека, его вечная (бессмертная) субстанция, составляющая сущность его жизни и одаренная разумом, чувствами и волей; духовные качества воина. “Душа человека — высший элемент военного искусства” (Д. Трескин).

Идеализм (идейность) — приверженность к высоким нравственным идеалам и идеям служения, руководящая деятельностью армии и поступками воина; способность (наклонность) бескорыстно служить Отечеству и военному делу; преобладание умственных и нравственных интересов над материальными; стремление развивать и пробуждать в себе духовные силы, сознательно выполнять воинский долг. В России военное служение традиционно было озарено бескорыстным идеализмом, отвержением наемничества, благородством, высокими идеями православной веры, защиты Русской Земли, совершенствования военного дела. “Военная служба преимущественно перед всеми держится на идеализме, совершенно бескорыстном, на поэзии дела, на той священной религии патриотизма, без которого солдат — пушечное мясо...” (М.Меньшиков). “Идеал, как религия, дает цель и смысл службе офицера, показывает направление... Идеал заставляет думать о будущем, о последствиях... Без идеала — нация, армия, корпус офицеров недолговечны” (А. Дмитриевский).

Инициатива (частный почин) — предприимчивость; умение самостоятельно действовать в нужный момент в сложной обстановке в рамках поставленной задачи. Требование инициативы является уставным и предполагает рассуждение. “Армия, проникнутая духом инициативы, всегда готова к действию” (П. Измestьев). “Боевой успех обеспечен только той армии, которая будет проникнута духом инициативы” (А. Баиов).

Интуиция — непосредственное постижение истины; бессознательное чувство, толкающее на правильное поведение; чутье, догадка. Интуиция является важным элементом военного искусства, искусства командования и деятельности полководца.

ИСКРЕННОСТЬ — свойство выражать подлинные мысли и чувства; чистосердечность, непритворство, правдивость, откровенность, прямодушие, нелицемерие, усердие. Искренность — основа доверия между начальниками и подчиненными. Обширная гамма чувств и свойств делает искренность ключевой воинской добродетелью, без которой нельзя добиться успеха в военном деле, правильно оценить обстановку и принять верное решение в бою.

Искусство военное — способность побеждать “почти не сражаясь”: малой кровью, малым трудом, качеством войск, — на основе мастерства, умений, опытности, навыков, творчества, тонкого (и глубокого) знания военного дела. “Военное искусство имеет задачу с возможно меньшею затратою сил, средств и времени достигнуть на войне победы над врагом” (дореволюционная Военная энциклопедия). “Высшая и конечная цель военного воспитания — искусство побеждать неприятеля” (Н. Бутовский).

Исполнительность — способность практически осуществлять и воплощать в жизнь решения; хорошо, скоро, точно, надежно и инициативно выполнять приказы, обязанности и поручения.

Культурность (интеллигентность) — уровень умственного и нравственного развития, образованности офицера и солдата; способность усваивать достижения общей и военной культуры; соответствие требованиям современного военного дела, высшему уровню его развития; стремление к совершенству. Невежество в военном деле недопустимо. Только высокая военная культура позволяет постоянно развивать военное дело и надежно защищать Отечество. “Не о сокращении армии следует говорить, а о ее улучшении, образовании, о ее культурном развитии...” (А. Ритих).

Красноречие — наука и умение говорить и писать красиво, убедительно, увлекательно, ясно и выразительно передавать свои чувства и настроения, свидетельствовать, доказывать и убеждать; ораторский талант. В русской армии военное красноречие всегда являлось элементом военного управления и важнейшим средством воодушевления войск. “Вот четыре нравственных свойства, отличающие Русских воинов: ревность к вере, любовь к Отечеству, преданность к Государям и высокое чувство народного достоинства... Голос военного красноречия всегда потрясал эти струны сердца, которые самую природою были, так сказать, напряжены для ударения... Сии чувствования возбудить

желал Российский Герой Петр Великий перед Полтавским сражением в предводительствуемом от него войске. Он говорил:

“Воины! Се пришел час, который должен решить судьбу Отечества; и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь! Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложно быти вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас; на того единого, яко всеильного во бранех, уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь его недорого; только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ее” (Я.Толмачев) (4).

Любовь к военному делу — сильная (сердечная) привязанность и призывание к военному делу, военной службе, военной профессии, основанные на понимании чувства долга, высокого звания воина, на достоинстве, общих целях и интересах. Любовь и взаимное доверие должны лежать в основе отношений офицера и солдата. “Одно из главных условий могущества армии на войне есть любовь подчиненных к своим начальникам” (Д. Трескин).

Мудрость — высшее знание, основанное на большом уме, дальновидности; глубокое понимание военного дела; результат большого ума, знаний и опыта. “Ратная премудрость, опричь богословия, паче и превыше всех премудростей” (Устав 1647 г.).

Мужество — стойкость в беде, борьбе; присутствие духа в сражении, опасности, несчастья (духовная крепость); спокойная смелость в бою, храбрость, отвага; возмужалость, зрелость. “Мужество на войне абсолютно необходимо, но не меньшее значение оно имеет в мирное время, когда необходимо бескомпромиссно выступить против лжи, рутины военной службы, невежества, недостатков и успокаивающего влияния среды “ (Н. Кладо). “Горе армии, которая не настолько мужественная, чтобы признать свои грехи” (М. Меньшиков).

Настойчивость — стойкость в намерениях, неотступность в требованиях, твердость (упорство) в достижении целей, успеха, значимого результата. Известно, с какой настойчивостью Петр I создавал регулярные армию и флот и добивался победы в Северной войне. Классическим примером настойчивости военных действий является легендарный штурм крепости Измаил войсками А. Суворова в 1790 г. Настойчивыми усилиями армии и народа обеспечены были победы в Отечественных войнах 1812 и 1941-1945 гг.

Находчивость — умение легко выходить из затруднений, отыскивать и обнаруживать пути решения возникающих проблем, не терять присутствия духа.

Неутомимость — незнание усталости, сильная выносливость, упорство, настойчивость, усердие.

Нравственность — высшее чувство, которое побуждает воина к добру, к самоотверженному исполнению воинского и гражданского долга, к победе; соблюдение норм общественного поведения, требований морали; стремление к общей пользе; совокупность душевных психических свойств; моральные качества военнослужащего; поведение, основанное на нормах и обычаях морали. “Влияние на нравственную сторону лиц и частей в военном деле должно стоять на первом плане” (М. Скобелев). “Войска, попадая в руки талантливых начальников, умеющих повлиять на их нравственную сторону, творили поистине чудеса” (В. Недзвецкий).

“Благоустроенное войско составляет защиту государств, ограду священных алтарей и царских престолов; составляет главную силу народа, охраняющую его от внешних врагов и внутреннее благосостояние его утверждающую. Но сия сила страшна для врагов, надежна для правительств и граждан только тогда, когда нравственный дух оживляет воинов и соединяет их чувствованием любви к отечественной стране, к ее вере и законам. Войско, неодушевленное сею нравственною силою, есть слабая опора государств, есть утлая и вместе самая тягостная часть в общественном здании; оно, как видим из истории, лишась сей внутренней жизни, превращается в буйную толпу Преторианцев, Янычар и Стрельцов” (Я.Толмачев).

Осторожность — способность упреждать опасность, оберегаться, беречься, защищаться; отсутствие опрометчивости, осмотрительность, предусмотрительность, предосторожность.

Отвага (отважность) — способность действовать с риском и в условиях опасности; бесстрашие, храбрость, смелость, решимость, предприимчивость; надежда, уверенность в удаче, отсутствие робости, уныния. Русские пословицы отмечают: “Риск — благородное дело”, “Отвага мед пьет и кандалы трет”, “Сробел — пропал”, “К удалому и Бог пристаёт”, “Удалой долго не думает. Отвага — половина спасения”.

Ответственность — возложенное или взятое обязательство отчитаться за свои действия, поступки, за их возможные последствия, результаты деятельности. Ответственность возникает в связи с наделением военнослужащего определенными правами и обязанностями. Она связана с высокоразвитым чувством долга, добросовестностью, с пониманием важности воинской службы.

“Армия ответственна за ведение боевых действий, а не за мотивы и результаты борьбы” (П. Измestьев). “Офицер не должен бояться ответственности, должен любить ответственность” (Е. Месснер). “Тяжелые неожиданности несет за собой война. Страшную ответственность за тысячи жизней. И мне кажется, что армия, в которой начальники с улыбкой встречают и взваливают на себя любую ответственность, - будет непобедима” (А. Свечин).

ПАМЯТЬ — способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, воспроизводить и осмысливать события и явления былого; способность мыслить, рассуждать, отдавать отчет в своих поступках и чувствах; сознание. Память является основой сознательности военнослужащего, преемственного развития военного дела, воспитания патриотизма на традициях славных деяний предков.

ПАТРИОТИЗМ — сознательная и предметная (деятельная) любовь к Отечеству в интересах его улучшения и защиты; готовность к любым жертвам и подвигам во имя Родины; ревнительство о благе Отчизны; верность Отечеству, преданность военному делу. “Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения, а потому не все люди имеют его...” (Н. Карамзин). “Истинному патриоту драгоценна не просто сама “жизнь народа” и не просто “жизнь в довольстве”, но именно жизнь подлинно духовная и духовно-творческая” (И. Ильин). “Дух патриотизма должен лежать в основании и венчать всякую военную систему, в противном случае она не будет иметь никакой цены” (Д. Трескин).

ПОБЕДОНОСНОСТЬ — способность достигать успеха в бою, сражении, войне в целом; добиваться полного поражения противника, обладать непобедимостью и превосходством. Традиция побед является важной основой патриотического воспитания войск, возрождения армии и флота. “Больше побеждают разум и искусство, нежели множество” (Петр Великий). Суворовская наука побеждать: “Глазомер — Быстрота — Натиск; Субординация, Экзерциция, Послушание, Обучение, Дисциплина, Ордер воинский, Чистота, Здоровье, Порядок, Бодрость, Смелость, Храбрость. Ура! — Победа! — Слава, слава, слава!”

ПОВИНОВЕНИЕ — беспрекословное исполнение требований присяги, приказаний и распоряжений; послушание, подчинение. “Вескость повиновения” (А. В. Суворов). “Повиновение законам — есть вещь священная” (П. Пестель). “Повиновение — основа воинской доблести” (В. Даль).

Подвижничество — самоотверженный труд (жизнь как подвиг); самопожертвование в борьбе; осуществление великих (славных) дел на военном поприще. Служение Отечеству в условиях России невозможно без подвижнического, апостольского труда. Это действенный способ возродить российскую вооруженную силу, почти двести лет находящуюся в упадке.

Понимание — способность познать, постичь смысл и сущность военного дела, характер военно-политической и боевой обстановки, принять на этой основе верное решение и добиться его исполнения; быть подготовленным, сведущим, хорошо разбираться в военном деле; “дар уразумения, соображения и заключения” (В. Даль). “Нельзя продуктивно трудиться над внедрением того, сущность чего представляется непостигнутой” (А. Попов).

Порядочность — неспособность на низкие поступки, благородство, честность.

Правдивость — неприятие лжи, стремление к законности, справедливости, порядку, истине, правильному поведению с точки зрения морали; прямотушие. Ложь разлагает армию, как ржавчина, маскирует недостатки, воспитывает безнравственность, плодит ошибки и неверные решения. Поэтому “борьба с ложью, правдивость являются нашей обязанностью” (П. Измestьев). “Правдивый человек не покривит душой” (В. Даль).

Профессионализм — знание своего дела, мастерство и корпоративная солидарность; отношение к военной службе как к роду трудовой деятельности, требующей определенной подготовки и являющейся основным источником существования; специализация. Профессия защитника Родины была традиционной на Руси наряду с земледельцами и купцами. Возрождение военного профессионализма через создание профессиональной армии вот уже два века стоит на повестке дня российской истории. “Школа” данной армии всегда творение специалистов... Но этим роль профессионалов не ограничивается. Хранители самого дорогого — профессиональных заветов и традиций, источника души армии, ее духа, создатели ее знаний и науки, они в то же время являются воспитателями того стоицизма долга, без которого невозможна никакая война или боевое действие” (А. Геруа).

Прозорливость — способность предвидеть будущее, умение предугадывать события, верно соображать и заключать; проницательность. Прозорливость является одним из основных элементов полководческого искусства, искусства командования.

Преданность — постоянство в своих чувствах, привязанностях; любовь к Отечеству; отношение к военному делу и своему

долгу истовое, верное, усердное (всей душой); приверженность и уважение, правдивая, прямая покорность. “Преданность Родине, интересам общего дела — главная задача программы военного воспитания” (М. Драгомиров).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ — переход от одного состояния к другому в порядке последовательности; передача лучших заветов, традиций, достижений и качеств армии прошлого военной системе настоящего и будущего. Для правильного развития армейского организма преемственность имеет принципиальное значение, так как военное дело совершенствуется трудами многих поколений, а “армия живет тысячелетия, не 50, 60 лет, как мы” (М. Драгомиров).

ПРИЗВАНИЕ — природное расположение, склонность, дарование; вера в свое предназначение, внутреннее влечение к военному делу, “влюбленность в военное дело” (А. Керсновский). Исходя из исторического опыта, русские военные мыслители выдвинули задачу о необходимости комплектования армии по призванию, отбору, таланту. “Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбою... На этом зиждется вся доблесть русского солдата” (С. Макаров). “Глубокое сознание долга, сила властности над подчиненными, светлый ум, внушение общего уважения к своей корпорации, бесстрашное презрение к смерти, преданность делу службы, ради службы, бессознательная необходимость, заставляющая подвергать себя разным лишениям и невзгодам ради гордого чувства первенства и власти, любовь к оружию, суровое отношение к себе и другим и строгое, но отеческое, к подчиненным, — вот те признаки, которые изобличают призвание офицера...” (Чарнецкий С.Е.)^{*}.

ПРЯМОДУШИЕ — прямота души, отсутствие лицемерия и коварства; способность действовать по правде и истине, открыто, явно, честно, нелицемерно, твердо, уверенно, без сомнения.

РАССУЖДЕНИЕ (РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ) — способность мыслить, сопоставлять понятия, делать выводы и умозаключения. Способность к рассуждению является основой самостоятельности, сознательности и инициативы. “Дабы офицеры в таковых нужных случаях (не предусмотренных уставом — Сост.) накрепко рассуждение делали, без чего обойтись невозможно для облегчения людям, опасаясь жестокого наказания за нерассуждение” (Петр Великий).

^{*} Чарнецкий Сигизмунд-Август-Александр Емильевич, капитан, составитель книги “История 179-го пехотного Усть-Двинского полка 1711-1811-1911 гг.” - С-Пб, 1911.

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ — готовность своевременно и быстро принимать решения, не колебаться в их исполнении; способность действовать не рассуждая, по вдохновению и наитию, находя при этом правильные решения; твердость, смелость, непоколебимость. “Быстрота и натиск — душа настоящей войны.” (А.В. Суворов). Следует учесть, что данное качество нередко проявлялось в действиях русских полководцев “в увязке” с осторожностью, предусмотрительностью, хитростью и основательностью подготовки к решительным действиям.

РЫЦАРСТВО (РЫЦАРСТВЕННОСТЬ) — самоотверженность, благородство и великодушие в поступках; честное и твердое ратование (заступничество) за святое дело; обладание качествами истинного воина и победителя; воинское мастерство, большое мужество и высокие нравственные достоинства; личное участие в боях и походах, презрение к смерти, защита слабых, личная храбрость; отречение от личного счастья ради общего дела. Идеальное качество воина — быть рыцарем “без страха и упрека”. “Военнослужащий стоит в исключительном положении рыцаря высоких нравственных начал, всегда готового к подвигу самопожертвования” (А. Попов). “Офицерство — рыцарство и до сих пор связано рыцарскими обетами. Но истинный рыцарь должен спросить себя: влечет ли его военное дело? Если нет, то порядочный человек должен уйти из армии” (М.Меньшиков).

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — деятельность по собственному почину, личной инициативе; проявление творчества в военном деле; свобода и независимость в рамках служебной необходимости. Всякая деятельность только тогда плодотворна, если она соединена с самостоятельностью. “Свобода — первый фактор человеческого достоинства, и в пределах дисциплины она вполне применима и в армии. Правильный взгляд на военную службу требует, чтобы офицер с незапятнанным именем мог в своей жизни действовать с такой же смелостью и независимостью, как и всякий другой гражданин” (П. Измestьев). По словам М. Драгомирова, военный служащий, действующий только по приказанию, есть нравственный труп, который пропадает, как только его предоставляют самому себе.

САМОЛЮБИЕ — вера в свои силы и достоинства; любовь и уважение к себе как к значимой личности, способной внести существенный вклад в развитие военного дела, в достижение успеха на войне. Истинное самолюбие (не путать с себялюбием, эгоизмом — !) является источником воинских доблестей. Развитие самолюбия воина предполагает гуманное отношение к подчиненному и ува-

жение в нем личного достоинства. Люди, сознающие свое личное достоинство, создают такое “самолюбивое сообщество” как государство и армия. “Чем выше ценит себя воин, чем более в нем внутреннего достоинства, тем безукоризненнее исполняет он свои обязанности” (И. Маслов).

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ — готовность жертвовать собой во имя общего блага; способность жить для других, поборов в себе личные интересы и все мирские страсти. “Победи себя и будешь непобедим” (А.В. Суворов). “Самоотвержение стоит выше всего. Оно освещает повиновение, оно злейшее иго делает благим, тягчайшее бремя легким; оно дает силу претерпеть до конца, принести Родине жертву высокой любви по тому великому завету, в силу которого нельзя любить больше того, кто душу свою полагает за други своя” (М. Драгомиров).

СИЛА — совокупность физической, духовной и умственной энергии человека, необходимой для совершения действия или поступка; источник, начало, основная причина всякого действия; способность человека к духовной деятельности, к проявлению своих умственных и душевных свойств (воли, ума, характера); твердость духа; могущество, власть, авторитет; вооруженная организация людей, предназначенная для защиты Отечества; множество.”Из всех государственных сил первое место занимает войско” (Б. Чичерин). “Сила армий не в количестве войск, а в качестве их руководителей” (А. Резанов).

СЛАВОЛЮБИЕ — почетная известность (общественное мнение), похвальная молва как признание заслуг, таланта, доблести. Славолюбие, ориентируясь на вечность, позволяет жить духовно. Стремление обеспечить уважение извне к своей личности — движущая сила воинских добродетелей и высоких подвигов. “Что поле без солнца, то дух без похвалы”; “Во языцех оружие Российскому вековечная слава!” (А.В. Суворов).

СЛУЖЕНИЕ — самоотверженное занятие полезным для общества делом; искренняя жажда дела; служба не по найму, не по повинности (обязанности), а по долгу и совести. При таком отношении военное дело становится призванием, а войско — громадным военным монастырем, “где кристаллизуется алмаз высших военных доблестей” (А. Попов).

СМЕЛОСТЬ — выражение отваги, бесстрашия, храбрости; решимость к преодолению препятствий. “Смелость (отвага) города берет”, “Смелость силе (на силу) воевода”, “Смелый приступ не хуже (половина) победы”, — гласят русские пословицы.

СОВЕРШЕНСТВО (отличность) — полнота всех достоинств; высшая степень качеств; превосходство, безукоризненность, отличность, мастерство. Стремление к совершенству — необходимое условие существования армии, залог ее победоносности. “Во всяком ином деле можно быть хорошим или посредственным, в военном же, должно быть безусловно отличным” (М. Жуков)^{*}

СОВЕСТЬ (совестливость) — внутреннее сознание добра и зла; “тайник души”, в котором отзывается одобрение или осуждение какого-либо поступка; чувство, побуждающее к добру, истине, отвращающее от лжи и зла; сознание моральной ответственности за поведение перед собой и обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения; честность, добросовестность. Совесть — важный регулятор поведения воина, обязанного служить не за страх, а за совесть. “Чтобы выработать в человеке прочное сознание долга, надо пробудить в нем совесть” (Ф. Гершельман).

СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ — способность правильно понимать и оценивать обстановку; убежденность в истине и правильное ее понимание; обладание сознанием и разумом; принципиальность; чувство долга; “верный взгляд военный” (А. В. Суворов).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ — способность действовать беспристрастно, в соответствии с моральными нормами, истиной и требованиями законов; законность, правильность, верность. Борьба за справедливое, правое дело придает войску дух и мужество. “Стремление справедливости” (А.В. Суворов).

СТОЙКОСТЬ — непоколебимость, упорство, твердость в словах, убеждениях и на деле; прочность, устойчивость, неспособность к разложению; готовность не отступать перед трудностями, длительное сохранение приобретенных свойств. Стойкость русских войск отмечалась во многих войнах и сражениях. Фридрих II говорил о русском солдате, что его недостаточно убить, чтобы сломить сопротивление, а надо еще и повалить.

СЧАСТЬЕ — судьба, участь, доля, состояние полной удовлетворенности жизнью; чувство высшего довольства, радости; благополучие, благоденствие, жизнь без горя, смут и тревоги; успех, стремление к успеху, непобедимость. “Всякое призвание, хорошо выполненное, дает счастье. Петр Великий первый добился того, чтобы Россия, наконец, имела счастливую армию, бесстрашие которой подтвердилось заслуженной гордостью” (М. Меншиков). “Главный долг военачальника — дать счастье своим солдатам” (А. Свечин).

^{*} Жуков Матвей Иванович, командир Рижского губернского батальона в 1883-1886 гг.

ТОВАРИЩЕСТВО (братство, корпорация) — родственное по духу, глубоко дружественное содружество (единение) военнослужащих на основе ратного труда, чувства общности, взаимного доверия и уважения, взаимовыручки, солидарности и единодушия. Военное братство поддерживается верой в Отечество, величием духа, сознанием чести и славы оружия, правым делом и его успешным осуществлением, непобедимостью (успехом). “Сам погибай, а товарища выручай” (А.В. Суворов). “Товарищество — одна из форм военного духа... Дружная работа порождает солидарность, без которой невозможно продуктивное служение общему делу. Товарищество должно царить в армии” (П. Измьестьев). “Военное сословие - меч и щит России” (М. Меньшиков).

ТРАДИЦИИ — исторически сложившиеся (устойчивые) и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы; предания о боевых подвигах и победах армии (частей); все существенное, сохраняющееся из поколения в поколение; духовная связь с прошлым; остатки духа и характера собственных предков. “Традиция состоит из обычаев, взглядов, способность рассуждать и действовать, перенятого из времен славных подвигов собственных предков” (А. Ливен). “Традиции воинской чести, доблести и славы подвига играют в поддержании духа армии колоссальную роль” (Н. Краинский). “Именно в связи с своею обращенностью к прошлому армия более обращена к реальному будущему... В силу своей консервативности армия истинно прогрессивна” (М. Меньшиков).

ТРУДОЛЮБИЕ — любовь к воинскому труду, усердие в службе; напряжение умственных и физических сил в интересах совершенствования военного дела; отвращение к праздности и лени. “Вашего Императорского Величества победительные войска прилежанием и трудолюбием генералов весьма исправны к дневным, как ночным баталиям и штурмам и готовы к увенчанию себя новыми лаврами” (А.В. Суворов — Екатерине II).

Ум (разум) — способность человека мыслить и верно отражать (познавать) действительность в представлениях, понятиях, суждениях и заключениях; сознание, здравый смысл, способность оценивать обстановку и взвешивать обстоятельства, руководствоваться этим в своем поведении. “Ум и разум являются могучими орудиями боевой силы... Военное искусство совершенно не свойственно народам диким, мало развитым в умственном отношении” (И. Маслов). “Ныне воюют не столько оружием, сколько умом... Слава военная и сила наши не пошли нам впрок, именно

по узости мысли” (Ф. Достоевский). “Без головы — не ратник” (русская пословица).

ХРАБРОСТЬ — мужество и решительность в поступках, умение преодолевать страх; смелость и отвага; дерзание, стремление к новому; доблесть. На медали за взятие Измаила в 1790 году стояла надпись : “За отменную храбрость”. “Труса лечи опасностью; где страшно вдвоем, туда пошли одного, - вдвоем потом веселее будет; где страшно с оружием, пошли сперва без оружия.” “Где меньше войска, тем больше храбрость” (А.В. Суворов).

ХАРАКТЕР — совокупность основных психических свойств и особенностей человека, “свойств души и сердца” (В. Даль); направленность личности воина; твердость, сила воли, упорство в достижении цели. Военный характер необходимо воспитывать.

ЧЕСТЬ — “внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть” (В. Даль); совокупность высших морально-этических принципов личности; почет, уважение. “Честь — выше всего; она сущность духовного организма армии “ (П. Измestьев). “Отдание чести повоенному есть не игрушка и не потеха мелочного чьего-либо любочестия, но внешнее выражение того, что люди принадлежат к великому товариществу, назначение коего — полагать душу свою за други своя” (М. Драгомиров). “Высокое призвание армии требует особых забот об ограждении чести ее. В ней могут быть, как и везде, люди разных способностей, — но бесчестные, загрязненные нравственно нетерпимы” (А. Незнамов).

ЧЕСТОЛЮБИЕ — искательство внешней чести, уважения, почета, почестей; страсть к чинам, отличиям, наградам, славе. “Доблестное честолюбие” является движущей силой развития армии и ее непобедимости в боях. Петр I, Екатерина II, все русские полководцы ставили честолюбие на первое место среди нравственных побуждений. “Честолюбие играет видное значение на войне, когда каждый рассчитывает, что поступок его будет замечен...” (А.Зыков).

ЧЕСТНОСТЬ (правдивость) — неспособность к лжи, бесчестным поступкам. Честность свойственна тому, “в ком есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда” (В. Даль). “И малая правда до конца светит, и великие дела криводушных не догорая гаснут” (А.В. Суворов).

ЧИСТОСЕРДЕЧНОСТЬ — открытость, искренность, откровенность, простодушие, доброжелательность, щедрость, прямодушие, а не криводушие. “От чиста сердца чисто зрят очи” (русская пословица).

ЭНЕРГИЯ (энергичность) — способность производить работу или быть источником силы; способность активно действовать, трудиться с полным применением сил; постоянство, твердость, стойкость, выдержка, неутомимость, яростливость. Военный человек — это человек действия, энергии, силы воли, неистовой силы, рвения. “Военная энергия представляет совокупность следующих душевных сил, которые могут входить в ее состав в различной степени и пропорции: мужество, непреклонная воля к победе, самоуверенность, решительность, смелость, находчивость, предприимчивость, дух почина, настойчивость, упорство, самообладание (спокойствие), способность увлекать других и прочие. Военная энергия обыкновенную энергию (настойчивость, силу воли) охватывает как одно из своих частных свойств. Просто “энергичный” человек может под влиянием опасности оплошать настолько, что не в состоянии будет приложить свою энергию, если он не обладает в то же время и мужеством” (В.Флуг).

Система качеств, представленная в данном словаре, может послужить критерием отбора личного состава в новую (качественную) армию России.

1. См. также. - С. 509 - 510.

2. Суворов А.В. Письма. Издание подготовил В.С. Лопатин. — М.: Наука, 1986. - С.254-260. См. также: Дух великого Суворова или анекдоты подлинные о Князе Италийском Графе Александре Васильевиче Суворове Рымникском. Изображающие в себе отличные его деяния, великодушные и добродетельные поступки, остроумные ответы, великие предприятия и важные примеры в лучших чертах его жизни, которые приносят честь геройству, решительности и военным деяниям, его украшавшим. С приобщением: описания его портрета, характера, краткой истории о рождении, свойствах, походах, сражениях по самую кончину и всех достопамятных и любопытных происшествий, в течение его домашней и военной жизни случившихся. С присовокуплением: Бессмертного его сочинения Тактики или Науки искусно побеждать и переписки Суворова с разными знаменитыми особами. - С.-Пб., 1808.

3. Словарь современного русского языка. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР. Т. 1-17. 1948 - 1965; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: ТЕРРА, 1995; Словарь русского языка. В 4-х т. /АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд. - М.: Рус. яз., 1981-1984. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред.Н.Ю. Шведовой - 21-ое изд., перераб. и доп. - М.: Рус.яз., 1980.

4. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности. С присовокуплением примеров в разных родах оного. Сочинение ординарного профессора Императорского Санкт-Петербургского Университета Якова Толмачева.- С.-Пб, 1825. Часть 2-я.

Составил А.Савинкин